АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

1 (92)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1966

Редакционная коллегия, редакция и авторы
«Вестника древней истории»
этот номер журнала посвящают светлой памяти
Василия Васильевича Струве

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1937 г.

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Подписано к печати 24/II 1966 г. Тираж 2525 экз. Зак. 3205
Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Печ. л. 17,5+5 вклеек Бум. л. 6¹/₄ Уч.-изд. листов 20,2

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СТРУВЕ
(1889—1965)

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СТРУВЕ

(3.II.1889—15.IX.1965)

СОВЕТСКАЯ историческая наука понесла тяжелую утрату. 15 сентября 1965 г. скончался крупнейший востоковед и историк древнего мира академик Василий Васильевич Струве.

Трудно поверить, что нет с нами больше Василия Васильевича, отдавшего всю свою сознательную жизнь любимой науке — истории древности, человека, в котором мы привыкли видеть признанного главу советской школы востоковедов — историкоз древнего мира.

Василий Васильевич как историк вырос и сложился еще в дореволюционную эпоху. Он был истинным преемником и носителем лучших традиций русского востоковедения, представлял собой тип ученого широкого диапазона. Начав с египтологии, Василий Васильевич изучил клинопись, знал древнееврейский, персидский язык Ахеменидского периода. Все источники древнего Востока были доступны ему в подлиннике, он был действительно историком и лингвистом в самом широком для изучавшегося им времени всемирном масштабе. Таких историков среди нас больше нет.

Именно широта кругозора, большой охват истории многих стран древнего мира позволили Василию Васильевичу дать в своих трудах всеобъемлющую картину развития исторического процесса в государствах древнего Востока.

Нам больно сознавать, что далеко не все творческие замыслы выдающегося ученого были полностью завершены. Обработка огромного материала, собранного им на протяжении долгих лет, не была доведена до конца и не все сделанные им выводы и наблюдения были опубликованы.

Однако перечитывая многочисленные работы, выпущенные Василием Васильевичем на протяжении более половины столетия, начиная от общих трудов и монографий и кончая небольшими по объему статьями, рецензиями и заметками, мы все яснее видим, сколь огромен и неповторим был его вклад в сокровищницу нашей науки. Самая яркая и характерная черта научного творчества Василия Васильевича — его исключительная многогранность, разнообразие интересовавших его вопросов, которые охватывали самые различные стороны жизни и деятельности древних народов. В основе исследований Василия Васильевича лежат памятники письменности, которые он умел анализировать с исключительной тщательностью, терпеливо прослеживая малозаметные детали, помогающие в конечном счете обосновать важные и ответственные выводы. Трудно сказать, был ли он в бо́льшей мере историком или филологом. В его исследовательской работе исчезал разрыв между этими науками. От анализа грамматических форм и литературного стиля он переходил

к освещению социально-экономической специфики событий и фактов, упомянутых в первоисточниках, учитывая каждый намек, каждый штрих, характеризующий ту или иную сторону исторического процесса.

Не будучи специалистом по археологии и искусствоведению, он тем не менее внимательно следил за результатами раскопок и образцово публиковал не только тексты, но и художественные памятники древнего Востока, отдавая предпочтение тем из них, которые были снабжены надписями.

Наиболее ранние работы Василия Васильевича посвящены Египту и притом не только времени фараонов, но также эллинистического периода [1].

Однако уже на этом раннем этапе научной деятельности пытливый исследователь не может ограничиться узкими географическими рамками и стремится связать прошлое долины Нила с историей других восточных стран. В небольшой по объему статье «Сенаар и Египет» [2] им ставится во всей широте вопрос о сходных чертах египетской и шумеро-аккадской культур. В то же время Василий Васильевич стремился выявить исторические корни библейской легенды о пребывании Израиля в Египте [3]. Для этого понадобилось учесть целый ряд косвенных намеков в египетских документах (ибо прямых указаний о приходе израильтян в Египет в них не имеется). Эти данные Василий Васильевич сопоставил с выводами библейской критики и привлек также некоторые моменты позднейшей традиции, сохраненной Манефоном.

В последующие годы Василий Васильевич переходит от повествовательных частей труда Манефона к его хронологической схеме. Это исследование легло в основу его докторской диссертации. Задача, поставленная в ней, была исключительно трудной. Датировки, собранные и подытоженные египетским жрецом, дошли до нас в позднейших выдержках, искаженных переписчиками. Второй томос труда Манефона Василий Васильевич даже назвал многострадальным. И тем не менее, выявляя отдельные ошибки в этом ценном источнике (в которых часто сам автор был неповинен), Василий Васильевич доказал правильность его основной схемы. При этом неизбежно подверглись пересмотру многие проблематичные подсчеты Эд. Мейера, который недооценивал Манефона [4].

Начало 30-х годов было временем напряженных творческих исканий, пересмотра методологии старой исторической науки. В эти годы центр тяжести исследовательской работы Василия Васильевича переносится в сферу социально-экономических отношений в странах древнего Востока. Он стремится проследить роль рабовладения и удельный вес рабского труда в различных географических зонах Востока и на разных этапах его истории. В 1933 г. Василий Васильевич впервые сформулировал положение о рабовладельческом характере древневосточных обществ. Обсуждение этого тезиса не обошлось без ожесточенной полемики главным образом со сторонниками извечности феодальной формации. В результате дискуссии на научных конференциях Василий Васильевич, проверяя и углубляя свои изыскания, твердо отстаивая свои основные принципы, нередко изменял и уточнял некоторые формулировки. И сейчас, по мере

---

[1] См. особенно В. В. Струве, Право владения землями пахотной и виноградной в Птолемеевском Египте, ЖМНП, новая серия, 1915, ч. 55, отд. класс. филологии, стр. 1—64.

[2] ИРАИМК, I, 1921, стр. 251—256.

[3] В. В. Струве, Израиль в Египте, Пг., 1920 и др.

[4] В. В. Струве, Манефон и его время, ЗКВ, III—IV, 1928—1930; он же, Подлинный Манефоновский список царей Египта и хронология Нового царства, ВДИ, 1946, № 4, стр. 9—25 и др.

вовлечения в научный оборот все новых и новых материалов, отдельные тезисы, выдвинутые в свое время Василием Васильевичем, отпадают или видоизменяются, но основное положение о рабовладельческом характере древневосточных обществ получает все больше подтверждений. Основываясь на марксистско-ленинском учении о закономерности смены социально-экономических формаций и на глубоком анализе источников, Василий Васильевич показал, что и для истории древнего Востока справедливы слова В. И. Ленина: «...Вначале мы имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем — общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое» [5].

Возможность существования где-либо феодальной формации до рабовладельческой Василий Васильевич считал исключенной. Что касается так называемого «азиатского» общества, то Василий Васильевич в своих последних исследованиях признавал его локальным вариантом рабовладельческого строя, обусловленным специфическими условиями хозяйства в искусственно орошаемых речных долинах. Однако он отказывался квалифицировать азиатский способ производства как универсальную стадию в процессе исторического развития человечества. Следует при этом напомнить, что Василий Васильевич никогда не отрицал наличия эксплуатации свободного труда в рабовладельческом обществе (повинности общинников, наемный труд, отработки должников и т. д.). Вопрос о количественном соотношении свободного и рабского труда в том или ином месте и в то или иное время, конечно, определить нелегко. Вероятно, еще не раз будут возникать по этому вопросу споры. Однако веские соображения Василия Васильевича относительно постепенного усиления рабовладения и о всеобщем кризисе рабовладельческой формации как в Европе, так и на Востоке в первые века н. э. остаются непоколебленными [6].

Изучение роли и масштабов рабства на Востоке побудило Василия Васильевича перейти в значительной мере от анализа египетских материалов к первоисточникам древнего Двуречья (особенно Шумера), более обильным и содержащим больше данных относительно экономики.

Однако для использования документов хозяйственной отчетности древнего Двуречья необходимо было в совершенстве овладеть шумерским языком с его еще недостаточно изученной грамматикой и чудовищной полифонией древнейших клинописных знаков. Василий Васильевич не хотел и не мог идти по проторенному пути. Он считал своим долгом проверять все гипотезы предшествующих шумерологов. Особенное значение имеет его толкование глагольных префиксов «*му*» и «*е*» [7].

Совершенно оригинальным также является проведенное Василием Васильевичем различие между слогом «*га*» и однозвучным словом. Это обманчивое сходство запутало некоторых исследователей и приводило к ошибкам в переводах. Василию Васильевичу удалось разрубить этот гордиев узел [8].

В последние два десятилетия своей научной деятельности Василий Васильевич, не оставляя египтологических и шумерологических штудий, в значительной мере перешел к иранской тематике и притом наряду

---

[5] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 70.

[6] В. В. Струве, Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма, ВИ, 1956, № 9, стр. 186—191.

[7] В. В. Струве, Значение двух основных глагольных префиксов в шумерийском языке, «Научная сессия Ленинградского гос. ун-та 1954—1955 гг., Тезисы докладов по секции востоковедческих наук», стр. 25—26.

[8] В. В. Струве, Термин gana-ga и проблема зарождения частного землевладения в Шумере, ВДИ, 1959, № 2, стр. 3—20; № 3, стр. 53—74.

преки распространенной теории К. Зете, поддержанной Д. Г. Брестедом и рядом других египтологов, Василий Васильевич предложил простую и ясную схему, без искусственных усложнений и натяжек. Эта работа прошла почти незамеченной. Однако двадцать лет спустя американский исследователь Уинлок пришел в основном к тем же выводам, что и Василий Васильевич [16].

Много споров вызвали в свое время работы Василия Васильевича посвященные пребыванию Израиля в Египте. Тем более показательно, что в настоящее время гебраист И. Ш. Шифман пришел по этому вопросу к сходным выводам [17]. Еще более показателен спор о социальной природе *гуруш* в период III династии Ура (XXII—XXI вв. до н. э.). Акад. А. И. Тюменев, который сначала возражал против трактовки этого вопроса, предложенной Василием Васильевичем, признал в конце концов его правоту и положил его концепцию в основу соответствующей главы своей монографии [18].

Над шумерскими источниками Василий Васильевич работал и в последние годы жизни. Он пополнял свою огромную картотеку шумерских имен и успешно продолжал многолетние исследования, посвященные сложнейшим взаимоотношениям, сложившимся в государстве Лагаш.

Огромный список трудов академика В. В. Струве свидетельствует о том, что вся его жизнь была посвящена труду исследователя. И несмотря на это, он не оставлял педагогической деятельности: лекции и семинары в высших учебных заведениях, руководство аспирантами, постоянные консультации и помощь научным сотрудникам Академии. Египтологи и ассириологи, целая плеяда востоковедов разных возрастов — настоящая школа, которую оставил Василий Васильевич. Все, кто у него учился, никогда не забудут того внимания, той человечной заботы и самоотдачи большого ученого, которыми он щедро одарял своих учеников.

До последних дней, несмотря на тяжелую болезнь, приковывавшую его к постели, Василий Васильевич не прерывал своей напряженной творческой работы, продолжал интересоваться всеми проблемами, возникающими в различных сферах науки, и внимательно следил за исследовательской работой своих прежних и новых учеников, давая им ценные советы и указания. Еще 5 сентября 1965 г. Василий Васильевич провел заседание кафедры, где читал написанный им отзыв о диссертации В. К. Афанасьевой.

Василий Васильевич никогда не был кабинетным ученым. Он умело сочетал научную работу с преподавательской и организационной деятельностью. С 1935 по 1950 г. он был директором Института этнографии и Института востоковедения АН СССР, а в дальнейшем заведовал созданным им Отделом древнего Востока в Институте народов Азии. Василий Васильевич возглавлял кафедру истории древнего Востока в Ленинградском университете, входил в главные редакции «Советской исторической энциклопедии» и «Всемирной истории», для I тома которой им был написан ряд основных глав. Он был одним из основателей и бессменным членом редколлегии «Вестника древней истории», а в последнее время — главным редактором журнала. Василий Васильевич был членом Пражского Восточного института.

---

[16] H. E. Winlock, Excavations at Deir-el-Bahri, 1911—1931, N. Y., 1942.

[17] И. Ш. Шифман, К вопросу о структуре и времени возникновения Пятикнижия (печатается в сб. «Вопросы научного атеизма»).

[18] А. И. Тюменев, Государственное хозяйство древнего Шумера, М., 1956, стр. 268, прим. 2.

Василий Васильевич был горячим патриотом. Всю жизнь он вел большую общественную работу, при огромной загруженности исследовательским и преподавательским трудом всегда находил время для выступлений на собраниях и в печати в качестве агитатора и пропагандиста. Со всей непримиримостью Василий Васильевич выступал против человеконенавистнических расистских теорий, против угрозы атомной войны, против антинаучных концепций происхождения человечества [19]. В течение ряда лет Василий Васильевич избирался депутатом Ленинградского городского совета трудящихся.

Советское правительство высоко оценило самоотверженную работу Василия Васильевича, наградив его орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

В своих отношениях с бесчисленными учениками, с сотрудниками, со всеми людьми, с которыми ему приходилось соприкасаться в жизни, Василий Васильевич проявлял неизменно доброжелательность и гуманность, принципиально и сурово порицал всякое проявление высокомерия и зазнайства. Среди коллег и учеников он пользовался не только заслуженным авторитетом и уважением но и настоящей любовью. Тем острее скорбь, тем глубже чувство большой невосполнимой потери, которую сейчас переживаем все мы, знавшие и любившие Василия Васильевича как ученого, учителя, человека.

[19] В критическом выступлении совместно с Б. Ф. Поршневым против некоторых концепций в «Historia Mundi» в 1955 г.

И. М. Дьяконов

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ШУМЕРСКОМ И ВАВИЛОНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

(120 пословиц и поговорок)

Можно назвать лишь весьма ограниченное число работ, написанных с историко-материалистических позиций, которые прямо или косвенно посвящены изучению отражения социальных отношений в общественном сознании, в мировоззрении различных групп шумерского, вавилонского и ассирийского общества [1].

И в этой области, как и в столь многих других, первые шаги были сделаны академиком В. В. Струве [2]. Уже в своей классической работе, положившей основание всему развитию советской науки о древнем Востоке на целые десятилетия — «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока»,— наряду с документальным материалом был использован также материал литературный и фольклорный (пословицы) [3].

Поговорки и пословицы, дошедшие во множестве от всех периодов истории древнего Двуречья, представляют особенно интересный материал для изучения того, как отражались социальные условия в сознании людей. Само собой разумеется, что этот фольклорный материал, прежде чем войти в сборники поговорок, составлявшиеся шумерскими и аккадскими писцами, подвергся известному отбору и редактированию. Однако можно *a priori* предположить, что в эти сборники должен был попасть и материал, который, по крайней мере при своем создании, отражал критическое отношение к существовавшим социальным условиям,— хотя бы уже потому, что по самому своему характеру пословицы и поговорки допускают употребление в переносном смысле, и поэтому могут переживать создавшую их общественную обстановку. При этом следует учесть сложность перипетий социальной борьбы, отражавшихся, между прочим,

---

[1] Можно указать лишь на следующие работы: В. В. Струве, Диалог господина и раба «о смысле жизни», сб. «Религия и общество», Л., 1926; А. И. Тюменев, О предназначении людей по мифам древнего Двуречья, ВДИ, 1948, № 4, стр. 14 сл.; Я. М. Магазинер, Основные черты старовавилонского права как права рабовладельческого общества, «Eos», XLVIII, 3, стр. 29 сл.; И. Т. Канева, Шумерский героический эпос как исторический источник, ВДИ, 1964, № 3, стр. 245 сл. Больше работ подобного характера дали советские египтологи, китаисты и др.

[2] Струве, Диалог господина и раба...

[3] В. В. Струве, Проблема зарождения..., ИГАИМК, 77, Л., 1934, стр. 61.

и в эволюции взглядов профессиональных писцов. Кроме того, существенно, что социальный состав писцов был весьма неоднороден. Действительно, писцами в древнем Двуречье были далеко не только жрецы и выходцы из кругов крупной администрации, как часто полагают, но и дети чиновников среднего и низшего круга (обычно занимавшихся и сельским хозяйством), а иногда и других среднесостоятельных граждан, которые стремились давать своим сыновьям (а в отдельных случаях — и дочерям) школьное образование с целью помочь им «выбиться в люди». Грамотность в Двуречье была распространена не в таком уж узком кругу [4]. Грамотеи, не имевшие связей и средств, становились базарными писцами, естественно, в достаточной мере близко стоявшими к народной массе, но в случае удачи они могли добиваться и известного продвижения по службе или, во всяком случае, пополнять собой ряды учителей и «мудрецов» академии — é-dub-(b)a [5], или хотя бы младших писцов — помощников учителей. Именно про таких писцов из относительно бедных семейств говорит шумерская пословица (№ 90): «Младший писец слишком много думает о хлебе для своего пропитания» [6], ему, дескать, не до писцового искусства. Через них-то, возможно, в литературу и могли проникнуть взгляды, неортодоксальные с точки зрения господствующей бюрократии; действительно, произведения, отражающие такие взгляды, попадали и в литературный канон [7], хотя они, судя по ограниченному числу дошедших до нас копий, и не пользовались столь широким распространением, как ходовая религиозная и учебная литература. Свидетельством этому являются, например, стихотворная сказка «Ниппурский бедняк», герой которой торжествует над высокопоставленным, но осмеянным чиновником, или «Разговор господина и раба», заканчивающийся выводом, что господин может прожить без раба «воистину всего три дня». Что касается сборников поговорок, то они переписывались в учебных целях тысячелетиями, и то, что раз в них попало, затем уже освящалось своей древностью, независимо от первоначальной тенденции, которая отразилась в их материале. Возможно даже, что сравнительно неимущие учителя клинописи стремились с помощью учебных пособий такого рода идеологически воздействовать на своих, часто более состоятельных, учеников. Все это и делает шумерские и аккадские сборники поговорок важным материалом для выяснения общественных взглядов, распространенных среди массы свободных в древнем Двуречье.

Рассмотрение этих сборников показывает, что они поразительно мало подверглись официозному редактированию. Едва ли не главная тема так называемых «Первого» и «Второго» сборников шумерских пословиц и поговорок — бедность и судьба бедняка; редактирование сказывается здесь лишь в том, что совершенно исключены пословицы и поговорки, связанные с царем и жречеством (кроме низшего); если в некоторых дву-

---

[4] О писцовых школах Шумера и Вавилонии и их классовом составе см., например, C. J. Gadd, Teachers and Students in the Oldest Schools, L., 1956, стр. 23—24; B. Landsberger, Babylonian Scribal Craft and its Terminology, «Proceedings of the XXIIIrd International Congress of Orientalists», Cambr., 1954, стр. 126; S. N. Kramer, History Begins in Sumer, Philadelphia, 1956. Грамоте иной раз обучались и девочки, по-видимому, готовившиеся стать жрицами определенных категорий.

[5] Об é-dub-(b)a см. указанные выше работы; см. также A. Falkenstein, Die babylonische Schule, «Saeculum», IV, 1955, стр. 125 сл.

[6] Букв. «пайка».

[7] Поэтому неправ А. Л. Оппенгейм (A. L. Oppenheim, Ancient Mesopotamia, Chicago, 1965, стр. 20) считающий, что сведéние литературных памятников в канон и их переписка из столетия в столетие лишают нас возможности пользоваться ими как источником для выяснения различных общественно-политических взглядов, существовавших в древнем Двуречье.

язычных сборниках звучит верноподданническая и ортодоксально-религиозная нота, то в ряде случаев плохой, явно переводный язык шумерской версии соответствующих афоризмов заставляет думать об их позднем происхождении. Впрочем, республиканских взглядов не было, конечно, и в среде самых недовольных слоев населения, критиковались только богачи и мелкое начальство. С другой стороны, если в материале сборников пословиц не отражен быт придворный, быт крупной бюрократии и жречества, то почти не отражена в нем и жизнь рабов. Содержание приводимых ниже пословиц и поговорок — это в основном горе и радости, заботы и жизненные наблюдения мелкого свободного люда, в особенности — мелких писцов.

Вавилонские пословицы не раз изучались ассириологами; результаты многолетней работы над ними учтены в новейшем издании У. Лэмберта [8]. За последнее время много внимания стало уделяться и одноязычным шумерским пословицам и поговоркам (работы С. Н. Крамера [9], И. И. Ван-Дейка [10]; Э. И. Гордоном [11] начато полное их издание, содержащее также ценнейшие поправки и уточнения Т. Якобсена [12]). Однако, до сих пор речь шла только о филологическом анализе и публикации первоисточников. И сейчас далеко не все шумерские и аккадские поговорки и пословицы понятны; особенно шумерские пословицы нередко не только истолковываются отдельными исследователями по-разному (с точки зрения их смыслового применения), но даже читаются и филологически анализируются по-разному. Часто издатели, увлекшись филологическим анализом текста, теряли соль поговорки. Поэтому, несмотря на многочисленные работы, им посвященные, понимание многих пословиц и поговорок еще нуждается в уточнении. Уже этим оправдывается дальнейшая работа над данным материалом, но для историка важен не только его перевод и публикация, но и его истолкование. Между тем, до сих пор никто не пытался классифицировать шумерские и аккадские пословицы и поговорки по их тематике.

На русском языке единственная работа, посвященная этому материалу, принадлежит Н. Б. Янковской, которая опубликовала перевод около сотни шумерских и аккадских пословиц и поговорок [13], в ряде случаев внеся новое в их понимание; однако сборник опубликован в популярном издании, без документации и комментария; к тому же, переводчица отбирала главным образом поговорки «общечеловеческого» значения, сохраняющие еще и сейчас свою остроту, и, следовательно, посвященные главным образом внеисторическим жизненным ситуациям и характерам, а также поступкам, ими обусловленным.

Наша задача иная. Мы тоже не предполагаем дать полный свод пословиц древнего Двуречья, да это в настоящее время и не осуществимо. В нашей статье приводятся только те пословицы и поговорки, которые дают

---

[8] W. G. Lambert, Babylonian Wisdom Literature, Oxf., 1960.

[9] S. N. Kramer, Forty-eight Proverbs and Their Translation, RAI, 3, 1954, стр. 75 слл. Другие его исследования и замечания по пословицам разбросаны по различным публикациям (до 1959 г. учтены в издании Э. И. Гордона).

[10] J. J. Van Dijk, La sagesse suméro-accadienne, Leiden, 1953.

[11] E. I. Gordon, Sumerian Proverbs. Glimpses of Everyday Life in Ancient Mesopotamia, Philadelphia, 1959 (пока изданы «Первый» и «Второй» сборники).

[12] В издании Э. И. Гордона к тексту этого автора приложен текст исправлений и дополнений Т. Якобсена, нередко в корне меняющий понимание афоризмов, затем дополнения самого Э. И. Гордона (в большинстве случаев принимающего поправки Т. Якобсена) и затем новые дополнения Т. Якобсена.

[13] Шумерские и аккадские пословицы и поговорки. Составила и перевела Н. Б. Янковская, в кн.: «Пословицы и поговорки народов Востока» [сост. Ю. Э. Бregель], М., 1961, стр. 614 сл.

известное представление о взглядах их авторов на вопросы, связанные с (1) территориальной общиной и общинной солидарностью, (2) домашней общиной и семьей, (3) браком и любовными нравами, (4) бедностью, (5) кредитными отношениями, (6) социальным неравенством, (7—10) жрецами, писцами, чиновниками и т. п. В пределах этой тематики приведены почти все достаточно понятные и объяснимые пословицы и поговорки из публикации Э. И. Гордона, в которой собрано около 350 шумерских пословиц и поговорок из «Первого» и «Второго» сборников, и издания У. Лэмберта, содержащего около 300 пословиц и поговорок из двуязычных аккадско-шумерских, а также одноязычных аккадских сборников. Несмотря на то что остальные шумерские сборники (их известно довольно много) не представлены, а многие изданные пословицы и поговорки той же тематики опущены,— потому ли, что дошедший до нас текст их поврежден, или потому, что он пока недостаточно понятен,— мы надеемся, что общий характер шумерских и аккадских пословиц и поговорок социального содержания будет читателю достаточно ясен. Единственными принципами отбора были тематика и переводимость. Никакого отбора с точки зрения той или иной тенденции, отраженной в сохранившихся изречениях, не производилось, ибо мы считали, что историку, интересующемуся существовавшими в древности общественно-политическими взглядами, равно интересны как афоризмы, направленные против существовавшего общественного и государственного строя, так и направленные на его оправдание и восхваление. Интересующихся образцами пословиц и поговорок нейтрального и общеэтического содержания отошлем к изданиям Э. И. Гордона, У. Лэмберта и Н. Б. Янковской. Понятно, что пословицы и поговорки такого рода занимают в древних сборниках больше места, чем изречения интересующей нас здесь тематики.

Как уже отмечалось выше, шумерский материал разрабатывался до нас С. Н. Крамером, И. И. Ван-Дейком, Э. И. Гордоном (посвятившим ему многие годы) и другими, в том числе таким блестящим знатоком шумерского языка, как Т. Якобсен, а аккадский материал во многих случаях изучался чуть ли не десятком ассириологов, в том числе такими специалистами, как Б. Ландсбергер и Б. Мейсснер, причем результаты их работы учтены в последнем издании У. Лэмберта. Поэтому мы лишь в немногих случаях сочли возможным отступить от предложенных Э. И. Гордоном, Т. Якобсеном или У. Лэмбертом транскрипций и чтений текстов; несколько чаще мы считали возможным дать собственное истолкование смысла пословицы или поговорки, отличное от предложенных ранее. Само собой разумеется, что при столь трудных текстах возможно, что многие наши переводы в дальнейшем потребуют пересмотра.

Время составления изучаемых сборников — само по себе часто с трудом поддающееся определению — конечно, не может служить для датировки самих пословиц и поговорок иначе как в качестве terminus ante quem. Переписывание поговорок и пословиц было употребительно в шумерских школах с древнейшего времени — с тех самых пор, как клинопись была уже настолько разработана, что стало вообще возможно записывать связные тексты: записи поговорок имеются уже в школьных текстах из Шуруппака (II Раннединастический период, примерно XXVIII—XXVII вв. до н. э.), т. е. в эпоху, от которой до нас пока не дошло никаких других письменных памятников литературы и фольклора. Однако эти древнейшие записи мы пока оставили в стороне; наиболее ранние из использованных нами сборников пословиц и поговорок на шумерском языке сохранились в клинописных рукописях начала II тыс. до н. э., современных старейшим записям шумерского эпоса и других литературных произведений; сами пословицы и поговорки в этих сборниках,— как

и прочие шумерские произведения, переписывавшиеся в этот период,— во многих случаях относятся, несомненно, к более древним временам, иногда могут быть прослежены и до Шуруппака.

Характерная черта языка всех шумерских пословиц — как в собственно шумерских, так и в двуязычных сборниках — спряжение непереходных глаголов по парадигме переходных. В других шумерских текстах это явление возникает очень поздно, к середине II тыс. до н. э., и рассматривается как аккадизм. Вероятно, это черта разговорной речи.

Аккадские пословицы сохранились в записях II тыс. до н. э. (из Ашшура и Богазкёя), а также I тыс. до н. э. (VIII—VII вв. до н. э., Куюнджик), преимущественно в двуязычных (шумеро-аккадских) сборниках. В значительной мере это — переводы тех же шумерских пословиц и поговорок, но в некоторых случаях плохой язык шумерской версии и следование в ней синтаксическим оборотам, более свойственным аккадскому, чем шумерскому языку, заставляет думать, что двуязычные сборники пополнялись и более поздними, чисто аккадскими пословицами, уже вторично переводившимися на шумерский язык. Имелись и одноязычные аккадские сборники, дошедшие до нас во фрагментах. Небольшое количество аккадских пословиц и поговорок сохранили для нас письма из Телль-Амарны и Куюнджика, особенно письма от ассирийского царя Асархаддона (680—663 гг. до н. э.) и к нему.

Так как, по всем изложенным причинам, датировка пословиц и поговорок очень затруднена, то мы ограничились лишь тем, что в каждом разделе сначала помещали материал, взятый из одноязычных шумерских сборников начала II тыс. до н. э., затем из двуязычных и одноязычных аккадских сборников, причем материал из Богазкёя и Ашшура помещен раньше куюнджикского (новоассирийского) и нововавилонского.

Перед каждой пословицей и поговоркой поставлен шифр и цифровой индекс. Они означают: Ш1 и Ш2 — «Первый» и «Второй» шумерские одноязычные сборники, А — Ашшур (среднеассирийского периода), Б — Богазкёй, К — Куюнджик, С — Сиппар (нововавилонского периода). Индексы от 3 до 15 означают ссылку на порядок размещения источников в издании У. Лэмберта [14]. Два штриха ″ после шифра указывают, что текст взят из двуязычного сборника. Далее следует обозначение номера афоризма по Э. И. Гордону, или столбца и строк подлинника, затем перевод. После него указывается, кому из исследователей мы последовали в истолковании смысла пословицы или поговорки (Г.— Э. И. Гордон или принятое им более раннее истолкование; Д.— наше собственное истолкование; Лэ.— У. Лэмберт или принятое им более раннее истолкование; Як.— Т. Якобсен, Янк.— Н. Б. Янковская). Несущественные разночтения рукописей не приводятся. Транслитерация шумерского текста дается прямым шрифтом, аккадского — курсивом; текст перевода — в обоих случаях курсивом.

I. Территориальная община и общинная солидарность

1) Ш 1, № 49: «*В поле надо есть всем вместе, какова бы ни была еда*» (букв. «В поле, хлеб имеющийся заодно долженствующий быть едомым», т. е. на полевые работы приносят еду для всех, и быть разборчивым нельзя), [Г.]— a-ša(g)$_4$-ga ninda ĝál-(l)a dele-e-eš kú-ù-da.

2) Ш 2, № 143: «*Знакомца дома твоего погубили* [15]— [*ты*] *должен* [*бу-*

[14] 3 — VAT 10810; 4 — Bo. 3157 = KUB IV, 40; 5 — «Ассирийский сборник» (основные рукописи — из Куюнджика, одна — среднеассирийская из Ашшура); 6 — К 4160 + 13184; 7 — К 4207; 8 — К 4327 + 4605 + 4749; 9 — К 4347 + 16161; 10 — К 8216; 11 — К 8315; 12—К 8338; 13—Sm. 61; 14 — К 15227+80 — 7—19.130; 15 — ВМ 56607 (6—15 представляют собой фрагменты, которые в ряде случаев могут принадлежать одним и тем же сборникам).

[15] Букв. «(кто-то) погубил»; «знакомца» — букв. «человека, знающего дом».

дешь] *об этом позаботиться*». [Г. + Д.].— é-a lú-zu-bé mu-un-gul èn-bé-a ba-tar-tar[-en(?)] [16].

3) К″ 5, II, 33—34: «(*Если*) *тебе самому приходится покориться — пусть действует товарищ* [17]» (в шум.: «...пусть действует верхний» — т. е. «старший»). [Лэ. + Д].— *a* [*t-ta*.....] *tap-p*[*u-ú*.....]; za-e ab-gam-gama-dè-en [18] an-ta ḫé-en-dù.

4) К″ 9, Об. V, 14—17: «*Ты пошел, забрал поле врага — пошел, забрал твое поле враг*» (шумерская версия дает искаженный текст). [Лэ.] — *tál-lik taš-šá-a e-qé-el nak-ri il-lik iš-šá-a e-qé-el-ka nak-ru*; GIŠ-gen-(n)e mu-un-íl a-ša(g)$_4$ lú-kúr-(r)a e-še í-du-un í[l] a-ša(g)$_4$-zu lú-kúr-(r)a.

5) К″ 9, Об. IV, 53—57: «*Город* [19], *чье оружие не сильно — враг будет вечно у его ворот*» (букв. «не отвяжется от его ворот»). [Д.; близко у Лэ.].— *a-lu šá kak-ka-šú la dan-nu na-ak-ru ina pa-an a-bu-ul-li-šu ul ip-paṭ-ṭar*; uru ^{GIŠ}tukul-a-né[...

6) К″ 13, 16—17: «*Пришлец* (*ксен*) *в другом городе* [20] — *глава*» (в шум.: «... в чужом городе...» [Так Мейсснер, Янк.; но Лэ.: «Пришлец в чужом городе — голова (т. е. раб)»].— *ú-bar-ru ina āli šá-nim-ma re-e-šú*; gir$_5$ uru-kúr-(r)a-àm saǧ-(ǧ)á-àm.

7) К″ 11, 3—7: «*Знатного пожирает огонь — ничтожный не скажет: „а где знатный?“*» (букв.: «Переднего пожирает огонь — задний не скажет „где“ относительно переднего»). [Лэ.].— *maḫ-ra-a i-šá-tu*$_4$ *ik-*[*kal*] *ul i-qab-*[*bi*] *ar-ku-*[*ú*] *a-li šá maḫ-*[*ri-i*]; [lú]-dub-saǧ-(ǧ)á [i]zi an-kú-e nu-ub-(b)é lú-eger-(r)a me-a lú-dub-saǧ-(ǧ)á e-še.

II. Домашняя община и семья

8) III 2, № 140: «*В доме, где все взрослые, мотыга и корзина* [20] *легки* (?) [21]» [Д.].— é-guruš-gal-gal-e-ne-ka ^{GIŠ}al ^{GIŠ}dusu al-NE-ǧá [21].

9) К″ 13, 12—15: «*Распря бывает среди челяди, клевета — в месте умащения*» [22]. [Д.].— *ṣa-al-tu a-šar ki-na-tu-ti kar-ṣi a-ka-li a-šar pa-ši-šu-ti ip-pa-aš-ši* (= *ibbaššī*); du$_{14}$-da ki-nam-ge$_4$-me-a-aš-ke$_4$ [23] eme-sig-kú-kú ki-nam-lúḫ-šè ì-ǧál [24].

10) С″ 15, 8—15: «*Говорят: пока ты благоденствуешь по милости твоего бога — давай брату, не* [*забудь* (?)] *сестру, не* [*оставь* (?)] *родню, поддержи* (?) *твоего знакомого; это — благо, оно будет при тебе* [*самом* (?)], *не уйдет прочь*» [Лэ.].— *a-di ša-ra-*[*ḫi*(?)*-ka*] *ina du-uq-qú ša ì-l*[*í-ka*] *ana a-ḫi i-d*[*i-in*] *ana a-ḫa-ti e ta-x*[*xx*] *sa-la-at-ka e x*[*xx*] *mu-da-ka ku*[*n*(?)*-šu*(?)] *du-um-qí šú-ú e-l*[*i xx-k*]*a e-ša-am-ma ul i*[*l-lak-mi*]; en-e níg-e pag-a

---

[16] Составной глагол èn-tar означает «заботиться», акк. *paqādu*, реже «расследовать», акк. *warkatam parāsu* и др. Г. переводит «ты должен разобраться в этом» или «ты должен быть осторожен». Мы исходим из дословного перевода: «ты в этом будешь заботиться». Смысл: ты должен принять меры.

[17] Значение слова *tappû* «товарищ по территориальной общине» см. Среднеассирийские законы, B + O, §§ 8—19; И. М. Дьяконов и Я. М. Магазинер, ZBAX, II, стр. 208; И. М. Дьяконов, РЗОА, стр. 45 сл.; также «компаньон», «товарищ (по должности)» и т. п.

[18] Букв. «ты должен согнуть(ся)».

[19] Или: «территориальная община».

[20] Мотыга и корзина — символы общинной повинности.

[21] Значение глагола неясно, перевод — по догадке.

[22] Янк.: «Где семья, там и ссора, где цирюльня, там и клевета». Однако *kinātūtu* означает «семья» только в смысле лат. familia, обычно же «челядь»; под «местом умащения», быть может, понимается подсобное помещение при храме (?) или, скорее, комнате, где рабы умащали своих хозяев.

[23] Вар. для *kinātūtu* дает перевод ki-nam-šeš-gal-(l)a-šè «у места, где (власть) старшего брата».

[24] Шумерская версия производит впечатление перевода с аккадского.

nam-ša(g)$_5$-ga diĝir-zu-ta šeš-ra ù-ne-sim nin-ra na-ab-šèr-(r)e-en šu-sa-a ŠE.NI.ḪU-šè ak-a-ab lú-zu-a-zu-šè ak-a-ab nam-ša(g)$_5$-ga-bé su(!)-za al-ĝál ki-na-me-šè nu-gen e-še.

11) К″ 8, Лиц. III, 5—6 (говорит женщина)[25]: «*Речью моей я сравнюсь с мужами*» (букв. «Уста мои с (полноправными) мужами сравняются (у) меня»; вар. «причислят меня») [Д.; Лэ. аналогично].— *pi-ia it-ti amēlē^{meš} iš-šá-na-an-ni*; ka-mu mu-lu-da an-da-ab-sá-e (вар. *im-ta-na-an-ni*; an-da-ab-šed-e).

12) К″ 8, Лиц. III, 3—4 (говорит женщина)[25]: «*У кого связан язык, у того жена — рабыня*» (букв. «У кого уста недостаточны — жена его рабыня»). [Лэ.].— *šá pi-šu ta-ṭú aš-ša-as-su a-mat*; ka ba-lá dam-bé gi-in-na [26].

III. Брак и любовные нравы

13) Ш 1, № 160: «*Иметь жену*[27] *— это по-человечески; иметь сыновей — это по-божески*» [Д.].— dam-tuku-tuku lú-lu$_7$-[ka]m dumu-tuku-tuku diĝir-(r)a-kam.

14) Ш 2, № 81: «*Не стану я брать трехлетнюю жену, точно* (я) *осел!*» (направлено против детских браков). [Г.].— anše-gim dam-mu-eš$_5$-àm nu-mu-un-tuku-tuku.

15) Ш 1, № 156: «*Мужчина, поссорившись, станет есть* (*с тобою*) *соль; женщина, поссорившись, извозит* (?) *в грязи*» (досл. «Мужчина враждебный есть, соль ест; женщина, враждебная есть, в глине может/должна протянуть (?)». Трудность в многозначности слова im — здесь «глина»? — и в неясности чтения и понимания глагола BU). [Д.].—nita(ḫ)-zi(g)-ga-àm mun al-kú-e mí zi(g)-ga-àm im-(m)a al-BU-i-dè (вар. al-BU-BU-dè).

16) Ш 1, №№ 158—159[28]: «*Жена моя называет меня неверным: ты,* (*мол,*) *гоняешься за женщинами*[29]! *Неверный мужчина*[29] *стбит неверной женщины*[29]!» [Як.].— dam-mu l[ú]-lul-(l)a ma-an-du(g)$_4$ [sal-la]-e ba-ab-ús-e-en ĝiš lul-(l)a sal-(l)a lul-(l)a-ke$_4$ ba-ni-in-sì.

17) К″ 12, 7—10: «*Неверный, гоняющийся за женщиной*[29] *— бесчестен: два у него серпа*» (т. е. он пытается собрать два урожая, гонится за двумя зайцами). [Як.].— *sar-ru mur-te-ed-du-ú ú-ri la ki-nu ši-it-ta ni-ig-gal-la-šu*; lú-lul-(l)a [sal]-(l)a ba-ab-ús [l]ú(?)-nu-ge-na ^{GIŠ}TÚG. KIN-bé min-àm.

18) Ш 1, № 157: «*Неправедный сын — пусть бы мать не родила его, пусть бы бог не сотворил его!*» [Г.].— dumu si-nu-sá ama-a-né na-an-ù-tu diĝir-(r)a-né na-an-dím-dím-e.

19) А 3, 10—12: «*Говорят: Невестка! (Как) ты делаешь свекрови, (так) и тебе сделают*». [Лэ.].— *kal-lat-mi te-pu*(!)*-ši e-mi-ta ù a-na ka-a-ši ip-pe-ša-nik-ki-im-ma* (шум. версия не сохранилась).

---

[25] Шумерская версия — на женском языке eme-sal (говор мужчин был для женщин Шумера табуирован; «женским языком» пользовались также некоторые жрецы культа богинь и евнухи). Отсюда видно, что шумерская версия — оригинал, а аккадская — перевод: в аккадском языке, где говор женщины не отличается от говора мужчины, соль поговорки утеряна.

[26] Если только здесь нет ошибки (dam-bé вместо *dam-a-né), то смысл шумерской версии — иной: «Уста связаны: эта жена — рабыня», т. е. «Жена, у которой связаны уста — рабыня».

[27] Г. переводит: «иметь жен», считая, что удвоение глагольного корня указывает на множественность объекта. Однако такое толкование необязательно: удвоение может указывать просто на обычность, повторяемость действия (ср. № 14). Полигамия была очень мало распространена в Шумере.

[28] В оригинале разделено чертой на два афоризма; однако в ряде случаев так бывают разделены и части явно одного и того же изречения, см. ряд поправок Т. Якобсена к изданию Э. И. Гордона.

[29] В подлиннике сказано много грубее.

20) К″ 5, II, 19—20: «*Кто скуп? Кто щедр? Для кого мне хранить мое лоно?*» (в шум. «Кто откладывающий? Кто имеющий?», и т. д.) [30]. [Лэ.].— *man-nu gi-it-ru-nu man-nu ša-ru a-na man-ni uṭ-li a-na-ṣar*; a-ba ğar-(r)a a-b[a ğ]ál-(l)a a-ba úr-mu ga-an-(n)a-ab-urù.

21) К″ 9, Об. III, 14—16: «*Говорят: хорошо мое лоно* [29] *— среди людей моих со мною покончено*» [букв. «... в (числе) людей моих готово (в отношении) меня»; или: «совершенно, превосходно для меня»; в шум.: «sal-(l)a моя хороша, в (числе) моего народа она (?) готовой хорошо сделала меня», или «...ее готовой хорошо делаю я» (?)] [31]. [Д.].— *ú-ri-mi da-m[i-i]q ina ni-ši gu-um-mu-ra-an-ni*; [s]al-(l)a-mu al-ša(g)$_5$ un-mà e-ne ti-il ba-ab-dùg-en e-še [32].

22) К″ 9, Лиц. II, 43—44: «*Любовные утехи* [29] *приводят к кормлению грудью*» [Лэ.].— *na-a-ku šu-nu-qa ú-ša-ad-da*; um-me-da nad-a ga-zub (= KA×GA) íb-ta-an-šub.

23) К″ 9, Лиц. II, 40—42: «*Говорят: разве не переспавши* [29] *она забеременела, разве не евши она растолстела?*» [33] [Лэ.].— *ina la na-ki-mi-i e-ra-at ina la a-ka-li-mì ka-ab-rat*; [nu-um-me-d]a-na(d) al-peš$_4$-à[m e-š]e nu-kú-da-a-né [a]l-kur$_4$-(r)e-en e-še.

24) К″ 5, II, 21—22: «*То, что полюбишь, и ярмо заставит влачить*» (?) [34] [Д.].— *ša ta-ra-am-mi ù ni-ra tu-ša-aṭ*; níg ki-e-da-áğ ù šudun al-kúš-ù-dè-en.

IV. Бедность

25) Ш 1, № 15: «*Богатство — далеко, бедность — близко*» [Як.].— níg-tuku-tuku al-sù-ud nam-ukú(r)-ra al-ku-nu.

26) Ш 1, № 55: «*Если умер бедняк — не воскрешай его: когда у него был* [35] *хлеб, у него не было* [35] *соли; когда у него была соль, у него не было хлеба; когда у него была горчица* [36]*, у него не было мяса; когда у него было*

[30] Перевод Як. «Кто скуп, кто ветрен — за кого мне выйти замуж?» не вполне точен, так как местоимение *mannu* возможно только при непосредственном вопросе, а не при констатации, хотя бы и косвенной, факта. К тому же говорящая, несомненно, не невеста, как полагают Лэ. и Як. (она не имела в Двуречье права выбора), а вероятно, гетера.

[31] И это изречение вложено, по-видимому, в уста гетеры. Сделать дочь гетерой было прибыльно, но при этом она выходила из-под патриархальной власти главы семьи, выбывала из семьи, см., например, Среднеассирийские законы, А, § 49. Як. полагает, что речь идет о продаже дочери замуж за выгодный калым; Як., как и мы, видит в говорящей проститутку, но толкует изречение иначе, с нашей точки зрения, мало убедительно (как речь старой проститутки, настаивающей на том, что ее прелести все еще сохранились).

[32] Лэ. предполагает, что частью этой же поговорки является следующий непосредственно далее текст, отделенный разделительной чертой: «во всем хорош(о) и одет(о) в *ulāpu*»,— акк. *ana ka-la da-mi-iq ù ú-la-pu la-bi-iš*; шум. dù-a-bé al-ša(g)$_5$ ù tú(g)-níg-dára ba-an-tu. Лэ., вслед за Як., переводит *ulāpu* = tú(g)-níg-dara как «менструальные тряпки», однако, судя по изречению № 65, это скорее «пестрая (роскошная) одежда». Ср. также изречение № 61.

[33] В шумерской версии, по-видимому, две поговорки: «Говорят: забеременевшая не переспала ли. Говорят: при том, что он(!) не ел, я растолстела».

[34] Обычно переводится: «Если полюбишь, то будешь и (его) ярмо влачить». При этом остается непонятным, обращен ли этот афоризм к мужчине или к женщине? Форма *ša ta-ra-am-mi* — женского рода (если бы *-mi* означало «мол, говорят», то в мужском роде было бы **ša ta-ra-am-mu-mi*), а форма *tu-šá-aṭ* — мужского; но нельзя перевести и «Кого ты полюбила, тот должен ярмо влачить», так как в этом случае ожидалось бы **ša ta-ra-am-mi-šu* и **i-ša-aṭ*; наконец, никто из исследователей не заметил, что *tu-šá-aṭ*— каузативная форма. Возможно, это 3 л. ед. ч. ж. р. (в смысле среднего рода — форма ассирийского диалекта?). Все это делает перевод этого краткого афоризма очень трудным. В шумерском: «что любит(ся) с тобой, и ярмо ты должна будешь влачить». Оттенок долженствования передан в шумерской версии суффиксом -ud-/-ed-.

[35] Букв. (здесь и ниже) «когда он находил», «когда он не находил».

[36] Акк. *kasû, kasūtu*.

мясо, у него не было горчицы». [Г.+ Як.].— ukú ḫa-ba-ug$_7$ nam-ba-da-ti-i ninda ì-pà(d) mun nu-pà(d) mun ì-pà(d) ninda nu-pà(d) gazi ì-pà(d) uzu nu-pà(d) uzu ì-pà(d) gazi nu-pà(d).

27) Ш 2, № 141: «*Мать, родившая семерых молодцов, лежит в бедности*». [Як.].— ama-guruš-imin-e tu-ud-(d)a níg-sig-(g)a [37] ba-na(d).

28) Ш 2 № 142: «*Дом, построенный праведником, разрушен негодяем*». [Г.] é lú-zi(d)-dè dù-a lú-lul-e gul-(l)a.

29) Ш 1 № 153: «*Кто не содержал жену, кто не содержал сына, тому не продергивали в нос веревку (как волу)*». [Г.].— dam nu-íl dumu nu-íl kiri$_3$-né ešé nu-íl.

30) Ш 2, № 138: «*Рука к руке прибавилась — дом человека строится; рот ко рту* [38] *прибавился — дом человека разрушается*». [Г.+ Д.].— šu šu-a ba-ab-daḫ é-lú al-dù-e ša(g)$_4$-gal ša(g)$_4$-gal-e ba-ab-daḫ é-lú al-gul-e.

31) Ш 2, №№ 29—30: «*Почему бедняк так мал? (Ведь) при зернотерках (и) у края очага его рваную одежду чинить не надо* [39], *что у него потеряно — того не надо искать? Потому бедняк так мал: что́ похищено изо рта его, то так и пропало* [40]». [Як.+ Д.].— ukú a-na-àm al-tur-(r)e é ^{na_4}kín-(n)a gú im-šu-rin-(n)a-ka(m) tú(g)-bir$_7$-(r)a-né nu-kala(g)-ge-dam níg-ù-gu-dé-a-né nu-mu-un-kin-kine-dam; ukú ur$_5$-(r)a-àm al-tur-(r)e ka-ta kar-(r)a ur$_5$-(r)a ab-su-su.

32) и 33) [Для полноты следовало бы привести сходные по настроению длинные стихотворные изречения о судьбе бедняка, содержащиеся в сборниках Ш 2 под №№ 2—14 и № 31; однако в них много неясных мест, поэтому опускаем их].

34) Ш 2, № 80: «*В утробе находится* [41] *осел вдовицы*» (то есть, еще не родился). [Д.].— anše nu-mu-un-su-a dúr-dúr-e pà(d)-da [41].

35) Ш 2, № 35: «*Если я дам хлеб бродяге,— из чего я принесу тому, кто не бродит? Если я дам хлеб прохожему, из чего я отниму для того, кто не проходит (мимо)?*» [Г.].— lú-du-du-ra n[inda(?) ga-]na-[ab(?)-s]im lú-nu-du-du-r[a(?)] me-ta ga-mu-na-ab-túm lú-di-di-ra ninda(?) ga-na-ab-sim lú-nu-di-di-ra me-ta [ga-]mu-na-i-ir.

36) Ш 2, № 28: «*Бродяжничать — (это) приносит в бедности силу: тот, кто умеет бродяжничать, становится могучим, он прибавляет (себе) жизни более чем у сидящего (на месте)*» [Г.].— du-du nam-ukú(r)-ra á bí-íb-g̃ar [l]ú-du-du-zu in-kala(g) ugu lú-tuš-a nam-ti bí-ib-daḫ-e. Ср. изгоев—

---

[37] Как правильно указывает Як. (в противоположность иному мнению А. Фалькенштейна), si(g) «слабый, низкий» (в социальном смысле) противопоставляется kala(g) «сильному, могучему». Ср. также И. М. Дьяконов, ОГСД — Шумер, стр. 113 сл. Мать, родившая семерых, по шумерским и аккадским воззрениям, заслуживала особого почета (Як. указывает на аккадский эпос о Гильгамеше, VII, IV, 10).

[38] Букв. «паек к пайку». О значении термина ša(g)$_4$-gal см. A. Deimel, ŠL, s. v.; речь идет о том, что увеличилось число едоков в семье; Г. ошибается, считая, что этот термин означает какую-то часть тела.

[39] Потому что у него ее нет. В помещении для размалывания зерен (букв. «в доме зернотерок») и у очага работали женщины; они же и чинили одежду.

[40] Значение «погибать» для глагола su см. в изречениях Ш 1, № 89 и Ш 2, № 103 (наш № 102).

[41] Букв. «в ягодицах находится». Именно не «проверяется» (Як.), а «находится», ср. наш № 26 и прим. 35. По Як., осел вдовицы не отличается ни выносливостью, ни скорым бегом, а только качествами производителя. Это толкование кажется нам маловероятным; наше толкование не опровергается приводимым Як. (Gordon, ук. соч., стр. 482) вариантом: ša(g)$_4$-dúr-(r)e pà(d)-da anše nu-mu-un-su-[a] dumu-mí lú-níg-nu-tuku sal-(l)a-a-[né] nu-mu-un-na-kal-[le] mí lú-ná-a-da-a-né nu-dul-[(l)a] dam-a-né nu-sum-(m)a-da «В утробе находится осел вдовицы; дочь неимущего — лоно (букв. грубее) ее для нее бесполезно (букв. „не имеет для нее силы“, или „не желанно у нее“): (это) женщина, которую человек, спящий с ней, не закрывает (покрывалом замужней женщины, и) в жены его (ее) нельзя отдать».

беглых из общин и разбойников II тыс. до н. э.— так называемых *ḫapīru*. Г. вместо «силу» переводит «плату».

37) Ш 2, № 27: «*От бедняка слово не принимают*» [42] [Як.].— inim ukú(r)-ra-šé šu-la-ba-ši-in-ti.

38) Ш 2, №№ 15—23: «*Бедняк высматривает, как бы поесть хлеба; жалкий бедняк не смеет* (*букв.* „*не должен*“) *щурить глаз* (?) *на богача; бедняк, не знающий, как вырастить ячмень,— где* (*букв.* „*как*“) *ему вырастить пшеницу* (*эммер*)? *Бедняк бессилен* [43]; *бедняка, занимающего хлеб, презирают* (?); [следует разрушенное место]; *бедняк никогда не бьет своего сына: он всегда его бережет* [44]». [Як.].— ukú(r)-re ninda-kú-ù-da-nébè igi-an-ši-dù-dù; ukú-bu-lu-úḫ-si-il-[(l)]e lú-níg-tuku-e igi-tur nam-ba-e-gid-i; ukú(r)-re še-ur$_x$(= APIN̆)-(r)u nu-mu-un-zu-a zíz a-na ba-ur$_x$-(r)u; ukú nu-kala(g); ukú(-re) ninda šu-ti-a KA an-ḪAR ..... ukú(r)-re dumu-né TAG×ŠU-diš-àm šu-nu-um-ši(?)-ni-du(g)$_4$-*x* gil-sa da-ré-éš mu-un-[ši(?)]-ni-ak-[e(?)].

39) Ш 1, № 148—150: «*Девушка! Твой брат не смог выбрать тебе* (*жениха*), *а кого ты сама себе выберешь*? *Девушка! Твой брат — мне ровня!— Брат! Твое слово — как у всякого бедняка* (?)! *(Но)я пусть его* (*т. е. жениха*) *оживлю! Пусть он будет совершенен* (?), *как я: как у меня* (*мое свадебное*) *умащение—ветер,* (*так и*) *он пусть вкушает свой свадебный пир* (?) *на росе*» [45]. [Як.+ Д.].— ki-sikil šeš-zu sag̃-nu-mu-re-eb-kal-(l)e; a-ba-àm sag̃-mu-e-kal-(l)e-en̆; ki-sikil šeš-zu mà-e-gi$_{18}$-nam; šeš (inim-zu ukú(!)-téš-a-gi$_{18}$ mà-a da-an-ti) mà-gi$_{18}$ ḫe-til-(l)e mà-a-gi$_{18}$-nam šim-bé líl-(l)á-àm u$_5$-né baršèg̃-(g̃)á ḫé-kú-e.

40) Ш 1, № 48: «*В поле* (*и*) *ячменные отруби — мясо и жир* [46]». [Г.].— dabin a-ša(g)$_4$-ga uzu-ià-àm [46].

41) Ш 1, № 20: «*Сегодняшний обед предназначался собаке; собачий обед сегодня предназначен* (*нам*)» (букв. «хлеб сегодня-ядения собаке (был) положен, хлеб собаки-ядения сегодня (был) положен)». [Як.].— ninda u(d)-dè-kú ur-(r)e ba-g̃ar ninda ur-(r)e-kú u(d)-de ba-g̃ar.

42) Ш 1, № 9: «*Если был у меня хлеб — мыши* [47] *съели; если мне* (*еще*) *остался хлеб — чужие* [48] *съели*» [Г.].— ninda(-mu) ḫé-g̃ál-e ^{d}Nin-kilim-e i-íb-kú ninda ḫa-ma-g̃ál-e lú-kúr-(r)a i-íb-kú.

43) Ш 2, № 26: «*Не каждый дом бедняка можно сломить* (?) [49]» (букв. «согнет(ся)»). [Г.].— é(?)-é-u[k]ú(?)-ukú(r)(!)-ra(?) téš-e la-ba-gam-e.

[42] Т. е. бедняку не верят на слово — в особенности, конечно, при займе, когда от бедняка, как хорошо известно по громадному множеству сделок, требовали залога и ставили ему самые кабальные условия.

[43] Як.: «не желанен».

[44] «Щурить глаз (?) на богача» — быть может «зариться (на богатство) богача»(??). Последнее изречение не вполне ясно; возможно, перевод не точен (букв. «бедняк сына своего удар(?) один не наносит (?), сокровище навеки из него (?) делает (?)»). Возможно, смысл этого изречения соответствует нашему № 54.

[45] Мы добавили отрывок из параллельного текста, см. G o r d o n, ук. соч., стр. 467 сл. и 511; šim-bé — фонетическое написание вместо šembe, «помазание (невесты, как часть брачного обряда)», см. надписи Уругагины, Plaque Ovale, II, 22 и ср. I. M. D i a k o n o f f, Some Remarks on the «Reforms» of Urukagina, RAss, LII, 1958, стр. 9; перевод u$_5$-né как «масло» (Як.) кажется здесь неубедительным; ожидается какая-то параллель к šembe, связанная со свадьбой; может быть, ср. u$_5$ = акк. *rakābu*, имеющее, между прочим, значение соїге? Большую трудность вызывают глагольные формы с ḫé-, обычно несвойственные женскому языку; ожидалось бы dè-, ср. форму da-an-ti. Весь текст переводится очень ненадежно.

[46] Г. читает ^{UZU}ià «жир» (без «мяса»).

[47] В нашем переводе «мыши» сказано для упрощения: дословно «богиня Нинкилим съела». Нинкилим считается божеством мангустов (акк. *šikkū*), пожиравших мышей, а не самих мышей.

[48] Или «враг».

[49] Ввиду плохой сохранности этого интересного афоризма перевод его не вполне надежен. «Дом» — здесь община лиц, связанных родством.

44) K″ 7, 19—20: «*Голодный прокопает (стену) кирпичного*[50] *дома*». [Лэ.].— *bi-ru-ú-um bīt a-gur-ri i-pal-la-aš*; lú-ša(g)$_4$-ĝar an-tuku-a é-sig$_4$-al-ur$_5$-(r)a in-bùru-dè.

45) K″ 8, Лиц. II, 8—13: «*Для блох расстелен холст, для моли сотканно сукно* (?), *для ящериц он сделал амбар*». [Лэ.+ Янк.].— *ana par-šá-ʾi-i ki-tu-u ta-ri-is-s*[*u*] *a-na la-am-ṣa-ti i-aš-rin-na ma-ḫi-si ana pi-ṣal-lu-ri šu-tu-um-mu e-pu-us-si*; [uḫ-]e gada ba-lá [num]-saḫar-(r)a [kid-aš-r]in-(n)a ba-e-si [mu]š-dam-kur$_4$-(r)a [š]utum [a]n-(n)a-dù.

V. Должник и кредитор

46) Ш 1, № 31: «*Взятый в долг хлеб не заставишь вернуть*». [Г.+ Як.+ Д.].— ninda šu-ti-a li-bí-in-gur-(r)e(?)-en.

47) Ш 1, № 10: «*Был мой хлеб — стал чужой хлеб*». [Як.].— ninda-mu ninda àm-kúr.

48) Ш 1, № 8: «*Мой хлеб пусть остается, твой хлеб я съем: за счет дома ближнего своего человек бывает сильным*[51]» (иронич.?) [Як.].— ninda-mu ḫé-ĝál ninda-zu ga-kú é-du(g)$_4$(-ús)-(s)a-na-ka(m) lú ba-ni-ib-kal-(l)e.

49) Ш 1, № 165: «*Ростовщик серебро отнял, а (потом) и зерно отнял*» (букв. «Торговец (торговый агент, ростовщик) из серебра отнял, а также из ячменя отнял»). [Д.; Г. считает ta местоимением «что?» (но оно свойственно «женскому языку»!), и переводит «Как отнял (у меня) торговец серебро? И как он отнял (у меня) ячмень?»].— dam-gár-(r)e ku(g)-ta ba-an-ir ù še-ta ba-an-ir.

50) Ш 2, № 159: «*Я — должник* (?) *в домах, что я построил, я не земледелец в отведенных мне полях!*»[52].— é-dù-dù-a-mà ḪAR-(r)[a-bé] gána-ĝar-ĝar-(r)a-mà nu-ur$_x$-(r)[u-bé] mà-e-me-en.

51) Ш 1, № 183: «*Мою незадолженность* (?)— *преисподняя ее похитила* (?) *не похитили* (?) *бы долги* (?) *мою одежду*!» [Г.+ Д.].— e-le-lum-mu[53] kur-(r)e [a]b(?)-ka[r-(r)e(?)] tú(g)-mu ḪAR-(r)e nu-ub-ta-ab-k[ar(?)-(r)e(?)].

52) Ш 2, № 95: «*Говорят: наш вол — (на) обязательное жертвоприношение, чужой вол — для нас неприкосновенен*»[54]. [Д.].— gu(d)-me gu(d)-da-ri-a gu(d)-kúr-(r)a gu(d)-da-rí-me e-še.

---

[50] Имеется в виду дом из обожженного кирпича — *agurru*. Прокоп стены из сырцового кирпича — *libittu* — был обыкновеннейшим в Вавилонии способом ограбления, ср. ЗХ, § 21.

[51] Букв. «в доме ближнего своего». Значение последнего глагола не ясно: «станет сильным», «сделает сильным», «сделает (что-либо) (на)сильно (??)», ср. также предполагаемое в некоторых случаях Як.-ом значение корня kal «желанный».

[52] Ввиду многозначности знака ḪAR (ḫar, ḫur, ur$_5$ и мн. др.) Як. отказывается от перевода слова ḪAR-(r)a. Г. переводит его так же, как и мы, т. е. «должник». В целом же наш перевод следует Як.

[53] Аккадизм — акк. *elēlum* «ликование» или же *elēlum* «освобождение (от долгов)».

[54] Соль пословицы: «нашего вола забирают (как обязательное жертвоприношение, т. е. налог), а мы не можем воспользоваться волом других (например, при поедании коллективной жертвы)», т. е. «мы несем только обязанности — права принадлежат другим». Г. понимает эту пословицу совершенно иначе, но в его переводе соль ее совсем непонятна. Дело же в том, что gu(d)-da-ri-a — так же как более известное maš-da-ri-a — род храмового налога, нередко упоминаемого в текстах, состоявший в обязательном, регулярном (da-ri-a) жертвоприношении головы крупного рогатого скота — gu(d) или, чаще, только козленка — maš. Здесь же — игра слов: gu(d)-da-ri-a «обязательное жертвоприношение в виде вола (или быка?)» и gu(d)-da-rí «бык (вол) вечный», т. е. «неприкосновенный», ср. *eqlum dūrum* «вечное, т. е. неприкосновенное для дворцовых властей поле», см. F. Thureau-Dangin, La correspondence de Ḫammurapi avec Šamaš-ḥāṣir, RAss, XXI, 1924, № 16; И. М. Дьяконов, *Muškēnum* и повинностное землевладение на царской земле при Хаммураби, «Eos», XLVIII, 1, 1956, стр. 52 и 59 сл.

53) Б 4, 6: «*Я принял поручительство, убыткам нет конца*» [Лэ.+ Д.]. *al-te-qe qa-ta-ta i-bi-is-sú-ú ú-ul i-qa*[t_6-*ti-ú*(?)].

54) К″ 9, Об. III, 7—10: «(*Говорят*): *питается сильный ценой своих рук* [55], *а не сильный — ценой своего потомства* [56]» (речь идет о продаже в рабство или закладе кредитору детей бедняка). [Лэ.].— *ik-kal le-'u-u ši-im i-di-šú ù la le-'u-u ši-im* [*še*]*r-ri-šú*; á-g̃ál í-kú-e sám á-bé ù á-nu-g̃ál-(l)a sám ginan-bé e-še.

55) К″ 10, 1—4: «*Когда ты задолжал — это тебе забудется* (букв. «(в) р. Тигр унесут»), *когда ты награбил — небеса тебя покинут*». [Лэ.+ Д.].— *e-nu-ma taḫ-bi-lu*$_4$ ^{ID}*Idiglat ub-ba-lu e-nu-ma ta-ḫab-bi-tu*$_4$ *šamū*^{ú} *e-zi-bu-ka* (от шумерской версии сохранились только остатки).

56) С″ 15, 5—6: «*Ты взял в долг, а отдаешь по каплям* (?)» [57] [Д.].— *ana ḫu-bu-ul-li te-el-qé-ma ana bu-ṣa-ṣe-e* [57] *ta-nam-din* (шумерская версия не сохранилась).

VI. Социальное неравенство. Рабство

57) Ш 1, №№ 189—191 (говорит женщина) [58]: «*Овощи* [59] *— это нужно* (?) [60], *вода — это нужно* (?) [60], *жирное мясо* [61] *— (слишком) хорошо, жирная баранина* [61] *— (слишком) хороша; что же мне* [62] *дать рабыне? Пусть жрет свиную кишку* [63]». [Як.+ Д.].— ú-um [59] inim-(m)a-àm [60] a inim-(m)a-àm [60] uzu-ià [61] al-zé-eb uzu-ià-udu [61] al-zé-eb ta-àm gi$_4$-in-e ga-an-(n)a-ab-zé-em-(m)èn [62] dúr-šáḫa [63] ḫe-kú-e.

58) Ш 2, № 137: «*Вести себя как господин — поступать как раб, вести себя как раб — поступать как господин*» (то есть, скромность присуща истинному достоинству?). [Д.].— [en]-gìm du(!) sag̃-gim dù(!) sag̃-gim du(!) en-gim dù(!) [64].

59) Ш 2, № 71: «*Скажи ложь, скажи правду — (все равно) уличат* (?) *тебя во лжи*». [Г.+ Д.].— lul du(g)$_4$-ga-ab zi(d) du(g)$_4$-ga-ab lul ba-e-sì-ke.

60) Ш 2, № 62: «*Лисица не построила себе дома (и) пришла захватчиком* [65] *в дом своего друга*». [Г].— ka$_5$-a-a é-a-né nu-mu-um-da-an-d[ù (?)] é-ku-li-na-šè al-tar-(r)e ba-gen.

61) Ш 1, № 176 (говорит женщина) [58]: «*Ты — владелица просторной*

---

[55] Можно также перевести: «Питается сильный ценой своей заработной платы», потому что и акк. *idu* и шум. á имеют оба значения.

[56] *Šerru* — обозначение детей несвободных и зависимых людей; о детях свободных говорят *māru*.

[57] Слово *buṣāṣū* мне не известно; может быть, ср. общесемитский корень **bṣṣ* «выжимать по каплям»; араб. *buḍāḍa*^{tun} «мелкие капли; моросящий дождь»?

[58] Пословица составлена на «женском языке» (eme-sal).

[59] Собственно, ú означает «трава, растения»; в противопоставлении с a «вода» может означать «пища»; однако здесь, видимо, противопоставление не только с «вода», но и с «мясная пища».

[60] Перевод «это нужно» — условный: inim имеет значение «слово, дело, вещь», поэтому мыслимо переводить, например, «овощи — это слова, вода — это слова, жирное мясо хорошо!» Однако, по-видимому, соль пословицы в том, что все виды пищи слишком хороши для рабыни.

[61] Г. читает ^{UZU}ià, ^{UZU}ià-udu, т. е. «жир», «бараний жир».

[62] Вар. «Что же нам дать» — ga-ma-zé-mà-e-en-dè-en.

[63] dúr, собственно, *anus* (Як.).

[64] В различных вариантах подлинника стоит либо во всех четырех случаях du «ходить» (вероятно, как и в акк., может иметь значение «вести себя»), либо dù «строить, делать»; Г. реконструирует текст иначе: [en]-gim dù sag̃-gim du sag̃-gim dù en-gim du; отсюда и иной перевод, который не кажется нам достаточно убедительным.

[65] Al-tar-(r)e, как показали Як. и Г.,— номинализованная глагольная форма (ср., например, mu-túm «взнос») со значением «насильник, захватчик». Собственно, «пришла, захватчик, к дому своего друга».

одежды: (*дай*), *я отрежу себе* (*кусочек*) *на праздничную одежду* (?) [66]» (знатные шумерки носили одежду из длинной полосы ткани, во много раз обернутой вокруг тела). [Г.+Як.+Д.].— ga-ša-an tú(g)-gal-gal-(l)a-mèn tú(g)-níg-dàra-mu [66] da-an-ku(d).

62) Ш 1, № 177 (говорит женщина) [58]: «*Ты — владелец широкого канала* — (*дай*), *я воспользуюсь* [*канавкой* (?)]». [Г.+Д.].— ù-mu-un í(d)-da-ma-al-(l)a-mèn ...-BU ì-kú-e-en.

63) Ш 2, 95 = К 14, 11—12: «*Вол врага ест траву, свой вол лежит голодный* (?)». [Янк.] [67].— *alap na-ka-ri šam-me ik-k*[*al*] *alap r*[*a*]*-ma-ni-šú bi-ri-iš ni-il*; gu(d) kúr-(r)a ú kú-kú gu(d) ní-mà (вар. [ní]-ba-a) ú-dúb(?)-e (вар. ú-šim-e, ú-šim-(m)a) [67] ba-na(d).

64) К″ 12, 4—6: «*На толстяке, когда он идет по полю,* (*целый*) *мешок висит* [68]». [Д.].— *ku-ub-bu-ru šá eqla ina a-la-ki-šú na-ru-uq-q*[*a*] *šu-qal-lu-lu*[68]; ní-bala(g) a-ša(g)$_4$-ga gen-(n)a KUŠa-ga-lá ba-šè-lá [69].

65) К″ 5, III, 13—14: «*Одет мудрый платочком стыда, глупый облачен в кровавое* [70] *одеяние*». [Лэ.].— *na-an-du-uq er-šú ṣu-bat bal-ti nu-ʾu-ú ú-lap da-me la-biš* (от шумерской версии сохранились только остатки).

66) К″ 9, Лиц., II, 45—47: «*Хотел отложить — отняли* [71]; *еще отложил бы — да кто даст*?» (в шум.: «... что хотел прибавить — кто т бе дал бы?»). [Д.].— *lu-uš-kun ik-ki-mu lu-ut-tir-ma man-nu i-nam-din*; ga-ĝar mu-da-an-kar ga-an-diri(g)-ga a-ba mu-ra-an-sim.

67) К″ 9, Об. III, 3—6: «*Разве берет заросль плату за тростник свой, и луг — плату за траву свою*?» (сравнение с полем, за которое приходилось платить налог и/или арендную плату). [Лэ.].— *it-bal-mi a-pu ši-im qa-ni-šú ù qer-bé-e-tu*$_4$ *ši-im šam-mi-šá*; GIŠgi x[.....]x sám gi-bé ù ša(g)$_4$-túm-(m)a sá[m ú-b]é e-ne e-še.

68) К″ 13, 9—11: «*Дружба — на время, зависимость — навеки*» [72] (в шум.: «Дружба — на один день...»). [Янк.].— *eb-ru-tu*$_4$ *šá u*$_4$*-ma-ak-k*[*al*] *ki-na-tu-tu šá da-ra-a-ti*; nam-ku-li níg-u(d)-diša-kám nam-ge$_4$-me-a-aš níg-u(d)-da-rí-kám.

VII. Чиновники и начальники

69) Ш 1, № 65: «*В городе, где нет собак, лисица — надзиратель*» (лисица в фольклоре Двуречья — символ глупого хвастовства и коварства). [Як.].— uru^{ki} ur-ger$_x$ nu-me-a [73] ka$_5$-a nu-bànda.

70) Ш 1, №№ 32—33: «*Расходам дома радуется сборщик пошлин* [74],

---

[66] О значении tú(g)-níg-dàra см. наш № 21, прим. 32, а также наш № 65.

[67] Значение ú-dúb(?)-e, ú-šim-e не вполне ясно; Г. и Лэ. переводят «на зеленом лужку»,— т. е. понимают этот афоризм как иронический.

[68] Букв. «повесили (и оставили висеть)».

[69] Или ba-šè-suru$_5$.

[70] В смысле «яркое, кроваво-красное» (Лэ.); однако, возможно, что здесь игра слов («доставшееся ценой крови»?). Во всяком случае, очевидно, что значение «менструальные тряпки» (Як.) здесь не подойдет, ср. прим. 32.

[71] Шум. «отнял».

[72] Лэ. забавным образом переводит *kinātūtu* как «business connections» «деловые связи», что́, конечно, в подобном контексте лишено смысла как для эпохи древности, так и для современности. *Kinātūtu* — «челядь» или «состояние челядинца»,— см. W. von Soden, AHw, s v.

[73] Вар. uru^{ki} nu-ur-ger$_x$-(r)a.

[74] Собственно «глашатай». Глашатай принимал участие в оформлении юридических сделок и,— по крайней мере в шумерский период,— собирал с них пошлину, см. Дьяконов, ОГСД — Шумер, стр. 67 сл.

потерям дома радуется царедворец[75]». [Д.].— níg-é(?)-zi(g)-ga[76] nimgir-e an-ḫúl [níg]-é(?)-ri-ri(g)-ga[76] agri[g]-e an-ḫúl.

71) Ш 1, № 77: «*В городе случился переворот: рыбаки получили довольствие*» (иронич. ?). [Д.].— uru níg-bala-bala ba-an-ĝar šu-peše-ne $kurum_6$ ba-an-dab_5-(b)é-eš[77].

72) Ш 1, № 73: «*Торговец ушел вон из города — цены стали свободными*». [Г.].— dam-gár uru-ta ba-ra-è(d) KI.LAM ba-ra-an-du_8[78].

73) Ш 1, № 67: *Город обездолен*[79]: *его* sa_{12}-sug_5[80] *стал торговцем*». [Як.].— uru^{ki} nam-bé nu-tar-(r)e sa_{12}-sug_5-bé dam-gár-àm.

74) К″ 13, 5—6: «*Щедрость царя,— благосклонность виночерпия*» (вар. «царедворца») (в шум.: «„Дай“ — царя, „будь добр“ — виночерпия»)[81]. [Янк.].— *na-da-nu ša šarri ṭú-ub-bu* (вар. *dum-mu-qu*) *šá ša-qi-i* (вар. *šá a-ba-rak-ku*); [sim-(m)]a-ab lugal-(l)a-ke_4 [dùg-(g)]a sagi-ke_4 (вар. agrig-a-ke_4).

75) К″ 5, IV, 22—23: «*Господин — приобретай, царь — приобретай, наместник — побойся*» (в шум.: «господин пусть имеет, царь пусть имеет, наместник — бойся (?)»). [Янк.][82].— *bēlu ri-ši šarru ri-ši šakkanākku pi-làḫ*; en-e ḫé-tuku lugal-e ḫé-tuku šagina ní-te-bé.

76) К″ 10, 8—9: «*Ты заставляешь* (*копать канал*), *а рва не можешь перепрыгнуть*». [Янк.] — *tu-uš-te-piš*[83] *pal-ga ul ta-šá-ḫi-iṭ* (шумерская версия не сохранилась).

77) К″ 10, 5—7: «*После того как ты бежал — ты* (*вольный*) *тур*(?)[84], *после того как тебя схватили — будешь ластиться, как собака*». [Лэ.].— *iš-tu taḫ-li-qu re-ma-ta*[84] *iš-tu iṣ-ba-tu-ka kīma kalbi tu-ka-an-za-ab* (от шумерской версии сохранились только остатки).

78) К, письмо Асархаддона HABL, 403, 14—15: «*Грешница в воротах дома судьи — слово ее сильнее чем ее мужа*». [Лэ.].— *sinništu ḫa-ṭi-tú ina bāb bīt* ^{LÚ}*daiāni pī-šá al-la šá muti-šá da-an.*

---

[75] В подлиннике agrig = *abarakku*, род царского или храмового служителя; в различные периоды он исполнял самые различные функции; поэтому остается неясным, почему его радуют потери дома.

[76] Zi(*g*)-*ga* «расход» часто сопоставляется с ri-ri(*g*)-*ga* «потери» в хозяйственных документах, см. D e i m e l, SL, s. v.

[77] Смысл этой пословицы не вполне ясен. Под *bā'iru* = šu-peš можно понимать: 1) «рыбаки», 2) «род воинов в эпоху Хаммурапи». Термин $kur(um)_6$-dab_5 означает «получать довольствие», обычно (в досаргоновскую эпоху) в виде земельных наделов, см. А. И. Т ю м е н е в, Государственное хозяйство древнего Шумера, М.— Л., 1956, стр. 151 сл., 173 и др. В досаргоновское время рыбаки получали наделы, но не все и не всегда, см. там же, стр. 183; ср. D i a k o n o f f, Some Remarks..., стр. 3.

[78] Г. читает ganba ba-ra-an-du_8. См. у него же о глаголе du_8 = *paṭāru* в связи с ценами (стр. 505).

[79] Г. настаивает для глагола nam-tar на более редком значении «составлять завещание», однако это не дает хорошего смысла.

[80] Sa_{12}- sug_5 — акк. *sassukku* — управляющий землепользованием, один из самых богатых граждан общины в досаргоновский период и, вероятно, позже; он занимался скупкой земли и, по-видимому, другими спекуляциями, см. W. von S o d e n, ZAss, XLI, 1933, стр. 233 сл.; Д ь я к о н о в, ОГСД — Шумер, стр. 60 сл. Соль пословицы в том, что sa_{12}-sug_5, вместо того чтобы заботиться о гражданах, занимается собственным обогащением.

[81] Дословно «Давание царя — благосклонность (доброта) виночерпия (царедворца)»; смысл, вероятно: «если царь проявляет щедрость, то царедворцы становятся услужливыми». Язык шумерской версии — плохой, может быть, ее надо понимать как: «царю подобает „дай“, царедворцу — „будь добр“ (т. е. царь может сказать „дай“, а царедворец должен говорить „будь добр?)».

[82] По Янк. смысл пословицы: что может позволить себе царь, не должен позволять себе наместник. Лэ. переводит: «Имей (признавай) господина (*bēla riši*), имей (признавай) царя; бойся везира». Однако этот перевод не вяжется с шумерской версией.

[83] Ср. *muštēpišum* «заставляющий делать» —в эпоху Хаммураби чиновник, возглавлявший повинностные работы по орошению. Лэ. вместо *tu-uš-te-piš* читает *tu-uš-te-gir* и переводит «ты хром (букв. „вывернут“)».

[84] Так Лэ. и Янк.; возможен и перевод: «ты помилован».

79) К″ 9, Лиц. II, 22—25. «*Скорпион ужалил человека — что он получил? Доносчик умертвил человека — что он себе прибавил?*». [Лэ.].— [z]*u-qa-qí-pu a-mi-lam iz-qu-ut* [*mi*]*-na-a il-qé* [*mu-na*]*m-gi-ru a-mi-lam uš-mit* [*mi-na*]*-a ut-ti-ir* (шумерская версия не сохранилась).

VIII. Писец

80) Ш 2, № 52: «*Болтливый писец — порок его велик!*» [Г.].— dub-sar lú-gù-ra-aḫ nam-tag-(g)a-né ab-gu-ul.

81) Ш 2, № 44: «*Сверху ты писец, но внутри* (букв. „внизу“) *ты* (*даже*) *не человек*». [Г.].— dub-sar an-ta-me-en lú ki-ta nu-me-en.

82) Ш 2, № 37: «*Ты — писец, а не знаешь собственного имени! Ударь сам себя по лицу!*» [Г.].— [d]ub-sar-me-en mu-ní-za nu-zu igi-ní-za sig-(g)a.

83) Ш 2, № 38: «*Если писец знает только одну строку,* (*но*) *почерк его хорош,* (*то*) *он — писец*». [Г.].— [dub-s]ar-(r)e mu-diš(!)-àm ḫe-en-zu [šu-n]é ḫe-ša(g)$_5$-ša(g)$_5$ e-ne-àm dub-sar-(r)a-àm.

84) Ш 2, № 40: «*Писец, чья рука двигается вслед за устами,— это писец*». [Г.].— dub-sar šu ka-ta di-a e-ne-àm dub-sar-(r)a-àm.

85) Ш 2, № 47: «*Писец, не знающий шумерского,— что он за писец?*». [Г.].— dub-sar eme-gir$_x$ nu-mu-un-zu-a a-na-àm dub-sar e-ne.

86) Ш 2, № 49: «*Писец, не знающий шумерского,— где ему составить* [85] *перевод?*» [Г.+Д.].— dub-sar eme-gir$_x$ nu-mu-un-zu-a inim-bal-e me-da ḫé-en-tùmu.

87) Ш 2, № 48: «*Тот, кто не может произнести* [86] „*a, a*“,— *где ему составить связную* [87] *речь?*» [Г.+Д.].— lú a-a nu-mu-un-da-aka-da-àm eme-kaš$_4$-kaš$_4$ me-da ḫe-en-tùmu.

88) Ш 2, № 56: «*Писец, не понимающий смысла — где ему составить перевод?*» [Г.+Д.].— dub-sar ša(g)$_4$-dab$_5$-(b)a nu-un-zu-a inim-bal-e me-da ḫe-en-tùmu.

89) Ш 2, № 45—46: [Учитель [88] сравнивается с драгоценным камнем [89]]. [Г.+Д.].— dumu-um-mi-a ^{na_4}gug-gim ti-ba un-šuš(!) [89] e-ne dub-sar-(r)a-àm ti-ba un-šuš(!) ^{na_4}za-gìn-(n)a-àm.

90) Ш 2, № 53: «*Младший писец слишком много* (*думает*) *о хлебе для своего пропитания* [90], *не обращает внимания на писцовое дело*». [Г.].— dub-sar-tur ninda ša(g)$_4$-gal-(l)a-né-šè bí-íb-diri(g)-diri(g)-ge nam-dub-sar-(r)a-šè ĝeštú(g) nu-ub-ši-ĝá-ĝá.

91) Ш 2, № 55: «*Вот слуга* [91], *понимающий по-шумерски!*» [Г.].— kinda$\tilde{g}$al eme-gir$_x$ ba-an-zu-a.

92) Ш 2, № 54: «*Плохой* [92] *писец становится заклинателем* (?), *плохой певец становится гудошником, плохой певчий становится флейтистом, плохой торговец становится погонщиком, плохой столяр становится прядильщиком, плохой оружейник становится изготовителем серпов, плохой строитель становится подносчиком глины*». [Г.].— dub-sar pe-el-(l)á lú-KA×LI-KA×LI-ma-kam nar pe-el-(l)á lú-gi-di-da-kam gala pe-el-

---

[85] Букв. «доставить» (здесь и ниже).

[86] Букв. «сделать»

[87] Букв. «быструю».

[88] Букв. «сын учителя», т. е. «некто из категории учителей».

[89] Выражение ti-ba не ясно ввиду многозначности слова ti; мы предполагаем, что речь идет о том, что подобно тому как драгоценный камень скрыт в породе, так мудрость учителя скрыта (его скромным образом жизни?).

[90] О термине ša(g)$_4$-gal см. прим. 38.

[91] Нечто вроде «лакей»?

[92] Г.: «опозоренный, разжалованный». Скорее «неудавшийся». Б. Ландсбергер переводит «*bungler*» («Proceedings of the XXIIIrd International Congress of Oriental sts», Camb., 1954, стр. 125).

(l)á lú-gi-gíd-a-kam dam-gár pe-el-(l)á da-ba-ri-ri-a-kam nagar pe-el-(l)á lú-^{GIŠ}bala-a-kam simug pe-el-(l)á lú-^{URUDU}guru$_{10}$-kam šidim pe-el-(l)á im-BU-BU-a-kam.

93) A″ 3, 6—7: «*Говорят: недоучка — телега, невежда — его дорога*» (недоучившемуся писцу легко эксплуатировать невежду). [Лэ.].— *la la-am-du-um-mi* ^{GIŠ}*eriqqu la mu-du-ú ḫar-ra-*[*an-šú*] (от шумерской версии сохранились только остатки).

94) K″ 13, 19: «*Грамота — мать красноречия, она — отец учителей*». [Лэ.].— nam-dub-sar-(r)a ama gù-dé-ke$_4$ e-ne a-a um-me-a-ke$_4$-eš (место для аккадской версии оставлено незаполненным).

IX. Низшее духовенство

[Подобно попу в русском фольклоре, низший жрец-певчий (*kalû*, шум. gala) был обычной мишенью насмешек.]

95) Ш 2, № 97: «*У певчего поле — рядом с домом*». [Г.] [93]. gala(?)-e(!) gán é-e ús-(s)a.

96) Ш 2, № 98: «*Певчий — топор для лодки*» (прорубит и потопит?). [Д.].— gala dùn ^{GIŠ}má-kam.

97) Ш 2, № 99: «*Если певчий зачинает ребенка, (он говорит): „пусть, как я, он построит город, пусть, как я, он даст жить Стране!“*» (иронич.)[94]. [Як.] [95].— gala-e dumu-né a-ḫa-ba-an-da-ra-ra uru^{ki} mà-a-gim ḫé-dù Kalam mà-a-gim ḫe-en-ti.

98) Ш 2, № 104: «*Нечто есть у певчего: объемом велико, а весом мало*». [Г.+ Д.].— níg gala-kam(!) lag-(g)a ab-gu-ul ki-lá-bé al-tur [96].

99) Ш 2, № 106: «*Певчий, если он не хорошо поет, это мертвый (?) певчий*» (букв. «Певчий, который не хорош (в исполнении) заклинаний, и т. д.»). [Г.+ Д.].— gala KA×LI-KA×LI nu-dùg-(g)a ug$_5$-gala e-ne.

100) Ш 2, № 101: «*Говорят: певчий, если лев его встретит в степи, как идти ему в Ириму, у ворот Иштар, начнет бросать палки в глиняного (?) льва, (говоря): „Что это делает твой брат в степи?“*» [97]. [Як.+ Г.]. — gala-e ur-maḫ-e eden-(n)a ù-mu-ni-in-te ḫe-en-du URU×GAR^{ki}-a ká-^{d}Innina-šè ur-LA-da-ke$_4$ ^{GIŠ}ŠUB(?) [98] ì-ra-ra: šeš-zu eden-(n)a ta-àm mu-un-ak e-še.

101) Ш 2, № 100: «*Если певчий, садясь, поскользнется (он скажет): „это, мол, от (богини) Иннин, (она) — госпожа моя,— ни за что не стану вставать“*» [97]!». [Як.].— gala-e tušu-da-né ḫa-ba-an-da-zé-er àg̃(!)-Ga-ša-an-an-(n)a ga-ša-an-mu ba-ra-zi(g)-zi(g)-dè-en e-še.

102) Ш 2, № 103: «*Говорят: если у певчего тонет баржа с хлебом, он(?) стоит на берегу (и говорит): „(бог) Энки*» [99]! *Пусть тебе пойдет впрок* [100] *то, что ты у меня отбираешь“*» [97]. [Як.].— gala-a ^{GIŠ} má-še-ka-né ḫa-ba-

---

[93] Певчий зарабатывает не в поле, а в храме.

[94] Соль, по-видимому, в том, что певчий обычно был евнухом.

[95] Г. настаивает на другом, с нашей точки зрения неубедительном переводе («когда певчий бросил своего сына в воду...»).

[96] Может быть речь идет о голосе певчего? Ср. аналогичный, довольно неясный по содержанию афоризм-анекдот Ш 2, № 101: «*Раб певчего воет на площади: мое довольствие объемом велико, а весом мало! Я скажу, (каков) объем моего довольствия: в (нашем) квартале (только?) копье* (Як. думает о культовом копье, водружавшемся перед храмом) *приблизится к нему*». Не означает ли это, что раб певчего должен питаться только одним голосом своего хозяина?

[97] Певчий говорит на «женском языке» eme-sal.

[98] Г. читает ^{GIŠ}ilar, букв. «метательная палица».

[99] Энки (на «женском языке» Аманки) — бог пресных вод.

[100] Букв. «пусть тебя радует». По Г., восстановление конца строки сомнительно.

da-an-su bara-rim$_4$-(m)a ba-e-gub [101] ^{d}Am-an-ki [mu-da-a]b-kar-kar-(r)e(?)-na(?)-zu(?) [ḫé-d]a(?)-ḫúl-(l)e-e[n(?)] e-še.

X. Официозные пословицы и поговорки [102]

103) Ш 1, №№ 82—83: «*Не отвечают проклятьем на проклятье: отвечающий проклятьем был проклят в ответ. В (самом) осуждении — его же осуждение, в проклятье — его же проклятье: в (самой) судьбе ее же повторение* (?)». [Г.].— áš-du(g)$_4$-du(g)$_4$-ge áš nu-mu-ni-in-gi$_4$ áš-e gi$_4$-a áš-a ba-ni-in-gi$_4$; in-(n)a in-bé-em áš-a áš-bé-em nam-tar-(r)a ki-gibil-gibil-(l)a-bé.

104) Ш 1, № 100: «*Взятый из рядов (букв. „внутри поднятый“) не должен быть надзирателем, пастух не должен быть земледельцем* (или старшиной земледельцев — в разные периоды engar был тем или другим)». [Г.].— ša(g)$_4$-bé zi(g)-ga ugula nam-me sipa(d) engar nam-me.

105) К 9, Лиц., II, 11—14: «*Не совершай преступленья — страх перед богом не пожрет тебя*». [Лэ.].— *sà-ar-t*[*a*] *la te-pu-u*[*š*] *pu-luḫ-ta* [*ili*] *la ik-kal-k*[*a*] (шумерская версия не сохранилась).

106) К″ 9, Лиц., II, 15—17: «*Не клевещи,— печаль не влеки в свое сердце*». [Лэ.+ Д.].— *a-ma-ta la tu-lam-man* [*n*]*i-i*[*s*]*-sà-tu ina libbi-ka* [*la ta-š*]*ad-da-ad* (шумерская версия не сохранилась).

107) К″ 9; Лиц., II, 18—21: «*Не твори зла — не приобретешь вечной беды*». [Лэ.].— [*le*]*-mut-ta* [*la*] *te-ep-pu-uš* [*dan-n*]*a-ta da-ri-ta* [*l*]*a te-leq-qé* (шумерская версия не сохранилась).

108) К″ 7, 17—18: «*Ходи* [103], *не ходи — (всё подвластно) богу, твоему господину*». [Д.].— *a-lik e ta-a*[*l*]*-l*[*i-ik*] *ana ili be-lí-*[*ka*]; gen-(n)a na-an-du-un diĝir nin-zu-šè [104].

109) К″ 5, II, 44—45: «Мал или велик [105] — только бог твой союзник». [Лэ.].— *ṣe-ḫe-er r*[*a-bi*] *ilum-ma r*[*e-ṣu-ka*]; [sig] kala(g)-ga diĝir á-daḫ]-zu na-nam.

110) К″ 5, II, 42—43: «*Твой союзник — не богатство, а только бог*». [Лэ.].— *re-ṣu-ka ul maš-*[*ru-ú*] *i-lu-ut*[*-ma*]; [á-d]aḫ-zu níg-tuku nu-me-a [diĝir]-(r)a-àm.

111) К″ 5, IV, 24—26: «*Когда ты увидишь пользу почитания бога — ты прославишь бога (и) благословишь царя*». [Лэ.].— *u*$_4$*-ma né-me-el pa-la-aḫ ili ta-ta-mar ila ta-na-'a-ad ana šarri ta-kar-rab*; u(d)-da á-tuku ní-te diĝir-(r)a mu-ni-in-lá diĝir ár-ak-en ù lugal-ra ba-an-(n)a-ab-(b)é [106].

112) К″ 5, IV, 9—11: «*В помощь тебе во дворце,— пусть (даже) царь твой ничего не знает,— (за тебя) будет ему говорить (бог) Шамаш* [107]». [Д.].— (аккадская версия не сохранилась); nam-á-daḫ é-gala-zu-šè lugal-zu níg-nu-zu ḫé-a ^{d}Utu an-(n)a-ab-(b)é.

---

[101] Грамматическая форма этого слова не ясна.

[102] Приводимым ниже официозным пословицам противостоят пословицы типа «на бога надейся, а сам не плошай», например, К″5, II, 29—30 (с вариантом II, 31—32): «*Препояшься (оружием) — бог тебе (будет) помощник*».— [*šit-p*]*ár-ma i-lu* [*lu*] *na-ra-ar-ka*; da-da-ri ú-bí-du(g)$_4$ diĝir-zu ki-a-zu ḫé-a; К″ 5, II, 23—26: *Когда ты обдумаешь — бог твой с тобой* (букв.: „*твоё*“), *когда не обдумаешь — бог не с тобой*».— *u*$_4$*-ma ta-kap-pu-ud il-ka ku-u u*$_4$*-ma la ta-kap-pu-ud il-ka la-a ku-u*; u(d)-da ir-pag an-ak-en diĝir-zu níg-zu u(d)-da ir-pag nu-an-ak-en diĝir-zu níg-nu-zu.

[103] Или «ходящий». Также и соответствующая шумерская форма может иметь оба значения.

[104] Лэ.: «Ходи или не ходи к богу, твоему господину». Язык шумерской версии — варварский; дословно: «Ходи (или: „ходящий“) не идет — к богу (или: „богине“) госпоже твоей».

[105] В шум. «слабый (или) сильный».

[106] Шумерская версия — перевод с аккадского (?).

[107] Божество правды и справедливости.

113) K″ 5, IV, 14—15: «*Народ без царя — овцы без пастуха*». [Лэ.].— (аккадская версия не сохранилась); un lugal nu-me-a udu sipa(d)-bé in-nu.

114) K″ 5, IV, 16—17: «*Народ без надзирателя — вода без* gú-gal*'я* [108]». [Лэ].— (аккадская версия не сохранилась); un ugula nu-me-a a gú-gal-bé in-nu.

115) K″ 5, IV, 18—19: «*Отряд людей* [109] *без начальника — поле без земледельца*». [Лэ.].— *ṣābu* [109] [*ša la-a la-p*]*u-u*[*t-t*]*e-e eq*[*lu ša la*]*-a ik-ka-r*[*i*]; erén [109] nu-bàn-da nu-me-a a-ša(g)$_4$ engar-(r)a in-nu.

116) K″ 5, IV, 20—21: «*Дом без хозяина — женщина без мужа*» [110]. [Лэ.]. —*bītu ša la-a bēli sinništu ša la-a mu-ti*; é en-bé nu-me-a mí nita(h) nu-tuku.

117) K″ 6, 4—5: «*Дворец — как у* (*бога*) *Ану веление его верно*; *царь, как* (*бог*) *Шамаш, любит справедливость, ненавидит кривду!*». [Лэ].— *ēkallu ki-ma* ^{d}*A-nim qí-bi-is-s*[*a ke-na-at*] *šarru ki-ma* ^{d}*Šá-maš mi-šá-ra i-ra-am* [*rag-ga i-zi-ir*]; [é-gal An-(n)a-gim d]ug$_4$-(g)a-né zi(d)-da [lugal ^{d}Utu-gim níg-si-sá ki-ba-]ág níg-NE.RU ḫul-ba-gig.

118) K″ 6, 1—3: «*Веление дворца — как веление* (*бога*) *Ану, им нельзя пренебречь* (?) [111]; *царь — слово его, как* (*слово бога*) *Шамаша верно, веление его несравненно, речь его непреложна*». [Лэ.].— *ēkallu qí-bi-is-sa ki-ma qí*[*-bi-it* ^{d}*A-nim*] *ul na-da-at šarru ki-ma* ^{d}[*Šá-maš a-mat-su ke-na-at*] *qí-bi-is-su ul iš-šá-na-an ṣ*[*i-i*]*t p*[*i-š*]*ú* [*ul ut-tak-kar*]; [é-gal du(g)$_4$-ga-n]é An-(n)a-gim nu-gama-da [lugal ^{d}Utu-gim] inim-a-né zi(d)-da [du(g)$_4$-ga-a-né nu-..... ka-t]a-è(d)-a-né šu-nu-bal-e.

119) K, письмо HABL, 652, 10—13: «*Тень бога — человек, а тень людей — (их) достояние*» (или: «польза») [112]. [Д.].— *ṣilli ili a-me-lu* [*u*] *ṣilli* ^{LÚ}*a-me-le-e* [*né*(??)]*-me-lu* [112].

120) K, там же: «*Царь — это зеркало* (*?*) [113] *бога*». [Лэ.].— *šarru šu-ú* [*qé-*]*e mu-uš-šu-li ša ili.*

Итак, коллективный автор этих пословиц мыслит себе общество в масштабе «города» — общины (№ 4—6); для него важна общинная солидарность (№ 1—3), но народное собрание общины не имеет уже для него большого значения — если не считать указаний на важность красноречия (№ 11, 12? и 94); семейные узы его обширны и крепки (№ 10); важное значение имеет произведение на свет потомков (которые могут поддерживать посмертный культ отца, № 13); в то же время для бедняка его дети — источник для выручения средств с целью спастись от долговой кабалы (№ 54 и 21?), которая вечно грозит ему (№ 46—56); он завидует бродягам-изгоям *ḫapīru*, ведущим вольную жизнь (№ 36 и 77). Положение женщины — приниженное (№ 12, 14, 21 и 24), ее могут продать

[108] Заведующего орошением и распределяющего воду.

[109] Дословно «воин(ы), работник(и)»; также вообще «люди, отряд».

[110] В шумерской версии «без мужчины». Ср. в письмах РибАдди, царя Библа, к фараону (архив Амарны) неоднократно цитируется пословица, на которую обратил внимание еще В. К. Шилейко, а позже Лэ.: «поле мое похоже на жену без мужа, потому что (оно) без пахаря» (№ 74, 18—19; 75, 15—17; 81, 37—38, 90, 42—44 по изданию VAB II).

[111] Акк. букв. «не лежит, не брошено»; шум. «не может быть согнуто (покорено)».

[112] Обычно читают и здесь [*a-*]*me-lu*, но переводят «раб»; действительно, существует почти в точности аналогичный хеттский афоризм. Но, с другой стороны, выражение *silli amēlē amēlu* представляется очень странным и маловероятно, чтобы оно могло значить «тень людей — раб», тем более, что, как правильно указывает Лэ., позднее аккадское наименование раба — не *amēlu*, а *amēlūtu*. *Nēmelu* — «прибыль, доход, имущество», также «польза», ср. наш № 111.

[113] Букв. «[медь (?)] уподобления».

в гетеры (№ 20 и 21), но женщина-беднячка, в общем, свободнее в общении со сверстниками (№ 16, 24 и 39). Рабов у автора пословиц обычно нет, и он готов сочувствовать их горькой судьбе (№ 57); он все еще считает, что земля — божья (№ 67), и брать за нее плату — грех, хотя это и делается. Однако луг остается бесплатным, следовательно, пастбище — общинное. Автор пословиц остро чувствует подавляющее господство неравенства и социальной несправедливости (№ 57—79), в которой обвиняет дурных судей (№ 78—79), чиновников, купцов-тамкаров, придворных,— но, видимо, не царя и не богов, хотя к ханжеству низшего жречества у него насмешливое отношение (№ 95—102).

Это — не картина общественных отношений середины III тыс.— хотя некоторые из афоризмов, видимо, восходят к этому времени — слишком большое место в сознании автора занимают отношения кредитные; но он — свободный крестьянин, со своей гордостью (№ 43?), а не прикрепленный к земле переселенец, уведенный царскими войсками; значит, это и не начало I тыс. до н. э. Рисуемая пословицами и поговорками картина — это в точности картина общества Двуречья конца III и II тыс. до н. э., как она нарисована по другим источникам в работах академика В. В. Струве и в тех других советских исследованиях, толчок которым он дал. Этим решается и вопрос о датировке основной массы приведенных пословиц и поговорок.

О. Д. Берлев

СТОИМОСТЬ РАБА В ЕГИПТЕ ЭПОХИ СРЕДНЕГО ЦАРСТВА

В 1929 г. Б. Ган опубликовал небольшую биографическую надпись времени позднего Среднего царства [1]. Биографические тексты для той эпохи вообще редки и потому интересны, этот же особенно интересен, так как в нем рассказывается, какими путями рядовой воин из гор. Этбо (совр. Эдфу) приобрел значительное имущество. Однако надпись настолько трудна, что ее издатель вынужден был признаться в непонимании ее [2]. Он это даже подчеркивал, пожалуй, слишком резко, без сомнения, с целью привлечь к памятнику внимание и со стороны филологов. В этом он, к сожалению, не преуспел, и с 1929 г. работа над текстом памятника не велась. Те же, кого надпись интересовала, учитывали ее в пересказе Гана.

В его интерпретации содержание надписи сводилось к следующему: воин ḥ3-ʿnḫ.f, житель гор. Этбо, в предельно короткий срок (13 дней) сумел достигнуть какой-то местности на юге страны Куш, по всей вероятности, Кермы. Возможно, напротив, что ḥ3-ʿnḫ.f плыл не из Этбо в Куш, а из страны Куш в Этбо. Тогда можно предположить, что за 13 дней он перевез с юга свою семью в родной город. Приобретенное на юге имущество — золото и 26 рабынь — каким-то образом «поглотила» (прожила?) его первая жена jjj, к моменту изготовления памятника уже покойная. Поэтому своей второй жене, Хармооне, и детям воин может уделить только микроскопические земельные участки (27 кв м каждый), которые ему дают за шестилетнюю службу в стране Куш.

С этой интерпретацией, условность и гипотетичность которой подчеркивал сам Ган, конечно, нельзя согласиться; между тем, если «вслушаться» в слова ḥ3-ʿnḫ.f, можно, мне кажется, понять ход его мыслей.

Прежде всего, надпись содержит рассказ лишь об одном событии в жизни ḥ3-ʿnḫ.f — походе в страну Куш. Именно поход в эту страну имелся в виду, а не поездка оттуда в Этбо, как должен был допускать Ган.

В самом деле, ḥ3-ʿnḫ.f совершенно недвусмысленно сообщает об этом в словах: jnk ʿḥ3wtj ḳn ʿḳ ḏb3 sfḫ.j ḥmt ḫrdw ... m rsj kšj m 13 n hrw. Однако Ган закрыл себе путь к пониманию фразы, истолковав причастие ʿḳ «вступивший» как известный жреческий титул — «имеющий доступ» в святая святых храма. Такое толкование, разумеется, совершенно исключено.

---

[1] B. G u n n, A Late Middle Kingdom Stela from Edfu, ASAE, 29, 1929, стр. 5—14. Ср. T. S ä v e — S ö d e r b e r g h, A Buhen Stela from the Second Intermediate Period, JEA, 35, 1949, стр. 57—58.

[2] «what there are is not clear to me» (G u n n, ук. соч., стр. 5).

Указанный титул никогда не употребляется самостоятельно, но только служит пояснением к основному: «жрец-уэб», «жрец-волхв» и т. п. Самостоятельный «титул» ʿḳ применяется, собственно, только к слугам, имеющим доступ в парадные покои дома или дворца. Конечно, оба термина в равной степени далеки от деятельности воина ḥ3-ʿnḫ.f. Между тем слово ʿḳ и можно, и нужно понять совершенно буквально.

Ведь ḥ3-ʿnḫ.f говорит о поездке, следовательно, с его стороны логично иметь в виду вступление, прибытие в Этбо. Это наиболее простое осмысление подтверждается и всем дальнейшим. В частности, глагол sfḫ, затруднивший Гана, оказывается вполне на своем месте. Ган переводил его: «I left my wife ... to (go to?) my affairs (?)...», но не исключал еще и другую возможность: «I released my wife ...», имея в виду перевоз семьи из страны Куш в Этбо. Ниже мы увидим, что фразу «to (go to?) my affairs (?)» надо понимать совершенно иначе, тогда перевод «leave» для sfḫ лишается почвы. Между тем, глагол sfḫ, и это известно «Словарю» (Wb, IV, 116, 21—23), широко употребляется в значении «разделения, разлучения», составляя близкий синоним к глаголу wpj [3]. Именно этот последний оттенок дает особенно хороший смысл всей фразе в целом: «Это я — боец доблестный, вступивший в город Этбо, после того как я был разлучен с женой, детьми ... на юге страны Куш в течение 13 дней» [4].

Стало быть, весь поход в страну Куш (движение туда — обратно и военные действия там) занял 13 дней, так как именно в течение этого времени воин был разлучен со своей семьей. На это могут возразить, что за 13 дней из Этбо можно только добраться до страны Куш, которая, согласно исследованиям Ж. Позенера, лежала за вторыми нильскими порогами [5]. Однако следует иметь в виду, что Кушем второе запорожье называли лишь при XII династии и в начале так называемого второго переходного периода. В конце этого периода, как и в Новом царстве, в Куш определенно включали всю Нубию, т. е. первое запорожье. Это достоверно следует из надписей Камосе и его современников [6]. В надписи ḥ3-ʿnḫ.f, которая датируется довольно поздним этапом периода, такое употребление топонима неудивительно. Напротив, следовало бы удивляться, если бы Куш в надписи ḥ3-ʿnḫ.f понимали по-прежнему, как страну за вторыми порогами, так как слабые цари позднего Среднего царства не в состоянии были предпринимать походы так далеко, ограничиваясь набегами на Нубию.

Итак, ḥ3-ʿnḫ.f сообщает о том, что набег в Нубию, участником которого он был, длился всего 13 дней. Это число для историка, конечно, любопытно, но если оно не фиксирует спортивного рекорда, как полагал Ган, зачем понадобилось ḥ3-ʿnḫ.f его приводить? К чему было намеренно это подчеркивать? Видимо, для сравнения. Срок похода должен быть противопоставлен в надписи другому.

---

[3] Может управлять двойным объектом (или двумя однородными): ср. E. Naville, Das ägyptische Todtenbuch, B., 1886, Кар. CX, Einleitung 4 (Aa): sfḫ.n.j ḫrw stḫ «разнял я Хора с Сетхом (или: Хора и Сетха)».

[4] Или «были разлучены я и жена, дети ...».

[5] G. Posener, Pour une localisation du pays Koush au Moyen Empire, «Kush», VI, 1958, стр. 39—68.

[6] A. H. Gardiner, The Defeat of the Hyksos by Kamōse: the Carnarvon Tablet № 1, JEA, 3, 1916, стр. 95—110; P. Lacau, Une stèle du roi «Kamois», ASAE, 39, 1939, стр. 245—271; M. Hammad, Découverte d'une stèle du roi Kamose, CdÉ, 60, 1955, стр. 198 сл.; T. Säve-Söderbergh, The Nubian Kingdom of the Second Intermediate Period, «Kush», IV, 1956, стр. 54—61; он же, A Buhen Stela ..., стр. 50 сл.; он же, Ägypten und Nubien, Lund, 1941, стр. 141. Следует подчеркнуть, что слово «Куш» в надписи ḥ3-ʿnḫ.f написано так же, как и в надписях Камосе и его современников,— kšj. При XII династии этот топоним писали иначе, см. Säve-Söderbergh, A Buhen Stela ..., стр. 52—53.

Так действительно дело и обстоит. Рассказав о походе в Куш, ḫ3-ʿnḫ.f начинает перечислять имущественные приобретения, завершая их словами: «было возмещено мне за 6 лет». Ган понимал заключение надписи в отрыве от общего контекста, полагая, что в заключении речь идет об уплате жалования за 6 лет воинской службы на юге страны Куш. В действительности же оба числа сравниваются.

Тогда вся надпись в целом получает логичное истолкование. Человек, называющий себя «воином доблестным», совершает поездку в страну, относившуюся к Египту, как мы знаем из других источников, враждебно. Едва ли могут быть сомнения в том, что это был военный поход или, принимая во внимание скромные масштабы всего предприятия, набег. Если же воин, рассказав о набеге, начинает перечислять, что ему удалось купить (именно «купить» [7]), и завершает перечень словами «было возмещено мне за 6 лет», явно сравнивая продолжительность похода (13 дней) с вознаграждением за 6 лет, то из всего рассказа с очевидностью следует, что речь идет о военной добыче, точнее, о покупках за счет военной добычи — предприятия, по мнению ḫ3-ʿnḫ.f, весьма выгодного, ибо он затратил на него 13 дней, а «заработал» свой нормальный шестилетний доход.

Получив за 13 дней столько, сколько в обычное время он накопил бы лишь за 6 лет, ḫ3-ʿnḫ.f счел необходимым рассказать всему миру о своем скором обогащении. Этим рассказом он несомненно оправдывал тот лестный эпитет, которым он похваляется в надписи: «боец доблестный». То, что «доблесть» в те времена вообще могли понимать так, как это делал ḫ3-ʿnḫ.f, доказывает надпись Камосе: грабящие и мародерствующие воины сравниваются там со львами [8].

Пожалуй, надпись ḫ3-ʿnḫ.f совершенно уникальна в одном отношении. Если сведений о грабежах и мародерстве на завоеванной территории сколько угодно, то такое обстоятельное сообщение о доле в добыче самого обычного воина, сравненное с его доходами в мирное время, как будто попадается нам впервые.

Посмотрим, велики ли приобретения ḫ3-ʿnḫ.f. Купленные им земельные участки казались исследователям микроскопическими. Ведь ḫ3-ʿnḫ.f пишет: «Приобрел [7] я землю (z3tw „почва“) 2 mḥ, один для Хармооне (жена воина) из них ..., я владею другим ... Приобрел я землю mḥ-n-t3, отданную детям».

Если исходить из обычного значения слова mḥ/mḥ-n-t3 — «локоть»/«земельный локоть» (мера площади), следовало бы признать, что дети ḫ3-ʿnḫ.f,— а их у него было шестеро,— должны были кормиться с земельного участка величиной в 27 кв м. Разумеется, это абсурд. Из надписи совершенно ясно, что речь, собственно, идет не о трех земельных локтях, но о трех участках земли, один из которых воин оставляет для себя, второй передает жене, а третий — детям. Размеры не указываются.

Такое слово mḥ «земельный участок», не вошедшее в «Словарь», действительно существует. Г. Дж. Фишер собрал несколько примеров интересной формулы на межевых камнях [9]: mḥ n N — mḥ X:

1) Университетский колледж, Лондон, 10712:

[7] jnj «покупать» (jnj r jsw), см. T. E. P e e t, The Egyptian Words for «Money», «Buy», and «Sell», «Studies Presented to F. Ll. Griffith», L., 1932, стр. 122 слл.

[8] «Доска Карнарвона», стк. 15.

[9] H. G. F i s c h e r, Land Records on Stelae of the Twelfth Dynasty, RdÉ, 13, 1961, стр. 107—109. Фишер полагает, что эти камни были вотивными, а не межевыми.

«the (land) cubits belonging to the overseer of the army Tẖw — Mnṯwḥtp: 32 cubits».

2) ASAE, 56, табл. IX:

«the (land) cubits belonging to the Estate of Amenemhēt justified, belonging to Rꜣ-wꜣty, which are on the waters of this town, and which are north of the Estate of Ḫtty in Rꜣ-wꜣty: 26 cubits».

3) CM 20181:

«the (land) cubits belonging to the Hereditary Prince, etc., ... ʾIn-ỉt.f».

Приведенные примеры убедительно иллюстрируют двузначность слова mḥ. С одной стороны, это понятие, связанное со счетом, без сомнения, — мера площади: «локоть» или, точнее, «земельный локоть», с другой — название владения: «надел», «участок» или подобное. Только признав такую двузначность, мы сможем объяснить и непонятное иначе повторение слова mḥ в обнаруженной Фишером формуле, и отсутствие цифр при этом слове в ряде случаев. В целом же формулу следует переводить: «участок такого-то, земельных локтей столько-то».

В недавно изданном папирусе Райзнер I слово mḥ употребляется именно в этом смысле, как «участок» под строительство [10].

Размеры участка mḥ могли быть различными. Фишер приводит два mḥ: один — 34, другой — 26 локтей. Все же нетрудно наметить предел, за который размеры участка mḥ перейти уже не могли. Этот предел — следующая по степени мера площади ẖꜣ «тысяча» (подразумевается «земельных локтей»). В позднем Среднем царстве эту меру начали называть уже ẖꜣ-tꜣ «земельная тысяча» и mḥ-n-tꜣ нашей стелы — не более как коррелят этого нового названия. Со временем под ẖꜣ-tꜣ, совершенно так же, как и под mḥ, стали понимать не только меру площади, но и участки, измеряемые этой мерой — явление, обследованное А. Гардинером [11]. В конце концов целые массивы царских земель получили наименование «ẖꜣ-tꜣ фараона».

Историю обоих слов можно представить таким образом: ẖꜣ-tꜣ: «тысяча земель(ных локтей)» — «участок», измеряемый этой мерой; mḥ-(n)-tꜣ: «земельный локоть» — «участок», измеряемый этой мерой.

Таким образом, воин ḥꜣ-ʿnẖ.f приобрел три земельных участка, каждый из которых должен был быть меньше 1000 земельных локтей [12]. На самом деле участки ḥꜣ-ʿnẖ.f насчитывали, вероятно, лишь десятки земельных локтей; во всяком случае, примечательно, что отнюдь не простой воин, как ḥꜣ-ʿnẖ.f, но военачальник, мог иметь надел всего в 34 локтя.

Сверх трех участков-mḥw ḥꜣ-ʿnẖ.f делает еще одно приобретение, и сообщение о нем, как мы убедимся, составляет самую интересную часть надписи.

В переводе Гана интересующая нас фраза гласит: «I brought back gold, and 26 maidservants. Ay consumed them, and nothing of them was left for my other wife». Этот перевод, однако, не соответствует действительности, такой, как она обрисована в надписи. В самом деле, по Гану ḥꜣ-ʿnẖ.f —

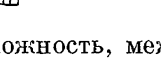
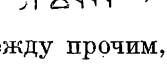
[10] W. K. Simpson, Papyrus Reisner I, Boston, 1963, стр. 35—36.

[11] A. H. Gardiner, The Papyrus Wilbour II, Oxf., 1948, стр. 165—166.

[12] sṯꜣt, аруру, иногда называют «сотней», подразумевая «локтей», ср. P. Lacau—H. Chevrier, Une chapelle de Sésostris I à Karnak, Le Caire, 1956. Можно было бы предположить, что участки-mḥw не превышали «сотню», однако sṯꜣt, или «сотня», так и не развилась в название участка земли и поэтому не противополагалась земельному локтю так, как «тысяча».

двоеженец. Одну часть его имущества «поглотила»-де одна его жена jjj, зато другую свою жену Хармооне (ḫrw-mnjw) и детей воин обеспечил землей, о чем далее говорится в надписи. Но в действительности — и это чрезвычайно важно для уразумения слов ḥ3-ʿnḫ.f — у него была только одна жена — Хармооне, мать его детей.

В заупокойной формуле семья ḥ3-ʿnḫ.f описана так: «ḥ3-ʿnḫ.f, жена его Хармооне, сын его Харембахде, сын его Птахуэр, сын его bbj, дочь его Нофре, дочь его z3t-jsj, дочь его Хармооне». Земельные участки он также покупает для себя, для Хармооне и своих детей. Буквально перед интересующей нас фразой ḥ3-ʿnḫ.f вновь вспоминает «жену и детей», безусловно Хармооне с ее детьми. Следовательно, у ḥ3-ʿnḫ.f была только одна жена, Хармооне, и никакой jjj в его семье не существовало.

Однако ввиду детерминации слова jjj знаком его можно понять только как собственное имя, либо как часть такового. Первое исключено, поскольку оно предполагает, что какая-то jjj входит в семью ḥ3-ʿnḫ.f, что, как мы видели, не соответствует действительности. Остается одно: все предшествующее сочетание слов вплоть до слова b3kt «рабыня» объединить в одно женское имя wšʿ-st-jjj, которое, видимо, следует к тому же читать wšʿ-sḫt ( вместо ) и соотнести его со словом «рабыня». Такую возможность, между прочим, учитывает и Ган, так как его также смущает отсутствие jjj в списке семьи, но он от этого предположения отказывается: «I can see no translation of the second sentence which would then give any sense». Он имеет в виду слова, переведенные им как «nothing of them was left for my other wife», но и они были истолкованы им неверно. В надписи сказано недвусмысленно: n kt ḥmt, а не n kt.j.j ḥmt, как транскрибирует Ган, следовательно, «для другой женщины», а не «для другой моей жены». Таким образом, мифическая jjj может быть окончательно элиминирована.

Следовательно, при интерпретации настоящего отрывка мы можем исходить из совершенно достоверного факта, что у ḥ3-ʿnḫ.f была только одна жена, Хармооне, откуда столь же достоверно следует и другой факт, что wšʿ-sḫt — женское имя. Отсюда вытекает и третий бесспорный вывод: это имя следует соотнести с предшествующим ему званием «рабыня», из чего, наконец, очевидно, что ḥ3-ʿnḫ.f приобрел не 26, а всего только одну рабыню; цифры же «26» необходимо связать со словом «золото», т. е. «золота 26 (весовых единиц)» [13]. Надо отметить при этом, что египтяне обыкновенно при золоте не выписывают название единицы веса [14].

Слова «I brought back...» следовало бы понимать таким образом, что золото и рабыня — военные трофеи ḥ3-ʿnḫ.f, добытые им в стране Куш. Но этот же глагол jnj уже в следующей строке надписи повторяется дважды в бесспорном значении «покупать»: «купил я два земельных участка...». Несомненно, и в отрывке, трактующем о рабыне, который составляет целое с последующим, касающимся приобретения недвижимости, глагол jnj имеет тот же смысл.

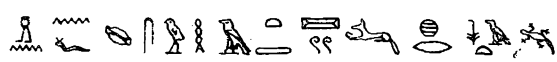
Стало быть, ḥ3-ʿnḫ.f говорит о приобретении золота, 26 весовых единиц, рабыни wšʿ-sḫt, заключая абзац словами: «не осталось из них (ни-

[13] Так же и S ä v e - S ö d e r b e r g h, A Buhen Stela ..., стр. 57—58.

[14] Ср. надписи на гирях , , вместо , , например, F. Ll. G r i f f i t h, Notes on Egyptian Weights and Measures, PSBA, XIV, 1892, стр. 442.

чего) для другой женщины». Местоимение «их» может относиться только к весовым единицам, единственному множественному понятию во всей фразе.

Если покупка рабыни вполне понятна, покупка золота вызывает недоумение. Ведь покупка золота, казалось бы, должна означать продажу чего-то в обмен на золото. Разумеется, ḫ3-ʿnḫ.f, реализуя захваченную в стране Куш добычу, мог часть ее обратить в золото, истратив другую на рабыню и землю. Но фраза «не осталось (ничего) из них для другой женщины» показывает, что 26 единиц золота предназначались для рабыни wšʿ-sḫt и ни для кого другого. Иными словами, ḫ3-ʿnḫ.f приобрел цену рабыни, т. е. самое рабыню за эту цену [15]. Дело в том, что в египетской идиоматике купля нередко сводится к приобретению стоимости, т. е. к покупке денег, овеществленных в товаре, или, иными словами, покупке товара, оцененного в деньгах. Для египтянина, таким образом, вещь никогда не переставала быть товаром, т. е. не теряла своей меновой стоимости. Это явление было обусловлено своеобразной системой обмена, развитой в Египте до совершенства, на основе общего мерила стоимости. Оцененные в металлах вещи постоянно находились в обращении; ими производились все платежные операции. Любая вещь, вплоть до предметов обихода, была теми же деньгами, эквивалент которых определялся по общему мерилу стоимости: зерну, меди, серебру или золоту. Пит, открывший этот идиом [16], указывает несколько примеров времени XX династии, из которых достаточно привести два: «(Я взяла 1 кольцо) jw.j jnt.f m šs и купила его в виде зерна» (пап. Брит. муз., 10052,6,7); воры, укравшие 5 ките золота, говорят: jw.n jnt.w m jt «мы купили их в виде ячменя» (пап. Брит. муз., 10053, 3,11). Кроме того, Пит полагает, что этот идиом засвидетельствован уже в пап. Ринд, 62. Во всяком случае, его знало уже раннее Старое царство. Так, знаменитый mtn говорит:



«он достал вознаграждение пашни сот 200 у царских людей многочисленных» (Urk., I, 2, 8), выражая в другом месте надписи эту же мысль: jn.n.f r jsw ʒḫt... (Urk., I, 4, 8) («достал он (некую сумму) за вознаграждение пашни...», между тем как также возможно было сказать:

«достал я дом этот за вознаграждение у писца tntj» (Urk., I, 157, 15). Мы попытались в специальном исследовании показать, что эта же идиоматика свойственна языку Хекнахта [17].

---

[15] Сэве-Сэдерберг (S ä v e - S ö d e r b e r g h, A Buhen Stela..., стр. 57—58) иначе толкует эти слова, полагая, что в надписи подчеркивается верность ḫ3-ʿnḫ.f своей семье: Хармооне и ее детям. Воин-де не берет, несмотря на богатство, второй жены, чтобы не делить имущество семьи. В таком случае замечание ḫ3-ʿnḫ.f было бы более к месту в конце надписи, так как тогда оно относилось бы ко всем приобретениям ḫ3-ʿnḫ.f. Однако можно указать на то, что землю ḫ3-ʿnḫ.f уже распределил между членами своей семьи, и только золото и рабыня оставались собственностью семьи в целом, в которую воин не собирался включать новую жену. С мнением Сэве-Сэдерберга трудно согласиться. Ведь если у ḫ3-ʿnḫ.f была одна семья, излишне казалось бы подчеркивать, что он не обзаведется другой. Да и местоимение «их» едва ли могло относиться к «золотым» и к рабыне, как полагает шведский ученый. Наиболее естественно отнести местоимение только к «золотым», а «другую женщину» — к рабыне.

[16] P e e t, ук. соч., стр. 123.

[17] «Палестинский сборник», № 15 (в печати). Формула купли у Хекнахта: šdj šnʿ (t) n (t) X m-ḏb3 Y «брать ценность X взамен Y».

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11

Все эти примеры идиоматического выражения составляют поразительную параллель заявлению ḥ3-ʿnḫ.f, который купил 26 весовых единиц золота рабыни wšʿ-sḫt, причем цена рабыни была уплачена полностью этими 26 единицами: ни одна из них не предназначалась для покупки другой рабыни.

Перевод отрывка, таким образом, должен быть следующим: «купил я 26 весовых единиц золота рабыни wšʿ-sḫt, причем не осталось ничего из них для другой женщины», т. е. «купил я рабыню wšʿ-sḫt за 26 весовых единиц золота, из которых ни одной не осталось для (покупки) другой женщины».

Установленная здесь цена рабыни едва ли сможет иметь какое-нибудь значение для историка до тех пор, пока она не будет выражена в понятных нам единицах. Золотая единица Среднего царства равнялась примерно 15 г, но единицей ценности служила вдвое меньшая разновидность, которую египтяне называли šnʿw/šnʿtj. Нет сомнения, что именно эта последняя и имеется здесь в виду. Рабыня, таким образом, стоила около 195 г золота.

Обнаруженная в надписи ḥ3-ʿnḫ.f цена рабыни является самой древней известной нам, на несколько сот лет более ранней, чем те новоегипетские цены рабов, которыми мы располагали до сих пор. Любопытно, что цена из надписи ḥ3-ʿnḫ.f мало чем отличается от них. Ведь зная курс золота, котировавшегося в Среднем царстве по отношению к серебру как 2 : 1 (так же и при XX династии), нетрудно выразить цену wšʿ-sḫt в серебре — 390 г — и сравнить ее с максимальными новоегипетскими (в серебре). Цена этой рабыни немногим выше цены раба — 360 г — или девочки-сириянки — 373 г (XX династия) [18].

Это несколько неожиданно, так как колоссальный приток рабов извне в Египет от походов царей XVIII—XX династий должен был бы, казалось, значительно понизить цены на египетском рабском рынке. Но, конечно, наши сведения о ценах рабов пока слишком случайны и отрывочны, чтобы позволить сравнение доимперских цен с новыми, установившимися после образования огромной империи.

Отдельно же взятая цена wšʿ-sḫt, хотя и дает известное представление о стоимости раба в Среднем царстве вообще, все же не позволяет делать какие бы то ни было обобщения. К счастью, надпись ḥ3-ʿnḫ.f представляет нам еще дальнейший материал для сравнения.

Во-первых, обращает на себя внимание указание ḥ3-ʿnḫ.f о том, что цена wšʿ-sḫt настолько высока, что в случае покупки обычной рабыни, сверх уплаченной цены от 26 «золотых», должна была остаться еще какая-то сумма, которую можно было бы истратить на другую рабыню. Можно даже заключить из этих слов, что на 26 «золотых» воин мог купить двух рабынь, но более естественным представляется первое предположение. Таким образом, цена заурядной рабыни колебалась в пределах между 13 и 26 золотыми, и надо признать, что и эта средняя цена была все-таки очень значительной.

Далее, ḥ3-ʿnḫ.f тратит на покупку рабыни громадные деньги, между тем оказывается, что у него есть свои челядинцы, и не один, не два, а целые «ведомости» [19]. Именно так следует понимать слово rḫt в стк. 7, ко-

[18] Ю. Я. Перепелкин, Древний Египет, «Всемирная история», I, М.,'1955, стр. 333.

[19] Следует отметить, что детерминатив (вместо) при слове rḫt нормален. Понятия, обозначающие совокупность людей, издревле нередко так детерминировались. Ср. A. M. Bakir, The Slavery in Pharaonic Egypt, Le Caire, 1952, стр. 24—25.

торое Ган читал как два слова — r ḫt.j «to my affairs», что по его же признанию давало плохой смысл, а Сэве-Сэдерберг считал ошибкой вместо ḫt.j. В действительности ḥ3-ʿnḫ.f говорит только о разлуке со своими домочадцами: семьей и челядью.

«Ведомости» или точнее «(люди) ведомостей» — как иной раз называли челядь — известны нам и помимо надписи ḥ3-ʿnḫ.f. Именно этим словом называет своих людей один сановник XVIII династии (Urk., IV, 1026, 7), а неизвестный автор «Завещания царю Микерэ» (стки. 60—61) [20] советует фараону умножать личную гвардию, снабжая ее пашнями, скотом и «ведомостями». Надпись ḥ3-ʿnḫ.f доказывает, что эти щедроты распространялись и на армию. Обыкновенно цари жаловали пашни, скот и «челядь» (mrt), и, таким образом, «люди ведомостей» оказываются тождественными «челяди» (mrt). Сам по себе термин rḫt — чисто делопроизводительский и не имеет целью обособить обозначаемых им людей в какую-то специальную категорию. «Ведомости» могут составляться для актирования самых различных вещей, а также людей, различных по положению, но обозначение «ведомости» закрепляется за теми из них, для которых включение в ведомости было особенно характерно, т. е. для «челяди» (mrt). Дело в том, что все права владельца на «челядь» как раз фиксировались документами, содержащими полные списки зависимых людей. Сохранился один такой список, озаглавленный «ведомость челяди» (rḫt nt mrt) [21], другой назван «перечнем» (wpt) [22]. «Перечни» персонифицировались как и «ведомости». Одна чиновница, жившая на исходе Старого царства, считает себя, например, «любимой перечнями» (собственно, людьми перечней) своего мужа [23].

В «перечне» из Лехоне (совр. Иллахун) [22] люди некоего жреца называются ḏt «собственными», в каковую категорию «челядинцы» (mrt) входили наряду с «рабами» (b3kw). Однако нет сомнения, что и в упомянутом документе имелись в виду только челядинцы, так как именно «челядь» учитывалась в «перечнях». Так, некий домоправитель Энйотеф говорит о себе, что он был «перечисляющим (wpp, т. е. записывающим в перечни) челядь (mrt) сановников» [24].

«Челядь» (mrt) вообще ассоциировалась со всякого рода документацией. Номарх XV нома jpw, например, изобразив своих челядинцев, поясняет, что это «челядь его всякая в виде людей записей его всяких» (CM, 20025).

Итак, «записи» (zšw), «перечни» (wpt), «ведомости» (rḫt) — все это синонимы для mrt «челядь».

Без сомнения, «ведомости» были пожалованы ḥ3-ʿnḫ.f царем, и нам интересно было узнать, что льготы, которые отец царя Микерэ советует предоставлять гвардии, распространялись и на армию, и притом не только на ее столичные контингенты, но и на самые заурядные провинциальные городские полки.

Этим «ведомостям», или лучше сказать «челяди» (mrt), ḥ3-ʿnḫ.f противопоставляет рабыню — b3kt—, и такое противопоставление не случайно. Египтяне обыкновенно, как это установил Ю. Я. Перепелкин [25], четко

[20] W. S. Golénischeff, Les papyrus hiératiques nos. 1115, 1116A et 1116B de l'Ermitage impérial, St. Pétersbourg, 1913.

[21] LD, Text, IV, 54.

[22] F. Ll. Griffith, Hieratic Papyri from Kahun and Gurob. Plates, L., 1898, табл. X.

[23] Dows Dunham, Naga-ed-Dêr Stelae of the First Intermediate Period, Oxf., 1937, № 12.

[24] R. L. B. Moss, Two Middle-Kingdom Stelae in the Louvre, «Studies Presented to F. Ll. Griffith», Oxf., 1932, табл. 47b, стк. 5.

[25] Перепелкин, ук. соч., стр. 163—164.

отделяют «челядь», состоящую из «рабов царя» (ḫmw nswt) от рабов — b3kw [26]. В гл. 146 «Текстов саркофагов» [27], например, «челядь» и рабы упоминаются в составе семьи покойного. В гробнице wḥ-ḥtp в Меире [28] «челядь» и рабы (b3kw) изображаются наряду с его родственниками. На стеле вельможи времен Ментхотпа I изображаются пастухи и слуги, т. е. «челядь» (mrt), и один b3k [29], а на другой стеле в Турине — рабыня и слуги-челядинцы [30].

При этом особенно интересно следующее: если «челядь», т. е. в конечном итоге так называемые «рабы царя» (ḫmw nswt), в хозяйствах самых заурядных чиновников и военных представлены десятками, а иногда и сотнями голов, рабы-b3kw исчисляются в этих хозяйствах единицами.

В самом деле, провинциальный войсковой начальник bbj [31] увековечил в своей гробнице «ведомость» (rḫt) на «челядь» (mrt) из 40 голов «рабов царя», мужчин и женщин. Жительница «Южной столицы» (греч. Фивы), по всей видимости, чиновница средней руки, получила по дарственной [32] около сотни голов «рабов царя» и сирийцев, близких к последним по положению. Гвардейцам царь дарит сотни «голов». Так, один египтянин [33] при вступлении в гвардию получил 200 «голов», и хотя это герой сказки, самый обычай дарения челяди при вступлении в гвардию и даже цифры совсем не сказочные. Гвардеец ḫw-sbk [34] при аналогичных обстоятельствах был пожалован царем Сенвосре III шестьюдесятью «головами», а при назначении в офицеры еще сотней.

Без сомнения, «головы», которыми жалуют гвардейцев, и есть те «ведомости», которые советовал давать гвардейцам отец царя Микерэ.

Все эти пожалования от царя могли касаться только «рабов царя» или сирийцев, но никак не рабов-b3kw. Последние вообще отсутствовали в царском хозяйстве, царь совершенно не располагал рабами-b3kw. Это вполне понятно, ведь, как показали Ю. Я. Перепелкин и А. М. Бакир [35], само слово b3kw означает «порабощенный», причем имелось в виду «порабощение» как произвол со стороны власть имущих. Правительство первоначально как будто не препятствовало такому порабощению, но и не санкционировало его, а при XII династии, когда всякие упоминания о порабощении прекращаются, эта практика, видимо, вообще была объявлена незаконной. Неудивительно поэтому, что рабы-b3kw были сосредоточены исключительно в частных хозяйствах.

Если же сотни «рабов царя» могли находиться в руках частных лиц, незначительных по своему положению, то какие же людские резервы должны были быть сосредоточены у вельмож и знати!

Рабы-b3kw, напротив, очень немногочисленны. На памятниках, как правило, изображается один раб-b3k (CM, 20088) или рабыня-b3kt. Конечно, не исключено, что таким образом только давали понять, что владелец памятника имеет рабов-b3kw, и само изображение всего лишь сим-

---

[26] См. также B a k i r, ук. соч.; О. Д. Б е р л е в, «Рабы царя» в Египте эпохи Среднего царства. Автореф. дисс., ЛГУ, 1965.

[27] A. de B u c k, The Egyptian Coffin Texts, Vol. II, 1938, стр. 205.

[28] A. M. B l a c k m a n, The Rock Tombs of Meir, III, L., 1915, табл. 17.

[29] R. O. F a u l k n e r, The Stela of Rudj-ʿaḥau, JEA, 37, 1951, табл. VII.

[30] G. M a s p e r o, Rapport sur une mission en Italie, Rec. Trav., 3, 1882, стр. 120 (№ 93).

[31] LD, Text, IV, 54.

[32] W. C. H a y e s, A Papyrus of the Late Middle Kingdom in the Brooklyn Museum N. Y., 1955, табл. VIII сл.

[33] G o l é n i s c h e f f, ук. соч., табл. VIII, стк. 180. Впервые цифру «200» прочел А. Бакир (B a k i r, ук. соч., стр. 100).

[34] J. G a r s t a n g, El-Arabah, L., 1901, табл. IV—V.

[35] П е р е п е л к и н, ук. соч., стр. 163; B a k i r, ук. соч., стр. 15 слл.

вол. Может быть, так и было, но зачастую одному рабу или рабыне из b3kw на памятнике противопоставлены изображения многих, иной раз до десятка, челядинцев из mrt [36], и, следовательно, если эти изображения символичны, они передают действительное количественное соотношение между «челядью» и рабами-b3kw.

Наконец, мы располагаем абсолютными цифрами. Так, князь Ермонта Энйотеф, сын Эму (mjwt) [37], обновляя заупокойный культ своего предшественника, обеспечивает ему услуги двух жрецов участком земли и двумя рабами-b3kw (видимо, супругами) для каждого. Надпись ḥ3-ʿnḫ.f показывает, что князь Энйотеф действительно понес значительный расход.

Однако равные ему по положению в подобных обстоятельствах давали не одного—двух рабов-b3kw, но многочисленную «челядь» (mrt) [38], или рабов-b3kw и «челядь» одновременно. В последнем случае опять-таки единицы b3kw приходились на многих челядинцев. Так, среди домодчадцев Хекнахта, заупокойного жреца верховного сановника jpj [39], было не менее десятка людей, отнюдь не родственников, которых он кормил «своим хлебом», без сомнения, его челядинцев, и только три рабыни-b3kt.

Лишь один раз на памятнике времени смут, предшествовавших установлению Среднего царства, встретилось упоминание о покупке десяти рабов-b3kw: трех мужчин и семи женщин [40]. Но в те времена в стране был голод, и прокормление рабов обходилось так дорого, что цена их, конечно, должна была резко упасть.

Устанавливаемая нами малочисленность b3kw прекрасно согласуется с высокой ценой рабыни-b3kt, единственной пока нам известной, и если последняя несколько и превышала среднюю цену, все же и она оставалась в пределах нормы.

Мы намеренно ограничиваемся в настоящей статье лишь вопросом о цене раба-b3k. Поднимаемый надписью ḥ3-ʿnḫ.f вопрос о соотношении труда «рабов царя» и рабов-b3kw в частном хозяйстве и денежное выражение такого соотношения заслуживает, разумеется, специального исследования.

В заключение даем полный окончательный перевод надписи ḥ3-ʿnḫ.f: «Жертва, которую дает царь (для) Хора bḥdtj и Усире (Осириса), владыки ḏdw (Бусириса), чтобы дали они дары (букв. возглашение) в виде хлеба, пива, быков, птицы, пропитания [41] всякого, которым живет божество, для двойника ḥ3-ʿnḫ.f, жены его Хармооне, сына его Харембахде, сына его Птахуэра, сына его bbj, дочери его Нофре, дочери его z3t-jsj, дочери его Хармооне. Говорит он. Это я воин доблестный, вступивший в город Этбо, после того как я был разлучен с женой, детьми, людьми, записанными в ведомости, на юге страны Куш в течение 13 дней. Купил я за 26 золотых рабыню wšʿ-sḫt (букв. „26 золотых рабыни“ или „26 золотых, а именно рабыню“), причем не оставлено из них ничего для (покупки) дру-

[36] Ср. упоминавшиеся уже стелы Британского (прим. 29) и Туринского (прим. 30) музеев.

[37] J. J. Clère et J. Vandier, Textes de la prémière période intermédiaire et de la XI ème dynastie, Bruxelles, 1948, стр. 47.

[38] Номарх округа mnʿt-ḫw.f-w(j) дает «челядь» (P. E. Newberry, Beni Hasan, I, L., 1893, табл. 25, стк. 87—88), номарх XIII нома df3j-ḥʿpj — «людей» (P. Monte t, Les tombeaux de Siout et de Deir Rifeh, «Kêmi», III, 1930, стр. 55).

[39] T. G. H. James, Ḥeḳanakhte Papers and Other Early Middle Kingdom Documents, N. Y., 1962.

[40] G. Daressy, Une stèle de l'Ancien Empire maintenant détruite, ASAE, 15, 1915, стр. 207.

[41] Ган предполагал описку вместо (j)h(w)t «вещи», но и ḫrt дает прекрасный смысл: «потребное (для пропитания)», «пропитание». Ср. Wb, Bel., III, 319, 15.

гой женщины. Купил я земли два участка, один для Хармооне из них для пропитания [41] ее, я владею другим в руке (своей) [42]. Купил я земли (третий) участок, отданный детям. Я был вознагражден (букв. „было возмещено мне...“) (таким образом) за 6 лет (службы)».

Немалые для рядового воина, но в целом конечно довольно заурядные приобретения ḫ3-ʿnḫ.f, составившие сумму его шестилетнего заработка, показывают, насколько скромен был годовой доход воина в мирное время, несмотря на наделение «челядью» и землей.

[42] Ган переводит: «the other of them...», исправляя kjj m-ʿ стелы в kj jm. Между тем текст не нуждается в исправлении.

М. А. Коростовцев

ЕГИПТЯНЕ ДРЕВНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ

КОГДА в первой половине VII в. н. э. арабы пришли в Египет, они застали здесь многочисленное и высококультурное население, насчитывавшее тридцатипятивековую историю. Естественно, возникает вопрос, сыграло ли это население какую-либо роль в формировании современного египетского народа и если да, то какую именно?

Это местное население, которое создало высокую и древнюю культуру, древние греки называли египтянами (οἱ Αἰγύπτιοι).

Вопрос об этногенезе египтян весьма сложен и еще далек от окончательного разрешения, но мы можем его оставить в стороне, поскольку непосредственного отношения к интересующей нас проблеме он не имеет: судя по изображениям на памятниках Древнего царства, к этому времени уже вполне оформился этнический облик египтян, отличающийся яркой индивидуальностью, отлично сохранившийся на протяжении многовековой истории народа в древности и не подвергшийся каким-либо заметным изменениям.

С антропологической точки зрения этот народ относится к группе автохтонных народов Северной и Северо-Восточной Африки [1]. Несмотря на сравнительную изолированность в географическом отношении, египетский народ уже на первых этапах своей истории соприкасался с рядом других народов и племен, но эти отношения, то дружеские, то враждебные, не были во всяком случае столь интенсивны, чтобы в какой-то мере воздействовать на этническую индивидуальность египтян. Так обстояло дело на протяжении Древнего и Среднего царств, т. е. примерно вплоть до XVIII в. до н. э., когда страна подверглась нашествию так называемых гиксосов. Это был первый случай господства иноземцев над египтянами, однако слой завоевателей был так тонок, что они также не оказали сколько-нибудь существенного влияния на этнический состав населения долины Нила. После изгнания гиксосов и эпохи Нового царства (XVIII—XX династии), в течение которой Египет был военным гегемоном на Ближнем Востоке, в периоды упадка его мощи долина Нила не раз подвергалась нашествиям врагов; при XXII—XXIII династии власть в стране захватили ливийцы, при XXV династии — эфиопы, позднее — ассирийцы и, наконец, персы. Однако эти нашествия не повлияли на этнический облик основных масс населения: египтяне поздних эпох истории Египта, как можно судить по дошедшим до нас памятникам, ничем не отличались от

[1] Д. А. Ольдерогге, Хамитская проблема в африканистике, СЭ, 1948, № 3, 156—170 (особенно 169).

своих предков времени Древнего царства. Конечно, априори невозможно допустить, чтобы в эти бурные периоды своей истории египетский народ был полностью изолирован от своих завоевателей и тех народов и племен, с которыми он так или иначе общался. Несомненно, в какой-то мере египтяне смешивались с другими этническими элементами. Во всяком случае памятники Нового царства и более поздних времен свидетельствуют о несомненных иноземных влияниях на египетскую религию, искусство и даже язык; множество слов заимствуется из других, главным образом семитических, языков. «Страна кишела рабами семитского и иного азиатского происхождения, а финикийские и другие иноземные торговцы были настолько многочисленны, что в Мемфисе существовал особый квартал для чужестранцев с храмами Ваала и Астарты...»[2]. Существенно, однако, что в результате всех этих связей египтяне ассимилировали иностранные элементы и, поглотив их, сами в основном не изменились.

Начиная со времени XVIII династии (XV в. до н. э.), египтяне впервые пришли в непосредственное соприкосновение с неграми южнее IV порога. По изображениям в гробницах известно, что с эпохи Нового царства они появляются в Египте либо в качестве военнопленных, либо в качестве посланцев своих вождей, уже подчинившихся власти фараонов. С этого времени, по мнению Юнкера, можно говорить о некоторой примеси негритянской крови у древних египтян [3].

В 332 г. до н. э. Египет становится частью империи Александра Македонского, а после его смерти на протяжении трехсот лет эллинистическим государством под властью династии Лагидов. В этот период в долине Нила поселяется сравнительно большое число греков и македонян. Конечно, уже задолго до Александра египтяне близко познакомились с эллинами: еще во времена XXVI династии в дельте Нила был основан греческий город Навкратис, а греки, карийцы и другие служили наемниками в войсках саисских фараонов. Но тогда хозяевами страны были египтяне. Теперь положение меняется: господами становятся греки и македонцы. Кроме Навкратиса, были основаны еще два греческих города: Александрия и Птолемаида. Эти три города находились в привилегированном положении, имея самоуправление и собственные законы, хотя и под верховной властью фараонов Лагидов. Законы этих городов запрещали грекам вступать в браки с египтянами [4].

Однако греки и македонцы поселялись не только в этих трех городах, но также и среди местного населения в других районах страны. Особенно много греков расселилось в Дельте и в Фаюмском оазисе, главный город которого был при Птолемее II переименован в Арсиною. Здесь, за пределами трех экзимированных греческих городов закон, запрещавший браки греков с египтянами, не имел силы, и смешанные браки получили широкое распространение [5], что привело к возникновению прослойки греко-египтян. Однако эта прослойка была и численно ограничена, и неустойчива [6], так как численность египтян намного превосходила численность греков.

---

[2] Д. Брэстед, История Древнего Египта, II, М., 1915, стр. 129.

[3] H. Junker, The First Appearance of Negroes in History, JEA, 7, 1921, стр. 121—132. Как мне любезно указал проф. Д. А. Ольдерогге, эти взгляды Юнкера следует несколько корректировать на основании новых данных, относящихся к самым ранним периодам истории Египта, по которым прослеживается наличие негроидных элементов уже в те отдаленные времена.

[4] G. Bell, Egypt from Alexander the Great to the Arab Conquests, Oxf., 1948, стр. 42.

[5] E. R. Bevan, A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty, L., 1927, стр. 86; P. Jouguet, L'Egypte ptolémaique, в кн.: G. Hanotaux, Histoire de la nation égyptienne, III, P., [б. г.], стр. 114, 176—177.

[6] W. Schubart, Die Griechen in Ägypten, Lpz, 1927, стр. 20—21.

Поэтому процесс смешения греков и греко-египтян с местным населением имел результатом интенсивную ассимиляцию пришельцев и вел в конечном итоге к полному растворению последних в среде египтян.

Включение Египта со времени Александра Македонского в бурные политические отношения эпохи эллинизма привело также к проникновению в страну, помимо греков и македонцев, множества представителей эллинистического мира. Данные греческих папирусов свидетельствуют об этнической пестроте населения Египта во времена Птолемеев: здесь, главным образом в Дельте и Фаюме, жили греки — выходцы из разных концов эллинского мира, ливийцы, эфиопы, финикяне, самаритяне, вавилоняне, иудеи, персы, арабы, представители негреческого населения Балкан, выходцы с Аппенинского полуострова [7]. И тем не менее по сравнению с египтянами число пришельцев было невелико. Даже и в экзимированных «греческих» городах, удельный вес населения которых в массе населения страны был очень высок (так, в Александрии насчитывалось несколько сот тысяч жителей), иноземцы в конечном итоге также подвергались частично ассимиляции, так как закон о смешанных браках далеко не всегда соблюдался [8].

Интересные сведения о составе населения Александрии сообщает Страбон, приводя слова из несохранившейся части «Истории» Полибия: «...Бывший в Александрии Полибий говорит с отвращением о современных ему порядках в городе. По его рассказам жители города разделяются на три класса: один класс составляют туземцы — египтяне, раздражительные и нерасположенные к общественной жизни; второй класс — многочисленные буйные наемные солдаты, потому что в силу древнего обычая александрийцы содержали иностранных солдат, которые, благодаря ничтожеству царей, привыкли больше господствовать, чем подчиняться. Третий класс населения состоял из александрийцев, также не вполне граждански настроенных, но все-таки больше, чем первые два, потому что первоначально александрийцы были эллины, хотя и смешанные, но не забывшие окончательно эллинских учреждений; когда же этот народ был уничтожен преимущественно Евергетом Фисконом (Птолемеем VII.— *М. К.*), при котором Полибий посетил Александрию (многократно смущаемый восстаниями, Фискон предал народ в руки солдат и истребил его)...» [9].

Таким образом, к концу III в. до н. э. александрийское население перестало уже быть греко-македонским и превратилось в конгломерат представителей разных народов и племен Восточного Средиземноморья. Многочисленная и богатая иудейская колония Александрии была, например, настолько эллинизирована, что, сохранив религию предков, ее население почти совершенно утратило свой язык: именно для него и был сделан в Александрии греческий перевод Библии (Септуагинта) [10].

---

[7] Fr. Heichelheim, Die auswärtige Bevölkerung in Ptolemäerreich, Lpz, 1925, стр. 68—80.

[8] J. Bell, Alexandria, JEA, XIII, 1927, стр. 174.

[9] Страбон, География, пер. Ф. Г. Мищенко, М., 1879, кн. XVII, гл. 1, § 12. Страбон приводит слова из несохранившейся главы XXXIV, 14 «Истории» Полибия.

[10] Bell, Alexandria, стр. 174. Евреи жили в Египте еще и до Александра — достаточно вспомнить хотя бы иудейскую общину на острове Элефантина, храм которой был разрушен египетскими жрецами (см. В. В. Струве, Подлинная причина разрушения иудейского храма на Элефантине, ВДИ, 1938, № 4, стр. 99—120; И. М. Волков, Арамейские документы иудейской колонии на Элефантине V в. до Р. Х., М., 1915). Однако иудеев было тогда немного и к тому же они из-за своих религиозных воззрений стремились избегать браков с иноверцами. Что же касается многочисленной иудейской колонии в Александрии, то она начала складываться при Птолемее I, благоволившем к евреям и приглашавшем их поселиться в новом городе. Несмотря на эллинизацию, иудеи все же сохраняли в значительной степени свою религиозную об-

Установление над Египтом власти Рима в 30 г. до н. э. сопровождалось подтверждением и более строгим соблюдением запрета браков между греками и египтянами [11]. Политика эта, однако, не была вполне последовательной. В 130 г. по распоряжению императора Адриана в Египте был основан четвертый греческий город — Антиноя, населению которого было предоставлено право эпигамии, т. е. браков с египтянами [12]. Как и во времена Птолемеев, в римском Египте, главным образом в городах и в Фаюме, население продолжает оставаться очень пестрым и смешанным, ярким свидетельством чего являются так называемые фаюмские портреты, которые датируются I—III веками н. э. [13]. Изучавший эти портреты с этнической точки зрения Фл. Питри следующим образом формулирует результаты своих исследований: «Разнообразие изображенных типов велико. Население окраины Фаюма было египетским. Птолемеи осушили озеро и поселили на отвоеванных у озера землях колонии ветеранов. Это греческое население смешалось с разными другими народами в процессе космополитического общения тех времен. Египетский элемент, кажется, незначителен... Таким образом, пестрота изображенных типов вполне соответствует смешению народов в результате активного общения их в рамках Римской империи» [14]. Фл. Петри различает в портретах греков, македонцев, выходцев из Италии, Испании и других стран, даже Индии, что вполне соответствует данным ономастики греческих папирусов об этнической пестроте пришлого населения во времена Птолемеев.

Итак, из всего сказанного вытекает, что 1) вплоть до завоевания Египта Александром Македонским этнический тип египтян существенно не изменялся; 2) во времена греко-римского господства в трех городах Египта — Александрии, Навкратисе и Птолемаиде — появилось население, считавшееся греческим, но в действительности очень смешанное; в равной степени это наблюдалось и в Фаюме; 3) вне перечисленных трех городов греки быстро ассимилировались местным египетским населением; 4) население во всех крупных городах было гораздо более смешанным, чем в деревне, ибо именно в городах оседали завоеватели и чужеземцы, проникшие в страну мирным путем; 5) население деревень в основном не подверглось смешению с иноземцами (исключая незначительное число греков); 6) основная масса населения Египта жила в деревне, а не в городе и, таким образом, сохранила свою основную этническую чистоту. Таково было положение к моменту появления арабов в 639—641 гг. н. э.

«Как показывает история, завоевание Северной Африки не изменило существенно состава населения. Считают, что в VII в. н. э. когда Северная Африка была завоевана арабами, общая численность ее населения составляла десять миллионов. Общая численность завоевателей, а также переселившихся племен бени-хилаль и бени-сулайм, не превышала двухсот тысяч, т. е. составляла лишь 2%. Нынешние „арабы" — это коренные жители Северной Африки, берберы (в прошлом ливийцы), принявшие

особленность. История этой общины полна трагических столкновений с греческим населением Александрии, которые кончились разгромом общины в начале V в. н. э., когда александрийская чернь с благословения патриарха Кирилла уничтожила все имущество иудеев, а их самих частично истребила, частично изгнала из города (H. J. B e l l, Juden und Griechen in römischen Alexandria, Lpz, 1923, 47; B e l l, Alexandria, стр. 184).

[11] V. C h a p o t, L'Egypte romaine, в кн.: H a n o t e a u x, Histoire de la nation égyptienne, VII, стр. 267—268; W. S c h u b a r t, Ägypten von Alexander dem Grossen bis auf Mahammed, B., 1922, стр. 328; о н ж е, Die Griechen in Ägypten, стр. 37—39.

[12] G. de M. J o h n s o n, Antinoe and Its Papyri, JEA, I, 1914, стр. 171.

[13] А. С т р е л к о в, Фаюмский портрет, М., 1936, стр. 32.

[14] W. M. Fl. P e t r i e, Roman Portraits and Memphis IV, L., 1911, стр. 14.

арабский язык и арабскую культуру» [15]. Это положение распространяется и на Египет, однако здесь необходима оговорка: во-первых, Египет, являющийся восточной окраиной Северной Африки, расположен ближе всего к Аравии и поэтому был доступнее для проникновения арабов, чем, например, Марокко; во-вторых, он благодаря своим природным богатствам и древней культуре был более привлекателен для заселения. Поэтому в долине Нила оседало больше арабов, чем в других странах Северной Африки. Как известно, войско Амру, присоединившего Египет к Арабскому халифату, насчитывало около четырех тысяч человек; позже к ним, по недостоверным данным, было добавлено еще шестнадцать тысяч. Эти воины поселились в Египте, в основном во вновь построенном Фустате. «Арабское население в первые века после арабского завоевания сосредоточивалось, главным образом, в крупных городах. Большинство назначенных халифами наместников приводило с собой войско в шесть, десять или даже двадцать тысяч человек, и многие из этих воинов оседали навсегда в стране и вступали в браки с коптскими женщинами... Время от времени в Египет мирно переселялись целые племена. Так, например, в середине IX в. в Египет проникло племя эль-Кинда (из племен рабиа) и поселилось в Верхнем Египте, став серьезным политическим фактором в жизни страны...» [16].

Как известно, с момента арабского завоевания население страны стало постепенно переходить в ислам и перенимать арабский язык, т. е. фактически арабизироваться. На причинах этого сложного процесса мы здесь останавливаться не будем, так как они не имеют непосредственного отношения к интересующему нас вопросу. В Египте произошло то же, что и во всей остальной Северной Африке: древнее, коренное население приняло ислам, забыло свой древний язык и стало арабоязычным. Вместе с тем коренное население в значительной степени смешалось с пришельцами-арабами. Это могло произойти лишь потому, что арабы были первым народом, осевшим не только в городах, но и вне их, хотя расселение арабов в деревнях произошло значительно позже завоевания Египта. На первых порах их притягивали главным образом города.

Однако отсюда еще не следует, что египтяне совершенно утратили этническую индивидуальность: хотя они полностью арабизировались, сменив древние веру и язык на ислам и арабский язык, но смешение их с арабами, хотя и весьма интенсивное, изменило их этнический тип лишь отчасти.

Последующие пришельцы в долину Нила уже ничего в этом типе не изменили — ни турки, завоевавшие страну в 1517 г., ни европейские колонизаторы не оказали существенного влияния на этнический состав египетского народа — все они составляли лишь незначительную прослойку населения городов, преимущественно Каира и Александрии, изолированную от основного сельского населения страны. Иногда приходится сталкиваться с неверным утверждением, что копты являются национальным меньшинством Египта. Это в корне неверно. Копты в этническом отношении составляют часть египетского народа [17], отличаясь от основного населения лишь религией — они сохранили древнюю христианскую религию, которая была господствующей в стране накануне арабского завоевания.

На протяжении ряда веков ислам упорно и неуклонно вытеснял христианство. Число христиан довольно быстро уменьшилось, а ряды привер-

[15] «Народы Африки», М., 1954, стр. 77.
[16] St. Lane-Poole, A History of Egypt in the Middle Age, L., 1901, стр. 29.
[17] E. W. Lane, Manners and Customs of Modern Egyptians, L., 1954 (1-е изд.— 1836 г.), стр. 536.

женцев ислама столь же быстро возросли. В настоящее время число коптов незначительно. Коптский язык давно уже стал мертвым. Разговорным и литературным языком коптов в настоящее время является арабский. На коптском языке, который копты уже не понимают, совершается только богослужение, да и то не всегда, так как имеются уже и арабские молитвенники. Таким образом, современный египетский народ состоит из египтян-мусульман и небольшого числа египтян-христиан (коптов).

Проследив исторические судьбы населения Египта с древности до настоящего времени, мы имеем все основания утверждать, что египетский народ образовался в основном в результате скрещения двух этнических элементов: собственно египтян и арабов (с незначительной примесью турок, албанцев, черкесов и других—преимущественно в Нижнем Египте). Греко-македонские элементы Александрии, Навкратиса, Птолемаиды, Антинои давно растворились в основной массе местного населения, оставив незначительные следы—преимущественно среди городского населения.

Близость и родство современных египтян с древними египтянами отмечены рядом исследователей. Достаточно сослаться на изображения бесчисленных памятников, чтобы убедиться в непосредственной и органической близости тех и других.

Известный этнограф и африканист Г. Швейнфурт, описывая население Египта начала XX в., писал: «В течение тысячелетий египтяне, обитающие на берегах Нила, несмотря на бесконечные вторжения народов в их страну, о которых повествует история, сохранили свой физический облик неизменным. Эта стабильность типа — исключительное явление... Эта устойчивость, которая встречается и у некоторых других народов Востока, опровергает представления об упадке и вырождении народов Востока. Напротив, эти народы обладают способностью, полностью отсутствующей у наших цивилизованных народов, сохранять свой первоначальный тип. Может быть, этот факт частично объясняется обычаем ранних браков: поколения быстро сменяются, а большинство детей рождается у родителей, которых еще не ослабили ни болезни, ни возраст. Как бы то ни было, сила сопротивления египтян внешним влияниям проявилась в течение веков, и несмотря на то, что они подверглись вторжениям, тирании, угнетению и принуждены были к скрещениям гиксосами, эфиопами, ассирийцами, персами, греками, римлянами, арабами и турками, их первоначальный тип отлично сохранился вплоть до наших дней... Всякая иностранная иммиграция в Египте неизбежно поглощалась и ассимилировалась массами местного населения»[18].

Стабильность и преемственность типа древних и современных египтян отметили еще ряд других ученых, так, например, географ Ш. Ронсье пишет: «Фрески, мумии, статуи оставляют впечатление, что наиболее часто встречающийся тип современного египтянина, населяющего Верхний Египет, тождествен им...» [19].

Приведем также слова египтянина А. Айру: «Феллахи, т. е. сельский пролетариат, о жизни которого мы собираемся рассказать в настоящей книге, это больше, чем один из классов. Являясь коренным населением страны, феллахи по своей многочисленности ($^3/_4$ всех жителей) и однородности и составляют собственно египетский народ. Этот народ, создавший если не первую, то во всяком случае совершенно особую культуру с пятидесятивековой историей, имеет и сам не менее самобытный характер. Менялись властители, религии, язык и культура феллаха... сменялось гос-

[18] C. Schweinfurth, Origine et étal actuel de la population, в кн.: Baedeker, L'Égypte, 1903, стр. XXIX.

[19] Ch. Ronciere, La géographie de l'Egypte à travers les âges, в кн.: Hanoteaux, Histoire de la nation égyptienne, I, стр. 269.

подство персов, греков, римлян, византийцев, арабов, турок, французов, англичан. Господство это могло длиться несколько лет и несколько веков — феллах остался таким, каким был...». И далее: «Сегодняшний феллах продолжает оставаться таким же, каким он был во времена Древнего царства, в период его расцвета» [20].

Эти утверждения можно иллюстрировать конкретным примером. Известный египетский врач и ученый Г. Собхи опубликовал фотографии одного из своих пациентов, молодого египтянина в возрасте приблизительно 20 лет, и статуи знаменитого фараона Эхнатона в профиль и анфас. При этом его молодой пациент был сфотографирован в точной модели короны Эхнатона. Было обнаружено поразительное сходство. Это было даже не сходство, а полное тождество. Пациент Г. Собхи — уроженец Каира и, насколько известно, его предки всегда жили в этом городе [21].

Общеизвестна история открытия одного из шедевров египетской скульптуры — деревянной статуи вельможи времени Древнего царства, которая ныне хранится в Египетском музее в Каире. Она настолько хороша, что знаменитый египтолог Г. Масперо, занимавший пост директора музея Египетской службы древности, в своей «Истории египетского искусства» писал, что считает ее безусловно одним из лучших произведений мирового искусства и что если бы была организована выставка таких памятников, то эта статуя могла бы занять там почетное место [22]. Имя вельможи, изображением которого является эта статуя, было Кааперу. Однако в науке статуя известна под арабским названием «Шейх-эль-белед», что значит «староста деревни». Происхождение этого названия таково: рабочие, вырывшие статую, были до такой степени поражены ее портретным сходством со старостой своей деревни, что в один голос вскрикнули: «шейх-эль-белед» [23]. Так за этим шедевром мировой скульптуры и сохранилось это название. Этот небольшой эпизод — также яркое свидетельство живучести древнего типа в наше время, ибо вельможа Кааперу и деревенский староста отдалены друг от друга более чем четырьмя тысячами лет. По мнению одного ученого, древний тип сохранился у женщин лучше, чем у мужчин [24].

Автор настоящей статьи, прожив несколько лет в Египте и побывав в разных частях страны, имел возможность неоднократно убедиться в том, что этнический тип древнего и современного египтянина, особенно сельского жителя Верхнего Египта, очень близки друг другу. Сравнивая лица, изображенные в древних храмах и гробницах, с проходящими мимо них крестьянами, автор не мог не прийти к заключению, что древние египтяне — предки современных. Порой он испытывал впечатление, что те египтяне, с которыми он разговаривал и общался, сошли со стен храмов и гробниц. Подобные впечатления и наблюдения, далеко не единичные и не случайные, привлекли пристальное внимание автора и побудили его исследовать этот вопрос. Как видно из приведенных выше высказываний авторитетных ученых и наблюдателей, он не одинок в своих выводах.

Совокупность конкретных исторических и этнографических фактов бесспорно свидетельствует о непосредственном и близком родстве современных и древних египтян.

[20] А. Айру, Феллахи Египта, русс. пер., М., 1954, стр. 11.

[21] G. Sobhy, The Persistance of Ancient Facial Types Amougst Modern Egyptians, JEA, 16, 1930, стр. 3—5.

[22] G. Maspero, Égypte, P., 1919, стр. 88—89 (в серии Ars Una...).

[23] Брэстед, История Египта, I, стр. 105.

[24] Abbate-Pacha, Fixite de la race dans la femme égyptienne, «Bulletin de la Societe de Geographie», 1905.

В. Ф. Гайдукевич

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БОСПОРА*

В РЕЗУЛЬТАТЕ систематических раскопок боспорских городов и селений, а также благодаря широким разведочным работам, проводившимся на Керченском и Таманском полуостровах, в истекшие 30—35 лет добыт очень большой новый археологический материал. Он позволяет гораздо глубже, полнее и детальнее выяснить многие стороны жизни и культуры Боспорского государства, чем это было возможно раньше. В настоящей статье мы хотим обрисовать некоторые вопросы экономической истории Боспора, опираясь прежде всего на те данные, которые получены в результате археологических изысканий последних десятилетий.

Основой экономики Боспора, как известно, всегда было сельское хозяйство, неразрывными узами связанное с торговлей. Земледелие давало много хлебного зерна, значительная часть которого шла на экспорт, обеспечивавший материальную мощь Боспорского государства, высокие доходы его господствующего класса.

Главной экономической предпосылкой первого блестящего расцвета Боспора, кульминационный период которого связан с IV в. до н. э., был огромный экспорт пшеницы. Торговля хлебом, экспорт зерна на внешние рынки составлял основу и второго экономического подъема, высшая точка которого совпала со II в. н. э.

Невозможно представить в сколько-нибудь определенных цифрах объем ежегодного боспорского вывоза хлеба в различные исторические периоды. Мы не знаем ничего о колебаниях этого экспорта. Между тем порой он, несомненно, значительно сокращался и иногда, вероятно, даже сходил почти на нет.

Используя показания источников, мы все же имеем основания полагать, что в наиболее благоприятные времена, в IV в до н. э., при удовлетворительном урожае Боспор вывозил минимум 2—3 миллиона пудов зерна,

---

* В основе настоящей статьи лежит доклад, прочитанный на годичном собрании Одесского археологического общества, состоявшемся в Керчи 23 сентября 1963 г.

шедшего в Афины и другие центры Средиземноморья [1], а также в города Южного Черноморья [2].

Кем же выращивался этот хлеб, который позволял кормиться многочисленному населению — городскому и сельскому — в самом Боспоре и одновременно обеспечивал возможность обильного экспорта?

Одним из источников сельскохозяйственных продуктов на Боспоре, несомненно, были земли, прилегавшие к городам и находившиеся во владении их жителей. Античный город, являясь центром ремесла и торговли, никогда не был полностью отделен от земледелия. Для эллинского полиса как раз и характерно, что известная, а нередко значительная часть его

---

[1] Для IV в. до н. э. известна одна точная цифра, характеризующая боспорский хлебный экспорт: в Афины ежедневно (в 50-х гг.) вывозилось около 400 000 медимнов — 16 382 тонны, т. е. 1 000 122 пуда (D e m., adv. Lept., 32). С того времени, когда стал действовать переоборудованный порт Феодосии, экспорт в Афины удвоился и достигал тогда примерно 800 000 медимнов (A. K o c e v a l o v, Die Einfuhr von Getreide nach Athen, RhM, XXXI, 1932, стр. 321 сл.). Документально засвидетельствован также экспорт в Митилену. Сохранившийся фрагмент декрета митиленцев в честь Левкона I и его сыновей (Syll [3], 212) вызвал разногласия среди ученых (С. А. Ж е б е л е в, Основные линии экономического развития Боспорского государства, сб. «Северное Причерноморье», М.— Л., 1953, стр. 133 сл.). Нам представляется наиболее убедительным восстановление, предложенное В. Диттенбергером: μέχ]ρι δέ[κα μυριάδων μεδίμνων. При этом надпись надлежит понимать так: Левкон и сыновья даровали митиленцам привилегию платить за пшеницу в размере $^1/_{60}$ (стоимости груза) или в размере $^1/_{90}$, если общий объем закупки достигнет 100 000 медимнов. Очевидно, Митилена закупала на Боспоре крупные партии хлеба. Ввиду этого вместо нормальной пошлины $^1/_{30}$ (3,3%) для вывозимого в Митилену хлеба была установлена льготная пошлина $^1/_{60}$ (1,6%). В случае же если хлеб был куплен в количестве более 100 000 медимнов, ставка пошлины снижалась до $^1/_{90}$ (1,1%) стоимости всего экспортируемого хлеба. Ежегодный вывоз хлеба в Митилену (около середины IV в.), вероятно, составлял не менее 100 000 медимнов (= около 250 000 пудов). Об исключительном размахе боспорской хлебной торговли в IV в. говорит, между прочим, и то обстоятельство, что в Греции потребителями боспорского хлеба являлись даже такие области, как Аркадия (см. «Зап. Одесск. общ. археол.», I (34), 1960, стр. 105 сл.).

[2] Торговые связи Боспора с городами Южного Черноморья — Синопой, Гераклеей, приобретшие особенно интенсивный характер в IV—III вв., достаточно хорошо известны по соответствующему археологическому материалу. Вряд ли могут быть сомнения в том, что в основе и этих связей лежала возможность покупать на Боспоре хлеб, необходимый для южнопонтийских городов. Торговые сношения с другими городами (Амис, Калхедон) подтверждаются надписями о даровании проксении представителям названных городов (IOSPE, II, 1, 2). Попутно отметим, что надпись о проксении, дарованной Перисадом I и его сыновьями какому-то жителю Амиса (= Пирея) (IOSPE, II, 1), была недавно привлечена Д. П. Каллистовым в несколько неожиданном аспекте — как доказательство существования на Боспоре в IV в. до н. э. «полисных традиций» (Д. П. К а л л и с т о в, Боспорский декрет Перисада о даровании проксении пирейцу, сб. «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», М.— Л., 1963, стр. 317 сл.). Купцу из Амиса боспорские правители разрешали вести беспошлинную торговлю во всем Боспоре (ἐν παντὶ Βοσπόρωι). Это значит, что такой торговлей можно было заниматься везде, где угодно, включая все крупные боспорские города, являвшиеся генетически тоже «подисами» и имевшие, разумеется, свои «гражданские общины». Таким образом, пребывая в одном из «полисов» (Пантикапей), правители Боспора совершенно беспрепятственно, без малейших ограничений распоряжались всеми «полисами», т. е. всеми боспорскими городами, как собственными владениями. Спрашивается, что в этом есть общего с действительными «полисными традициями»? Верным будет поэтому другой вывод: надпись IOSPE, II, 1 показывает, что на Боспоре с IV в. до н. э. вполне сложился государственный строй, при котором р е а л ь н ы е права полисов как самоуправляющихся гражданских общин были по всем главным пунктам сведены Спартокидами ф а к т и ч е с к и к нулю или почти к нулю. При определенных социальных и политических условиях такая жесткая централизация государственного управления с низведением «полисных традиций» до размеров, не представлявших почти никакого реального значения, не только не противоречила коренным интересам самого господствующего класса Боспора, а наоборот, вполне им соответствовала (подробнее об этом см. в нашем очерке «История античных городов Северного Причерноморья» в кн. «Античные города Северного Причерноморья», I, М.— Л., 1955, стр. 110).

граждан — это собственники земли. Нет никакого повода предполагать для греческих колоний Боспора какие-либо существенные отклонения от указанной экономической закономерности.

Очевидно, с первых же десятилетий своей жизни города, расположенные по обеим сторонам Боспора Киммерийского, в тех или иных масштабах развивали сельское хозяйство на землях, которыми владели горожане.

Насколько прочно был связан статус свободного городского жителя на Боспоре с правом владения землей, показывает широко известный эпизод с расселением каллатийцев, описанный у Диодора (XX, 25) [3]. Тысяча жителей, спасаясь от бедствий, вызванных второй осадой города Лисимахом (310/309 г.), перебралась на Боспор. Царь Эвмел предоставил беженцам урочище Псою (где-то, по-видимому, в районе нижней Кубани) для устройства города, а прилегающую к нему землю (χώρα) разделил на соответствующие наделы. Следовательно, все, кто желал, получили земельные угодья.

Сведений о том, как были организованы хозяйства на «полисных» землях, у нас нет. Но о существовании таких хозяйств мы можем судить по археологическим данным, обнаруживаемым во время раскопок городов, начиная с их самых древних остатков. Здесь постоянно встречаются ямы-зернохранилища, которые устраивались при жилищах, кладовые с пифосами, предназначенными для той же цели, а также приспособления для переработки зерна: каменные зернотерки архаического типа, затем, с IV в. до н. э.— четырехугольные жернова ручных рычажных мельниц, наряду с которыми позднее появляются и круглые жернова. Наконец, нужно отметить и остатки самих хлебных злаков, среди которых, как и следовало ожидать, обычно преобладает пшеница.

На вопрос, чьим трудом обрабатывались «полисные» земли, за отсутствием фактических данных можно ответить лишь предположительно, исходя из общих соображений. При небольших участках главную роль играл, скорее всего, труд семьи самого хозяина с привлечением иногда небольшого числа рабов. У более крупных землевладельцев основной рабочей силой, очевидно, являлись рабы. Использовались и сезонные наемные рабочие [4].

Вряд ли земельные владения горожан давали очень много товарного хлеба. В VI—V вв. до н. э. какую-то часть экспорта составлял хлеб, который в виде излишков имелся в городах от их собственного сельского хозяйства. Остальная же масса экспортного зерна и продуктов животно-

[3] О беспочвенности предложенного В. В. Латышевым исправления этого текста Диодора («ПОНТИКА», СПб., 1912, стр. 171) см. соображения К. М. Колобовой (ВДИ, 1954, № 4, стр. 58, прим. 1) и наши (в кн. «Античные города Северного Причерноморья», I, стр. 112, прим. 2). Царь Эвмел наделил каллатийцев участками земли с целью обеспечения колонистов доходами, которые можно было получать, используя клеры. Но отсюда вряд ли следует, что все беженцы, получившие наделы, были земледельцами и что они сами обрабатывали свою землю (ср. D. P. P i p p i d i, Die Agrarverhältnisse in den griechischen Städten der Dobrudscha in vorrömischer Zeit, в кн. «Griechische und einheimische Völker des Schwarzmeergebiet», B., 1961, стр. 102).

[4] Сообщение (Ps.-D e m., adv. Lacr., 31, 32) о некоем феодосийском земледельце, которому якобы из Пантикапея на корабле доставлялся груз (вино и соленая рыба), предназначенный для сельскохозяйственных рабочих (τοῖς ἐργάταις τοῖς περὶ τὴν γεωργίαν χρῆσθαι), к сожалению, далеко от документальной достоверности. Ведшие судебную тяжбу стороны могли прибегать к любым измышлениям, чтобы выиграть процесс. Шла ли речь в данном случае о реально существовавшем феодосийском γεωργός, которому что-то везли, или он был плодом фантазии — сказать трудно. Характерно применение термина ἐργάται, который не имел точной социальной окраски. Это могли быть наемные сезонные рабочие, хотя последнее отнюдь не исключает возможности наличия у того же земледельца и рабов. Ср. В. Д. Б л а в а т с к и й, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 168 сл.

водства добывалась купцами путем обмена с коренным населением, жившим тогда в еще немногочисленных сельских поселениях восточного Крыма и Прикубанья [5].

Греческие купцы, втягивая в интенсивный товарообмен аборигенных жителей, создавали действенный стимул к количественному росту земледельческих поселений и увеличению площадей, на которых выращивались хлебные культуры.

Характерно, что такие селища, существовавшие в VI—V вв. до н. э. в Прикубанье, постепенно расширялись, так как в них становилось все больше жителей; вместе с тем возникали новые поселения. Особенно резко увеличивается земледельческое население на протяжении IV—III вв., в частности за счет оседания кочевников [6].

Широкий спрос на хлеб и другие сельскохозяйственные товары, предъявляемый купцами, действовавшими из боспорских городов, побуждал местное население к занятию земледелием, что вело естественно не только к важным изменениям экономических условий жизни, но и к очень существенным социальным сдвигам у местных племен.

Так было в Прикубанье, так было и в восточном Крыму. На Керченском п-ове наряду с потомками давнего оседлого населения, обитавшего еще в доскифское время, к земледельческому быту стали переходить и скифы. Особенно заметно протекал процесс перехода кочевников-скифов к деревенской оседлости в конце V в. и затем в IV в., когда возникло много сел, следы которых прослеживаются на обширной территории от Старокрымского района, прилегающего к Феодосии, и далее по всему Керченскому п-ову до Пантикапея.

В археологическом изучении сельских поселений «европейского» Боспора сейчас уже достигнуты достаточно значительные результаты. Много интересного и нового принесли систематические исследования на Керченском п-ове И. Т. Кругликовой [7]. Ряд полезных наблюдений дали разведки, производившиеся С. А. Семеновым и В. Э. Куниным в северо-восточной части восточного Крыма [8]. Соответствующий вклад в изучение античных сельских поселений этого района внесла Боспорская экспедиция. Плодотворную работу по изучению сельских поселений юго-западной части Таманского п-ова выполнила Синдская экспедиция [9].

Что особенно важно — оказалось возможным составить обстоятельную (хотя еще и не исчерпывающую) карту сельских поселений «европейского» Боспора, а вместе с тем наметить и основные этапы их развития [10]. Конечно, приходится иметь в виду предварительный характер тех выводов, которые построены на разведочных обследованиях, не сопровождавшихся хотя бы рекогносцировочными раскопками.

Таково, например, заключение о сельских поселениях, существовавших в районе Пантикапея. По мнению производившего обследование

---

[5] Возможности экспорта зерна увеличивались постепенно. Еще в конце V в. бывали годы, когда хлеба не хватало, и в результате многие иностранные корабли уходили из боспорских гаваней пустыми, так как правительство не давало разрешения на вывоз зерна. Лишь суда, направлявшиеся в Афины, в порядке особой привилегии получали право грузиться хлебом (I s o c r., Trapez., 57).

[6] Н. А н ф и м о в, Из прошлого Кубани, Краснодар, 1958, стр. 22 сл.

[7] Обобщение результатов этих работ, представленное на широком историческом фоне, см. в статье: И. Т. К р у г л и к о в а, Исследование сельских поселений Боспора, ВДИ, 1963, № 2, стр. 65 сл.

[8] С. А. С е м е н о в и В. Э. К у н и н, Разведки на Керченском полуострове, сб. «Археология и история Боспора», II, Симферополь, 1962, стр. 257.

[9] Об итогах работ, производившихся в 1950—1954 гг., см. В. Д. Б л а в а т с к и й, Пятый год работ в Синдике, КСИИМК, вып. 74, 1959, стр. 41 сл.

[10] И. Т. К р у г л и к о в а, Исследование сельской территории европейского Боспора, СА, 1957, № 1, карта на стр. 219.

С. А. Семенова, большинство бывших там поселений, пережив свой расцвет в IV в. до н. э., прекратило существование в первой половине III в. до н. э. в связи с усилением военной опасности и ухудшением общей обстановки [11]. Вывод, безусловно, интересен, но он еще нуждается в проверке путем более углубленных исследований, включающих хотя бы минимальное раскрытие культурных напластований. Как вытекает из тех же наблюдений, во второй половине III в. возникли новые поселения, дожившие до митридатовского периода, когда жизнь в них замерла под воздействием очень тяжелых условий, порожденных войнами [12].

Более бесспорным является существование в окрестностях некоторых боспорских городов таких поселков, в которых обитала часть греческого населения, занимавшаяся исключительно сельским хозяйством. Остатки подобного пригородного сельского поселения были открыты рядом с Тиритакой, на возвышенности, где сейчас находится обогатительная фабрика Камышбурунского комбината. В 1952 г. здесь производились раскопки, обнаружившие следы неукрепленного поселения с большими ямами-зернохранилищами. Обильная керамика конца VI—IV вв.— такая же, как на городище Тиритаки. Это поселение в III в. перестало существовать, а все постройки были впоследствии старательно разобраны в целях использования строительного материала [13]. По-видимому, аналогичные сельские поселки выявлены И. Т. Кругликовой в окрестностях Нимфея и Киммерика [14].

В высшей степени интересны результаты изучения (с частичными раскопками) нескольких античных деревень, существовавших в IV—II вв., причем обитателями их было коренное население, а не греки. Такие исследования, произведенные И. Т. Кругликовой у дер. Марфовки, в районе дер. Сазоновки и в некоторых других пунктах Керченского п-ова, позволили уже выявить ряд наиболее характерных особенностей, присущих боспорским сельским поселениям времени Спартокидов [15].

Заслуживает внимания полное отсутствие регулярности в планировке. Обычно село состояло из группы бессистемно расположенных домов, находившихся на некотором расстоянии один от другого. Строительство таких поселков происходило стихийно и осуществлялось жителями самостоятельно, без какого-либо вмешательства государственной власти.

Построенные из бута дома, как правило, имели соломенные крыши. Лишь в более богатых селах, расположенных близ столицы, применялись иногда и кровельные черепицы. Среди керамики, содержащей довольно обильные обломки простых остродонных амфор (синопских, фасосских, так называемых гераклейских и др.) и редкие фрагменты чернолаковой посуды, доминирует лепная — основной вид домашней утвари в обиходе сельских жителей. Облик этой лепной керамики не оставляет сомнений в ее скифской принадлежности, что дает возможность судить об этногенезе сельского населения.

В своей основной массе жители сел «европейского» Боспора состояли из перешедших к оседлому быту скифов. Став земледельческим населе-

[11] Обследованию подверглась территория в радиусе около 15 км от Пантикапея.

[12] С. А. Семенов, Античные поселения северо-восточной части Керченского полуострова, «Тезисы доклада в секции античной археологии на пленуме Ин-та археологии АН СССР в 1962 г.».

[13] МИА, № 85, 1958, стр. 151. На окраине этого пригородного поселка находилось святилище Деметры, развалины которого были замечены в 1932 г. при строительных работах. В котловане, вырытом под здание обогатительной фабрики, оказалось тогда огромное количество терракот, среди которых преобладали протомы Деметры. Они опубликованы Ю. Ю. Марти (МИА, № 4, 1941, стр. 26 сл.).

[14] Кругликова, Исследование сельских поселений..., стр. 71.

[15] Там же, стр. 72 сл.

нием, они подвергались культурному воздействию со стороны боспорских городов, следствием чего была известная эллинизация, стиравшая с течением времени многие черты культурной самобытности скифов.

В то время когда занятие хлебопашеством стало принимать все более широкий характер у коренного населения, Боспорское государство перешло к энергичным мерам по овладению этими землями.

После того как при Левконе I была завоевана Феодосия, весь Керченский п-ов вошел в состав владений Боспора. Население, жившее здесь и ведшее свое хозяйство на землях, которые не были «полисными», оказалось отныне в непосредственном подчинении у боспорских архонтов — царей. Вслед за тем Боспор смог в довольно короткий срок овладеть рядом меотских племен, начиная с синдов, на территории Прикубанья и Приазовья [16].

Противодействие подавлялось военной силой, но нередко руководящая верхушка племен шла на присоединение к Боспору без особой борьбы. Достижению этой цели способствовало установление родственных связей между членами династии Спартокидов и правителями некоторых племен (например синдов). Решающую же роль, несомненно, играли экономические факторы и прежде всего выгоды регулярного товарообмена с греческими купцами, открывавшие перед племенной знатью возможности обогащения.

Расширение «азиатской» части Боспора за счет меотских территорий имело своим следствием значительное увеличение фонда земель, которыми могли распоряжаться боспорские правители — предоставлять угодья «полисам» (случай с каллатийскими беженцами), своим приближенным и т. д.

Таким образом, примерно к середине IV в. Боспор уже располагал очень обширными плодородными землями — по обеим сторонам Керченского пролива, а также многочисленным населением, главным образом аборигенным, ведшим обработку этих земель.

Эксплуатация аборигенного земледельческого населения и была главным источником, из которого в распоряжение боспорских правителей, а также представителей высшей знати шло огромное количество зерна, обеспечивавшего возможность обильного хлебного экспорта. Как известно, в источниках нет никаких даже намеков на существование крупных лафундиального типа царских хозяйств на Боспоре. Зато мы знаем о существовании штата начальников сел, т. е. правительственных администраторов, ведавших по поручению царя сельским населением [17].

---

[16] До сих пор еще иногда встречается толкование меотов как некоего единого в этническом отношении «массива племен северного Кавказа». Это, безусловно, неверно. Меоты — собирательный этноним. Наряду с «исконными племенами северного Кавказа» в состав меотов входили племена пришлые, ираноязычные, что в частности подтверждается сообщением Гелланика о скифах-меотах (fr. 69), живших по соседству с синдами, но выше, т. е. севернее их (возможно, тут имелись в виду дандарии?). Не следует также забывать об интенсивной инфильтрации сарматов в Прикубанье уже начиная с IV—III вв. Одним из проявлений указанного процесса является, между прочим, внедрение аспургианов на территорию Синдики.

[17] Управляющие селами, назначавшиеся боспорскими правителями, известны из «Стратегем» Полиена (VI, 9, 3). К ним, этим эпимелетам сел, никакого отношения не имеет владелец черепичного эргастерия по имени Комарх. Клеймо Κωμάρχου, оттиснутое на керамиде, было найдено в XIX в. в Керчи и хранится в Эрмитаже. Оно опубликовано Е. М. Придиком (см. его «Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания», Пг., 1917, стр. 129), который без всякого на то основания признал в клейме обозначение должности κώμαρχος. Но главное состоит в следующем: петрографический анализ, произведенный в лаборатории ЛОИА, показал, что черепица Комарха по характеру керамического теста и заключенным в нем примесям совершенно чужда Боспору, но очень близка керамическим изделиям Гераклеи Понтийской. Черепица, следовательно, импортная, гераклейская. Об

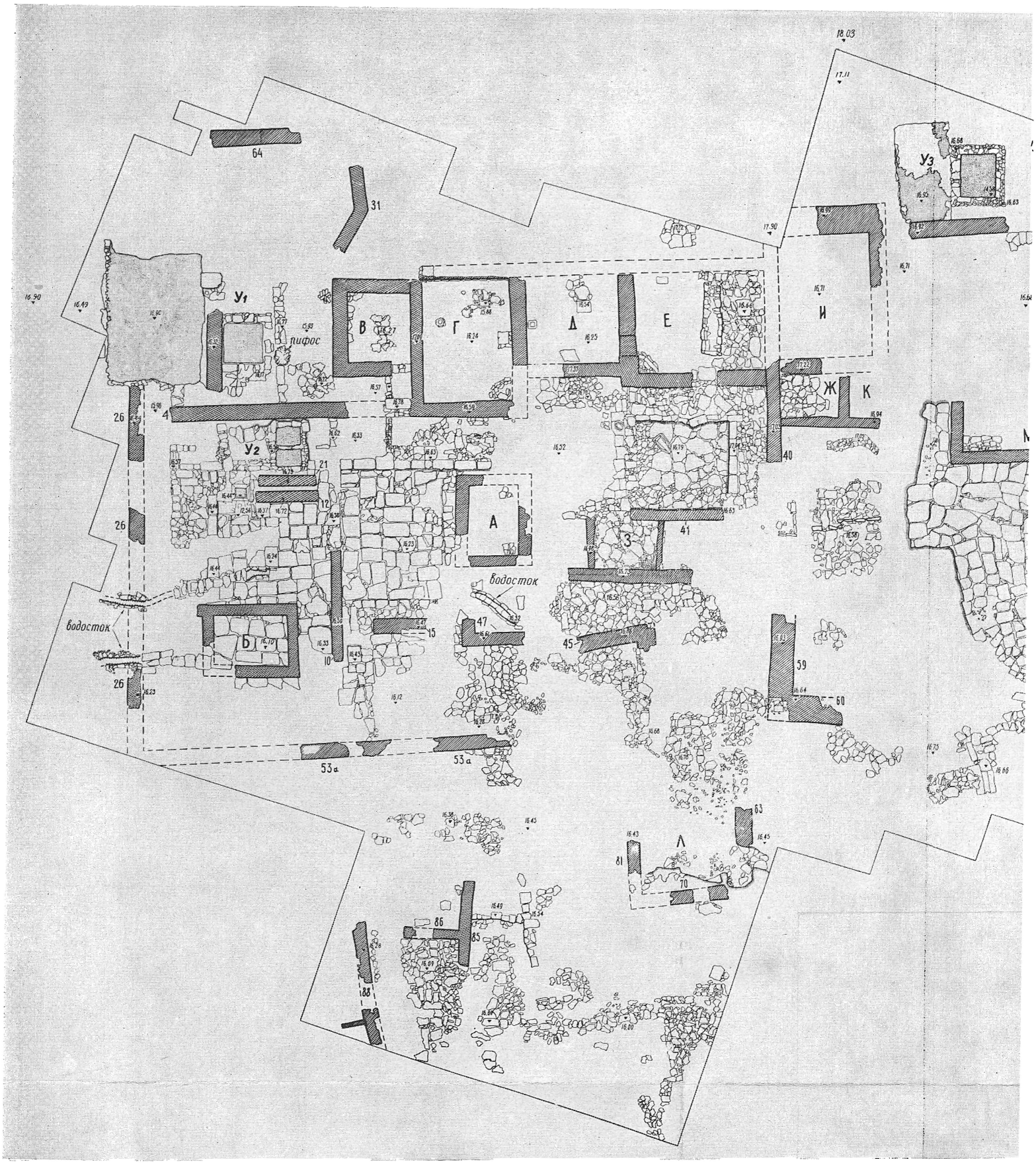


Рис. 1. План сельской усадьбы III— I вв. до н. э. близ Пантикапея и Мирмекия
А — Н — жилые и хозяйственные помещения, *У1*, *У2*, *У3* — винодельники

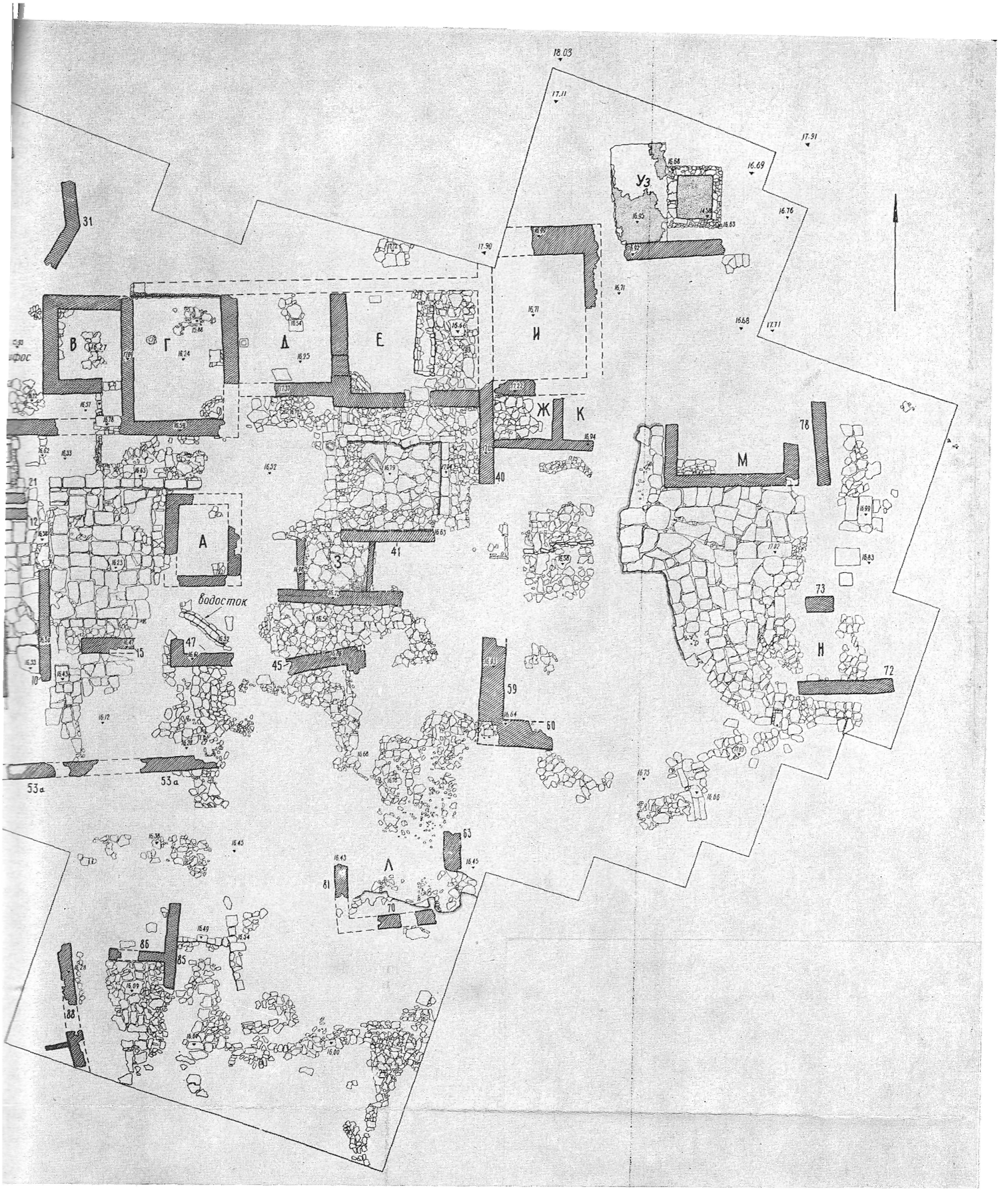


Рис. 1. План сельской усадьбы III— I вв. до н. э. близ Пантикапея и Мирмекия
А — Н — жилые и хозяйственные помещения, *У1*, *У2*, *У3* — винодельники

Сопоставление этих данных — пусть очень скудных, но все же показательных — заставляет считать наиболее вероятным, что сельские жители из числа аборигенного населения находились в положении зависимых земледельцев. Они сами вели свое хозяйство, но были обязаны отдавать известную часть продукции царю или тем, кому царь предоставлял землю в пользование для извлечения дохода от обитавших на ней и обрабатывавших ее крестьян. Такой метод эксплуатации непосредственных производителей в сельском хозяйстве и позволил боспорским правителям стать «хлебными королями».

Мы ничего не знаем о том, как осуществлялось извлечение доходов от сельского населения тех меотских племен, которые жили за пределами Синдики и во внутреннюю жизнь которых боспорское правительство вряд ли могло сколько-нибудь глубоко вмешиваться. Оно, вероятнее всего, имело здесь дело лишь с руководящей верхушкой каждого племени, через которую и получало соответствующий φόρος. Сбором же его с сельского населения занимались правители каждого племени сами.

Установлению на Боспоре института зависимых земледельцев в немалой степени способствовало широко распространенное в Северном Причерноморье взимание дани кочевниками с оседлого земледельческого населения. О даннической эксплуатации земледельцев кочевниками хорошо известно благодаря сообщению Страбона (VII, 4,6). Сама практика такого рода экономических взаимоотношений восходит к более древнему времени, чем то, которое отражено Страбоном. Обложение данью, очевидно, подразумевается уже в информации Геродота о царских скифах, считавших всех прочих скифов «своими рабами» (IV, 20).

Боспорские правители могли легко использовать эту прочно укоренившуюся систему взимания фороса, распространив ее на аборигенное земледельческое население, жившее как в «европейской», так и в «азиатской» частях государства.

Сельским хозяйством на Боспоре занимались также и владельцы частных усадеб, расположенных в окрестностях городов. Усадьбы эти представляли собой небольшие компактные поселения — виллы, в которых проживали и хозяева, и рабочий персонал, состоявший, вероятнее всего, в основном из рабов.

В 1951—1956 гг. близ Мирмекия, точнее на полпути между ним и Пантикапеем, Боспорской экспедицией были раскопаны развалины одной такой обширной усадьбы, возникшей на рубеже IV—III вв. до н. э. и существовавшей приблизительно до середины I в. до н. э.[18]. Это довольно сложный архитектурный комплекс, в который входили жилые, хозяйственного назначения постройки, а также вымощенные плитами дворы

этом же говорит и находка нескольких черепиц с клеймами Комарха в Ольвии, куда в некотором количестве ввозились гераклейские черепицы, но никогда не поступали черепицы боспорские. Поэтому совершенно напрасно Ю. А. Савельев (СА, 1964, № 3, стр. 198) усмотрел в черепичном клейме Комарха источник, способный что-то разъяснить относительно социального положения боспорских комархов. Керамида с указанным клеймом подтверждает лишь существование на Боспоре спорадического импорта черепиц из Гераклеи. И только.

[18] Осенью 1950 г. при прокладке траншеи для водопроводных труб около здания водокачки, примерно в 600 м от берега Керченской бухты, был обнаружен на протяжении около 50 м обильно насыщенный вещевым материалом культурный слой, свидетельствующий о наличии в данном месте остатков древнего поселения. Сооответствующие сведения об этом нам сообщил Керченский музей. Летом 1951 г. Боспорская экспедиция приступила к раскопкам, открывшим руины сельской усадьбы. Эти исследования продолжались до 1956 г. включительно. Тридцать три контрольные траншеи показали, что за пределы раскопанной площади усадьба не распространялась. Ориентировка раскопа была обусловлена направлением водопроводной траншеи.

(некоторые с водостоками) и проходы между строениями, занимающие почти половину всей усадебной площади (рис. 1).

Своих наибольших размеров (примерно 2700 м²) усадьба достигла не сразу, а в результате нескольких перестроек, происшедших в короткое время и приведших к расширению занимаемой усадьбой территории. По своей внешней границе она, по-видимому, была обнесена оградой, во всяком случае в ранний период. Позднее вне этой огражденной территории с южной стороны возникли некоторые дополнительные сооружения.

Главный комплекс помещений усадьбы (числом пять) находится в северной ее части. В двух из них (это наиболее парадные господские комнаты) стены были оштукатурены и расписаны. Роспись имитировала облицовку разноцветными квадрами, что, как известно, характерно для декоративной живописи эпохи эллинизма.

Все здания усадьбы имели черепичные кровли. При раскопках поэтому найдены тысячи обломков черепиц, главным образом боспорских; лишь около 10% черепиц оказались привозными, преимущественно синопскими. Интересно, что очень большое число боспорских черепиц имеет клейма — частных и царских эргастериев III—II вв. до н. э., таких клейм найдено свыше 600 [19].

Архитектурный ансамбль усадьбы и вещевой материал, обнаруженный среди развалин ее построек, свидетельствует о высоком уровне материального благосостояния владельцев в III—II вв. до н. э., лишь с начала I в. усадьба стала хиреть и приходить в упадок, закончившийся полным прекращением жизни около середины этого столетия.

Наряду с многочисленными обломками простых остродонных амфор, в том числе клейменых [20], среди керамических находок имеются образцы высококачественной посуды — чернолаковой, краснолаковой (эллинистической), с рельефными украшениями (мегарские чаши и сосуды других форм). Следует особо отметить очень характерные для II в. лагиносы — расписные и без росписи. Довольно много собрано терракот, среди которых преобладают статуэтки, изготовленные боспорскими коропластами, например фигурка Геракла очень популярного на Боспоре типа, статуэтка воина с кельтским щитом и др. К разделу вещевых находок относятся и монеты, систематически встречавшиеся при раскопках. Всего обнаружено 60 монет. Это преимущественно медные пантикапейские монеты III — первой половины I в. до н. э., наиболее обильными находками представлен II в. Есть несколько монет фанагорийских. Группа монет митридатовского времени включает, как обычно, монеты южнопонтийские; из них две — синопские и две — амисские. Более поздних, послемитридатовских монет не найдено, так как в 60—50-х гг. жизнь на усадьбе прекратилась.

Обнаруженные в разных местах усадьбы остатки продовольственных запасов представлены скоплениями зерен пшеницы (с примесью зерен ржи, сопровождавшей посевы пшеницы в качестве сорняка) [21], ячменя, гороха и вики, которая выращивалась как кормовая трава.

Для хранения пищевых продуктов использовались по обыкновению амфоры и пифосы. Один пифос оказался колхидским — доказательство

---

[19] Наиболее интересные клейма на боспорских черепицах, найденные во время раскопок усадьбы, опубликованы нами в СА, XXVIII, 1958, стр. 123 сл.

[20] Всего при раскопках усадьбы найдено 72 клейма на амфорах и 2 (с именами агорономов) на тулове кувшинов. По центрам они распределяются следующим образом: Родос — 40 клейм, Синопа — 11 (кроме того, 15 клейм имеется на синопских черепицах), Кос — 7, Гераклея — 2, Книд — 4, Фасос — 2, Парос — 1, неизвестных центров — 5 на амфорах и 2 — на кувшинах.

[21] Ср. А. В. Кирьянов, Материалы по земледелию из раскопок античных поселений, КСИА, вып. 91, 1962, стр. 93 сл.

продолжавшихся торговых связей между Боспором и Колхидой в эллинистический период.

Остеологические материалы, будучи в основном пищевыми остатками, отражают все же в какой-то мере и соответствующий элемент хозяйства усадьбы — животноводство. Найдены кости быка, овцы, козы (кости мелкого рогатого скота количественно преобладают), свиньи, лошади.

Разведение мелкого рогатого скота обеспечивало сырьем (шерстью) домашнее ткацкое производство. О существовании последнего говорят

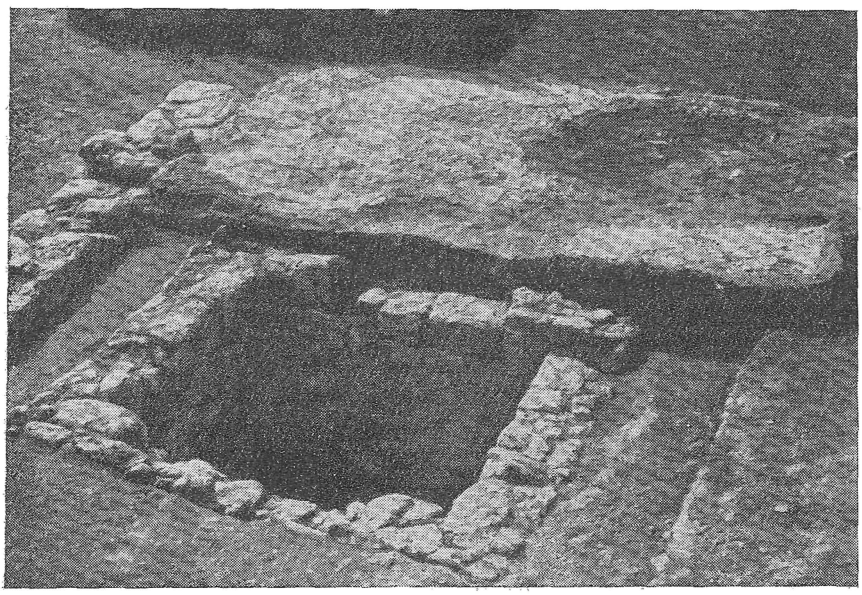


Рис. 2. Винодельня усадьбы (У3) III в. до н. э. (цистерна и давильная площадка), вид с северо-востока

находки как глиняных пряслиц, так и пирамидальных глиняных подвесок, применявшихся для натягивания нитей основы на ткацких станках. С большой долей вероятности можно даже определить, где работали ткачихи. В одном из помещений (М) восточной половины усадьбы на полу лежали 44 ткацкие пирамидки. Кажется поэтому весьма вероятным, что именно тут и находился ткацкий станок, во всяком случае в последний период жизни усадьбы.

Как можно предполагать, часть земель, принадлежавших владельцам настоящей усадьбы, использовалась под выпас для скота, часть была отведена под посевы пшеницы, ячменя и других культур. Однако не этим все-таки определялось основное направление хозяйства. Главной его отраслью являлось виноградарство, имевшее целью дать необходимое сырье для винодельческого производства, которое тут же на усадьбе и было налажено.

На территории усадьбы обнаружены три винодельни, т. е. давильни, служившие для выжимания виноградного сока с целью изготовления вина. Две винодельни (У1 и У3) датируются III — первой половиной II вв. до н. э., иными словами, временем процветания усадьбы (рис. 2) [22]. Третья винодельня относится к последнему периоду ее существования.

[22] Эти винодельни (им присвоен условный шифр У1 и У3) опубликованы в нашей работе «Виноделие на Боспоре», МИА, № 85, стр. 367 сл.

Сначала была построена одна винодельня (У1) в северо-западной части усадьбы. Вскоре, однако, понадобилась вторая винодельня (У2), и ее соорудили на противоположной, северо-восточной стороне. Каждая из них имела одну обширную давильную площадку и примыкающую к ней врытую в землю цистерну для сбора сусла. В первой винодельне емкость цистерны — 8 тысяч литров, во второй — 7. Эти цифры указывают на солидный масштаб производства виноградного вина, что очень характерно для хозяйства усадьбы в лучшие для нее времена. Позднее обе винодельни (У1 и У3) уже не функционировали. Действовала лишь одна, устроенная в западной части усадьбы небольшая винодельня (У3) с двумя цистернами, общая емкость которых не превышала 2850 литров [23].

В том же районе (между Пантикапеем и Мирмекием) были и другие подобные усадьбы. Выявленные Боспорской экспедицией в 1955—1956 гг. остатки поселения на северо-восточной окраине совр. поселка Партизаны (бывш. Аджимушкай), вероятнее всего, являются частью аналогичной загородной сельской усадьбы и тоже эллинистического времени. Любопытно, что и здесь прежде всего была обнаружена хорошо сохранившаяся большая винодельня (ПР1) III—II вв. до н. э.[24]. По своему устройству она совершенно такая же, как ранние винодельни первой усадьбы.

Таким образом, вырисовываются следующие организационные формы, в рамках которых развивалось сельское хозяйство на Боспоре.

1. Хозяйства горожан на принадлежавших им участках в прилегающей к городу местности; хозяйственные комплексы, связанные с жильем хозяев, находились в городе, иногда же в пригородных поселках (выселках), где сосредотачивались земледельцы, т. е. те граждане, основным занятием которых становилось сельское хозяйство.

2 Усадебные хозяйства, расположенные близ городов на земельных угодьях, являвшихся собственностью владельцев усадеб. В настоящее время известно, что такие усадьбы существовали в окрестностях Пантикапея с рубежа IV—III вв. до н. э.

3. Хозяйства сельских жителей, которыми были, главным образом, аборигены: земли эти считались собственностью боспорских царей или тех, кому они их уступали. Жившие на такой земле в селах и обрабатывавшие ее крестьяне, очевидно, юридически представлялись в качестве производителей, пользующихся им не принадлежавшей землей и посему обязанных надлежащими «дарами» соответственно компенсировать ее владельцев.

Два первых типа хозяйств базировались отчасти на труде самих мелких собственников земли, главным же образом на труде покупных рабов, к чему могло присоединяться использование еще и временных наемных рабочих, привлекаемых в наиболее напряженные периоды полевого сезона. Что касается населения деревень, то оно было поставлено в положение зависимых земледельцев, социальный статус которых был сродни статусу гераклейских мариандинов — дорофоров.

В римское время боспорские зависимые земледельцы, как известно, назывались пелатами (IOSPE, II, 353). Вряд ли они как-нибудь иначе назывались раньше. Фанагорийская надпись 151 г. н. э., упоминающая пелатов, позволяет — и это очень существенно — установить еще один вид землевладения на Боспоре — храмового. Как следует из названной надписи, на землях, принадлежавших храму, жили пелаты, т. е. зависи-

[23] МИА, № 85, стр. 379 сл.
[24] Там же, стр. 369 сл.

мые земледельцы. Они должны были отдавать какую-то часть продуктов своего хозяйства жрецам храма [25].

При рассмотрении сельской загородной усадьбы, раскопанной близ Мирмекия, мы отмечали ярко выраженный винодельческий уклон ее экономики. В течение каждого сезона винодельни усадьбы могли производить несколько десятков тысяч литров виноградного вина. Разумеется, где-то поблизости от усадьбы находились виноградники, способные снабдить винодельческое хозяйство усадьбы необходимым сырьем.

Тут мы подошли еще к одному из очень важных результатов, который достигнут археологическими исследованиями Боспора в последние десятилетия.

О виноградарстве и виноделии на Боспоре еще совсем недавно почти ничего не было известно. Считалось, что эти отрасли хозяйства существовали и процветали в Херсонесе, тогда как Боспор якобы был целиком поглощен развитием своего богатейшего зернового хозяйства, полностью игнорируя культуру винограда.

В 1934 г. Боспорская экспедиция начала систематические раскопки в Мирмекии, и тогда же была обнаружена первая, притом очень большая боспорская винодельня (М1) эллинистическо-римского времени. Открытие этой монументальной винодельни явилось своего рода сенсацией [26]. В следующем 1935 г. в том же Мирмекии появились еще две крупные винодельни римского времени. Во время шестнадцатого сезона раскопок, в 1961 г. была открыта уже двенадцатая мирмекийская винодельня, II в. н. э. (рис. 3). Таким образом, Мирмекий рисуется теперь с полным основанием как «город виноделов» [27].

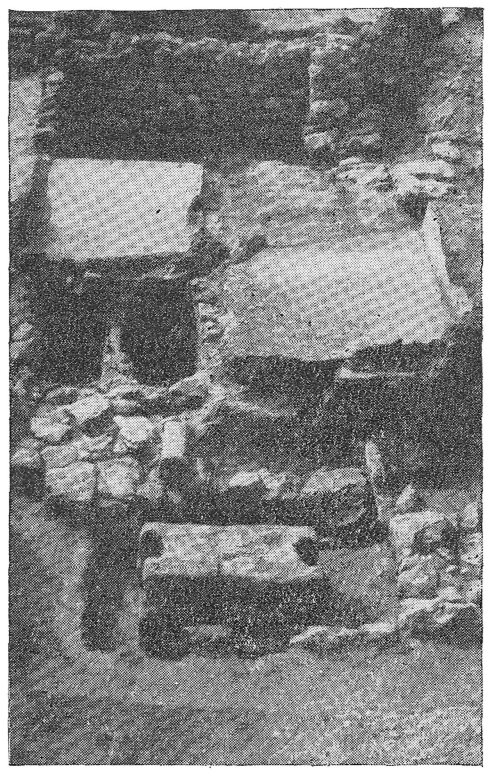


Рис. 3. Винодельня II в. н. э. в Мирмекии (на переднем плане — каменная гиря от рычажно-винтового пресса)

[25] Китейская надпись 234 г. (см. Ю. Ю. Марти, Новые эпиграфические памятники Боспора, ИГАИМК, 104, стр. 60 сл.) показывает еще и другую экономическую функцию, присущую боспорским храмам. Ведавший строительством храма «бога гремящего» Юлий Симмах пожертвовал храму 12 золотых, проценты с которых доверил употребить ежегодно на священные храмовые расходы. Разумеется, проценты не могли нарастать на вложенную в храм сумму, если бы деньги лежали без движения. Очевидно, храм вел кредитные операции, т. е. выдавал ссуды под проценты, которые и шли на покрытие текущих расходов храма.

[26] В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская, Раскопки северной и западной частей Мирмекия в 1934 г., МИА, № 4, стр. 115 сл.; см. также МИА, № 85, стр. 355 сл., 377 сл., 414 сл.

[27] Когда в 1934—1939 гг. уже был раскопан ряд виноделен в Мирмекии, а затем и в Тиритаке, то выяснилось (по архивным данным), что два такого рода памятника были обнаружены на Боспоре еще в XIX в.— в 1863 г. в Мирмекии (см. МИА, № 4, стр. 101 сл.), в 1870 г. на Темир-горе (см. СА, VII, 1941, стр. 52 сл.). Таким образом, самые первые археологические свидетельства боспорского виноделия в течение очень долгого времени пребывали в забвении.

Винодельни найдены также в упоминавшихся выше сельских усадьбах, раскопанных поблизости от Мирмекия, в Пантикапее, Тиритаке, Нимфее; на Таманском п-ове — в Фанагории, Патрасии, Кепах, на городище Батарейка I, на Пятиколодезном городище у мыса Панагия [28]. Всего раскрыто уже около сорока боспорских виноделен. Конечно, это не окончательная цифра. Почти ежегодно обнаруживаются все новые памятники виноделия в различных пунктах Боспора.

Самые ранние боспорские винодельни, известные в настоящее время, относятся к III в. до н. э., самые поздние — к III — IV вв. н. э. Благодаря тому, что в указанных хронологических пределах известные в настоящее время винодельни последовательно представляют длинный ряд столетий, у нас есть возможность наглядно проследить развитие определенных сторон техники античного виноделия, выяснить ее усовершенствования, достигнутые на протяжении эллинистическо-римской эпохи [29].

Ни в одном районе античного мира не обнаружено так много реальных остатков винодельческой техники, как на Боспоре за минувшее тридцатилетие. Между тем — и это уже отмечалось — открытие памятников боспорского виноделия явилось большой неожиданностью, ибо никто не предполагал такое широкое развитие этой отрасли хозяйства в Боспорском государстве.

Встает вопрос, почему именно в III в. до н. э. виноградарство и виноделие получили на Боспоре вдруг столь большой размах, приобретя сразу же значение важного элемента экономики, каким оно потом уже оставалось в течение всех последующих столетий существования Боспора.

Виноград боспорцы культивировали и раньше. Но только в III в. появляются винодельни, причем внушительных размеров, солидно построенные, их производительные возможности явно рассчитаны на сбыт продукции путем продажи.

Обилие хлеба, поступавшего в торговый оборот, к III в. достигло на Боспоре таких масштабов, что использование «полисных» земель преимущественно под зерновые культуры перестало себя оправдывать. К тому же в это время условия сбыта хлеба для экспорта в отличие от предыдущего периода уже не были постоянно столь благоприятными в силу сложных политических и экономических изменений, происшедших в Восточном Средиземноморье в связи с образованием эллинистических государств [30].

---

[28] К составленному нами списку боспорских виноделен (МИА, № 85, стр. 363 сл., 451 сл.) надлежит добавить новые памятники, открытые в Мирмекии (в 1960—1961 гг. три винодельни, из них одна — III в. до н. э., две — римского времени), Фанагории (М. М. Кобылина, Новые данные о фанагорийских винодельнях, КСИА, вып. 74, 1959, стр. 20 сл.), Кепах (Н. И. Сокольский, Раскопки городища Кепы в 1961 г., КСИА, вып. 95, 1963, стр. 54 сл.) и Пантикапее (И. Д. Марченко, Новая винодельня в Пантикапее, сб. «Археология и история Боспора», II, стр. 315 сл.).

[29] Такая попытка проследить развитие боспорского виноделия осуществлена нами в уже упоминавшейся работе «Виноделие на Боспоре», напечатанной в МИА, № 85, стр. 312—457. Опубликованные памятники, характеризующие историю боспорского виноделия и развитие его техники, использованы в интересной статье: T. Zawadzki, Rolnictwo w Grecji starozytnej. II. Przetwórstwo, «Archeologia», XII, 1961.

[30] Одним из важных факторов, осложнявшим хлебную торговлю Боспора в III в., было поступление на рынки Средиземноморья большого количества египетского хлеба, что, естественно, затрудняло сбыт боспорского зерна. М. К. Трофимова, отрицающая эту конкуренцию (см. ее статью «Из истории эллинистической экономики. К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н. э.», ВДИ, 1961, № 2, стр. 46 сл.), вступает, между прочим, в явное противоречие с отношением к данному вопросу самих боспорцев. Когда Антигон Гонат разгромил египетский флот у о. Коса около 250 г. (А. Б. Рановича, Эллинизм и его историческая роль, М., 1950, стр. 178; А. С. Шофман, История античной Македонии, Казань, 1963, стр. 163, 183 сл.), то Боспор не преминул на пантикапейских монетах воспроизвести триумфальную эмблему (голова Посейдона), скопировав ее с тетрадрахм Антигона Гоната, выпущенных в ознаменование Косской победы (см. А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА,

Все это, как можно думать, настоятельно побуждало несколько сократить зерновое хозяйство, перейти к интенсивному развитию культуры винограда и широкому производству вина, поскольку данному продукту был обеспечен надежный и выгодный сбыт. Огромный рост численности населения на Боспоре значительно расширил возможности торговли пищевыми продуктами, в том числе вином на внутреннем рынке. Кроме того, почти неограниченный сбыт вина, открывавшийся в соседних с Боспором районах, населенных «варварами», служил немаловажным дополнительным стимулом, способствовавшим быстрому расцвету боспорского виноделия в III в. до н. э. Доказав свою экономическую выгодность, виноделие затем прочно вошло в хозяйственную жизнь Боспора, успешно сосуществуя с большим импортом вина.

Имеющиеся теперь в нашем распоряжении археологические данные позволяют заключить, что для боспорской экономики, в том числе и сельского хозяйства, был весьма неблагоприятным период второй половины II — первой половины I в. до н. э. Напряженно враждебные взаимоотношения со Скифским царством в Крыму, поставившие в критическое положение Боспор при Перисаде V; восстание боспорских скифов и его подавление, нанесшее громадный материальный урон поселениям Боспора; далее, тяжелый период владычества Митридата VI, сопровождавшийся разорительными вторжениями сарматских полчищ в азиатские владения Боспора (они были отбиты полководцем Неоптолемом) и беспощадным выкачиванием ресурсов на военные нужды понтийского царя; наконец, жестокая морская блокада, организованная Помпеем в 65—63 гг.,— все это самым пагубным образом отразилось на хозяйственной жизни Боспора, особенно на его восточнокрымской территории.

К середине I в. до н. э. некоторые когда-то цветущие города до того обезлюдели и деградировали, что производили впечатление заброшенных «бывших» городов, переставших существовать [31]. Замерла жизнь и в их сельских усадьбах, о которых у нас речь шла выше. В восточном Крыму, по-видимому, прекратили существование очень многие сельские поселения.

С подъемом экономики во второй половине I в. до н. э. и особенно в I в. н. э. наблюдается быстрое оживление сельского хозяйства прежде всего на пригородных землях, где теперь его постоянным спутником продолжает оставаться виноградарство и виноделие. Археоботанические материалы из раскопок указывают на появление в римское время некоторых новых культур — бахчевых (дыни) и конопли. И то, и другое засвидетельствовано находками в Тиритаке.

№ 16, 1951, стр. 179). Нанесенное птолемеевскому Египту морское поражение воспринималось на Боспоре с нескрываемым одобрением. Интересно, что вслед за этой военной неудачей, повлекшей за собой длительное сокращение торговой активности Египта в Греции и Эгейском архипелаге (см. Я. А. Ленцман, О хлебной торговле Делоса в III—II вв. до н. э., ВДИ, 1946, № 2, стр. 93 сл.), экономические дела Боспора стали быстро поправляться. Это нашло свое выражение, в частности, в значительном улучшении боспорского денежного хозяйства, наступившем в третьей четверти III в. Следует попутно отметить, что в интересной дискуссии о денежном кризисе на Боспоре в III в. до н. э., ведущейся в последнее время, иногда допускается сильное преувеличение масштабов боспорского экономического кризиса, имевшего место в первой половине III в. В действительности это был скорее период экономического спада, депрессии, вызванной довольно острыми экспортными затруднениями, но отнюдь не «катастрофический упадок экономики» (ср. П. О. Карышковский, Заметки по нумизматике античного Причерноморья, ВДИ, 1964, № 1, стр. 139).

[31] Е. Г. Кастанаян, Период позднего эллинизма в истории городов Боспора, сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 214 сл.

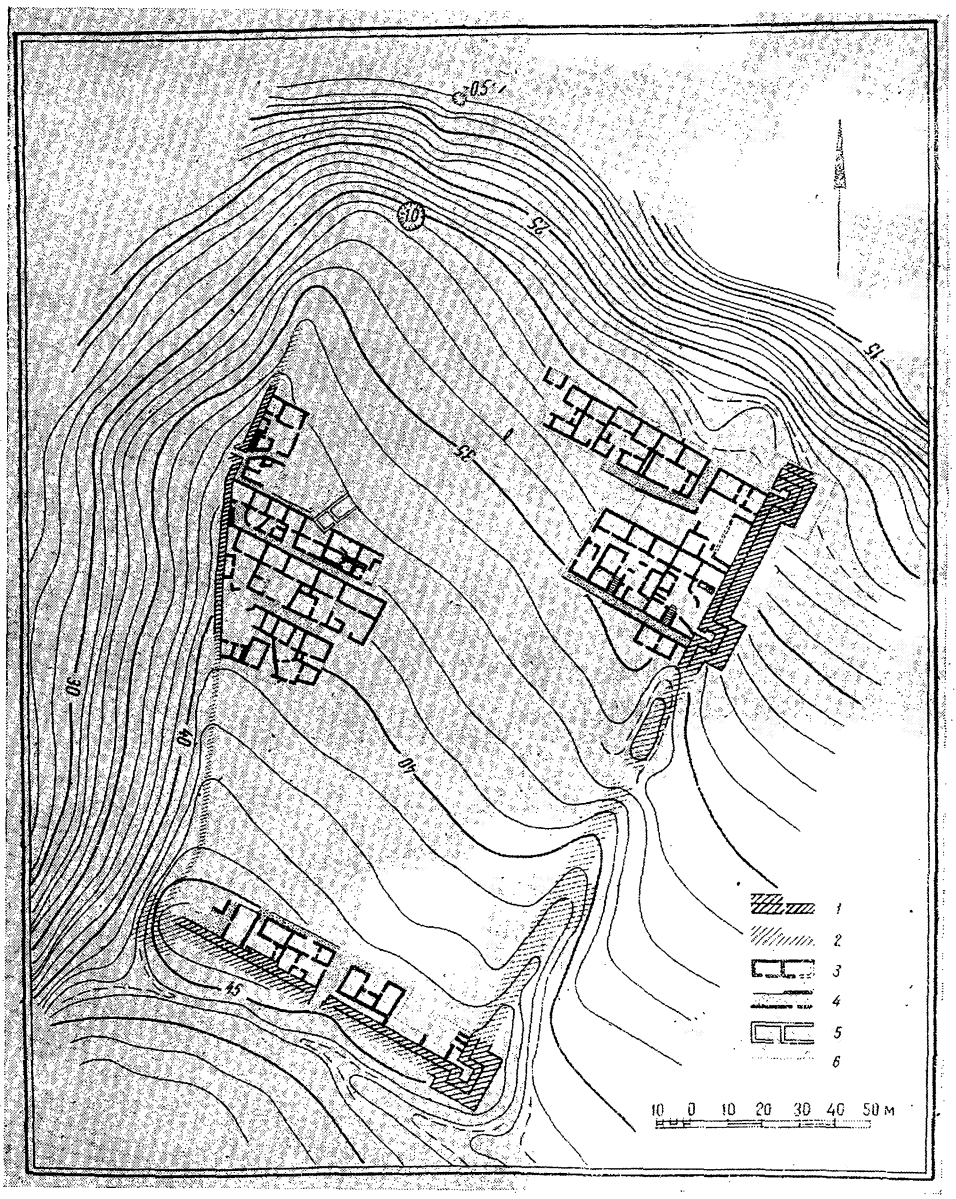


Рис. 4. План Илурата: *1*— раскопанные части оборонительной стены; *2* — нераскопанные части стены; *3* — стены построек I — III вв. внутри крепости; *4* — улицы и переулки; *5* — здание VIII — IX вв.; *6* — границы раскопов

Очень интересно значительное изменение дислокации сельских поселений и их облика. Жизнь земледельцев в неукрепленных открытого типа селах, как это было во времена Спартокидов, представляется теперь крайне опасной — слишком тревожной и неустойчивой была обстановка. Не утихавшее на протяжении I и II вв. соперничество между Боспором и Скифским царством, периодически переходившее в открытые вооруженные конфликты, создавало для боспорских земледельцев Восточного Крыма постоянную опасность разорения в результате военных набегов.

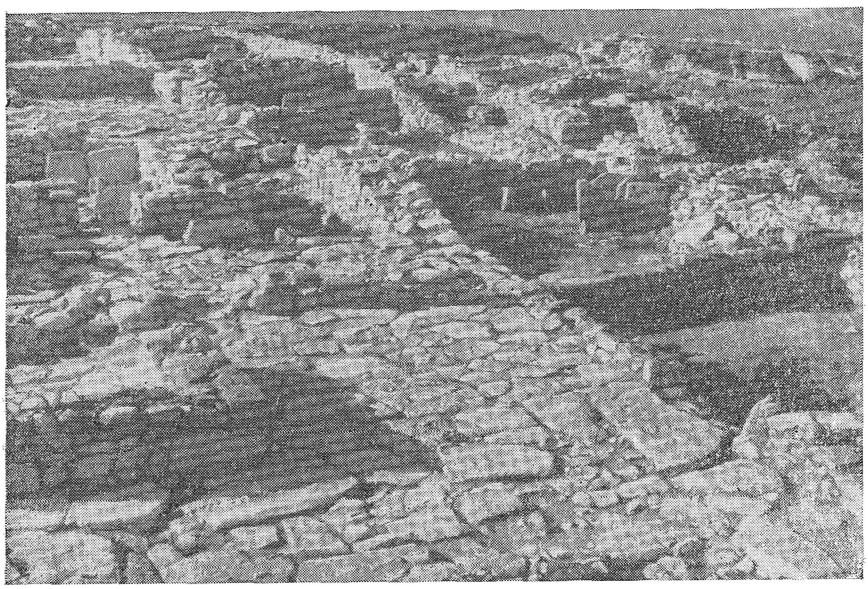


Рис. 5. Хозяйственные помещения в западном квартале Илурата

Обстановка осложнялась еще и угрозой вторжения сарматских кочевых отрядов — через Перекоп и крымские степи.

В силу указанных причин земледельцы теперь расселялись преимущественно в укрепленных поселениях. Некоторые из них при этом были превращены в весьма внушительные крепости, способные выдержать настоящую осаду. Показательно также стремление устраивать поселения на возвышенностях, чтобы затруднить нападение врага.

На важнейших сельских поселениях Таманского п-ова в целях обороны были воздвигнуты солидные сырцовокирпичные цитадели, одна из которых (на городище Батарейка I) в самое последнее время была успешно исследована Н. И. Сокольским [32]. На «европейской» территории Боспора с земледельческими поселениями римского времени мы теперь довольно хорошо знакомы благодаря раскопкам (1947—1960 гг.) Илурата (рис. 4) [33] и поселения на берегу Азовского моря близ дер. Семеновки [34]. О занятии жителей земледелием говорят найденные в обоих поселениях орудия сельского хозяйства (серпы, косы, а на городище у Семеновки обнаружен даже железный сошник плуга) [35]. К этому надлежит добавить наличие большого количества огромных ям-зернохранилищ, складских помещений с керамической тарой для хранения зерна, с мукомольными орудиями в виде жерновов и ступ (рис. 5). Показательно также устройство в домах помещений для содержания скота. Но если боспорские села спартокидовского периода строились стихийно, беспланово, по усмотрению

[32] Н. И. Сокольский, К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху, «Acta antiqua Philippolitana», София, 1963, стр. 19 сл.; он же, Крепость на городище у хутора Батарейка I, СА, 1963, № 1, стр. 179 сл.

[33] В. Ф. Гайдукевич, Илурат, МИА, № 85, стр. 9—148.

[34] И. Т. Кругликова, Итоги семилетних раскопок поселения у д. Семеновка, КСИА, вып. 95, стр. 43 сл. В статье перечислены все публикации автора, посвященные исследованиям данного памятника.

[35] И. Т. Кругликова, Железные сельскохозяйственные орудия Боспора в III в. н. э., СА, 1959, № 3, стр. 137 сл.

самих жителей-земледельцев, то теперь (во всяком случае в наиболее крупных поселениях) отчетливо видна руководящая роль государства. Особенно это явственно проявляется в Илурате. Вся его строго регулярная планировка, выбор места для поселения, выгодного в стратегическом отношении, постройка очень солидных оборонительных сооружений и последующая их реконструкция в целях усиления эффективности фортификационной системы — все это, разумеется, не результат вольной импровизации самих обитателей, а результат осуществления определенных предначертаний центральной власти.

Земледельческие поселения в римское время рассматривались боспорскими правителями в двойном плане — как пункты производства сельскохозяйственных продуктов (в первую очередь хлеба), нуждающиеся в надежной защите в случае нападения на них, и как пункты сопротивления, способные во время войны сковывать противника, стремящегося продвинуться к государственным центрам.

Жители таких земледельческих поселений, как Илурат, являвшихся одновременно важными крепостями, по-видимому, были обременены не только повинностями экономического характера, но и военными обязанностями, так как несение гарнизонной службы лежало на мужском населении крепости, т. е. на тех же земледельцах [36].

Сельские загородные усадьбы в римское время были очень редки. Пока известна только одна такого рода усадьба, раскопанная в 1870 г. на Темир-горе. Она не только находилась на горе, но и имела облик настоящей маленькой крепости [37]. Квадратное в плане здание виллы занимало площадь около 1600 м^2, а толщина его внешних стен равнялась 2,5 м. Во дворе виллы оказалась упоминавшаяся уже винодельня — свидетельство того, что виноделие продолжало играть важную роль в усадебном хозяйстве, подобно тому как это было и в эллинистическое время.

Пример с сельской виллой на Темир-горе очень красноречив, он показывает, в какой неспокойной обстановке протекала жизнь сельского населения в первые века нашей эры. Повсюду, где строились земледельческие поселения, возникала первоочередная задача создания оборонительных средств, способных защитить жителей от нападения врагов.

---

[36] Боспорское земледельческое население, как и городское, в римское время соответствовало общему этническому понятию Βοσποϱανοί (см. у Птолемея — V, 8, 24: «по обеим сторонам Боспора Киммерийского живут боспоряне»). Сельское население состояло в основном из потомков давних аборигенов (скифы — в европейской части, синды и др.— в азиатской), подвергшихся в течение ряда веков почти полной ассимиляции, в результате которой господствующим языком стал греческий. Однако в области культуры, в частности в сфере культа, это население удерживало немало своих старых традиций, которые уживались в пестром переплетении с усвоенными элементами греческой культуры. Этому процессу «эллинизации» земледельческого населения сопутствовал процесс известной «варваризации» греческого населения городов, в которых процент выходцев из аборигенной среды все более возрастал. Таким образом, на Боспоре в первые века в общем сложилась единая культура, обладавшая, однако, определенными особенностями у различных социальных групп населения. Эта культура, продолжавшая до конца оставаться в основе своей греческой, в римский период представляла фактически сплав греко-аборигенных элементов, что являлось результатом длительных и очень тесных контактов и взаимосвязей греков с местными этническими группами. В первые века нашей эры в среду боспорского населения интенсивно проникали сарматы. Они придавали культуре Боспора того времени определенный «сарматский колорит». Но, разумеется, нельзя сводить своеобразие боспорской культуры в римский период к одному лишь влиянию сарматов.

[37] В. Ф. Гайдукевич, Укрепленная villa rustica на Темир-горе, СА, VII, 1941, стр. 45 сл. Эта укрепленная усадьба была сооружена около начала I в. н. э. (существовала она до первой половины III в.) на месте какого-то сельского поселения открытого типа эллинистического времени, что подтверждается наличием соответствующего культурного слоя.

Не исключено, что в I—II вв. н. э. (до разгрома скифов около 193 г.) на территории Боспора в восточном Крыму использование земель под сельское хозяйство было несколько меньшим, чем при Спартокидах в IV—III вв. до н. э., из-за большой опасности нападения со стороны Скифского государства и нередких войн с ним. В это время, возможно, масштабы производства зерна здесь уступали «азиатскому» Боспору, где положение в общем отличалось, кажется, большей стабильностью. В этой связи стоит вспомнить горгиппийский фиас навклеров, известный по надписи времени Савромата II [38]. Как видим, именно в Горгиппии сформировалось религиозное общество почитателей бога Посейдона, объединившее очень большое число боспорских судовладельцев-купцов. Похоже на то, что в I—II вв. через торговые гавани «азиатского» Боспора, в том числе через Горгиппию, особенно интенсивно велись экспортные операции, связанные прежде всего с вывозом хлеба.

Экспорт зерна в первые века нашей эры мог пополняться поставками из района нижнего Подонья, где в этот период возникло довольно много земледельческих поселений, втянутых через посредство Танаиса в регулярный торговый обмен с греческими купцами. Правда, в известном описании экономической роли Танаиса, принадлежащем Страбону (XI, 2,3), о вывозе хлеба не упоминается. Не следует, однако, забывать, что указанная характеристика отражает положение, которое имело место до начала нашей эры, т. е. еще до того, как в низовьях Дона появился целый ряд новых меото-сарматских поселений, жители которых занимались главным образом хлебопашеством [39].

Относительно непосредственных производителей в сельском хозяйстве Боспора в римское время при настоящем состоянии наших источников можно лишь с значительной долей вероятности предполагать, что в рассматриваемый период институт зависимых земледельцев — пелатов — еще более расширился и укрепился. Единственный документ, который с полной несомненностью подтверждает наличие на Боспоре пелатов — это фанагорийская надпись как раз римского времени (151 г.) [40].

Таким образом, в отличие от предшествующего (эллинистического) периода в римское время сильно уменьшилось значение усадебных хозяйств, связанных с использованием труда рабов. Возросла же роль зависимых производителей — земледельцев, несших теперь нередко еще и дополнительное бремя военной защиты своих поселений.

Грозные события 50—70-х гг. III в., когда в район Боспора Киммерийского вторглись «варвары», предводительствуемые готами, имели своим следствием прекращение жизни многих земледельческих поселений Боспора, в том числе и таких сильно укрепленных, как Илурат. В 70-х гг. III в. перестали существовать не только многочисленные сельские посе-

[38] В. В. Латышев, Неизданные горгиппийские надписи, ИАК, вып. 37, 1910, стр. 38 сл.; С. А. Жебелев, Боспорские этюды, сб. «Северное Причерноморье», стр. 204 сл.

[39] Обзор поселений, существовавших в первые века нашей эры в районе нижнего Дона, опубликованный Т. Н. Книпович («Танаис», М.—Л., 1949, стр. 128 сл.), в настоящее время должен быть пополнен еще рядом пунктов, выявленных на этой территории в результате новых археологических исследований. Наиболее основательно изучено путем систематических раскопок (1956—1962 гг.) меото-сарматское земледельческое поселение I—III вв. н. э., расположенное на правом берегу Дона к западу от г. Аксая,— Кобяково городище — см. С. М. Марков, Археологические раскопки на Дону в послевоенный период, сб. «Археологические раскопки на Дону», Ростов-на-Дону, 1962, стр. 35 сл.; С. И. Капошина, Раскопки Кобякова городища и его некрополя, там же, стр. 95 сл.

[40] О боспорских пелатах см. В. В. Струве, Восстание Савмака, ВДИ, 1950, № 3, стр. 36 сл.; литература вопроса приведена также в статье: В. Ф. Гайдукевич, Еще о восстании Савмака, ВДИ, 1962, № 1, стр. 221.

ления, но и некоторые города, например Мирмекий. Это был первый предвестник приближавшегося краха Боспора как рабовладельческого государства. С конца III в. главными очагами земледелия становятся уцелевшие города (Пантикапей, Тиритака, Китей, Фанагория, Кепы, Гермонасса и др.), в которых удельный вес сельского хозяйства все более увеличивался, что и являлось характерной чертой последнего этапа экономической истории Боспорского царства [41].

В настоящее время мы, несомненно, неизмеримо больше знаем об аграрном хозяйстве Боспора, чем это было до развертывания начатых в 30-х гг. планомерных археологических исследований, объектом которых стали боспорские города и сельские поселения. Дальнейшее целеустремленное систематическое развитие таких изысканий, безусловно, позволит еще более сократить пробелы в наших знаниях об экономической истории Боспора — самого крупного и выдающегося по своему историческому значению государства в Северном Причерноморье в античную эпоху.

[41] Ср. И. Т. Кругликова, Города Боспора в III в. н.э., сб. «Античный город», М., 1963, стр. 83.

К. М. Колобова

К ВОПРОСУ О МЕТЕКАХ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО РОДОСА

СОЮЗЫ негра́ждан (в том числе и рабов города) [1] достигают наибольшего развития в Греции в III—I вв. до н. э. Это связано с торжеством эллинизма, с постоянными передвижениями солдат, наемников, колонистов, вызванными походами Александра и длительной борьбой диадохов и эпигонов, с развитием ремесла и торговли, ожесточенной конкуренцией между городами и государствами и в результате всего этого с наплывом в крупные торгово-ремесленные центры ксенов и метеков.

Особенно значителен был приток негражданского населения из других городов в Родосское государство.

Выдержав с успехом борьбу за рынки с Египтом и возглавив с 250 г. до н. э. союз островитян, Родос стал главным транзитным центром сбыта товаров не только других государств, но и Египта.

Значительное преобладание негра́ждан над гражданами (особенно при сильном расширении территориальных владений Родоса), непрерывный приток прибывающих на остров и в родосскую Перею ксенов и метеков требовали от государства централизации управления и приводили к новым формам контроля над негражданами.

Ранее в классический период в материковых полисах (например в Афинах) списки метеков велись по демам, к которым они были приписаны; каждая семья метеков имела своего простата из граждан, и архонт-полемарх мог вполне справляться с функциями контроля над всеми метеками, как правило, сосредоточенными преимущественно в Афинах.

В эллинистическом государстве старая система [2] была уже непригодной, так как уже не была способна осуществлять действенный контроль над всем негражданским населением эллинистических государств; такой контроль тем не менее был необходим прежде всего для предупреждения опасных для государства волнений. О наличии такой опасности свидетельствует рассказ Диодора: во время подготовки Родоса к осаде в период борьбы с Деметрием Полиоркетом (305/304 гг.) из города, кроме женщин и детей, были выселены также метеки, пареки и ксены; из них были остав-

[1] Ср. IG, XII, 1, № 161: [Διοσαταβυρι]ασταὶ τοὶ τᾶς πόλιος δοῦλοι.

[2] Возможно, что афинская система обязательной простасии для всех метеков была характерна лишь для Афин, как это отмечается лексикографами: Ср. Harpocr., Suid., s. v.: οἱ τῶν μετοίκων Ἀθήνησι προεστηκότες προστάται ἐκαλοῦντο ἀναγκαῖον γὰρ ἦν ἑκάστῳ τῶν μετοίκων πολίτην τινὰ Ἀθηναῖον νέμειν προστάτην. К тому же для эллинистических полисов характерно наличие ряда градаций в предоставлении иноземцам частичных гражданских прав.

лены только те, кто изъявил желание активно участвовать в обороне города; выселение остальных, согласно Диодору, вызывалось опасением, «как бы люди, недовольные существующим строем, не стали предателями города» (Diod., XX, 84).

* * *

Среди многочисленных родосских надписей мы имеем лишь две надписи I в. до н. э.[3], в которых, наряду с простым обозначением многочисленных иноземцев «метеками», лишь в четырех случаях указано наряду с именем μέτοικος и имя простата из граждан [4].

Нам кажется возможным объяснить столь редкие упоминания простатов тем, что при стечении на обширной территории Родоса огромного количества иноземцев (кроме метеков-ремесленников, купцов, ростовщиков), пареков, занимающихся в основном земледелием, а также наемных войск, состоящих из ксенов и метеков, проживающих как на острове, так и на подвластных Родосу территориях, наличие только простатов-граждан не могло обеспечить необходимый контроль над ними. К тому же существовала гораздо более гибкая форма объединения метеков, ксенов и даже рабов в союзы, охватывающие подчас не менее 150—200 членов (не исключено и большее число); это позволяло государству использовать систему евергесии вместо простасии, т. е. иметь дело не с отдельными семьями метеков, но с евергетами союзов.

В этом отношении самые широкие возможности предоставляла сфера религии, культов как родосских, так и восточных божеств. Общность культа и религиозных празднеств была не только отличительным, но и обязательным условием возникновения любых союзов (κοινά). Религия в древнем мире была важной формой общественной связи, особенно важной во взаимоотношениях полиса со стоящим вне полисной организации негражданским населением.

Родовые формы древних семейных общин, связанность членов родов, фратрий и фил общими культами и празднествами характерны для раннеполисной жизни; несмотря на некоторую консервативность формы, эти религиозно-родовые и семейные объединения оказались чрезвычайно устойчивыми и одновременно достаточно эластичными для удовлетворения новых нужд Родосского государства. Оставаясь основой гражданской организации полиса в классический период, они получают еще более широкое распространение в период эллинизма. Видоизменяясь в своем содержании, они сохраняли форму и древние родовые имена, объединяя граждан на основе кровнородственных связей, укрепленных древними культами. Во главе каждого из этих объединений стояла аристократическая знать, хранящая старые традиции и одновременно осуществляющая контроль за гражданской беднотой, включенной в эти кровнородственные ассоциации.

[3] Ср. G. Jacopi, Nuove epigrafi dalle Sporadi meridionali, «Clara Rhodos. Studi e materiali pubblicati a cura dell 'Istituto storico-archeol. di Rodi», II, 1932, № 6, col. I, v. 16—19; col. II, vv. 21—23; 37—39; G. Pugliese Carratelli, Per la storia delle associazioni in Rodi antica, «Annuario della Reg. Scuola archeologica di Atene e delle Missione Italiane in Oriente», Bergamo — Milano — Roma, I—II, нов. сер. (1939—1940), 1942, № 21, col. III, v. 31—32. Дж. Пульезе Карателли, полагая, что метеки должны были иметь своего простата, отмечает, однако, что столь редкое упоминание имени простата пока невозможно объяснить. Несомненно, этот вопрос заслуживает специального исследования на широком сравнительном материале эллинистических городов.

[4] По формуле: имя метека с указанием имени простата, например: Ἀνδρων Κῶ⟨ι⟩ος μέτοικος οὗ προστατεῖ | Σέλευκος Θήρωνος Ῥογκίδας (Pugliese Carratelli, ук. соч., № 21, A III, 31 сл.).

Страбон называет родосцев δημοκηδεῖς, отмечая недемократический характер их конституции; родосцы, по словам Страбона (XIV, 2,5), стремились «сдерживать массу бедняков». «Народ пользуется хлебными раздачами и богатые поддерживают нуждающихся, следуя некоему отцовскому обычаю» (ἔθει τινὶ πατρίῳ). Устойчивость этих культовых объединений способствовала усилению влияния богатой родосской знати над беднотой, заинтересованной в причастности к этим религиозно-родовым объединениям.

Таким образом, для объединения метеков в культовые союзы уже существовал эталон — πάτριος ἔθος. Однако культовой связи, объединяющей метеков в коллективы, было бы недостаточно для создания прочно спаянных совместными обязанностями, правами и привилегиями объединений метеков. Для прочности таких союзов была необходима обоюдная заинтересованность и метеков, и государства.

После фундаментальных работ Э. Цибарта, П. Фукара и особенно Фр. Поланда и Дж. Пульезе Карателли [5] нет нужды специально останавливаться на вопросах организации союзов и союзных собраний, а также на достаточно исследованном вопросе о подражании организаций метеков полисной организации Родоса.

Цель данной статьи ограничена проблемой взаимоотношений объединений метеков с Родосским полисом.

При возникновении каждого нового союза метеков было необходимо официальное признание союза государством. Существование особой выборной коллегии ἐπιμελεταὶ τῶν ξένων и наличие термина ἐπιμέλεια τῶν ξένων предполагает, что вся деятельность любого союза и отдельных его членов из среды метеков находилась под постоянным контролем этой коллегии [6]. Коллегия эпимелетов состояла из пяти человек и имела постоянного писца. В архиве коллегии, вероятно, хранились и списки союзов, возможно, с поименным перечнем всех членов союза. Здесь же должны были рассматриваться и утверждаться «вечные законы» (νόμοι ἀκίνητοι) союзов [7], в которых детально определялись права членов. Так, например, в постановлении союзов Асклепиастов Никасиониев Олимпиастов (IG, XII, 1, № 127), согласно такому вечному закону, была установлена наибольшая сумма, которую можно было истратить при присуждении кому-либо почетного золотого венка [8].

Союзы возглавлялись богатыми метеками, они были первыми основателями союзов и их первыми жрецами (ἀρχερανίσται), они же затем, по решению союзного собрания, провозглашались евергетами союза. Здесь в миниатюре повторяется то, что существует в полисе, где, как правило, евергесии царей и знати соответствует евергесия основателей и руководителей союзов. Евергеты, даже не будучи гражданами Родоса, не только считались, но и были надежными людьми, на которых можно было вполне

---

[5] E. Ziebarth, Das griechische Vereinswesen, Lpz, 1896; H. Van Gelder, Geschichte der alten Rhodier, Haag, 1900; P. Foucart, Les associations religieuses chez les Grecs, P., 1909; Fr. Poland, Geschichte der griechischen Vereinswesen, Lpz, 1909; Hiller v. Gaertringen, s. v. Rhodos, RE, V, 1931, стб. 731 сл.; Pugliese Carratelli, ук. соч., стр. 147 сл.

[6] Ср. IG, XII, 1, № 49, v. 50—58 (первая половина II в. до н. э.); Jacopi, ук. соч., № 7, v. 8—9, стр. 152 (начало I в.); ср. также № 3, стр. 148—149 (первая половина II в. до н. э. и стр. 19

[7] Ср. Poland, ук. соч., стр. 271 сл.; Pugliese Carratelli, ук. соч., стр. 192, прим. 4.

[8] IC, XII, 1, № 127; ср. Pugliese Carratelli, ук. соч., стр. 150, № 5; имя союза — ср. Hiller v. Gaertringen, S. Saridakis, Inschriften am Rhodos, AM, XXV (1900), стр. 109, № 108

положиться; обеспечивая надлежащее руководство союзом, они одновременно превращались в его аристократическую верхушку.

Многие союзы носят имена основателей, реформаторов и председателей союзов, которые в этом случае получают наименование с гентильным окончанием на -ειοι. В этом отношении представляет особенный интерес союз Ἀσκλαπιασταὶ Νικασιώνειοι Ὀλυμπιασταί[9], основанный Никасионом из Кизика, получившим от Родоса права эпидамии. Никасион возглавляет список благодетелей и благодетельниц союза (εὐεργέται καὶ εὐεργετίδες); после его смерти главой союза становится его жена Олимпиада из Сол; затем в списке благодетелей вплоть до третьего поколения следуют имена детей и внуков Никасиона, детей от брака его сына и его дочери. Возможно, что союз был разделен по трем филам, поскольку в надписи приведен список победителей в состязаниях трех фил, образованных по типу трех родосских фил, но названных именами ближайших родственников Никасиона: филы Никасионида (по имени сына основателя), Олимпиада (по имени дочери основателя) и Басилида (по имени жены его сына) [10].

Так в трех поколениях создается разветвленная генеалогия основателя союза и его συγγένεια, в которую входят также родственники и по линии жены сына и по линии мужа дочери (Архия хиосца).

Характерна и этническая пестрота руководителей союза, перечисленных в надписи. Из 26 евергетов и евергетид союза 22 мужчины и четыре женщины (все иноземки). Трое из мужчин — эпидамиасты, девять из них — Ῥόδιοι.

Тринадцать мужчин — уроженцы восьми городов; если присоединить к этому 11 агонофетов и гимнасиархов союза, то число наименований городов увеличится до 16. Преобладают города Малой Азии — Кизик, Эфес, Симбрия (в Ликии), Антиохия, Солы, Илион, Сельга, Книд, Фаселида; кроме того — Александрия, Амфиполь, Лисимахия, Тенос, Хиос [11]. Вопреки традициям родосских граждан, оберегавших по мере возможности чистоту своего этнического происхождения, в союзах царит этническая пестрота [12]. Важно отметить, что женщины в союзе равноправны с мужчинами; членами союза становятся также и дети. Родственные связи устанавливаются на одинаковых правах как по мужской, так и по женской линии. В числе благодетельниц союза, кроме жены Никасиона Олимпиады из Сол [13], мы встречаем также Басилиду (жену сына Никасиона), Олимпиаду (его дочь) и Εἰρήνη из Сол. Союз Ἁλιαδαὶ καὶ Ἁλιασταί чтит как благодетельницу Стратонику из Галикарнасса (IG, XII, 1, № 156).

Особый интерес представляют постановления союза Ἁλιαδαὶ καὶ Ἁλιασταί (или Ἁλιασταὶ καὶ Ἁλιαδαί) II в. до н. э. В этом союзе выступает как археранист Дионисодор из Александрии, который был свя-

[9] IG, XII, 1, № 127.

[10] Там же.

[11] В надписи поименно перечислены 37 человек; девять из них — Ῥόδιοι (т. е. люди, наделенные гражданскими правами без права приписки к дему) и трое эпидамиастов, несомненно заслуженных людей, пользующихся доверием Родосского государства. Возможно, что филарх филы Никасиониды Δίων Φρύξ, как полагают, был рабом.

[12] В одной из надписей начала I в. до н. э. Пульезе Карателли (ук. соч., № 21) приводит список городов (к сожалению, неполный, так как надпись значительно повреждена), откуда происходили метеки и ксены: Антиохия — 19 человек, Эфес — 16, Александрия — 8, Лаодикея и Минд — по 6; Кос, Никомедия и Самос — по 4; Афины, Кавн, Парос, Фаселида, Филадельфия и Сидима — по 3; Галикарнасс, Аргос, Апамея, Книд, Миласа, Пергам, Тиатира — по 2; Алабанда, Кизик, Элида, Гераклея Понтийская, Магнесия на Меандре, Милет, Пафлагония, Рим, Сарды, Смирна, Солы, Траллы, Тиндара — по 1 человеку.

[13] Имя Олимпиады, возглавившей союз после Никасиона, входит в наименование союза: Ὀλυμπιασταί.

зан и с другими союзами — Дионисиастов и Паниастов (IG, XII, 1, № 155) [14]. Первое по времени постановление вынесено союзом Дионисиастов, в котором Дионисодор выступает как евергет союза (155a); за ним следует постановление Паниастов: Дионисодор был археранистом этого союза в течение 18 лет (155b); он также является и евергетом союза.

Далее, в постановлении Ἁλιασταὶ καὶ Ἁλιαδαί он является археранистом союза, возглавляющим его уже в течение 23 лет (155c). Последнее, завершающее постановление принадлежит этому же союзу Галиастов и Галиадов (155d): союз чтит Дионисодора как своего евергета, в котором он состоял уже 35 лет, оказывая союзу «многочисленные и великие услуги». Затем следует развернутое решение в честь Дионисодора, крайне интересное изложением последовательности порядка присуждения почестей. В тексте решения, которое должен огласить гиерокерик или эпистат, читаем: «Союз Ἁλιασταὶ καὶ Ἁλιαδαί почтил на вечные времена Дионисодора александрийца, евергета союза [15]..... и при жизни и после смерти за его ἀρετὴ καί εὔνοια, которые он проявлял к союзам (εἰς τὰ κοινά) и к его эранистам (vv. 34—38)». Дж. Пульезе Карателли обращает внимание на выражение εἰς τὰ κοινά: в том случае, полагает он, если это не описка резчика, не обозначает ли это, что первоначально два этих союза существовали как отдельные союзы?

Действительно, в позже изданной родосской надписи на жертвеннике (Maiuri, NS, № 46), найденном на территории родосского некрополя, на фасадной стороне жертвенника вырезано имя Дионисодора александрийца «евергета и археранста»; на обратной стороне надпись: союз (τὸ κοινόν) [16] кратко отмечает почести, оказанные членами союза Иакху и Дионисодору александрийцам; затем сообщается о почестях, оказанных Дионисодору союзом Галиастов, и, наконец, союзом Дионисиастов. В самой последней строке добавлены еще два имени: Дионисия александрийца и Итаки из Сол [17].

Вероятнее всего предположить, что жертвенник поставлен союзом Паниастов, евергетом (но не основателем) которого был Дионисодор. Возможно, что Иакх, брат Дионисодора, имя которого стоит первым, и был основателем союза Паниастов. Последние два имени, по предположению Гиллера [18], имена членов семьи Дионисодора — его жены и сына.

Примечательно, что решение, принятое ранее как совместное решение союза Галиадов и Галиастов, приводится здесь без упоминания Галиадов [19]. Может быть, позже Галиады вышли из союза или, наоборот, полностью вошли в союз, потеряв свое имя, так как оба наименования связаны были с одним и тем же культом главного родосского божества — Гелиоса.

Несомненным кажется одно, а именно, что в объединении этих союзов важную роль играло александрийское происхождение Дионисодора. Взаимоотношения Родоса с Александрией были особенно значительными,

---

[14] По мнению Хр. Блинкенберга, имя Ἁλιαδαί связано с членами патры Ἁλιατάδαι — Chr. Blinkenberg, Réglements de sacrifices rhodiens, «Δράγμα, M. P. Nilsson dedicatum» Lund, 1932, стр. 100; ср. «Lindos. Fouilles et recherches 1902—1914», II, Copenhague, 1941, № 183 — [Ἁ] λιαδᾶν/Δαματέρων/καὶ Διὸς /Δαματρίου. Ἁλιατάδαι — ср. Maiuri, NS, № 18.

[15] Пропускаем перечисление почестей: золотой венок, беспошлинность, похвала (ἔπαινος).

[16] По всей вероятности это — [τὸ κοινὸν] Πανιασταί. Он впервые наградил Дионисодора венком из листьев белого тополя, и этот венок изображен на жертвеннике.

[17] v. 11: καὶ Διονυσίου Ἀλεξανδρέως καὶ Ἰθάκης Σολίδος.

[18] Hiller v. Gaertringen, Saridakis, ук. соч., стр. 107 сл.

[19] Ср. Blinkenberg, Lindos, II, № 183; Maiuri, NS, № 18, v. 20, где Ἁλιατάδαι названы πατριῶται, т. е. членами патры. Ср. Blinkenberg, Δράγμα, стр. 100, № 4.

так как Александрия [20] была тесно связана с Родосом: со времени все более усиливающегося значения Египта для средиземноморской торговли Родос стал основным складом, принимавшим египетские товары [21]. Александрийские купцы, прибывавшие на Родос, встречались как почетные гости, родосцы же массами селились в Александрии [22]. Возможно, что Дионисодор, постоянно проживая на Родосе, одновременно не потерял александрийского гражданства [23].

Влияние Дионисодора на три союза подчеркивает не только его богатство, но и широкий размах его торговых связей, поскольку религиозная форма союзов — лишь внешняя форма, скрывающая подлинные экономические связи и взаимную заинтересованность в их развитии членов союза, связанных общими интересами.

Если союз Паниастов чтит Иакха и Дионисодора, то союз Дионисиастов чтит, помимо Дионисодора, Дионисия александрийца, и Итаку из Сол, а союз Галиастов — только Дионисодора. Таким образом, Дионисодор является связующим звеном в существовании этих трех союзов. И на о-ве Косе засвидетельствован союз Галиастов с Асклепиадом во главе (θίασος Ἁλιασταὶ σὺν Ἀσκληπιάδῳ — Maiuri, N S, № 489). А. Майури, издатель надписи, отмечает его родосское происхождение. Вполне возможно, что фиас косских Галиастов был связан с Галиастами Родоса не только религиозными, но и экономическими интересами. Возможность существования одних и тех же союзов, взаимно связанных, как кажется, отражена двумя надписями союза Гермаистов (середина II в. до н. э.): Ἑρμαϊσταὶ τοὶ ἐν Καμείρῳ и Ἑρμαϊσταὶ τοὶ ἐν τῶι ἄστει (т. е. в городе Родосе) [24].

Родосские граждане, несомненно заинтересованные в развитии союзов неграждан как экономически, так и политически [25], пользовались в ряде союзов большим влиянием. В линдосской надписи последней четверти II в. до н. э., содержащей список лиц, вносящих пожертвование на какие-то религиозные или государственные нужды, некий знатный родосец Тимаполис лично связан с рядом союзов: во всех случаях сначала стоит его имя, а затем название союза и размер взноса — Тимаполис и Тимаполеи, Тимаполис и Агатодаймониасты, Тимаполис и Агестратеи и Левкареи, Тимаполис и — — — —, Аполлониасты, Тимаполис и Арси[нонеи] Афродисиасты — — — — еи, Тимаполис и Сотериасты (далее обрыв надписи) (Lindos, II, № 252). Фр. Блинкенберг замечает, что это были, по-видимому, небольшие союзы, существование которых было неустойчивым, поскольку размеры взносов (там, где суммы союзных взносов сохранились в надписи) были невелики. Однако важно отметить концентрацию ряда союзов около одного и того же лица, гражданина Родоса, хотя он формально не является председателем ни одного из них [26].

Роль этих союзов неграждан, достигающих расцвета во II в. до н. э., может быть, по нашему мнению, объяснена и политически, и экономически.

[20] Ср. Strabo, XVII, 9: на территории царского дворца островок, созданный в искусственной гавани, назывался «Антиродос», как если бы, замечает Страбон, он был соперником Родоса.

[21] Ср. M. Rostovtzeff, Foreign Commerce of Ptolemaic Egypt, «Journal of Economic and Buisness History», IV (1932), № 4, стр. 750 сл.; Polyb., IV, 38.

[22] Rostovtzeff, ук. соч., стр. 750.

[23] Ср. об эфесцах, проживавших постоянно на Родосе,— Van Gelder, ук. соч., стр. 233 сл.

[24] Pugliese Carratelli, ук. соч., стр. 149, № 3—4.

[25] Негражданское население Родоса поставляло воинов во флот, в сухопутные войска и для охраны укрепленных мест, отсюда черпались кадры скульпторов и резчиков, мелких ремесленников и торговцев, крупных дельцов и богачей, не раз выручавших Родос в период его материальных затруднений.

[26] Союз Τιμαπόλειοι, возможно, был объединением воинов, служивших под командой Тимаполиса.

Религиозный характер союзов предоставлял возможности широкого общения как с гражданским, так и с негражданским населением Родоса. Приобщение к родосским культам путем почитания тех же богов, которые почитались и на Родосе, во-первых, создавало легальные формы общения союзов с гражданами, во-вторых, немало способствовало распространению и влиянию родосских культов не только на острове, но и за его пределами. Это собственно была та единственно возможная легальная форма не только контроля государства за метеками, но и непосредственной связи метеков с отдельными гражданами, наиболее видными и прославленными людьми, которых союзы метеков чествуют наряду с гражданскими союзами фратрий, демов, фил, диагоний и т. д. Конечно, любой союз метеков был заинтересован в личном покровительстве и в личных связях с влиятельными, как правило, олигархическими кругами родосских граждан. Таким образом, создавалась взаимная заинтересованность друг в друге. Пожертвования метеков и помощь государству в трудные моменты его жизни — обычное явление.

Не случайно и то, что культ «Народа Родоса» (ὁ δᾶμος ὁ Ῥοδίων) впервые засвидетельствован на территории родосской Переи (в Карии) [27] во II в. до н. э.[28].

Одновременно, как остроумно заметил Поланд [29], иноземцы прибывали на Родос, конечно, не для того только, чтобы стать членами какого-либо религиозного союза, но по гораздо более практическим соображениям. Самый факт быстрого возрастания все новых и новых союзов, как уже отмечал Пульезе Карателли, тесно связан с расширением и развитием родосской торговли [30]. Этническая пестрота состава метеков облегчала установление торговых отношений с городами их родины; пример этому приводит Ван Гельдер, указывая на эфесскую надпись, где родосским метекам, постоянно живущим на территории Родоса, в Эфесе предоставляются полные гражданские права [31].

Большой материал, собранный, объединенный и проанализированный Пульезе Карателли, привел итальянского исследователя к важным выводам о правах, предоставляемых Родосским государством союзам метеков: право владения каждого союза участком на кладбище городского некрополя; право владения недвижимостью: домами, предназначенными, вероятно, для собраний союзов, для архонтов и жрецов союзов, право владения (может быть, не у всех союзов) участками земли, иногда обрабатываемыми [32]. Многие видные деятели союзов получали права эпидамиастов, а сыновья их, как правило, становились Ῥόδιοι. Становясь «родосцами» (но без приписки к демам), они как бы обезличивались в отношении своего происхождения, так как их этническая принадлежность нигде более не обозначалась. Пользуясь гражданскими правами (конечно, ограниченными), они по-прежнему оставались в союзах, образуя привилегированный слой. По существу они были полезнее государству как члены сою-

[27] Ср. BCH, LVIII, 1934, стр. 345—376 (Ὑλλαρύμα в Карии). Леон, сын Теодора, вероятно, гражданин Гилларимы, в числе других жреческих обязанностей, выполнявшихся им, был и жрецом «Народа Родосцев» (ὁ δᾶμος ὁ Ῥοδίων).

[28] М. Нильсон, указывая на сравнительно позднее возникновение этого культа (персонификация и обожествление родосского народа) полагает, что этот культ был создан Родосской республикой по образцу уже существовавшего культа эллинистических царей, но с подчеркиванием и своеобразия культа единственного государства, не знающего монархов. M. P. Nilsson, Geschichte der griechischen Religion, II, Münch., 1961, стр. 144 сл.

[29] Poland, ук. соч., стр. 106 сл.

[30] Ср. Pugliese Carratelli, ук. соч., стр. 200 и прим. 4.

[31] Van Gelder, ук. соч., стр. 233 сл.

[32] Pugliese Carratelli, ук. соч., № 18 B; стр. 150, № 5; ср. также постановление об Ἀμφουριασμοί союза ⟨Ἀφρ⟩οδιασιασταὶ Ἑρμογένειοι, — там же, № 1 и комм.

зов, так как их включение в демы Родоса означало бы полный отрыв от κοινά метеков. Таким образом, создавалась особая прослойка граждан, тесно связанных с союзами метеков своими экономическими и религиозными интересами; одновременно они являлись тем промежуточным слоем, который в дальнейшем облегчал более прочную связь между гражданами и негражданами. В союзах, как это уже ранее отмечал Ю. Керст, с необычайной яркостью выражается процесс не только религиозного, но и этнического синкретизма [33]. Его наиболее ярким выражением являются те же Ῥόδιοι — при этом новом обозначении теряется указание на их этническое происхождение.

Интересно отметить те новые черты, которые зарождаются прежде всего в союзах негражданн: равноправие женщин с мужчинами (по-видимому, на основании права личного владения своим имуществом); даже руководство союзом могло принадлежать женщине. По сравнению с полисной ограниченностью это было большим шагом вперед. Разветвленная сеть союзов, связанных друг с другом экономически и религиозно, возможность состоять членом нескольких союзов для одного и того же лица, насаждение таких же союзов на территориях городов, связанных с Родосом, подвижность союзов, возможность их объединения друг с другом — все это было новым этапом, ведущим в дальнейшем к новым преобразованиям. Христианские общины первых веков своего существования, в которых большую роль первоначально играли ремесленники и купцы, воспользовались этим эталоном κοινά метеков и ксенов, предоставлявших широкие возможности создания новых торговых связей, а также и гостеприимства у кущов и ремесленников в других городах на основе общей принадлежности к христианской религии.

«Родосцы», образуя своего рода соединительное звено между гражданами и метеками, предваряют тем самым дальнейшее превращение полиса из объединения коллектива, принадлежащего к одной и той же народности, в классовую общину, каким фактически уже были многие города царства Селевкидов.

В дальнейшем на довольно долгое время возникает новая демаркационная линия между римлянами и остальным населением полиса. Этот вопрос требует дополнительного изучения, тем более, что после удара, нанесенного римлянами Родосу, евергетами союзов, как кажется, все чаще выступают родосские граждане, принадлежащие к олигархической знати города.

---

[33] J. K a e r s t, Geschichte des Hellenismus, II², B., 1926, стр. 208 сл.

И. Д. Амусин

«ИЗБРАННИК БОГА» В КУМРАНСКИХ ТЕКСТАХ

В кумранском комментарии на кн. Хабаккука мы читаем: וביד בחירו יתן אל את משפט כול הגוים «и в руки (букв. „в руку") Своего избранника Бог отдаст суд над всеми народами» (1 QpHab., V, 4). Crux этого места в грамматической интерпретации слова bḥyrw. В дошедшем до нас написании с местоименным суффиксом 3 л. ед. ч. это слово означает «его избранника» [1]. В таком случае, если придерживаться дошедшей графики, перед нами крайне важное отражение существовавших среди кумранитов представлений о мессии-судье, божественном избраннике. Однако подавляющее большинство исследователей отвергает такое понимание и рассматривает дошедшее написание как орфографический вариант (scriptio defectiva) формы мн. ч. с местоим. суффиксом: bḥyr(y)w «его избранников» [2]. Действительно, такого рода орфографические варианты в кумранских рукописях засвидетельствованы [3], однако понимание их должно

[1] Так первоначально понимал это выражение Дюпон-Соммер (A. Dupont, Sommer, Aperçus préliminaires sur les manuscrits de la Mer Morte, P., 1950, стр. 44, 55 сл., 78: «Son Élu»), однако впоследствии он отказался от такого понимания (см. след. прим.). Ср. H. Bardtke, Die Handschriftenfunde am Toten Meer, B., 1953, стр. 127: «seines Auserwählten»; И. Д. Амусин, Рукописи Мертвого моря, М., 1960, стр. 193—194; он же, «Учитель праведности» Кумранской общины, «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», VII, 1964, стр. 260—261; J. Starcky, Les quatres étapes du Messianisme à Qumran, RB, 70, 1963, № 4, стр. 501: «Son Élu».

[2] См., например, A. M. Habermann, ʿEdah we — ʿEduth. Three Scrolls from the Judaean Desert. The Legacy of a Community, Jer., 1952, стр. 47 (ср. он же, Megilloth Midbar Yehuda, Tel-Aviv, 1959, стр. 45); K. Elliger, Studien zum Habakuk-Kommentar vom Toten Meer, Tübingen, 1953, стр. 182; A. van der Woude, Die Messianischen Vorstellungen der Gemeinde von Qumrân, Groningen, 1957, стр. 156—158; E. F. Sutcliffe, The Monks of Qumran as Depicted in the Dead Sea Scrolls, L., 1960, стр. 174; J. Maier, Die Texte vom Toten Meer, Münch.— Basel, 1960, I, стр. 151; II, стр. 144; L. H. Silberman, Unriddling the Riddle. A Study in the Structure and Language of the Habakkuk Pesher (1 QpHab.), RQ, 11, 1961, стр. 342; H. Stegemann, Der Pešer Psalm 37 aus Höhle 4 von Qumran, RQ, 14, 1963, стр. 257, прим. 124; A. Dupont-Sommer, Les écrits esséniens découverts près de la Mer Morte, P., 1964[3], стр. 273. Г. Молин допускает обе возможности перевода: «Seiner (Seines) Auserwählten» (см. G. Molin, Die Söhne des Lichtes, Wien — Münch., 1954, стр. 13). Ж. Карминьяк, хотя и переводит в данном случае «Son élu», однако под «его избранником» понимает не личность, а весь еврейский народ (J. Carmignac, Les Textes de Qumran, P., 1963, II, стр. 100 и 101, прим. 3; ср. стр. 120, прим. 4). Бетц также считает судьей-избранником весь еврейский народ (O. Betz, Donnersöhne, Menschenfischer und der Davidische Messias, RQ, 9, 1961, стр. 54). Жобер считает, что судьей будет кумранская община (A. Jaubert, La notion d'Alliance dans le judaïsme aux abords de l'ère chrétienne, P., 1963, стр. 142; 163, прим. 173; 247).

[3] В комментарии на Хабаккука такой случай засвидетельствован только один раз: mṣwwtw = mṣwwt(y)w (1 QpHab. V, 5; ср. [šwm]ry mṣwwtyw в 1 QS[b] I, 1. В то-

находиться в зависимости от конкретной ситуации и контекста, в котором краткое написание находится. И в данном случае onus probandi должно быть возложено на тех, кто меняет рукописное чтение формы ед. ч. на мн. ч. Как нам представляется, при непредвзятом подходе нет никакой необходимости менять рукописное чтение. Ввиду принципиально важного значения этого места следует остановиться на нем подробнее.

Для понимания этого комментария необходимо прежде всего обратиться к комментируемому месту кн. Хабаккука I, 12—13 (в кумранской передаче этого текста): «[О, Йахве,]$_1$ для правосудия Ты поставил его; о, Твердыня [4], для наказания его [5] Ты основал его. Слишком чисты глаза (Твои),$_2$ чтобы глядеть на зло [6], и созерцать [7] несправедливость (или „страдание") Ты не можешь» (1 QpHab. IV, 16 — V, 1—2).

Текст этот представляет значительные трудности для перевода и вариантов его имеется множество. Однако смысл текста представляется следующим: автор кн. Хабаккука (конец VII в. до н. э.), предсказывая нашествие на Иудею вавилонян (*касдим*), изображает их как орудие божьего гнева и суда над провинившимся народом. Подобный ход мыслей засвидетельствован и в других книгах пророческой литературы. Так, в кн. Исайи (X, 5—15) высказывается та же мысль, что Ассирия предназначена в качестве орудия возмездия Йахве, но ассирийцам не следует возноситься, ибо впоследствии они сами будут наказаны. Как известно, и Кир считался в пророческой традиции орудием Йахве, его «помазанником» (ср. Jes., XLV, 1; ср. XLIV, 28).

Следуя закону кумранского жанра комментариев (*пешарим*), согласно которому в каждом комментируемом библейском тексте заложена скрытая даже от самого пророка «тайна» (rāz), имеющая, однако, отношение к условиям времени существования кумранской общины и «раскрытая» богом кумранскому учителю [8], комментатор соответствующим образом истолковывает или «раскрывает» сокровенный смысл цитируемого места кн. Хабаккука.

Так, вавилоняне из текста Хабаккука превращаются в «киттиев», под которыми в данном контексте следует понимать римскую армию времени восточного похода Помпея [9]. Если у Хабаккука вавилоняне призваны для суда и наказания еврейского народа, то у кумранского комментатора суд над всеми народами будет вручен «избраннику» бога. Вот перевод этого комментария: «$_3$Толкование этого слова: Бог не уничтожит [10]

же время в 1 QpHab. засвидетельствовано и полное написание местоим. суффикса: ysryw (ǂ QpHab. XII, 11; ср. ед. ч. ysrw — 1 QpHab. XII, 10). По мнению Гошена-Готштейна, чередование-yw/-w находит свое лингвистическое объяснение в том, что здесь имеется явление монофтонгизации (aw > ô), в результате которой суффиксы при ед. и мн. ч. имени оказываются омофонами (M. H. Goshen-Gottstein, Linguistic Structure and Tradition in the Qumran Documents, «Scripta Hierosolymitana», IV, Jer., 1958, стр. 116.

[4] צור — букв. «скала» — синоним Йахве (ср. Dt. XXXII, 4). А. Мишель понимает wṣwr в буквальном смысле и переводит: «et, comme un rocher, tu l'as établi pour celui qui le châtie» (см. A. Vincent, Les manuscrits hébreux du Désert de Juda, P., 1955, стр. 90).

[5] למוכיחו вместо МТ: להוכיח «для того, чтобы наказывать». Местоименный суффикс при причастии в кумранском написании («наказывающим его») выражает здесь объект наказания, т. е. еврейский народ.

[6] מראות ברע вместо МТ: מראות רע

[7] והבט (wĕhabbēṭ) вместо МТ: והביט (wĕhabbīṭ).

[8] См. 1 QpHab. II, 5—10; VII, 1—5.

[9] См. 1 QpHab. II, 10—16; III, 1—14; IV, 1—12. Ср., например, R. Goossens, Les kittim du Commentaire d'Habacuc, NC, 4, 1952, стр. 137—170; ср. также 4 QpNah I, 3; И. Д. Амусин, Кумранский комментарий на Наума, ВДИ, 1962, № 4, стр. 107, прим. 11.

[10] יכלה (yĕkallē) от глагола klh — «уничтожать».

народ Свой через посредство чужеземцев; 4 в руку избранника Своего (bḥyrw) Бог отдаст суд над всеми народами; а когда они подвергнутся наказанию, 5 будут также обвинены все нечестивцы Его народа [11], которые соблюдали Его заповеди (только) в бедственное для них время» [12] (1 QpHab. V, 5—6).

В этом тексте нет ничего, что исключало бы возможность принятия рукописного чтения bḥyrw «его избранника» — без эмендации («его избранников») и без истолкования этого слова как относящегося к целому народу. Понятие «избранник бога» восходит к библейской традиции, а в кумранской литературе встречается не только в рассматриваемом нами месте. В ветхозаветной литературе наряду с понятием «избранного народа» (например, Is., 43, 20 и 45, 4) встречается также обозначение «избранник бога» применительно к отдельным личностям. Так именно названы Моисей (mšh bḥyrw — Ps., 106, 23), Саул (bḥyr yhwh — II S., 21,6), Давид (bḥyry — Ps., 89, 4). Правда, названные лица не наделены эсхатологическими чертами [13].

В известном апокрифическом сочинении «Завещания 12 патриархов» [14], отрывки из которого найдены в кумранских пещерах на языке оригинала, встречается идея будущего мессии-судьи. Так, в «Завещании» Иуды говорится: «И появится человек (καὶ ἀναστήσεται ἄνθρωπος) как солнце справедливости . . . и из него произойдет скипетр справедливости (ῥάβδος δικαιοσύνης) чтобы судить и спасать (κρῖναι καὶ σῶσαι) всех, кто взовет к Богу» (T. Yud., XI, 1—5). В гл. XVIII «Завещания» Леви дается яркое эсхатологическое предсказание о «новом священнике» (ἱερέα καινόν), которому откроются все слова бога [15] и который «будет творить суд правды на земле по исполнении дней» (καὶ αὐτὸς ποιήσει κρίσιν ἀληθείας ἐπὶ τῆς γῆς ἐν πλήθει ἡμερῶν). С выражением «избранник бога» (ἐκλεκτὸς θεοῦ) мы встречаемся также в «Завещании» Вениамина (T. Ben. XI, 4).

Обращаясь к кумранским рукописям, следует отметить, что в них неоднократно засвидетельствовано выражение bḥyrw в форме ед. ч. Помимо 1 QpHab. V, 4, трижды встречается самоназвание עדת בחירו «община его избранника» [16]. В этих текстах речь идет об общине, во главе которой стоял учитель праведности, и, таким образом, здесь «избранник его» и «учитель» можно рассматривать как синонимы. Характерно, что Карминьяк во всех этих случаях безоговорочно переводит: «la congrégation

---

[11] רשעי עמו — в отличие от רשעי גוים «нечестивцы из чужеземных народов» (4 Qp Nah. I, 1). Ср. «нечестивцы Эфраима и Менашше» в 4 QpPs 37 I, 18.

[12] בצר למו; Бардтке (ук. соч., стр. 127) переводит: «Die seine Geboten bewahrt haben, sind ihnen ein Fels», читая, очевидно, вместо bṣr lmw — kṣ(w)r lmw. Некоторые переводчики связывают последнее предложение «которые соблюдали его заповеди в период бедствия» (ʾšr šmrw ʾt ʿmṣwwtw bṣr lmw) не с непосредственно предшествующим ему предложением относительно наказания «нечестивцев его народа» (ršʿy ʿmw), а с далеко отстоящим от него словом «избранника» (bḥyrw), которое они рассматривают как мн. ч. — ср., например, S u t c l i f f e, ук. соч., стр. 174: «for they (the elect) kept His commandments in their tribulation»; ср. также C a r m i g n a c, ук. соч., стр. 100: «et (que) tous les impies de Son peuple seront punis par le châtiment (infligé par) ceux qui ont observé Ses préceptes pendant leur tribulation».

[13] Мы оставляем здесь в стороне вопрос об эсхатологическом образе раба-страдальца из Jes., 53 и раба-избранника бога из Jes., 42,1 (ср. LXX ad locum).

[14] R. H. C h a r l e s, The Greek Versions of the Testaments of the Twelve Patriarchs, Oxf., 1908.

[15] О кумранском учителе также говорится, что он был священником (hkwhn), «которому Бог дал [разумен]ие истолковать все слова его пророков-рабов» (1 QpHab. II, 8—9), что это знание учитель получил непосредственно «из уст Бога» (mpy ʾl — II, 2—3). См. также 1 QpHab. VII, 4—5; 4 QpPs 37 I, 19; II, 15.

[16] 4 QpPs 37 I, 5; II, 5; 4 QpJes^{d}. I, 3.

de Son élu» и замечает: «Ici cette formule pourrait s'appliquer au Docteur de Justice» [17].

Выражение bḥyrw в значении «избранник его» встречается еще в одном месте комментария на Хабаккука, где оно, по всей вероятности, также относится к учителю праведности. Текст Хабаккука II, 8: «за кровь человеческую, за грабеж (или: насилие) страны, города и всех его жителей» [18] снабжается следующим комментарием: «$_{9}$Толкование его: (это относится) к не[че]стивому священнику, которого за вину его в отношении учителя $_{10}$праведности и людей его общины Бог предал в ру[ки вра]гов его, чтобы истязать его $_{11}$мукой и изнурить в горестях души [19] за то, что он (т. е. нечестивый священник) учинил нечестие (hršyʿ)$_{12}$ над избранником его (ʾl bḥyrw)» (1 QpHab., IX, 9—12).

И в данном случае многие исследователи и переводчики рассматривают встречающееся здесь выражение bḥyrw как орфографический вариант краткого написания местоим. суффикса мн. ч.: bḥyr(y)w. Однако полного единодушия в таком подходе нет. Так, касаясь этого места, исследователь языка комментария на Хабаккука С. Сегерт заметил: «In 9, 12 wird die singularische Fassung aus sachlichen Gründen mehr befürwortet» [20]. Ж. Карминьяк, настаивающий на том, что в 1 QpHab. V, 4 выражение bḥyrw («Son élu») относится ко всему народу, а не к отдельному индивидууму, применительно к 1 QpHab. IX, 12 считает, что здесь оно, несомненно, относится к личности учителя («sans doute, à propos du Docteur de Justice en IX, 12») [21].

По существу ничего необычного и неожиданного для кумранской идеологии в таком представлении нет. Достаточно вспомнить все, что нам известно об образе Учителя праведности. Суммируя весьма отрывочные и разрозненные сведения об учителе, сохранившиеся в опубликованных до сих пор рукописях, мы узнаем, что учитель был посредником между общиной и богом. Учитель был наделен сверхпророческой благодатью. «Из уст бога» (1 QpHab. II, 2—3) учителю были открыты сокровенные тайны слов пророков, в том числе, по-видимому, и тайна «конца срока», неведомая, в частности, пророку Хабаккуку. Вера в учителя и сопряженные с этой верой страдания его последователей ведут к их спасению от «Дома суда». Имеются основания полагать, что последователи учителя ожидали его вторичного пришествия [22]. Если учесть все эти сверхъестественные черты, приписываемые учителю, в том числе и будущие сотериологические функции, ничего удивительного нет также в представлении об «избраннике бога» как о будущем мессии-судье. Тем не менее, если и нет необходимости менять рукописное чтение, то возможность понимания слова bḥyrw как формы мн. ч. не исключена, поскольку в приведенных выше текстах не встречается слово «избранник» (bḥyr) без местоименного суффикса.

---

[17] C a r m i g n a c, Le Textes II, стр. 120, прим. 4.

[18] Как уже было отмечено, слова Хабаккука направлены против вавилонян армии Навуходоносора, а комментатор применяет их к современной ему обстановке.

[19] lĕʿannōtō bĕnegaʿ lĕballō bimrīrē nepeš. Ср., например, переводы Дюпон-Соммера («afin de l'humilier par un coup exterminateur, dans les amertumes d'âme»), Карминьяка («pour l'affliger par un fléau destructeur, dans des amertumes d'âme») и Берроуза («afflicting him with a destroying scourge, in bitterness of soul», см. M. B u r r o w s, The Dead Sea Scrolls, N. Y., 1955, стр. 369). Не касаясь здесь частностей, мне представляется более соответствующим духу текста отразить параллелизм управления двух глаголов: ʿnh и blh.

[20] S. S e g e r t, Zur Habakuk-Rolle aus dem Funde vom Toten Meer, ArOr, 23, 1955, стр. 576.

[21] C a r m i g n a c, Le Textes, II, стр. 120, прим. 4.

[22] Подробнее об этом см. А м у с и н, «Учитель праведности» Кумранской общины, стр. 253—277.

Новый свет на этот вопрос проливает недавно опубликованный Старки интересный текст, названный им 4 Q Mess. ar.— мессианский текст на арамейском языке из IV пещеры. О предстоящем издании этого текста Старки сообщил в 1963 г.[23], приведя небольшие цитаты в переводе на французский язык. Editio princeps (1964) [24] остается мне пока недоступным. В 1965 г. этот текст был переиздан Ж. Караминьяком, к сожалению, без фотографии [25].

По палеографическим соображениям Старки (ук. соч., стр. 503) датирует этот текст иродианским временем. Дальнейший палеографический анализ фотографий приводит Карминьяка (ук. соч., стр. 207) к выводу, что этот арамейский текст написан тем же писцом, который писал ряд комментариев на еврейском языке — так называемые *пешарим*, в частности, комментарий на Псалом 37, а также комментарии на Исайю и Осию. В таком случае примерно очерчиваются хронологические рамки создания этого документа — вторая половина I в. до н. э. Хронологическая близость 4 Q Mess. ar. к кумранским комментариям говорит, по-видимому, и о близости к кругу идей этого литературного жанра.

Опубликованная часть рукописи 4 Q Mess. ar. состоит примерно из 15 мелких фрагментов и насчитывает 11 строк. От первых трех строк сохранились лишь отдельные знаки и неполные слова, например: рук[и]; примет[а] (или: знак); красн[ые]; неболь[шие] знаки на бед[рах]; зубы. На этом основании Карминьяк вслед за Старки отнес этот документ к жанру гороскопов. До настоящего времени опубликован лишь один кумранский астрологический текст [26]. Сравнение 4 Q Mess. ar. с опубликованным Аллегро в 1964 г. кумранским криптографическим гороскопом показывает существенные различия между этими двумя документами. Не говоря о специфическом характере графики 4 Q Astrol. и способе письма [27], в сохранившейся части документа нет никаких ясных указаний мессианского характера. В этом документе имеются лишь намеки на дуалистическое учение света — тьмы на фоне астрологической специфики. В 4 Q Mess. ar., напротив, астрологические элементы представлены минимально в первых трех строках, насколько можно судить по неполностью сохранившимся словам, и вовсе отсутствуют в сткк. 4—11, насыщенных эсхатолого-мессианским содержанием. Впрочем, едва ли правильно целиком противопоставлять астрологию и мессианизм. Достаточно вспомнить, что рождение Иисуса Христа было астрологически предсказано волхвами. Как бы то ни было, 4 Q Mess. ar. в отличие от 4 Q Astrol. носит ярко выраженный мессианский характер. И совершенно прав первоиздатель этого документа Старки, назвав его арамейским мессианским текстом.

---

[23] J. S t a r c k y, Les quatre étapes du Messianisme à Qumran, RB, 70, 1963, 4, стр. 502.

[24] J. S t a r c k y, Un texte messianique araméen de la grotte 4 de Qumrân, «Mémorial du Cinquantenaire de l'École des langues orientales anciennes de l'Institut Catholique de Paris», 1964, стр. 51—66.

[25] J. C a r m i g n a c, Les Horoscopes de Qumran, RQ, 18, 1965, 5, fasc. 2, стр. 199—217 (4 Q Mess. ar. посвящены стр. 206—217). Помимо фотографии, опубликованной Старки, Карминьяк имел в своем распоряжении еще три фотографии этого текста, предоставленные в его распоряжение первоиздателем.

[26] J. M. A l l e g r o, An Astrological Cryptic Document from Qumran, JSS, 9, 1964, 2, стр. 291—294 и табл. I.

[27] 4 Q Astrol. написан на еврейском языке комбинацией еврейской, финикийской (или палеоеврейской) и греческой графики с отдельными криптограммами. При этом если ductus всего документа ориентирован справа налево, то в каждом слове в отдельности (за редким исключением) все знаки перевернуты слева направо. Например, אמת = שמא; וילנר = רגליו; וישקיו = ויקושו и т. д.

Приведем предварительный перевод 4—11 стк. этого документа по изданию Карминьяка: «$_4$В юности он будет как (?) [28], [как чело]век, чуждый знанию д[о] времени тайны $_5$[поз]нания трех книг [29]. $_6$[И] тогда он приобретет мудрость и знание [— —]; они увидят (как) приходят к нему на коленях [30]. $_7$И в период (?) [31] [— — — —] и в старости с ним будут совет и благоразумие; $_8$[он познает тайны] человека, его мудрость снизойдет на все народы; он будет знать тайны всех живущих; $_9$[в]се их злоумышления против него придут к концу; (его) власть (над) всеми живущими будет могущественной. $_{10}$[— — — за]мыслы его, так как избранник Бога он, порождение его и дух его дыхания; $_{11}$[— — — за]мыслы его будут для вечности».

Детальное изучение этого существенно важного текста станет возможным в полной мере лишь после ознакомления с editio princeps и фотографией текста. Исследование этого документа будет тесно связано с изучением еще не опубликованных родственных ему мессианских текстов на арамейском языке, в частности с теми из них, которым Старки дал предварительные сиглы 4 Q ar. P и 4 QAhA. Кстати, в последнем из названных документов говорится о мессии-искупителе, «который совершит искупление (ויכפר)[32] за всех сынов его поколения, и он будет послан ко всем сынам его [— — —]».

В интересующей нас здесь связи обращает на себя особое внимание стк. 10 из 4Q Mess. ar. о мессии — «избраннике бога»: בדי בחיר אלהא הוא מולדה ורוח נשמותי «Так как он избранник Бога, порождение его и дух его дыхания». Карминьяк переводит это место так: «parce que sa naissance est choisie de Dieu; le vent de son souffle» [33]. Однако с синтаксической точки зрения такой перевод носит искусственный характер, чуждый прямому смыслу текста. Поэтому, как нам представляется, предпочтение следует отдать переводу первоиздателя Старки: «parce qu'il est l'élu de Dieu, sa naissance [34] et l'esprit de son souffle» [35]. Таким образом, новый текст, в котором «избранник» встречается в ед. ч. в бесспорном значении «избранник бога», говорит в пользу сохранения рукописного чтения bḥyrw (= ед. ч.) и в приведенных выше текстах из 1 QpHab. V, 4 и IX, 12, а также в 4 QpPs 37, I, 5 и II, 5 и 4 QpJes^d. I, 3.

---

[28] Карминьяк читает klyẙš и переводит: «comme un lion», но в таком случае здесь один йод лишний (если оба читаются), ибо «лев» lyš, а с удвоенным йодом это слово означало бы «месильщик». Старки (C a r m i g n a c, ук. соч., стр. 211) читает klṭyš, что могло бы означать «раскрывающий глаза от удивления», но также «шлифовальщик» и «месильщик».

[29] По мнению Карминьяка (стр. 212), здесь имеются в виду HGY, 1 QS и CD.

[30] Согласно Матф. 2, 11 волхвы, приведшие к младенцу Иисусу, «падши, поклонились ему» (καὶ πεσόντες προσεκύνησαν αὐτῷ).

[31] Карминьяк читает ובאבייא и переводит: «Pendant la croissance»; Старки (C a r m i g n a c, ук. соч., стр. 213): WB'BWHY WB['B]HTWHY «et par son père et par ses ancêtres».

[32] S t a r c k y, ук. соч., стр. 492; о мессии-искупителе ср. CD, XIII, 18—19; см. А м у с и н, «Учитель праведности», стр. 274.

[33] C a r m i g n a c, ук. соч., стр. 216—217; Карминьяк видит и другие возможности перевода (см. стр. 214—215), но отвергает их по соображениям экзегетическим. Основное из них заключается в том, что перевод bḥyr 'lh '«избранник бога» привносит в текст элементы христианского откровения: «il ne serait pas tout à fait exact de traduire BḤYR 'LH' par „l'Élu de Dieu" (surtout avec une majuscule), en chargeant inconsciemment ces mots de tout l'apport de la révélation chrétienne: en fait BḤYR 'LH' veut dire simplement: „choisi de (= par) Dieu"» (стр. 215; ср. стр. 206—207). Насколько я могу судить, и перевод Карминьяка не совсем снимает эту близость.

[34] В 1963 г. Старки переводил «sa géniture».

[35] S t a r c k y, ук. соч., стр. 502—503; ср. C a r m i g n a c, ук. соч., стр. 215.

Эти тексты, в которых встречаются выражения bḥyrw «его избранник» и bḥyr 'lh' «избранник бога», показывают, что в идеологии кумранской общины делается дальнейший шаг к кристаллизации и конкретизации ветхозаветных представлений о мессии божественного происхождения. Это имело огромное значение как для развития мессианской идеи в нормативном иудаизме, так и для формирования будущей христианской теологии [36].

Свое понимание приведенных выше текстов Ж. Карминьяк мотивирует тем, что нельзя смешивать кумранскую терминологию с более поздней христианской и, что, следовательно, неправомерно придавать кумранской терминологии понятия и значения, развитые позднее христианской теологией [37]. Разумеется, Ж. Карминьяк вполне прав, предостерегая против механического отождествления кумранской теологической концепции с христианской. Однако отсюда не следует, что при интерпретации кумранских текстов можно отходить от их прямого смысла только потому, что этот смысл сближается с более поздним христианским.

Как хорошо известно, христианство возникло не на пустом месте, или, по удачному выражению Ван дер Плога, «христианство не возникло из вакуума, не упало с неба подобно метеору» [38]. Корни христианской теологии восходят не только к ветхозаветной традиции, но и к послебиблейской апокрифической литературе, частью которой является кумранская литература. Приведенные выше тексты показывают органическую связь между этими двумя идеологиями. И, несомненно, прав Ж. Старки в своем утверждении, что 4 Q Mess. ar. дает чрезвычайно важные сведения для христологии, для учения о божественном происхождении мессии [39]. Христианское мессианское учение является непосредственным продолжением и развитием кумранских мессианских воззрений. Всестороннее и детальное изучение этой эволюции станет, однако, возможно лишь после опубликования и изучения всех неизданных еще фрагментов IV кумранской пещеры.

---

[36] Здесь не место вступать в обсуждение крайне сложной и, на мой взгляд, пока не разрешимой проблемы развития идеи о двух мессиях в кумранской литературе и более поздней иудейской традиции, а также последующей интеграции функций двух мессий в лице одного мессии — Христа. См., например, K. G. K u h n, The Two Messiahs of Aaron and Israel, сб. «The Scrolls and the New Testament», ed. by K. S t e n d a h l, N. Y., 1957, стр. 54—64; J. L i v e r, The Davidic Messiah in the Dead Sea Scrolls, «Studies in the Dead Sea Scrolls» (Lectures Delivered at the Third Annual Conference (1957) in Memory of E. L. Sukenik), Jer., 1957, стр. 55—76 (иврит); R. B. L a u r i n, The Problem of Two Messiahs in the Qumran Scrolls, RQ, 13, 1963, стр. 39—52. См. также одну из последних работ по этому вопросу: V. S a d e k, Der Mythus vom Messias, dem Sohne Josephs (Zur Problematik der Enstehung des christlichen Mythus), ArOr, 33, 1965, 1, стр. 27—43.

[37] C a r m i g n a c, ук. соч., стр. 206—207: «... sans le charger indûment de tous les développements postérieurs fournis par la théologie chrétienne».

[38] J. van der P l o e g, The Excavations at Qumran. A Survey of the Judaean Brotherhood and Iits Ideas, L.— N. Y.— Toronto, 1959, стр. 197.

[39] S t a r c k y, Le quatres étapes, стр. 502: «...l'attestation d'une donnée fort importante de la christologie chrétienne, la génération divine du Messie».

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ДВЕ ЕГИПЕТСКИЕ НАДПИСИ VI ДИНАСТИИ В ВАДИ-АЛЛАКИ (НУБИЯ)

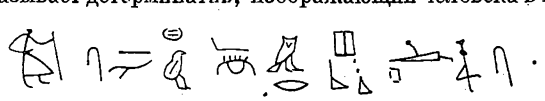
В 1963 г. археологическая экспедиция АН СССР работала в Вади-Аллаки, одном из крупнейших вади Северной Нубии, по которому в древности шли пути к каменоломням и золотым рудникам. Долгое время это вади не привлекало внимания египтологов, несмотря на то, что еще в 1843 г. в древней крепости около совр. селения Кубан, в устье Вади-Аллаки, была найдена стела с надписью Рамсеса II, рассказывающей о сооружении колодца на пути к золотым рудникам.

Лишь в 1947 г. Ярослав Черны опубликовал 34 египетские надписи Нового царства, сфотографированные в 1940 г. Г. Мереем (G. W. Murrey)[1]. Работы экспедиции АН СССР увеличили количество египетских надписей, обнаруженных на скалах до двухсот; бóльшая часть их относится ко времени XVIII и XIX династий[2].

Особенно много надписей было открыто на скалах у небольшого вади Умм-Ашира, впадающего в Аллаки с севера, в местности, которую теперь называют Бир-ал-аскери, т. е. «Воинский колодец». Это название оказалось связанным с безуспешной попыткой английских солдат, стоявших здесь в конце XIX в. лагерем, вырыть колодец. Находка в Умм-Ашире (1963 г.) обломков каменной стелы с изображением фараона Рамсеса II, приносящего жертвы богу Мину, и остатками надписи, в которой отчетливо читается лишь одно слово, — название колодца «Рамсес Мериамон, сильный в жизни»,— свидетельствует на основании случайно уцелевшего слова, что именно в Умм-Ашире находился тот колодец, о сооружении которого рассказывает кубанская стела.

На расстоянии около двух км к юго-востоку от Бир-ал-аскери мне удалось обнаружить две надписи Древнего царства, называвшие имена знаменитых людей VI династии (XXIV в. до н. э.). Надписи высечены на отдельных каменных глыбах у отвесной скалы правого берега вади.

На большом камне с гладкой поверхностью еще издали была хорошо видна однострочная надпись (длиной в 1,8 м), выполненная крупными и четкими иероглифами, расположенными справа налево и составляющими одну строку. Ниже надписи в более позднее время были высечены четыре изображения лодок, причем одна из них, самая малая по размеру, нарушила знаки надписи (см. рис. 1). Текст содержит титулы и имя знатного человека, на что указывает детерминатив, изображающий человека в широком переднике, с жезлом в руке:



[1] J. Černy, Graffiti at the Wadi El-Allaki, JEA, XXXIII, 1947, стр. 52—57.
[2] Б. Б. Пиотровский, Нубийская археологическая экспедиция, ВАН, 1964, № 11, стр. 93—98.

Рис. 1

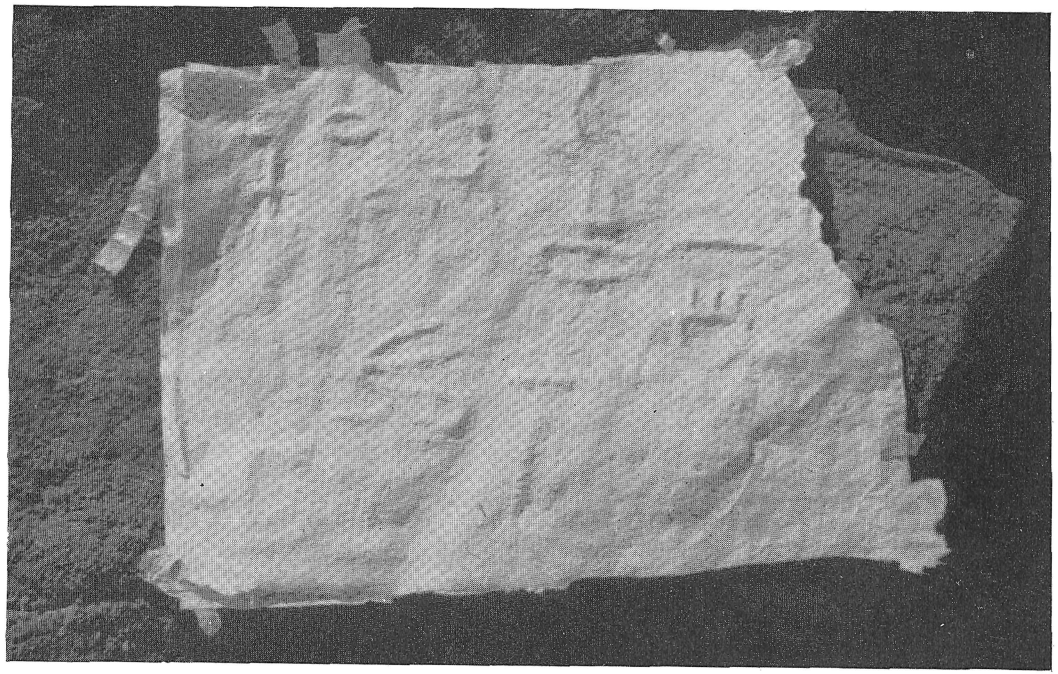
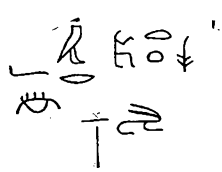


Рис. 2

«*Семер* единственный, *херихеб*, начальник каравана, Хунес». Имя Хунеса хорошо известно египтологам. Его гробница находится в Асуане, в некрополе на левом берегу Нила[3], рядом с гробницами Хирхуфа и Пепинахта, знаменитые автобиографические надписи которых рассказывают об экспедициях в Нубию. Титулатура этих двух вельмож содержит все титулы надписи Хунеса в Вади-Аллаки. Гробница Хунеса, выделяющаяся по своим размерам, в коптское время была превращена в монастырское помещение, и стены ее были покрыты штукатуркой, скрывшей значительную часть рельефов и, вероятно, надписей. На очищенных от штукатурки стенах сохранились рельефы, изображающие самого Хунеса с женой и детьми, сцены охоты, скотоводства, ремесла, земледельческие работы и приношение даров. Естественно, такому богатому и знатному человеку фараон и поручил руководство экспедицией, посылаемой в Нубию. Вторая надпись Хунеса в Нубии известна на скале у сел. Томас, откуда также шел путь к каменоломням, разрабатывавшимся в Древнем царстве[4]. Надпись отмечает, что Хунес был послан в страну Ирчет фараоном Нефер-са-Гором (тронное имя Пепи I)[5], т. е. экспедиция Хунеса в Нубию предшествовала экспедициям Хирхуфа и Пепинахта.

Кроме других своих высоких титулов, в обеих надписях Хунес носит еще титул , который я перевожу «начальник каравана». Одно время его понимали как «начальник переводчиков», но в последнее время стали переводить как «начальник отрядов иноземцев»[6], а «отряды иноземцев» в Нубии равнозначны «караван» нашего перевода. Во время экспедиций, которые удалялись от берега Нила в глубь пустыни, караваны составлялись как раз из нубийцев, египтяне же были начальниками, чиновниками и военной охраной. В контексте нубийских надписей наш перевод, на мой взгляд, точнее передает смысл титула.

Справа от заметной глыбы с надписью Хунеса, среди крупных камней, я обнаружил короткую надпись другого знаменитого сановника VI династии — Уни, большая надпись которого, найденная в Абидосе, хранится ныне в Каирском музее[7]. Новая надпись Уни содержит необычную титулатуру; она довольно небрежно высечена на наклонной плоскости камня и солнцем не освещается, поэтому я привожу фотографию эстампажа (см. рис. 2). Надпись (длиной в 0,38 м) расположена в двух строках:



«Царский родственник, знатный, начальник каравана, Уни». Многие надписи Древнего царства в Нубии содержат титул «знатный при царе» (*špśś nśwt*)[8], но тут без сомнения стоит *rḫ nśt špśś*[9] (вряд ли знак человека на троне является детерминативом титула «царский родственник»). Судя по автобиографической надписи Уни, он начал свою карьеру при дворе фараона Тети, а при Пепи I вел тайное судебное дело против цар-

[3] G. Maspero, Catalogue des Monuments et Inscription de l'Égypte Antique, I, Vienne, 1894, стр. 158—161.

[4] A. Weigall, A Report on the Antiquities of Lower Nubia, 1906—1907, Oxf., 1907, табл. LVIII.

[5] J. Leclant, Fouilles et travaux en Égypte et au Sudan. 1960—1961, Or., 31, 1962, 2, стр. 213.

[6] H. Goedicke, The Title mr-ỉ3ᶜ in the Old Kingdom, JEA, 46, 1960, стр. 60—64.

[7] K. Sethe, Urkunden des Alten Reichs, I, Lpz, 1932, стр. 98—110.

[8] E. Edel, Beiträge zum ägyptischen Lexikon, ZÄS, 85, 1960, стр. 12—18.

[9] Пользуюсь случаем исправить мое прежнее чтение *špśś nśwt* в докладе на XXVI Международном конгрессе востоковедов в Дели «Вади-Аллаки — древний путь к золотым рудникам Нубии» (М., 1963, стр. 3).

ской жены. Таким образом, он был приближенным фараона и жил постоянно не в пограничном городе Элефантине, а при царском дворе.

В Нубию Уни был послан фараоном Меренра, и его надпись в Вади-Аллаки следует считать высеченной позднее надписи Хунеса. За одну экспедицию Уни доставил камень из каменоломен Элефантины и страны Ибхат. Сопоставляя надпись из Вади-Аллаки с автобиографией Уни, можно предположить, что надпись в пустыне была высечена во время первой экспедиции Уни в Нубию, в частности в страну Ибхат. Во время второй экспедиции Уни сооружал пять каналов у первых порогов Нила, строил суда из дерева, доставленного из страны Вават, и загружал их гранитом (вероятно, из каменоломен у Асуана).

В Бир-ал-аскери (Умм-Ашира) экспедицией АН СССР была открыта надпись в четыре строки наместника Нубии Меримеса, современника Аменхотепа III[10]. Надписи этого наместника были открыты в разных местах Нубии, но особенно для нас интересна его стела, относящаяся к пятому году Аменхотепа III, найденная в Семне у вторых нильских порогов [11] (ныне хранится в Британском музее). Текст стелы рассказывает, что Меримес был послан в Нубию для подавления восстания местных племен, он собирал войска в нубийских крепостях, в частности в крепости Бак (в устье Вади-Аллаки), и нанес решительное поражение мятежникам в стране Ибхат. Очень возможно, что надпись в честь Меримеса, обнаруженная в местности Умм-Ашира, в Вади-Аллаки, была высечена на месте победы наместника, т. е. в стране Ибхат. Тогда получится, что следы двух знаменитых египетских сановников, Уни и Меримеса, разделенных девятью веками, скрестились в Вади-Аллаки.

Скалы Нубии сохранили много надписей «начальников караванов» Древнего царства, надпись «начальника каравана Туа» была обнаружена экспедицией АН СССР в 1962 г. около сел. Вост. Коштамна. Возможно, имя этого же человека упоминают и три надписи в Вади-Хаммамат [12]. Но большинство таких надписей находится в прибрежной нильской полосе.

Счастливая находка надписей знаменитых сановников Древнего царства Хунеса и Уни в глубине Вади-Аллаки, более чем в 60 км от Нила, дает нам новые данные о маршрутах экспедиций того времени, значительно удалявшихся от Нила.

Б. Б. Пиотровский

[10] Пиотровский, Нубийская археологическая экспедиция, ВАН, 1964, № 11, стр. 96.

[11] I. E. Edwards, Hieroglyphic Texts from Egyptian Stelae... British Museum, VIII. L., 1939.

[12] Б. Б. Пиотровский, Древнеегипетские надписи в районе сел. Дакка и Вади-Аллаки, «Древняя Нубия», М.—Л., 1964, стр. 231.

НАИМЕНОВАНИЕ ГОРОДА ФАСИСА И ВОПРОС ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙ КОЛХИДЫ

Из древнегреческих колоний, существовавших на колхидском побережье Черного моря, самым знаменитым был город Фасис. Правда, до сих пор все еще не установлено местонахождение основных городских кварталов древнего Фасиса, однако несомненно, что он вообще находился на месте совр. города Поти (или в его ближайших окрестностях [1]), в наименовании которого (Poti) сохранилось название самого Фасиса (Phasis).

[1] В последние годы здесь ведет систематические работы Потийская археологическая экспедиция Института истории АН ГрузССР— об итогах этих работ см. сообще-

«Эллинский город Фасис» (Φᾶσις Ἑλληνὶς πόλις) (Ps.-Scyl., 81) был основан милетянами (ἐκτίσθη δὲ ὑπὸ Μιλησίων) (St. Byz., Ethnica, см. Φᾶσις). Известно также имя предводителя милетян, основавших этот город,— Фемистагора (Pomp. Mela, I, 108). Правда, трудно установить время основания Фасиса, но поскольку колонизация черноморского побережья Милетом началась в VIII в. до н. э. и продолжалась вплоть до середины VI в. до н. э., естественно, Фасис должен быть основан именно в этом промежутке времени.

Наименование «Фасис», безусловно, негреческое, местное [2]. Несомненное соответствие его совр. груз. «Поти» давно уже служит основанием для ряда интересных лингвистических заключений. Соотношение этих наименований, в частности, позволяет сделать выводы о времени возникновения определенных различий в картвельских языках (т. е. грузинском, мегрело-чанском, или занском, и сванском). Поскольку общекартвельскому «а» в мегрело-чанском (занском) закономерно соответствует «о», «Поти» (Poti), следовательно, следует признать мегрело-чанской формой этого названия. Но так как греческие колонисты это наименование заимствовали от местного населения с гласным «а», следует признать, что этот переход общекартвельского «а» в «о» произошел лишь после греческой колонизации, в эпоху после VI в. до н. э.[3].

Местной формой, откуда возникло древнегреч. Φᾶσις, исследователи считают *Pati [4]. Хотя последнее и является вполне закономерным общекартвельским (или грузинско-занским) источником для более позднего (занского) Poti, однако возникновение из этого *Pati древнегреч. Φᾶσις не совсем ясно. Основой этого последнего, несомненно, является Φασιδ (nom. Φασιδ-ς > Φασις). Однако как могло получиться из Pati Φασιδ [5]?

Этим наименованием в свое время интересовался и С. Н. Джанашиа. Основываясь на том, что в одном древнеармянском тексте оно фигурирует в виде Pojt (в произношении Pujt), он считал, что в данном случае, очевидно, зафиксировано переходное состояние от более древнего Post (Pust) (< Past) к позднему Pati (Poti), поскольку в картвельских языках, в частности в грузинском, j часто получается путем ослабления s и затем, в свою очередь, может перейти сначала в h, а потом совсем исчезнуть (s>j>h>o). Таким образом, древнегреч. Φασιδ должно было возникнуть из местного Past [6].

По нашему мнению, трудно согласиться с этим предположением, исходящим из наличия в текстах формы Pojt (Pujt), поскольку последняя, по всей вероятности, не местная грузинская разновидность данного наименования, а скорее всего возникшая на армянской почве армянская разновидность того же грузинского (resp. занского)

ния руководителя экспедиции: Т. К. Микеладзе, «Научная сессия, посвященная итогам археологических исследований 1962 г. Аннотации докладов», Тбилиси, 1963, стр. 47—52; «XII научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1963 г. (Памятники феодальной и античной эпох)», Тбилиси, 1964, стр. 22—26; «XIV научная сессия, посвященная итогам полевых археологических исследований 1964 г. Краткие отчеты», Тбилиси, 1965, стр. 48—51. О местонахождении города Фасиса см. М. Д. Бердзнишвили, К локализации города Фасиса, ТТГУ, XXIII, 1942, стр. 1—24; Н. Ю. Ломоури, Греческая колонизация побережья Колхиды, Тбилиси, 1962, стр. 37—42 (там же см. ссылки на остальную литературу) (все работы на груз. яз.).

[2] См. Diehl, Phasis, RE, XIX, стб. 1893.

[3] H. Vogt, Armenien et Caucasique du Sud, «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», IX, 1938, стр. 333; он же, Remarques sur la préhistoire des langues kharthvéliennes, «Revue de Karthvélologie», XI—XII, № 36—37, 1961, стр. 9; К. Н. Schmidt, Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der Südkaukasischen Grundsprache, Wiesbaden, 1962, стр. 27; Г. А. Климов, Опыт реконструкции фонемного состава общекартвельского языка-основы, ИАН, ОЛЯ, XIX, вып. 1, 1960, стр. 28.

[4] Vogt, Remarques..., стр. 9; Schmidt, ук. соч., стр. 27; Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавариани, Система сонантов и аблаут в картвельских языках, Тбилиси, 1965, стр. 149, прим. 1 (на груз. яз.).

[5] Если бы в основе древнегреческого наименования мы бы имели Φασ, а не Φασιδ, это все равно требовало бы объяснения.

[6] С. Н. Джанашиа, Труды, т. II, Тбилиси, 1952, стр. 278; т. III, Тбилиси, 1959, стр. 122 (на груз. яз.).

Poti. Для занского (мегрело-чанского), откуда происходит данное арм. Pujt [7], как правило, нисходящие дифтонги чужды и встречаются лишь восходящие (ja-, je-, jo-, ju)[8]; так что в нем вообще трудно предположить наличие формы Pojt—Pujt. Кроме того, в самих картвельских языках ни в древних письменных памятниках, ни в ра говорной речи нигде это название в форме Pojt или Pujt не засвидетельствовано, в грузинском (в частности, уже в памятниках XI века) всегда имеем Poti [9], а в мегрельском Puti [10]. Древнеарм. Pujt, видимо, происходит именно из последнего, мегр. Puti. Но, может быть, арм. Pujt является более древней формой мегр. Puti? Вряд ли и это так. Прототипом более древней мегрельской формы следует признать не это засвидетельствованное лишь в армянском Pujt, а засвидетельствованное в древнегрузинском древнее мегрельское заимствование Poti, поскольку переход «o» в «u» в соседстве губных звуков (m, b, p) — фонетическое явление, широко распространенное в мегрельском [11]. Таким образом, засвидетельствованная в древнеармянских источниках форма Pujt не может ничем помочь в объяснении трансформации предполагаемого местного Pasid в занск. Puti, так как является возникшей на армянской почве поздней разновидностью самого занск. Po/uti [12].

Итак, мы имеем в качестве названия интересующего нас города занск. (мегрело-чанское) Poti (Puti), происходящее из более раннего грузинско-занск. *Pati. Однако в каком отношении должна находиться данная форма к тому Pasid, в форме которого, очевидно, это название было заимствовано греками от местного населения в эпоху основания здесь древнегреческой колонии Фасиса (VIII—VI вв. до н. э.)? В поисках ответа на этот вопрос нельзя не обратить внимания на близость этого Pasid к предполагаемой закономерной сванской форме грузинско-занск. *Pati и занск. Poti—*Pašd. Известно, что в отношении гласных звуков языки грузинский и сванский сохранили древнее, характерное для общекартвельского языкового единства состояние, в то время как в занском гласные подверглись трансформации (в частности, груз. «a» = сванск. «a» = занск. «o»), но грузинско-занск. t в сванском закономерно соответствует šd. Так, например, груз. ati, чанск. wit, мегр. witi — сванск. ješd «десять»; груз. tagwi, чанск. mtugi — сванск. šdugw «мышь»; груз. otxi, чанск. otxo, мегр. otxi — сванск. wišdxw «четыре»; груз., мегр., чанск. xuti — сванск. woxušd «пять»; груз. txili, мегр., чанск. txiri — сванск. šdix «мелкий орех»; груз. datwi, чанск. mtuti, мегр. tunti — сванск. däšdw и т. д. [13].

[7] В форме Pujt название города Поти в древнеармянском выступает фактически лишь однажды — у автора VIII века Гевонда (см. «История халифов Вардапета Гевонда», СПб., 1862, стр. 24) при описании событий, происшедших в 706—712 гг. Это сообщение Гевонда почти дословно повторяется затем во «Всеобщих историях» Стефаноса Таронского (Асогика) (XI в.) (см. «Всеобщая история Степаноса Таронского», М., 1864, стр. 93) и Вардана Великого (XIII в.) (см. «Всеобщая история Вардана Великого», М., 1861, стр. 92). В одном древнеармянском тексте XII века наименование города Поти передано уже в форме Pud (см. Н. Марр, Хитон Господень в книжных легендах армян, грузин и сирийцев, «Сборник статей учеников В. Р. Розена», СПб., 1897, стр. 80).

[8] С. Жгенти, Мегрело-чанский вокализм, «Иберийско-кавказское языкознание», т. IV, 1953, стр. 352 (на груз. яз.); А. С. Чикобава, Грамматический анализ чанского, Тбилиси, 1936, стр. 13 (на груз. яз.); И. Кипшидзе, Грамматика мингрельского (иверского) языка с хрестоматией и словарем, СПб., 1914, стр. О 10.

[9] Джанашиа, Труды, II, стр. 277.

[10] Кипшидзе, ук. соч., стр. 338.

[11] А. С. Чикобава, Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь, Тбилиси, 1938, стр. 330; С. Жгенти, Фонетика чано-мегрельского языка, Тбилиси, 1953, стр. 41—43 (на груз. яз.).

[12] Данная армянская форма, нам кажется, могла возникнуть путем осмысления заимствованного из мегр. Puti как формы косвенного падежа, требующей в именительном Pujt. Однако акад. А. С. Чикобава указал нам и на другую возможность: на закономерность перехода груз. Poti (Puti) в Pojt (Pujt) в армянском, ср. арм. ənkojz «орех» из груз. nigozi. В самих армянских диалектах древнеармянский дифтонг (перед согласным) oj (uj) часто выступает в виде монофтонга «o» или «u» и, между прочим, так и передается в древнегрузинских переводах с армянского — см. И. В. Абуладзе, Грузино-армянские литературные связи в IX—X вв., Тбилиси, 1944, стр. О 114 (на груз. яз.).

[13] См. Schmidt, ук. соч., стр. 75.

Нам кажется, что предполагаемая таким путем, на основании закономерных звуковых соответствий картвельских языков, сванская форма *Pašd вполне могла служить источником для греч. Pasid: в греч. š, естественно, не могло отразиться иначе, чем s, а необычный для греческого комплекс šd в ауслауте мог быть им упрощен и превращен в šid > sid. Таким образом, из всего вышесказанного естественнее всего следует, что исходным для греч. Φᾶσις (Φασιδ-ς) могла служить предполагаемая сванская форма данного названия. Из этого, конечно, вытекает вывод о наличии в этом месте в эпоху основания здесь древнегреческой колонии сваноязычного населения.

Прежде чем ответить на вопрос, насколько оправдано исторически подобное заключение, следует еще остановиться на вопросе о взаимоотношении грузинско-занск. t со сванск. šd-комплексом. Данное соответствие признается исследователями одним из аргументов в пользу наличия, после выделения из общекартвельского языка-основы сванского, грузинско-занской языковой общности. При этом, по мнению К. Г. Шмидта, ни грузинско-занск. t и ни сванск. šd не отражают существовавшего на уровне общекартвельского языка-основы состояния. Сванск. šd им признается происходящим из št. Со своей стороны последнее и его грузинско-занское соответствие t происходят от общекартвельского tj [14]. Другие исследователи (Г. В. Рогава, Г. А. Климов, Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани) склонны считать сванск. šd (< st) первоначальным, характерным для общекартвельского [15]. Согласно этой последней интерпретации признаваемая нами исходной для древнегреч. Pasid форма (Pašd, Pasd, Past) может оказаться характерной, наряду со сванским, также и для общекартвельского языкового состояния. Однако кроме того, что маловероятно для столь позднего времени (VIII—VI вв. до н. э.) существование недифференцированной общекартвельской языковой общности [16], также и исторические данные дают возможность отдать предпочтение заимствованию древними милетянами данного названия именно из сванского языкового слоя, от сваноязычного населения.

Действительно, в древнегреческих источниках мы находим сведения, позволяющие предполагать здесь, близ устья р. Риони, наличие в эту древнюю эпоху сванских поселений. В этом отношении интересно сообщение Гераклида Понтийского, автора IV века до н. э., согласно которому «вдоль Фасиса первоначально жили гениохи, после же — милетяне» (FHG, II, 218). Несомненно, здесь предполагается именно местность, где был основан милетянами город Фасис, а не река Фасис (Риони) на в с е м ее протяжении, где милетяне, конечно, никогда не жили. В связи с этим важно определить, кого античные источники подразумевали под именем «гениохи».

Греко-римские источники, как правило, связывают это наименование с северными районами Колхиды (в источниках оно чаще фигурирует в более раннюю эпоху, в VI—I вв. до н. э.). У Помпония Мелы гениохи, например, фигурируют в связи с Диоскуриадой (Pomp. Mela, I, 19, 110—111), у других авторов (см., например, сообщение Артемидора у Страбона) они связываются с еще более северной территорией [17]. «Гениохи» выступают у Страбона как одна из значительных этнических групп Закавказья: по его словам, более высокая часть Кавказа обращена к территории албанов, иберов, колхов и гениохов (Strabo, XI, 5, 6). В связи с этим нельзя не обратить внимания на то, что как в этих древних известиях, так и в топонимических и этнонимических данных ярко отражается факт широкого распространения в древности в горных областях Северо-западного Закавказья именно сванских племен. По Страбону, сваны были наиболее могущественным среди племен, живших близ Диоскуриады, они могли выставить 200-

[14] S c h m i d t, ук. соч., стр. 14—15, 63 и 75.

[15] Г. В. Р о г а в а, Основные вопросы сравнительно-исторического изучения фонетики картвельских языков, «Иберийско-кавказское языкознание», IV, 1953, стр. 49 (на груз. яз.); К л и м о в, ук. соч., стр. 26; Г а м к р е л и д з е и М а ч а в а р и а н и, ук. соч., стр. 135—137.

[16] См. Г. А. К л и м о в, ВЯ, 1959, № 2, стр. 120; 1962, № 3, стр. 151—153; V o g t, Remarques..., стр. 5—11; Г. А. М е л и к и ш в и л и, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 98—100.

[17] K i e ß l i n g, Heniochi, RE, VIII, стб. 261 сл.

тысячное ополчение (Strabo, XI, 2, 19). Рядом со сванами упоминаются мисимиане, вероятно, также одно из сванских племен, поскольку данное наименование, видимо, является греческой передачей самоназвания сванов mušwän [18]. Интересно, что граница территории, занимаемой мисимианами, проходила у совр. Цебельды (древн. Τιβέλεος — см. Agathia, IV, 15, 19), т. е. довольно близко от побережья. Изучение древней топонимики Западной Грузии показывает широкое распространение сванских названий не только в горной, но даже и в низменной ее части. Сванскими оказываются распространенные как в Сванети, так и в Лечхуми и других районах Западной Грузии названия на -iš (-š) [19]. Даже находящееся столь южнее Ланчхути, видимо, носит сванское название [20]. Древнегрузинское название Диоскуриады (Сухуми) — «Цхуми», видимо, также является по происхождению сванским (ср. сванск. *цхум* — «граб»). Поэтому, кажется, в основном можно согласиться с высказанным еще акад. И. А. Орбели мнением о принадлежности гениохов к сванским племенам [21]. Однако под этим наименованием, вполне возможно, нередко фигурировали наряду со сванами также и другие племена. Перед нами довольно расплывчатое, введенное самими греками наименование. Правда, возможно, оно возникло на базе какого-либо местного названия, которое древние греки сблизили со своими «гениохами»— мифическими «возницами», сопровождавшими героев Диоскуров Кастора и Полидевка. Удалившись таким образом так далеко от этого своего прототипа — местного названия, оно, хотя бы поэтому, легко превращалось в довольно неясное и неопределенное название, применявшееся к разным племенам, стало собирательным названием. Однако для нас важно сделанное выше заключение, что под «гениохами» вполне могли подразумеваться, особенно в раннюю эпоху, и сванские племена. Поэтому и вышеуказанное сообщение Гераклида Понтийского о присутствии на месте древнего города Фасиса до основания здесь греческой колонии гениохов вполне может подразумевать наличие здесь сванских поселений, что также делает возможным предложенное выше объяснение происхождения наименования «Фасис» на основе закономерностей, характерных для сванского языка.

В эту древнюю эпоху, видимо, лишь к югу от устья р. Рионн следует искать местонахождение знаменитых в древнегреческом мире «колхов». Обращают на себя внимание некоторые сообщения Геродота, в которых река Фасис (Рионн) как будто фигурирует в качестве северной границы «колхских владений»: «От озера Меотиды до реки Фасиса и владений колхов,— говорится у Геродота,— тридцать дней пути для хорошего, легко одетого пешехода» (Herod., I, 104). В другом месте своей «Истории» Геродот говорит о том, что «Колхи, а также и соседи их до Кавказского хребта» взяли на себя определенные обязательства в отношении персидских царей (Herod., III, 97). Между колхами и Кавказским хребтом, согласно этому сообщению, жило отличное от колхов население. В его составе, несомненно, были и те, которые у других античных авторов фигурируют под названием «гениохи». Нам кажется, и эти свидетельства Геродота позволяют считать, что вплоть до раннеантичной эпохи «колхские владения» занимали в основном область, находящуюся к югу от р. Рионн. Видимо, и легендарную Колхиду, о которой говорят, с одной стороны, древнегреческие сказания об аргонавтах и, с другой, урартские надписи VIII века до н. э. (УКН, № 155 C и D), надо искать также на юге, скорее в бассейне р. Чорохи, чем на р. Рионн [22]. Эти древнейшие «колхи» этнически представляли в языковом отношении скорее всего еще не расчлененные или все еще весьма слабо дифференцированные грузинско-занские племена [23].

Г. А. Меликишвили

[18] См. С. Г. Каухчишвили, ТТГУ, I, 1936, стр. 277—280 (на груз. яз.).
[19] М. Калдани, К вопросу о географических названиях на -iš (‖ š), «Вопросы структуры картвельских языков», III, Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
[20] Джанашиа, Труды, III, стр. 146.
[21] И. Орбели, Город близнецов Διοσκουριας и племя возниц Ἡνιοχοι, ЖМНП, нов. сер., XVIII, 1911, стр. 213.
[22] Меликишвили, К истории древней Грузии, стр. 216—220.
[23] Г. А. Меликишвили, К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока, Тбилиси, 1965, стр. 70—87 (на груз. яз.).

METALLA ERGASIMA И ANASAXIMA В НАДПИСЯХ АФИНСКИХ ПОЛЕТОВ

Аристотель, говоря о продаже афинскими полетами права на разработку серебряных рудников, называет две группы рудников: ... τά τ'ἐργάσιμα τὰ εἰς τρία ἔτη πεπραμένα καὶ τὰ συγκεχωρημένα τὰ εἰς . ἔ[τη] [πεπραμένα (Ath. Pol., XLVII, 2). Не читающееся в папирусе обозначение второго срока издатели восстанавливают как γ или ζ, или ι, т. е. соответственно три, семь или десять лет. Так как в контексте вторая категория рудников противопоставляется первой не только по названию, но и по сроку, больше оснований для предположения, что второй срок составлял не три, а семь или десять лет.

К моменту опубликования «Афинской политии» было слишком мало эпиграфического материала о рудниках. Сейчас мы располагаем группой надписей-стел с отчетами афинских полетов о сдаваемых в разработку рудниках. В дополнение к первой большой стеле, опубликованной еще в 1910 г. Икономосом [1], сейчас известен ряд новых текстов, значительно расширивших наши представления по этому вопросу. В 1941, 1950 и 1957 гг. М. Кросби опубликовала стелы и фрагменты стел полетов, найденные при раскопках Афинской агоры [2]. Издание выполнено с большой тщательностью, снабжено подробным комментарием, индексами, таблицами. Естественно, что новые материалы оживили интерес к этой важной для социально-экономической истории Афин проблеме. Некоторые неясные и спорные вопросы удалось разрешить, но, пожалуй, еще больше возникло новых трудностей. Не касаясь сейчас широкого круга вопросов, связанных с эксплуатацией Лаврия, мы остановимся на обозначениях рудников у Аристотеля и в стелах полетов. Здесь многое неясно и спорно.

Самая ранняя и единственная полностью сохранившаяся стела относится к 367/6 г. до н. э., остальные—ко второй половине IV в. до н. э. В стелах, таким образом, отражен, примерно, тот же период, что и во второй части «Афинской политии» Аристотеля. Между тем рудники в стелах нигде не обозначаются словом συγκεχωρημένα, как у Аристотеля. Сочетание metallon ergasimon встречается неоднократно, но подавляющее большинство рудников, при которых сохранилось определение, обозначаются как metallon anasaximon или metallon palaion anasaximon. Кое-где названы kainotomia, epikatatome и katatome. К сожалению, большая часть стел сохранилась лишь в виде фрагментов, и поэтому точное статистическое соотношение вывести нельзя. В надписях полетов сохранилась запись более чем 330 аренд, из них обозначения рудников читаются или, с большей или меньшей вероятностью, восстанавливаются примерно для 150 случаев. На долю ergasima приходится лишь 34, а более чем в 100 случаях — это anasaxima и palaia anasaxima (соотношение 57 : 58)[3]. Поэтому вполне правомерен вывод, что во второй половине IV в. до н. э. подавляющее большинство сдававшихся в аренду серебряных рудников Лаврия обозначались metalla anasaxima. Что же это такое?

Некоторые издатели и комментаторы, меняя чтение συγκεχωρημένα (Ath. Pol., XLVII, 2) на συγκεχωσμένα (от συγχώννυμι, «засыпать землей, заваливать, разрушать»), видели здесь старые покинутые или засыпанные от обвалов шахты [4]. Эту категорию

[1] G. O i k o n o m o s, Eine neue Bergwerksurkunde aus Athen, AM, XXXV (1910), стр. 274—322. Позднее надпись была переиздана в IG, II², 1582.

[2] M. C r o s b y, A Poletai Record of the Year 367/6, «Hesperia», X (1941), стр. 14—27; о н а ж е, The Leases of the Laureion Mines, «Hesperia», XIX (1950), стр. 189—312; о н а ж е, More Fragments of Mining Leases from the Athenian Agora, «Hesperia», XXVI (1957), стр. 1—23. Стелы расположены издателем в хронологическом порядке и нумеруются №№ 1—38. Кроме того, имеются Supplementa, I — VIII.

[3] Подсчет произведен на основании таблицы: C r o s b y, «Hesperia», XIX, стр. 286—292 и ее же публикации: Supplementa, I — VIII, «Hesperia», XXVI (1957), стр. 1—19.

[4] Предложенное Бузольтом и Поландом исправление приняли и другие. Так, в прим. к IG, II², 1587, стк. 13 говорится: «consentaneum est, τὰ ἐργάσιμα esse metalla nova, τὰ συγκεχωσμένα vetera». Ср. комментарий к № 1592.

сопоставляли с metalla anasaxima: при возобновлении работ шахту надо было очистить от мусора (ἀνάσαξις, ἀνασάττω) [5].

Такое понимание anasaximon вызвало и возражения. Так, У. Карштедт [6] полагал, что anasaximon не соответствует второй группе у Аристотеля. Под ней, по его мнению, подразумеваются кайнотомии. Разница между metallon ergasimon и anasaximon в том, что в первом случае разработки велись на поверхности (Tagbau), а во втором — добытую руду надо было извлекать из шахты на поверхность. Карштедт справедливо замечает, что данные надписей противоречат пониманию metalla anasaxima как заброшенных рудников, ибо в них наряду с новым арендатором называется и его предшественник [7].

Естественно, что теперь, когда появился большой новый материал, высказанные прежде суждения подвергаются проверке и пересмотру. Издатель новых текстов М. Кросби на основе тщательного анализа стел выдвинула следующую гипотезу [8]: разница между metallon ergasimon и metallon anasaximon определяется тем, одно ли лицо начало и продолжает разработку или передает ее на следующий срок другому. В первом случае рудник обозначается ergasimon, во втором — anasaximon. Что касается palaion anasaximon, то это старый рудник, который открыли или вновь собираются открыть. Констатируя, что так обстоит дело с чередованием обозначений в стелах, Кросби признает, что остается неясным смысл, конкретное содержание, заключенные в определении ἀνασάξιμον: «Мы не знаем, что в действительности означало это слово в рудничном жаргоне IV в. до н. э.»[9]. В то же время сама Кросби указывает, что в стелах есть данные, свидетельствующие против ее гипотезы. Так, в № 16 (= IG, II², 1582), сткк. 75—83 и № 18, сткк. 18—22 рудники названы ergasima, хотя арендаторы в обоих случаях новые и названы их предшественники. Далее, в № 16 (=IG, II², 1582), сткк. 120—123 рудник anasaximon зарегистрирован и арендуется одним и тем же лицом, следовательно, здесь нет смены людей. Кросби объясняет это тем, что в первых двух случаях передача рудника другому лицу произошла досрочно (смерть или судебное решение), а в третьем — резчик по небрежности опустил слово palaion.

Автор специального содержательного исследования о разработках лаврийских рудников в IV в. до н. э. Оппер [10], отдавая должное остроумному построению Кросби, указывает и слабые стороны ее гипотезы, в частности то, что она не учитывает связи категории рудника с ценой. Дело в том, что плата за рудники в стелах колеблется от 10 драхм до двух талантов. Правда, эти крайние цифры — исключение. Наиболее распространенная плата — 20 и 150 драхм. Естественно, что новые разработки должны были оплачиваться дешевле. Между тем в № 16 (=IG, II², 1582), сткк. 45—51 и 56—60 два metalla palaia anasaxima сдаются по цене 150 драхм каждый. В одном случае зарегистрировавший рудник и арендатор — разные лица. Следовательно, это не первичная аренда. По мнению Оппера, metallon anasaximon — это новая разработка, но

---

[5] Так объяснял anasaximon еще Август Бек. Ему следует и Икономос (O i k o n o m o s, ук. соч., стр. 300). Несколько иначе толковал anasaximon Гансен (J. H. H a n s e n, De metallis Atticis, Hamburg, 1885, стр. 13), но и он понимал под этим старый рудник. Шёнбауэр (E. S c h ö n b a u e r, Beiträge zur Geschichte des Bergbaurechts, «Münchener Beiträge zur Papyrusforschung», т. 12, 1929, стр. 20 слл.), отказываясь от изменения рукописного чтения συγκεχωρημένα, все же в metalla anasaxima видит заброшенные по тем или иным причинам или вновь открываемые рудники.

[6] U. K a h r s t e d t, Staatsgebiet und Staatsangehörige in Athen («Göttinger Forschungen», IV), Stuttg.— B., 1934, стр. 53—54.

[7] При описании рудника в стелах обычно указывается имя лица, зарегистрировавшего рудник (ἀπεγράψατο), и имя берущего рудник в разработку (ὠνητής). Если рудник сдается впервые, имена регистрирующего и арендующего, естественно, совпадают. Таким образом, видно, сохраняется ли рудник в тех же руках или переходит к другому лицу.

[8] C r o s b y, «Hesperia», XIX, стр. 197 слл.

[9] Там же, стр. 198.

[10] R. G. H o p p e r, The Attic Silver Mines in the Fourth Century, ABSA, XLVIII слл. (1953), стр. 232.

после предварительной подготовки, когда уже началась добыча серебра, т. е. на следующей стадии после кайнотомии. Если добыча еще ненадежна, плата — 20 драхм, если серебро найдено, цена может подняться до 150 драхм, а при наличии других претендентов — и выше. Если рудник уступается для разработки другому лицу, оно платит меньше 150 драхм. Palaion anasaximon, говорит Оппер, это рудник, разработка которого возобновляется после перерыва более длительного, чем срок обычной аренды. При этом, если разработку возобновляет прежний арендатор, он платит 20 драхм, если новый — 150.

И конструкция Кросби, и гипотеза Оппера основаны на вдумчивом анализе текстов. Но они оставляют много неясного, не отвечают на вопрос, почему так редки metalla ergasima по сравнению с metalla anasaxima, каково конкретное содержание этих обозначений и, наконец, как относятся упоминаемые в надписях категории рудников к двум группам рудников у Аристотеля.

Не претендуя на окончательное решение поставленных вопросов, попытаемся дать свой ответ на них.

Аристотель, упоминая о двух категориях сдаваемых в разработку рудников, исходил из наличия двух сроков аренды. Его, разумеется, здесь не интересовали ни техническая, ни экономическая стороны вопроса. А наличие строго фиксированных, раз навсегда установленных сроков аренды рудников видно из того, что при весьма подробных записях в стелах сроки аренды не указаны. Это каждый раз подразумевается в самом обозначении рудника, именно поэтому обозначения и включены в текст документа. Характерно, что в литературных свидетельствах о рудниках нигде не дается их классификация, а просто говорится metallon или metalla [11]. Обозначение рудника не было постоянным, оно менялось в зависимости от обстоятельств. В этом и Кросби, и Оппер вполне правы.

Metalla ergasima, по всей вероятности, обозначают разрабатывающиеся, действующие рудники. Для совершенно новой, начальной стадии существует понятное слово kainotomia.

В 355 г. до н. э. Ксенофонт (Vect., IV, 27 сл.) жалуется, что из-за неблагоприятных условий kainotomia очень мало. Некоторое время спустя Гиперид говорит, что число их возросло (pro Euxenipp., стб. XXVIII, 36; речь написана после 330 г. до н. э.). Это подтверждается и стелами, в которых первые упоминания о кайнотомиях относятся к последней четверти IV в.[12].

Вторая половина IV в. была периодом интенсивной разработки рудных богатств Лаврия. В это время возобновляется работа во многих шахтах, которые были заброшены в период застоя. Тот факт, что большая часть рудников в стелах имеет названия (Aphrodisiakon, Diphileion, Posidoniakon, Artemisiakon, Archegeteion, Keramikon, Eudoteion, Dexiakon, Apolloniakon, Athenaikon и др.)[13], говорит в пользу длительности и стабильности разработок в одних и тех же местах. Кайнотомии появляются, но их немного. Зато много metalla anasaxima и palaia anasaxima. Определение palaion следует связывать не с anasaximon, а с metallon. Независимо от того, как понимать anasaximon, palaion говорит о том, что рудник некогда разрабатывался, а теперь вновь сдается в аренду [14]. Если перерыв был длительным, новый предприниматель регистрирует рудник у полетов и сам берет его в разработку. Это обычно. Но если перерыв был сравнительно небольшим, то могли сохраниться данные о первой регистрации рудника, и потому в стеле не совпадают имена зарегистрировавшего рудник лица и арендатора. Можно предположить и другое. Рудник некогда был зарегистри-

---

[11] См., например, Aristoph., Equ., 362; Dem., XIX, 23; XXXVII, 22; Hyper., pro Euxenipp., стб. XXVI, 34; стб. XXVII, 35; стб. XXVIII, 36; стб. XXIX, 37.

[12] См. стелы № 28, стк. 6; 32, стки. 5—6; 33, стк. 2; 35, стк. 3; 38, стк. 8. Ср. Crosby, «Hesperia», XIX, стр. 199.

[13] См. таблицу Кросби в «Hesperia», XIX, стр. 286—292.

[14] Ср. аналогичное употребление παλαιόν в аттической надписи IV в. до н. э.— Syll.[3], 1078, LXXXVII: δρᾶμα παλαιόν (в словаре Liddell — Scott дается следующий перевод: «a drama which has been previously acted»).

рован и разрабатывался только один срок. Затем арендатор не возобновил договора на следующий срок, а других желающих не нашлось. В документации, бывшей в ведении полетов, сохранилась запись об этой единственной и первой регистрации, когда руднику присвоили наименование. Она и упоминается в тексте новой аренды.

Но что же такое metallon anasaximon? Как уже было сказано, Кросби обратила внимание, что при этом обозначении рудника разработка, как правило, переходит в руки нового предпринимателя. Констатировав этот факт, она отказалась от объяснения самого термина, конкретного его смысла. Между тем требует объяснения, почему в афинском документе, связанном с денежными расчетами, обозначение рудника меняется только в зависимости от преемственности лиц, арендующих разработку. Какая здесь связь?

Полеты — представители государственных интересов — должны были определить срок аренды и размер полагающейся платы. Это зависело не только от размеров рудника и богатства разрабатывавшейся жилы, но и от степени готовности рудника к немедленной его эксплуатации. А это, в свою очередь, определялось наличием на месте необходимого оборудования и рабочей силы, в том числе и квалифицированной. При переходе разработки из одних рук в другие предыдущий арендатор, как правило, забирал все принадлежавшее ему оснащение, и перед новым предпринимателем оказывалась сложная и связанная с хлопотами задача раздобыть все необходимое и снабдить им рудник. Anasaximon, по нашему мнению, и обозначает такой рудник, который надо оснастить, заполнить всем необходимым для эксплуатации. Это понимание расходится с обычным, даваемым в словарях, которые безоговорочно принимают толкование А. Бека [15]. Между тем ἀνασάττω может иметь то же значение, что и σάττω, но с некоторым усилением. А для σάττω засвидетельствовано употребление в значении «оснащать», «снабжать». Суффикс ιμ(ος) указывает на объект, который может или должен подвергнуться действию [16]. Ἀνασάξιμον — то, что подлежит наполнению, оснащению. Для того чтобы перейти к непосредственной эксплуатации metallon anasaximon, нужны время и деньги.

Metallon palaion anasaximon означает то же самое, с той только разницей, что здесь был перерыв в разработке. Любой metallon palaion являлся одновременно и anasaximon. Поэтому не встречается сочетания metallon palaion ergasimon.

Что касается metallon ergasimon, то можно целиком присоединиться к распространенному, хотя и не единственному мнению, что это действующий рудник [17]. Но к это-

---

[15] Глагол ἀνασάττω редко встречается в источниках (например Polyb., XII, 25, 8 — τῶν ἀνασεσαγμένων θυλάκων), а производное от него ἀνασάξιμον — только в текстах, связанных с рудниками. Словари переводят это слово, опираясь на толкование А. Бека. W. Pape, Handwörterbuch der Griechischen Sprache, Braunschweig, 1857, s. v. ἀνασάξιμον, τό — «ein altes Bergwerk, das liegen geblieben und verschüttet war und wieder von neuem bearbeitet wird», со ссылкой на Böckh, Inscr., I, стр. 289. Отсюда выводится соответственное значение ἀνασάττω — «eine verschüttete Grube aufräumen, um Sie wieder zu bearbeiten». Такой же перевод дает словарь F. Passow—Rost. Ср. H. Van Herwerden, Lexicon Graecum Suppletorium, Lugd., 1902, s. v. ἀνασάττω — «rursus egerere... De metallis relictis iterum exercendis, unde scoria prius egerenda sint, haec intellegenda esse vidit Boeckh». Ср. Liddell—Scott, s. v. anasaximon — «a mine that is reopened and worked (after having been closed)».

[16] См. R. Kühner, F. Blass, Ausführliche Grammatik der Griechischen Sprache, 3 изд., II, Hannover, 1892, стр. 288; ср. E. Schwyzer, Griechische Grammatik, 2 изд., I, Münch., 1953, стр. 491, прим. 6.

[17] Путаница в толковании рудничных терминов сказалась и на простом как будто бы слове ergasimon. Одни отождествляли ergasimon с anasaximon (например, E. Ardaillon, Les mines du Laurion dans l'antiquité, P., 1897, стр. 171, 177), другие — с kainotomia (например, Oikonomos, ук. соч., стр. 311 сл.; ср. комментарий к IG, II², 1582, стки. 60, 64, 77: «sub voce ergasima intellegendas esse kainotomias»). Но большинство исследователей, особенно последних десятилетий, правильно определяет metalla ergasima как действующие рудники (так, Schönbauer, ук. соч., стр. 21 слл.; G. M. Calhoun, Ancient Athenian Mining, «Journal of Economic and Business History, III, 1932, № 3, стр. 354 сл.; A. Momigliano, Sull'Amministrazione delle Miniere del Laurio, «Athenaeum», нов. сер., X, 1932, № 3, стр. 251; Hopper, ук. соч., стр. 201).

му следует добавить, что в стелах полетов так обозначается рудник, который в отличие от anasaximon вручается арендатору в рабочем виде, на ходу, со всем необходимым оборудованием. Это само собой разумеется, если аренда возобновляется на следующий срок тем же лицом. Хотя на поверхности выступает то, на что справедливо обратила внимание Кросби,— повторение в новой аренде прежнего арендатора, суть дела не в этом, а в оснащенности и полной готовности рудника к эксплуатации. Поэтому для ergasima и срок установлен меньший, и цена аренды, как правило, выше. Естественно, что случаи, когда прежний арендатор передавал новому рудник со всем оборудованием, редки и связаны с чрезвычайными обстоятельствами. Но если это происходило, то рудник обозначался ergasimon со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таким образом, становится ясным, почему metalla ergasima встречаются в стелах значительно реже, чем metalla anasaxima. Предлагаемое понимание metallon ergasimon и metallon anasaximon не только согласуется со справедливо отмеченным Кросби чередованием арендаторов, но и соответствует семантике обоих определений, не учтенной и не разъясненной в гипотезе Кросби.

Если обратиться, наконец, к двум категориям рудников в «Афинской политии» Аристотеля, то сдаваемые на три года metalla ergasima соответствуют, по-видимому, metalla ergasima в стелах полетов. Государство, естественно, не заинтересовано было в долгосрочной аренде рудников, дававших гарантированный доход предпринимателю. Что касается metalla συγκεχωρημένα (нет никакой необходимости менять чтение папируса), то здесь, по-видимому, Аристотель имеет в виду все известные нам теперь из стел полетов категории рудников кроме ergasima. Нам представляется, что под συγκεχωρημένα здесь следует понимать не «уступленные», «предоставленные» [18], а «по договоренности» — те, относительно которых достигнуто соглашение [19]. При любой разработке, кроме ergasima, где все заранее было ясно, требовалось уточнение условий. Здесь и цена, как правило, была ниже, и срок более долгий.

Предлагаемое понимание встречающихся в источниках наименований рудников, разумеется, не претендует на окончательное решение спорного и запутанного вопроса. Новая гипотеза оправдана тем, что она позволяет согласовать свидетельство Аристотеля с современными ему документальными источниками и приводит в соответствие филологическую интерпретацию терминов с практикой реальных деловых отношений.

Решение этого вопроса необходимо для выяснения очень важной для социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. системы эксплуатации Лаврийских серебряных рудников.

Л. М. Глускина

---

[18] Так, Шёнбауэр (S c h ö n b a u e r, ук. соч., стр. 25 слл.) понимает μέταλλον συγκεχωρημένον как рудник «уступленный, предоставленный» новому арендатору. Оппер (H o p p e r, ук. соч., стр. 202 сл.) уточняет, что это не в смысле сдачи рудника полетами, а уступки бывшего арендатора, который разочаровался в возможности получить большой доход.

[19] Значение συγχωρέω «приходить к соглашению, договариваться» засвидетельствовано в литературных источниках и V и IV вв. (T h u c., II, 59; III, 27, 96; X e n, Hell., VII, 1 — 27). Ср. L i d d e l l — S c o t t, s. v. II_1: «come to terms».

УНИКАЛЬНАЯ ВАЗА ИЗ МЕРВА

В 1962 г. при раскопках буддийского храмового комплекса в древнем Мерве (работы ЮТАКЭ под руководством проф. М. Е. Массона) была обнаружена уникальная расписная ваза, служившая хранилищем буддийских рукописей и поставленная под строительными конструкциями ступы. Ваза была помещена в основании здания во время его перестройки, когда после периода расцвета храмового комплекса (в конце парфянского и начале сасанидского времени) и последующего упадка и разрушения здания (не ранее V и не позднее VI в. н. э.) оно восстанавливается и расширяется [1].

Ваза высотой 46 см имеет плоское дно, сильно расширяющееся тулово и профилированный венчик, две овальные в сечении ручки с небольшими выступами в верхней части, оформленными в виде шариков. Вазы подобной формы в Мерве зафиксированы при раскопках некрополя, где они датируются временем от V до VII в. н. э.[2]. Все тулово вазы покрыто изображениями. Верхней границей сюжетной росписи служит граница тулова и шейки, выделенная черной полосой с волнообразным орнаментом. Однако дважды изображения переходят и на шейку. В одном случае это верхняя часть туловища, голова и лук всадника в сцене охоты, в другом — голова птицы. Между двумя выступами венчика — красная полоса. Ручки сосуда украшены угольниками («шевронами») из чередующихся полос красного, белого и голубого цвета. Все росписи выполнены по светлому ангобу. Фон занимают красные и голубовато-зеленые цветы, трактованные очень схематично, иногда напоминающие упрощенным очертанием знак карточной бубновой масти. Сохранность памятника неплохая. Краска осыпалась лишь кое-где, росписи частично покрыты налетом почвенных солей, который затрудняет фотографирование, но почти не мешает визуальному наблюдению [3].

Вся роспись вазы распадается на четыре отдельные сцены [4].

Сцена пиршества. Мужчина и женщина сидят на ложе, стоящем на шаровидных ножках. Ложе не выделено цветом, оно обозначено только черным контуром. Мужчина сидит на ложе, высоко поставив правую ногу и подогнув под нее левую. Он одет в длинную, доходящую до колен белую рубаху, перехваченную белым же поясом с двумя черными пряжками. Рубаха украшена посредине широкой красной полосой. Такой же ширины красная полоса охватывает шею мужчины, поверх этой полосы — снова белая. Но возможно, что она относится уже не к рубахе, а к плащу. Рукава заканчиваются обшлагами, состоящими из трех полос: двух белых и между ними красной. На красной полосе левого обшлага заметно нарисованное черной линией «сердечко». На рубахе, на левой стороне груди, изображение какого-то значка. Плащ облекает плечи мужчины. Белое полотнище плаща рассечено продольными черными линиями, которыми, возможно, художник стремился передать складки, а не характер материала плаща. Пышные белые шаровары пересечены поперечными черными полосами, изображающими складки, туфли — черные. Лицо, изображенное в профиль, и шея покрыты розоватой краской, в нижней части шеи — легкая желтизна, губы ярко-красные, усы, борода, волосы, брови— черные. Контур глаза выделен черной краской, зрачок черный, белок желтоватый. От угла глаза к виску идет длинная узкая черная полоса. Кожа под глазом покрыта более интенсивным розовым цветом, чем на остальной части лица. Ухо украшено большой круглой серьгой с прикрепленной к ней подвеской. На голове диадема, состоящая из узкой белой полосы с двумя большими розетками, прикрепленными к ней. Одна розетка семилепестковая, другая — восьмилепестковая. Кроме то-

---

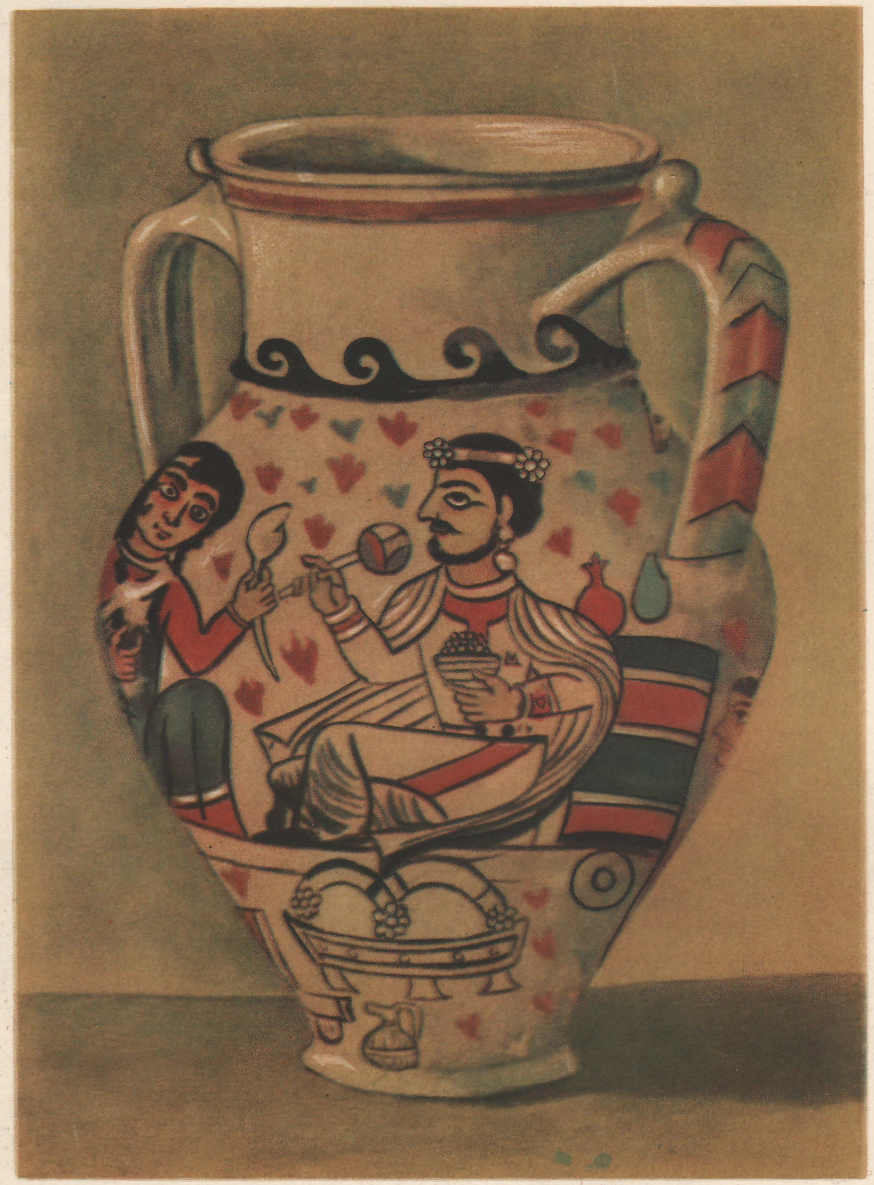
[1] Предварительная публикация см. М. Е. Массон, Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции АН Туркменской ССР в 1962 г., «Изв. АН ТуркмССР, сер. общ. наук», 1963, № 3, стр. 51—55.

[2] С. А. Ершов, Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али, «Труды Ин-та истории, археол. и этногр. АН ТуркмССР», т. V, 1959, стр. 180, табл. 8, *1—2*.

[3] Рис. 1—4—фотографии вазы; на вклейках цветные фотографии с акварелей, выполненных А. Белаловым.

[4] Массон, ук. соч., стр. 54.

Ваза из Мерва



го, на самой полосе имеются две четырехлепестковые розетки. Мужчина держит в левой руке небольшую чашу, видимо, с виноградом; в правой у него какой-то округлый предмет на длинной ручке. Несколько цветных полос (белая, зеленая, красная) подчеркивают округлость этого предмета. На средней из них есть изображение четырехлепестковой розетки. Мужчина левым локтем опирается на высокую стопку подушек, изображенных в виде полос разного цвета: красной, желтой, темно-синей, желтой, красной, желтой, темно-синей. Над подушками нарисованы, видимо, гранат красным цветом и груша светло-зеленым.

Против мужчины сидит женщина, лицо которой изображено почти в фас, левое колено женщины высоко поднято. Она одета в длинное красное платье. Обшлага платья выполнены в виде узенькой белой полосы. Белое же полукольцо охватывает шею, но вполне возможно, что эта белая полоса относится не к платью, а представляет собою шейную гривну, поскольку хорошо видно, что правая коса проходит под этой полосой. Поверх красного платья надето еще одно, оставляющее внизу видимой широкую полосу нижнего платья. Верхнее платье темно-синего цвета внизу заканчивается белой полосой. В своей верхней части оно идет наискось от левого плеча к правой подмышке, оставляя открытыми нижнее платье на правой стороне груди и оба рукава. Верхняя одежда обрамлена и сверху белой полосой. В левой руке женщина держит какой-то белый предмет, возможно, цветок, правая рука протянута вперед, большой и указательный пальцы нарисованы в характерном жесте, остальные — сжаты. Руки выделены красной краской. Лицо розовое. Рисунок больших овальных глаз, прямого носа и рта выполнен черной краской. Губы в уголках слегка приподняты. Глаза обведены полосой красноватой краски, зрачок черный. Очень характерна прическа: две небольшие косы падают на грудь, а основная масса волос ниспадает на спину.

К этой же сцене относится изображение еще одного персонажа, стоящего за спиной женщины. Он изображен в меньшем масштабе. Лицо его нарисовано в профиль, тело в три четверти, часть фигуры закрыта другой сценой. Этот человек нарисован стоящим, руки, видимо, перекрещены на животе. Одет в длинную рубаху зеленовато-синего цвета с белой полосой вокруг шеи. Шея желтая, лицо розоватое. Рот закрыт белой повязкой, завязанной на затылке.

Перед главными персонажами сцены находится небольшой столик на трех коротеньких, расширяющихся книзу ножках. Боковая грань его украшена полосой с пятью кружочками. На столике лежит предмет, состоящий из двух изогнутых полос, украшенных в месте соединения их на концах многолепестковыми розетками. Ниже столика нарисован кувшинчик, видимо, металлический с выступающим носиком и одной ручкой. Тулово кувшинчика шарообразно, нижняя часть более широкая, нежели верхняя, ножка в верхней части узкая, внизу резко расширяющаяся. Несколько продольных полос, видимо, должны передавать грани сосуда, в середине они пересекаются продольной полосой.

Сцена охоты. На вороном, мерно ступающем коне восседает всадник (по всей видимости, это тот же человек, который изображен пирующим в первой сцене). Он натягивает лук, целясь в фазана, сзади него скачет джейран. Лошадь изображена относительно небольшой по сравнению с телом всадника. Всадник изображен в профиль, к сожалению, лицо его очень плохо сохранилось. На его голове диадема из двух белых полос, разделенных черной линией, с тремя украшениями в виде маленьких белых эллипсов с черными полосками внутри. В ухе у него (как и в первой сцене) серьга с подвеской. Костюм всадника, однако, сильно отличается от костюма в сцене пиршества. Всадник одет в красную рубаху, обшлага которой изображены в виде трех полос: двух белых и желтой между ними, ворот выполнен в виде белой полосы. Шаровары белые, туфли розоватые. Поверх надет белый кафтан, причем нельзя сказать, имеет ли этот кафтан один или два отворота, так как всадник при стрельбе скинул кафтан с одного плеча. Подкладка кафтана синяя — именно такого цвета отворот кафтана и цвет отвернувшейся при движении полы. По краю отворот обрамлен белой полосой. Обшлаг кафтана также состоит из трех полос: двух белых и красной между ними. Второй рукав кафтана виден из-за спины всадника. Талию его пересекает двойной пояс. Верхний по-

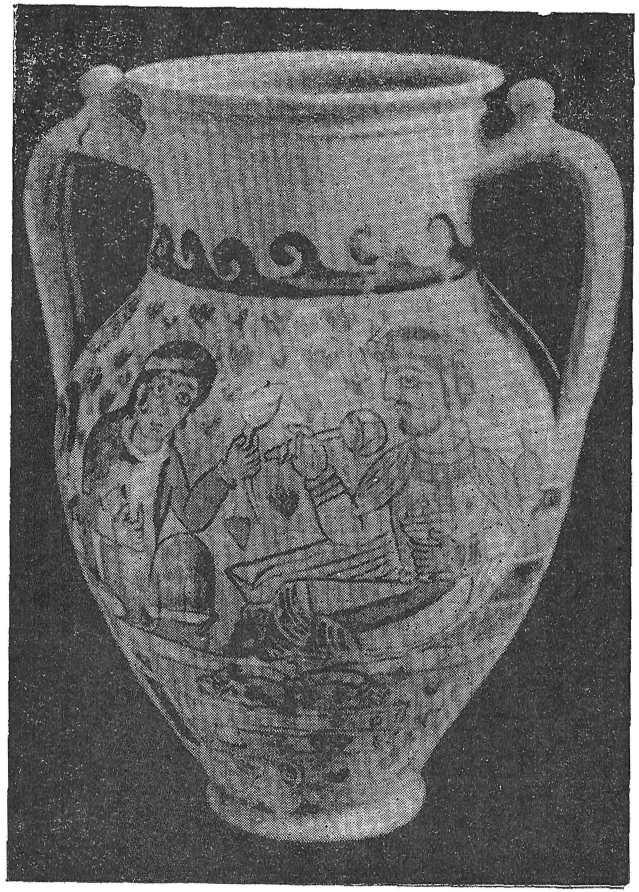


Рис. 1

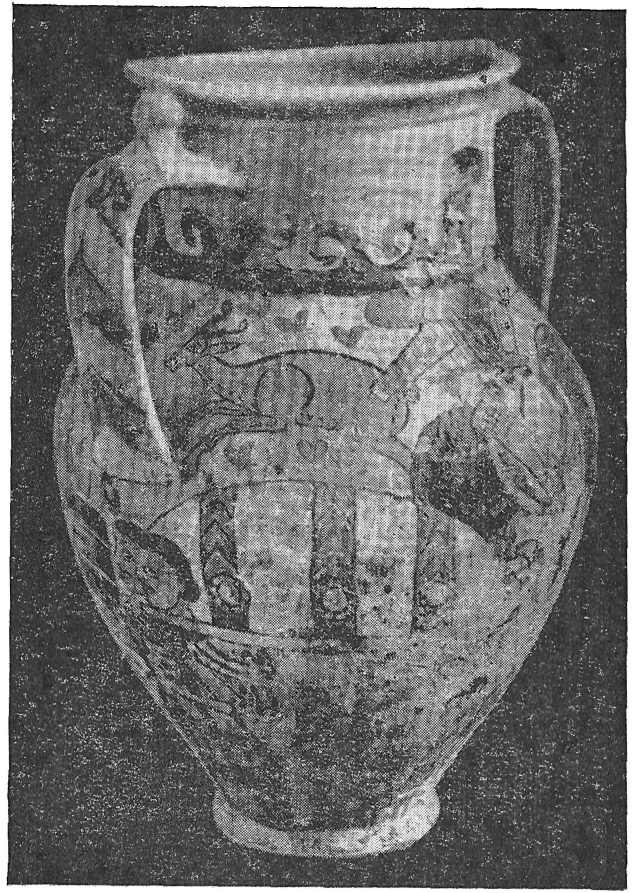


Рис. 2

Рис. 3

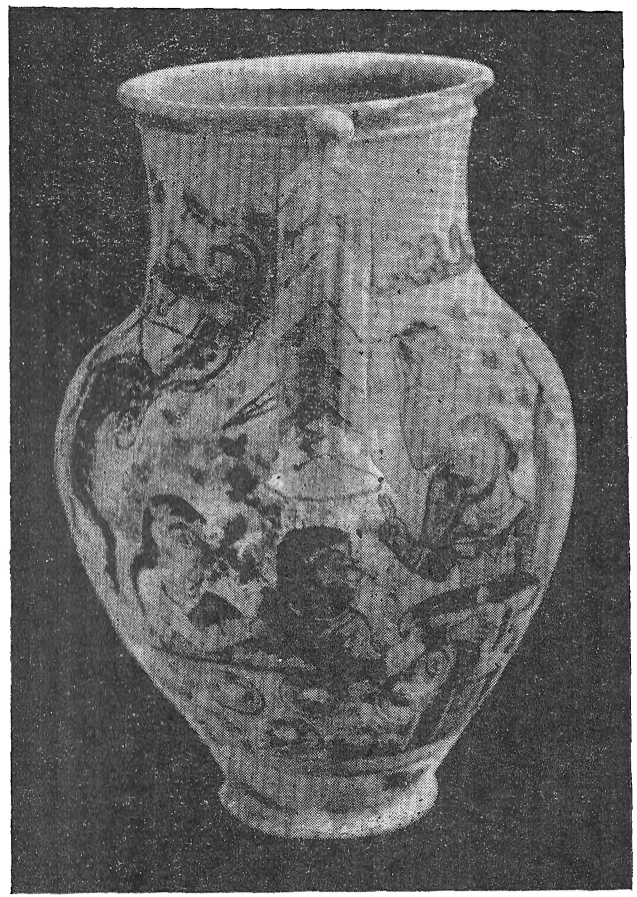


Рис. 4

яс нарисован в виде двух черных полос, пространство между которыми делится на белые и черные прямоугольники, нижний же изображается простой черной линией с двумя белыми кружками (видимо, бляшками), от которых отходят две полоски, прикрепленные к колчану. Колчан выполнен белой краской, оконтурен черной. В руках у всадника натянутый сложный лук, однако стрела отсутствует.

Лошадь выполнена черной краской, грива ее трактована очень условно: в виде розовато-коричневой дуги, расчерченной поперечными черными линиями, тем же цветом перепан и хвост, расчерченный продольными черными линиями. Нижняя часть головы лошади передана такой же розовато-красной краской, сбруя белой. Седла не видно, хорошо заметно, что лошадь покрыта двумя попонами (нижняя белая, а верхняя красная). Копыта также выполнены розоватой краской.

Фазан целиком выполнен в белой краске, контуры черные: он нарисован спокойно сидящим. Джейран же, находящийся сзади охотника, изображен бегущим в противоположную сторону. Его тело — розовато-коричневое, контур тела и его частей — черный.

Сцена смерти и оплакивания, видимо, того же самого героя. На ложе, подобном тому, на котором совершалось пиршество, лежит мужчина. Под головой у него, видимо, те же самые подушки, только на этот раз положенные по-другому. Все тело до шеи завернуто в белую ткань, так что не видно ни рук, ни ног, ткань украшена большими красными кольцами, оконтуренными снаружи и внутри черной краской. На ткани имеется значок в виде буквы Р. Лицо мужчины передано желтоватой краской. Интересно отметить, что на этот раз отсутствует красная подкраска глаз и нет серьги в ухе. Рядом с ложем сидят, простирая к нему руки, две женщины. Костюмы такие же, как у женщины в первой сцене, хотя несколько изменились цвета. У одной нижнее платье красное, а верхнее — белое, у другой, наоборот, нижнее белое, а верхнее — красное. Особое внимание привлекает фигура в головах ложа, видимо, врач или, скорее, лицо, напутствующее умирающего. Это мужчина, сидящий «по-восточному», скрестив ноги. Тело его изображено в фас, голова в профиль. В левой руке он держит чашу, правая поднята, средний и указательный пальцы вытянуты в ритуальном жесте. Лицо его передано желтовато-розовой краской, волосы, борода и усы — черной; глаз продолговатый, как и в других случаях, от глаза к виску идет черная линия, зрачок черный. Одет он в красную до колен рубаху с белым воротом и белой центральной полосой. Белые же и (делящиеся на три полосы) обшлага. Шаровары тоже белые, туфли черные. Ниже ложа стоят два предмета: один, по-видимому, жаровня на трех ножках и с небольшой ручкой, второй — непонятного назначения.

Наконец, последняя сцена изображает *погребальную процессию*. Двое мужчин впереди и двое сзади несут носилки, на которых лежит завернутое в ткань тело умершего. Из передней пары носильщиков хорошо виден первый. Его тело изображено почти в фас, а голова в профиль. Лицо передано розовым цветом, волосы и усы — черным. Рубаха — белая с голубыми поперечными полосами, отделка ворота и центральная полоса — красные, талия перетянута белым поясом; шаровары белые. На одежде какие-то значки. Второй мужчина виден только частично. Лицо его розовое, одежда белая. Кажется, оба они изображены босыми. Изображение второй пары носильщиков сохранилось хуже. Хорошо видно, что первый одет в длинную (ниже колен) красную рубаху с белой полосой посредине, рубаха второго белая, шаровары у обоих белые. Ткань закрывающая тело, белого цвета, она украшена или перевязана тремя полосами с орнаментом в виде красных, синего и иногда белых угольников («шевронов»). На каждой из таких полос имеется украшающая или, может быть, скрепляющая эти полосы большая белая многолепестковая розетка.

Расписная ваза из Мерва — по-настоящему уникальное явление в истории искусства Средней Азии античного и раннефеодального времени. Если история монументальной живописи Средней Азии после открытий в Хорезме (Топрак-кала), Бактрии — Тохаристане (Балалык-депе) и Согде (Пенджикент) начинает вырисовываться все более отчетливо, то среднеазиатская вазопись до сего времени остается terra incognita для исследователей. Расписная глазурованная керамика более позднего времени хорошо известна, но памятников столь ранних почти совершенно нет.

Декоративные росписи встречаются изредка на керамике античного Хорезма, однако репертуар их чрезвычайно беден — это полосы, завитки спирали, треугольники [5]. Можно также упомянуть находки в Бамиане (Афганистан), где при раскопках были обнаружены один небольшой сосуд и один фрагмент сосуда, покрытые плохо сохранившимися росписями чисто декоративного характера [6]. В известной мере сходны с вазописью и росписи алебастровых оссуариев, обнаруженных на севере Хорезма в Ток-кале [7] и Гяур-кале [8]. Известен один оссуарий с изображением голубя в некрополе Мерва [9].

Однако почти полное отсутствие памятников вазописи в древней Средней Азии не означает, что расписная ваза из Мерва стоит особняком среди памятников искусства Средней Азии и окружающих областей. Напротив, сюжетно и стилистически она очень близка многим памятникам древней живописи и торевтики.

В частности, изображение пира было одной из излюбленных тем в искусстве Востока. Памятники этого рода зафиксированы, начиная с ассирийского времени [10]. В эпоху, последовавшую за завоеваниями Александра Македонского, на Востоке широко распространяются эллинские представления. В этой связи можно назвать и известные росписи в Дура-Европос, где сцены пиршества изображают загробные трапезы героизированного умершего [11]. Близки им и мозаики Эдессы, где также главным участником трапезы является погребенный [12].

В среднеазиатской живописи раннесредневекового времени тема пира распространена чрезвычайно широко. Эта тема — одна из ведущих в росписях Пенджикента [13] и Балалык-депе [14]. Чрезвычайно широко представлен этот сюжет и в так называемом «восточном металле» [15], который до недавнего времени целиком считался сасанидским, и в котором теперь наряду с собственно иранскими вещами выделяют и произведения среднеазиатского искусства [16]. И в произведениях искусства более позднего времени эта тема представлена очень широко [17].

Если сравнивать сцену пиршества на вазе из Мерва с этим кругом памятников, то необходимо будет сразу же отбросить живопись Пенджикента, поскольку в ней преобладающим, если не единственным видом изображений пиршества, являются пиры мужчин. Несмотря на сходство в целом ряде деталей, сама основная трактовка сцены — пир царственного мужчины с супругой — там отсутствует. Гораздо ближе в этом отношении росписи Балалык-депе (конец V — начало VI вв. н. э.), где в сценах пиршества равно участвуют мужчины и женщины [18]. Сходство может быть прослежено не только в общей трактовке сцены, но и во многих деталях. Так, в частности, можно от

---

[5] М. Г. Воробьева, Керамика Хорезма античного времени, «Труды Хорезм. арх.-этн. эксп.», т. IV, М., 1959, стр. 77, 93, 98, 126, 159.

[6] J. Hackin, J. Carl, J. Meunié, Diverses recherches archéologiques en Afghanistan (1933—1940), P., 1959, рис. 19—20.

[7] См. А. В. Гудкова, Некрополь городища Ток-кала, СЭ, 1963, № 6, стр. 57 сл.; она же, Ток-кала, Ташкент, 1964.

[8] В. Н. Ягодин, Новые материалы по истории религии Хорезма, СЭ, 1963, № 4, стр. 94 сл.

[9] Ершов, Некоторые итоги..., табл. 5.

[10] R. Ghirshman, Notes Iraniennes V. Scenes de Banquet sur l'argenterie Sassanide, «Artibus Asiae», vol. XVI, fasc. 1—2, стр. 63, рис. 13.

[11] M. Rostovtzeff, Dura-Europos and Its Art, Oxf., 1938, стр. 94—95, табл. XVII.

[12] J. P. Leroy, Nouvelles decouvertes archéologiques relatives à Edesse, «Syria», t. 38, fasc. 1—2, 1961, стр. 159 сл., рис. 2.

[13] Скульптура и живопись древнего Пянджикента, М., 1959, стр. 7.

[14] Л. И. Альбаум, Балалык-депе, Ташкент, 1960.

[15] Ghirshman, ук. соч.

[16] К. В. Тревер, К вопросу о так называемых сасанидских памятниках, СА, XVI, 1952.

[17] T. V. Arnold, Survivals of Sasanian and Manichaean Art in Persian Painting, Oxf., 1924, стр. 12 сл.

[18] Альбаум, ук. соч., рис. 96, 98, 105 и т. д.

метить, что, как и на мервской вазе, фигуры слуг передаются в более мелком масштабе, чем фигуры главных персонажей [19]. Можно отметить сходные прически у женщин, когда две узкие пряди волос падают на грудь, тогда как основная масса волос спускается на спину [20], иногда сходно положение ног у мужчин [21]. Также популярен в орнаменте росписей Балалык-депе мотив «сердечка» [22]. У многих персонажей в росписях Балалык-депе имеются в руках чаши и круглые предметы на длинной ручке, которые Л. И. Альбаум считает зеркалами [23]. Подобный же предмет изображен и в руках главного героя в сцене пиршества на нашей вазе. Однако этот предмет в данном случае нарисован таким образом, что нет сомнения в его шаровой форме, что исключает возможность считать его зеркалом.

Можно вспомнить также и сцену венчания царя и свадебного пира на серебряной чаше, хранящейся в Эрмитаже [24] (бывш. собр. графов Строгановых). Однако при сравнении этой чаши с росписями мервской вазы надо учитывать сложность вопроса о ее датировке. Я. И. Смирнов датировал ее VI — VIII вв. н. э.; Э. Герцфельд был склонен считать эту чашу произведением сасанидского искусства [25], К. В. Тревер относила ее к кругу памятников греко-бактрийского искусства и датировала I в. н. э.[26]. Р. Гиршман считал местом ее происхождения Среднюю Азию, а временем изготовления — конец VII — начало VIII в. н. э.[27], Л. И. Альбаум на основании сходства сцены, изображенной на вазе, с росписями Балалык-депе датировал ее VI в. н. э.[28]. Наконец, Б. Я. Ставиский склонен рассматривать эту вазу как памятник искусства Согда (или связанных с ним оазисов Восточного Туркестана) V — VII вв. н. э.[29]. Таким образом, большинство исследователей относит ее к произведениям среднеазиатской торевтики, с чем нельзя не согласиться, а из предложенных дат, всех, за исключением даты К. В. Тревер, сравнительно поздних, датировка Б. Я. Ставиского представляется наиболее приемлемой, поскольку она достаточно широка, что при современном уровне изученности среднеазиатской торевтики кажется весьма оправданным.

В изображениях этой вазы необходимо отметить ряд деталей, сближающих ее с нашей вазой (помимо общего сходства центральной композиции). Это и наличие невысокого ложа, на котором восседают царь с супругой, и чаша в руках царя, и ритуальный жест женщины, и форма кувшинов, которые несет служитель слева от центральной сцены.

Наиболее близка изображению на мервской вазе сцена на серебряной чаше, хранящейся в Британском музее [30]. Однако как и во многих других случаях, вопрос о ее датировке до сего времени не решен. Если М. Е. Массон [31] считает возможным определять эту чашу как произведение парфянского искусства, то Р. Гиршман на основании чтения имеющейся на ней пехлевийской надписи склонен относить ее к

---

[19] Там же, стр. 128.
[20] Там же, стр. 129.
[21] Там же, стр. 172.
[22] Там же, стр. 189.
[23] Там же, стр. 198.
[24] См. E. Gehard, Über ein Silbergefass des grafen Stroganoff, «Archäologische Zeitung», 1843, № 10, табл, X; Я. И. Смирнов, Восточное серебро, СПб., 1909, табл. XXXVIII, № 67.
[25] E. Herzfeld, Die Malerein von Samarra, B., 1927, стр. 43.
[26] К. В. Тревер, Памятники греко-бактрийского искусства, М.— Л., 1940, стр. 81—87, табл. 18—22; К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец, История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 123.
[27] R. Ghirshman, Inscriptions Pehlevi des Plates Sassanides du Musee de l'Ermitage, «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», L., 1951, t. V, fasc. 4, стр. 918—919.
[28] Альбаум, ук. соч., стр. 177.
[29] Б. Я. Ставиский, О датировке и происхождении эрмитажной серебряной чаши с изображением венчания царя, «Сообщ. Гос. Эрмитажа», XVII, Л., 1960, стр. 71.
[30] Я. И. Смирнов, Восточное серебро, табл. XXXVII, № 66.
[31] М. Е. Массон, Народы и области Южной части Туркменистана в составе Парфянского государства, «Труды ЮТАКЭ», т. V, Ашхабад, 1955, стр. 66.

концу сасанидского времени [32], а Далтон датирует ее послесасанидским временем [33]. На этой чаше изображен пир царственной четы, по-видимому, в саду, что подчеркивается изображением дерева. На низеньком ложе (без ножек), покрытом ковром, восседает мужчина в мягких облегающих одеждах, держащий в левой руке чашу, а в правой какой-то продолговатый предмет. Голова его украшена диадемой. Мужчина опирается на стопку тонких плоских подушек. Против него сидит женщина с непокрытой головой с каким-то предметом (похожим на шишку) в левой руке, пальцы правой руки сложены в ритуальном жесте.

Помимо музыкантов, изображенных здесь, необходимо отметить слугу, стоящего позади мужчины, как и на мервской вазе со скрещенными на груди руками и повязкой на лице. Рядом с ложем стоит поставец, внутри которого видны два кувшина, очень близко напоминающие кувшин, нарисованный на мервской вазе. Возле ложа лежит повязка. Сходство со сценой пира на мервской вазе во многих деталях поразительное.

Кроме этой чаши можно отметить еще целый ряд произведений торевтики, в которых также встречается сцена пира царственной четы. К их числу, например, относятся чаша из собрания музея в Балтиморе [34], которую Р. Гиршман считает послесасанидской копией вазы V в. н. э., или ваза из собрания Британского музея, к сожалению, плохо сохранившаяся [35], которую можно датировать VI — VII вв. н. э.[36].

Изображения на этих вазах нужно отличать от изображений пира, в которых участвует один царь [37]. Первую из них Р. Гиршман связывает с эфталитскими влияниями [38], а вторую не решается твердо датировать, хоть и допускает, что эта ваза может быть сделанной в сельджукидское или буидское время копией более ранней вещи [39].

На основании всех этих сравнений мы можем трактовать сцену на мервской вазе как изображение пира царственной четы, весьма популярное как в сасанидском искусстве, так и в искусстве Средней Азии этого же времени. Пир происходит на открытом воздухе, что символизируется схематическими изображениями цветов, хотя в торевтике для этого обычно используется изображение дерева. Царь и царица сидят на низеньком ложе, перед которым стоит небольшой столик. На нем лежит богато отделанная диадема, возможно, предназначенная для того, чтобы украсить голову царственной супруги. Как обычно изображен и кувшин. В руке мужчины чаша, в которой лежат какие-то плоды, вероятнее всего виноград. Подобные чаши с плодами встречаются довольно часто в сценах пира [40], хотя преобладающим типом является изображение чаш без плодов (видимо, с вином). Второй предмет в руке мужчины остается непонятным. Интересна поза мужчины, особенно положение его ног: правая нога поставлена прямо, а левая лежит под ней. Эта поза в такого рода изображениях по-настоящему канонична. Э. Герцфельд составил целую таблицу изображений на произведениях торевтики, на основании которой видно, что с небольшими изменениями такая поза повторяется везде [41]. Особое внимание привлекает фигура слуги с перекрещенными на гру-

[32] Ghirshman, Notes iraniennes V, стр. 69.

[33] O. M. Dalton, The Treasure of the Oxus with Other Exemples of Early Oriental Metal-Work, 1964, стр. 67.

[34] Ghirshman, Notes iraniennes V, стр. 63, рис. 14.

[35] Я. И. Смирнов, Восточное серебро..., табл. XVI, № 39; Dalton, The Treasure..., табл. 208, стр. 62 сл.

[36] Dalton, The Treasure..., стр. 63.

[37] Я. И. Смирнов, Восточное серебро, табл. XXV, № 64; ср. И. А. Орбели, К. В. Тревер, Сасанидский металл, М.— Л., 1935, № 16, 18.

[38] Ghirshman, Notes iraniennes V, стр. 60.

[39] Там же, стр. 62.

[40] См. А. П. Смирнов, Новая находка восточного серебра в Приуралье, М., 1957, табл. I. Ника-Хванинда на рельефе в Так-и Бустане изображена держащей подобную же вазу с плодами. Арнольд (Survivals..., стр. 11) считает, что здесь изображена чаша, полная жемчуга, но если посмотреть кувшин из Британского музея (см. Dalton, ук. соч., табл. XXXIX, № 209; Я. И. Смирнов, Восточное серебро, табл. VII, № 86), где изображены амуры в винограднике, станет ясно, что так изображался только виноград.

[41] Herzfeld, Die Malerein von Samarra, стр. 40, рис. 24.

ди руками и завязанным ртом. Мы уже говорили о подобных фигурах на нескольких произведениях торевтики. Думается, что фигура эта может быть объяснена следующим образом: в сасанидском Иране жрецы надевали на лицо повязку, чтобы своим дыханием не осквернить священный огонь. Это — очень древняя традиция, поскольку о ней сообщает еще Страбон (XV, 3, 15). В парсийских общинах современной Индии этот обычай дожил до настоящего времени [42]. В сасанидское время каждый человек, который находился перед царем, надевал белую ленту на рот, чтобы не осквернить своим дыханием царя, приравнивавшегося, таким образом, к священному огню. Лента носила название padham (авестийск. paitidāna)[43]. Широкое распространение подобных изображений на произведениях искусства, в том числе и на собственно сасанидских, заставляет предполагать, что подобную практику унаследовали от сасанидского двора многие мелкие зависимые и даже независимые правители, в том числе, видимо, и правитель Мерва. В таком случае можно думать, что и во время создания вазы мервский правитель пользовался некоторыми прерогативами самостоятельного владыки, хотя при современном уровне изученности проблемы отдельные цари Мерва, зависимые от Сасанидов, засвидетельствованы только для III в. н. э.[44].

Таким образом, налицо очень большая близость сцены пира на мервской вазе к произведениям среднеазиатского и сасанидского искусства, особенно к произведениям среднеазиатского круга.

Это сходство не должно заслонять от нас те имеющиеся различия, которые необходимо отметить. Мы уже отмечали отличие росписи мервской вазы от живописи Пенджикента, где пируют одни мужчины. Можно отметить и различия с живописью Балалык-депе. Наиболее бросается в глаза различие этнического типа изображенных лиц. Мягкие, очень округлые безусые и безбородые лица персонажей из Балалык-депе не похожи на изображения мервского правителя с его большим и крутым носом и обильной растительностью. Далее, и в Пенджикенте, и в Балалык-депе для мужского костюма характерен кафтан, чаще двубортный, иногда однобортный. Подобный костюм широко распространен как в Средней Азии, Афганистане, так и в Восточном Туркестане. На мервской же вазе мы видим мягкую длинную до колен рубаху с центральной полосой иного цвета, мягкие длинные шаровары и облегающий плечи плащ. Подобный костюм резко уводит нас в сторону от привычных сопоставлений. Костюм такого типа был обычным в парфянское время. Достаточно вспомнить росписи в Дура-Европос: в сценах пиршеств мужчины возлежат точно в таких же позах, как и мервский правитель, в левой руке — чаша, но особенно близки их костюмы, состоящие из таких же пышных длинных рубах с полосой по центру и шаровар. У некоторых плащи, головы некоторых участников сцены украшены повязками. Как и на мервской вазе — слуга в платье того же покроя, но более скромном, без центральной полосы [45]. Точно такая же одежда на охотящемся Митре в росписях митреума в Дура-Европос, где совпадение в костюме еще более разительно (не только рубаха с центральной полосой, шаровары, туфли, но и плащ). Близкая одежда может быть отмечена и в скульптуре Хатры. Там лишь изредка нет центральной полосы на рубахе, а иногда она очень широка и очень роскошно отделана [46]. В более восточных районах Парфянского государства подобный костюм зафиксирован в рельефах II — III вв. н. э. из Танг-и Сарвака, где изображен ряд сцен из жизни местного правителя, зависимого от Аршакидов. Наиболее близка сцена, где царь изображен возлежащим на невысоком ложе в традиционной позе (с поднятым коленом правой ноги и вытянутой левой), опираясь локтем на

---

[42] R. C. Zaehner, The Dawn and Twilight of Zoroastrianism, N. Y., 1961, стр. 169. и рис. 42.

[43] A. Christensen, L'Iran sous les Sassanides, Copenhague, 1944, стр. 401 сл.

[44] См. В. Г. Луконин, Иран в эпоху первых Сасанидов, Л., 1961, стр. 22.

[45] M. I. Rostovtzeff, Dura and the Problem of Parthian Art, JCS, V, 1935, рис. 72—73; Rostovtzeff, Dura-Europos..., табл. XVII. Выполнены эти росписи в 194 г. н. э. (стр. 94).

[46] D. Homès-Fredericq, Hatra et ses sculptures parthes, Istanbul, 1963.

стопку подушек, с чашей в левой руке, в типичном парфянском костюме[47]. Так же одет царь и на другом рельефе, где он изображен стоящим. Здесь появляется и окутывающий плечи плащ [48].

Этот же костюм можно видеть и в росписях Кух-и Ходжа, где наиболее близкие параллели в сценах эрота на леопарде и эрота на коне и у одного из персонажей в сцене «трех божеств» [49]. В послепарфянское время этот костюм в иранском мире постепенно исчезает [50], но в отдельных областях, сохранявших некоторые традиции Парфии, он живет еще какое-то время. Так, подобные костюмы мы можем видеть в мозаиках Эдессы (позднепарфянского и послепарфянского времени) [51]. Сохраняется он и в некоторых других близких Парфии областях. Так, в росписях Бактрии IV — V вв. н. э. мы встречаем иногда изображения людей и божеств в подобных одеяниях [52].

То же самое можно сказать и о диадеме, украшающей голову мервского правителя. В отличие от огромных сасанидских корон она скорее напоминает парфянские диадемы, столь обычные для Аршакидов, что засвидетельствовано обильным нумизматическим материалом.

Не столь показательные, но все же довольно определенные более древние черты по сравнению с живописью Балалык-депе заметны и в женском костюме. Подобный костюм также восходит к парфянскому. Лучше всего это видно на мозаиках из Эдессы и в некоторых сюжетах росписей Кух-и Ходжа, где точно так же женский костюм состоит из длинного платья, поверх которого надето еще одно, причем оно закрывает только часть груди, идя от левого плеча к правой подмышке, и оставляя открытыми оба рукава нижнего платья. Подобные платья резко отличаются от женских костюмов в росписях Средней Азии и Восточного Туркестана.

Таким образом, эта основная сцена росписей мервской вазы указывает на ее своеобразие в кругу памятников среднеазиатской живописи, будучи тесно связана с ними как сюжетно, так и многими стилевыми особенностями, она в то же время имеет целый ряд черт, указывающих на ее большую близость к кругу сасанидского искусства. Это, видимо, объясняется тем, что в отличие от Бактрии и Согдианы Мерв на протяжении всего времени существования государства Сасанидов входил в его состав, будучи крайним форпостом этого государства на Востоке. Кроме того, в росписях этой сцены явно проглядывают еще более древние восходящие к искусству Аршакидской Парфии черты, которые позволяют предполагать, что и в быту правящей верхушки Мерва парфянские традиции во время создания вазы еще продолжали существовать.

Остальные сцены вазы могут только подкрепить этот вывод.

Изображение охоты в восточном искусстве чрезвычайно популярно, начиная со знаменитых ассирийских рельефов. Для времени, исторически близкого созданию вазы, параллели многочисленны, но наиболее близкие можно найти в так называемом «восточном металле». Произведений торевтики с изображением сцены охоты известно много. Здесь мы упомянем только те, в которых охотник—всадник и поражает зверей, стреляя из лука. Это серебряные чаши с изображением Шапура II, охотящегося на горных баранов [53] и на львов [54], чаша, на которой представлен Шапур III, охотящийся на вепрей [55], блюдо с изображением Хосрова I Ануширвана среди военачальников,

---

[47] W. B. Henning, The Monuments and Inscriptions of Tang-i-Sarvak, «Asia Major», vol. II, p. 2., L., 1952, табл. II.

[48] Там же, табл. IX.

[49] E. Herzfeld, Iran in the Ancient East, L.— N. Y., 1941, табл. 101 и 104.

[50] Об одеждах шахов и вельмож в раннесасанидском Иране см. А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, Сасанидские геммы, Л., 1963, стр. 14—15.

[51] J. B. Segal, New Mosaics from Edessa, «Archaeology», vol. 12, № 3, 1959, стр. 151—157; I. Leroy, Nouvelles decouvertes archéologiques relatives à Edesse, «Syria», 38, fasc. 1—2, 1961, стр. 159—169.

[52] Изображение лунарного божества в Бамиане см. J. Hackin, L'oeuvre de la Delegation archéologiques française en Afghanistan (1922—1932), I, Tokyo, 1933, рис. 39.

[53] Орбели, Тревер, Сасанидский металл, табл. 5.

[54] Там же, табл. 6.

[55] Там же, табл. 9.

нижний регистр этого блюда занят сценой охоты сына Хосрова Ормизда на горных баранов [56]. Это число может быть значительно умножено [57]. Однако при несомненной общей близости изображений этого круга и сцены охоты на мервской вазе сразу же бросаются в глаза и различия. Всадник на вазе не является ни сасанидским шахом, ни царевичем. Он лишен тех необходимых атрибутов, которые обязательно присутствуют на подобных изображениях (высокая корона, ачезак, шаровары с пышными складками и т. д.), и одет гораздо более скромно: на нем кафтан, причем один рукав сброшен (видимо, для удобства стрельбы) — вещь уникальная в подобного рода изображениях. Некоторые аналогии такому способу ношения одежды можно найти, кажется, только в некоторых сюжетах росписей Кух-и Ходжа [58] и в сцене оплакивания в росписях Пенджикента, где внизу, по-видимому, изображены мужчины, наполовину сбросившие кафтаны, под которыми видно голое тело [59]. Кроме того, необходимо отметить, что конь изображен не скачущим, как это обычно бывает на сасанидских сосудах, а медленно идущим. Убор коня не очень пышен. Все это также заставляет нас думать, что изображен здесь местный мервский правитель, достоинство которого отмечено сравнительно скромной короной [60], а не представитель сасанидской фамилии. В этой связи уместно вспомнить об одном из произведений восточного серебра, которое Н. Забелина и Л. Ремпель считают изображением знатного согдийца на охоте и датируют V — VII вв. н. э.[61]. Но при несомненном его сходстве с мервской вазой определенные различия (помимо позы всадника) следует отметить и здесь. Главное из них то, что всадник на согдийском блюде сидит в седле, имеющем стремена, что сразу же заставляет считать мервскую вазу произведением более ранним.

Таким образом, изображение всадника на мервской вазе, так же как и первая сцена — сцена пиршества, показывает своеобразие данного памятника. В нем имеются черты, которые можно считать общими как для сасанидского, так и для среднеазиатского искусства этого времени: это и сама сцена охоты, и употребление сложного лука [62], и способ стрельбы [63], и двойной пояс у всадника. В то же время некоторые черты указывают на близость этой вазы только с кругом среднеазиатского искусства — изображение охоты не сасанидского царя или наследника престола, а местного правителя. Эта некоторая двойственность, заметная и в первой сцене, объясняется, видимо, тем, что Мерв, в отличие от других, более восточных районов Средней Азии, на протяжении всего сасанидского времени входил в состав Сасанидского государства, и эта двойственность — отражение двойственности искусства самого Мерва, который был местом контактов официального искусства Сасанидов и искусства независимых от Ирана областей Средней Азии, хотя и близкого сасанидскому, но все же далеко не идентичного ему.

Третья сцена — сцена оплакивания — находит себе параллели в живописи Пенджикента и некоторых сюжетах росписей оссуариев, найденных в Ток-кале. Пенджи-

[56] Там же, табл. 13.

[57] Там же, табл. 14—15.

[58] См. сцену с изображением «трех божеств» (Herzfeld, Iran..., табл. 104).

[59] Живопись древнего Пянджикента, М., 1954, табл. 19, 20, 22.

[60] Подобную, но не идентичную корону можно наблюдать у одного из персонажей в росписях Турфана. См. С. Ф. Ольденбург, Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 года, СПб., 1914, табл. LII.

[61] Я. И. Смирнов, Восточное серебро, табл. XXXVIII, № 61; Орбели, Тревер, Сасанидский металл, табл. 3; Н. Забелина, Л. Ремпель, Согдийский всадник, Ташкент, 1948, стр. 5—8.

[62] О сложных луках этого времени см. А. М. Хазанов, Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху, сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана» (в печати). По мнению А. М. Хазанова, лук, изображенный на вазе, самые близкие параллели имеет в терракотах парфянского времени из Месопотамии.

[63] Прокопий Кесарийский (Bell, Pers., I, 1, 12), говоря о всадниках этого времени (V в. н. э.), отмечает, «что тетиву они протягивают до самого уха, отчего она придает стреле такую силу, что стрела всегда убивает того, в кого она попадает». Он называет это «новым изобретением» (13). Именно так натягивает всадник тетиву лука и на мервской вазе.

кентская сцена, как бы она ни трактовалась[64], безусловно представляет собой изображение оплакивания какого-то мифологического героя, чем и определяется ее монументальность, обилие персонажей, участие каких-то сверхъестественных существ. Поэтому ее сходство с нашей сценой ограничивается в основном только ядром сюжета, хотя надо отметить, что поражает близость в композиционном решении этого ядра сцены: рядом с телом сидят два человека, обращенные лицами к голове умершего, а в головах его находится третья фигура с лицом, повернутым в противоположную сторону. Не исключено, что совпадение и случайно, но вполне возможно, что оно отражает какие-то не ясные для нас общие черты погребального ритуала. Известной близостью обладают и росписи оссуариев с Ток-калы с изображением сцены оплакивания [65].

Правда, эти оссуарии более поздние (VII — начало VIII в. н. э.) и происходят из периферийной области Хорезма, что определяет и их более низкое качество, и бо́льшую схематичность, условность изображений по сравнению с росписью вазы из Мерва и особенно пенджикентской живописью. Привлекает внимание непонятный предмет, изображенный ниже ложа покойного, который А. В. Гудкова определяет как сильно схематизированное (до утраты реального облика) изображение жертвенника или курильницы. В сущности он довольно близок тому предмету, который изображен ниже ложа на мервской вазе. В обоих случаях основные черты предметов совпадают — широкая ножка, затем сужение, резкое расширение кверху, два лепесткообразных отростка и шишечка наверху. Может быть, мнение А. В. Гудковой и справедливо.

Но если мы отмечаем сходство сцены оплакивания с росписями Пенджикента и особенно с росписями оссуариев Ток-калы, мы должны признать, что все эти росписи исполняли люди, для которых близким, знакомым и понятным был оссуарный, т. е. маздеистский обряд захоронения [66]. Кроме того, наличие этой сцены на вазе позволяет еще раз подчеркнуть ту мысль, что мервская ваза имеет самые органические связи с остальными памятниками среднеазиатской живописи, связи, которые выступают в данной сцене более ярко, чем в двух предыдущих.

Это тем более показательно, что оплакивание категорически запрещалось в ортодоксальном зороастризме [67] и было распространено в Средней Азии. В самой области Мерва мы также находим эту практику еще в парфянское время [68].

Наконец, для последней сцены (погребения) мы можем указать только одну аналогию — иллюстрации в поздних парсийских религиозных сочинениях, где также изображена погребальная процессия [69]. Как и там, четное число носильщиков несет носилки с трупом. Хотя имеются и некоторые отличия, в частности, в рукописях изображается целиком вся погребальная процессия со знаменами, жрецом, конем умершего, а на мервской вазе только основное ядро сцены — четыре человека, поддерживающие носилки, однако общая близость не вызывает сомнения. Отсутствие остальных персонажей, которые должны участвовать в траурной процессии, может быть объяснено недостатком места для них на вазе.

Таким образом, подводя итоги, мы должны будем отметить, что мервская ваза органически входит в круг среднеазиатской живописи. Вместе с тем в ней имеются чер-

---

[64] См., например, А. М. Беленицкий, Вопросы идеологии и культов Согда, сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954; Н. В. Дьяконова, О. И. Смирнова, К вопросу об истолковании Пянджикентской росписи, «Исследования по истории культуры народов Востока», сб. в честь акад. И. А. Орбели, М.— Л., 1960.

[65] А. В. Гудкова, Некрополь городища Ток-кала, СЭ, 1963, № 6, стр. 63 сл., рис. № 4—5.

[66] См. Гудкова, Некрополь.., стр. 65 (полемика с А. М. Беленицким, связывавшим пенджикентские росписи с манихейством).

[67] См. сводку сообщений по этому вопросу в статье Б. Я. Ставиский, О. Т. Большаков, Е. А. Мончадская, Пянджикентский некрополь, «Труды Таджикск. археол. эксп.», т. II (МИА, 37), М.— Л., 1953, стр. 91 сл.

[68] См. Г. Кошеленко, О. Оразов, О погребальном культе в Маргиане парфянского времени, ВДИ, 1965, № 4, стр. 42—56.

[69] См. К. А. Иностранцев, Парсийский погребальный обряд в иллюстрациях гузератской версии книги об Арта-вираф, «Изв. АН», 1911, VI серия, № 7.

ты, указывающие и на ее большую близость к официальному сасанидскому искусству. Хронологически эта ваза занимает место в самом начале искусства феодального периода Средней Азии. В живописи Средней Азии античную эпоху завершают росписи Топрак-калы (Хорезм)[70], в которых действительно еще очень сильно видны эллинистические традиции, наблюдаемые как в области сюжета, так и в чисто технической области. Ярким образцом раннефеодального искусства Средней Азии являются росписи Пенджикента, где античных черт почти уже совершенно нет [71], чуть больше их в живописи Балалык-депе, хронологически предшествующей пенджикентской. Теперь же с открытием вазы из Мерва появляется новое связующее звено между живописью Топрак-калы (III в.) и живописью Балалык-депе (V — начало VI в. н. э.). Поскольку мы уже писали, что стратиграфические наблюдения не позволяют датировать перестройку ступы временем более поздним, чем V — VI вв. н. э., естественнее всего предположить, что ваза была выполнена несколько раньше, чем была заложена в основание здания при его перестройках. Поэтому мы склонны датировать вазу IV — V вв. н. э., что подтверждается большей ролью античных (в данном случае парфянских) элементов в ней по сравнению с росписями Балалык-депе. Помимо реалий, подтверждающих это предположение, необходимо отметить, что пережиточно сохраняется стремление передать игру светотени, локальную окраску отдельных частей лица, что совершенно уже отсутствует в Балалык-депе. Конечно, и здесь уже господствует контурность, схематизм, значительная доля условности, каноничность изображаемых сцен, но все же пережитков живой реалистической живописи эллинизма здесь больше, чем в непосредственно следующей по времени за мервской вазой живописью Балалык-депе.

Можно предполагать, что сюжетное сходство росписей вазы с монументальной живописью позволяет предполагать наличие и в самом Мерве монументальной живописи, к сожалению, еще не обнаруженной.

Естественно спросить, почему ваза, вся роспись которой выдержана в местных традициях, содержание которой никак не связано с буддизмом, оказалась хранилищем буддийских рукописей? Все четыре сцены представляют, в сущности, один последовательный рассказ из четырех сюжетов: пир, охота, оплакивание и погребение правителя Мерва. Никаких черт, хотя бы отдаленно напоминающих популярные эпизоды из жизни Гаутамы-будды или эпизоды из Джатак, найти здесь нельзя. Вся роспись выдержана в духе среднеазиатского искусства.

Мы можем предложить лишь одно объяснение. Как известно, ступа рассматривалась как сооружение религиозно-коммеморативного характера. Согласно буддийским религиозным сочинениям в основания первых ступ закладывались останки Будды В дальнейшем останки эти заменялись священными предметами или рукописями.

Подобное назначение вазы как сосуда, в котором сохранились священные рукописи, бывшие заменителем останков Будды, возможно, и определило выбор сосуда. Местными буддистами, видимо, недавно обращенными из маздеизма в новую религию, был взят сосуд того типа, который весьма часто использовался в качестве оссуария — хранилища костей умерших маздеистов, но наиболее роскошный, поскольку в нем должны были храниться вещи, заменявшие останки Будды. Мы думаем, что это предположение может объяснить этот странный на первый взгляд факт. Таким образом, недостаточная твердость местных буддистов в соблюдении правил веры и стремление буддийского клира приобрести новых адептов, невзирая на их некоторую приверженность старым обычаям, могут, по нашему мнению, объяснить появление этой вазы в основании перестроенной ступы.

В таком случае мервская ваза представляет интерес еще в одном отношении. Как известно, на территории совр. Афганистана обнаружены остатки памятников искус-

---

[70] С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.— Л., 1948, стр. 176 сл.

[71] Об основных чертах раннефеодального искусства Средней Азии см. М. М. Дьяконов, Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, сб. «Живопись древнего Пянджикента».

ства, в которых самым любопытным образом сочетаются черты, пришедшие из буддийского искусства и официального искусства сасанидского Ирана (фрески Бамиана и Духтари-Ноширвана). Это искусство Р. Груссэ называл сасанидо-буддийским [72].

Возникновение этого искусства объясняется длительным сосуществованием сасанидской государственной власти и буддийской религии в этом районе. Нечто подобное, правда, только в самой зачаточной форме, мы, видимо, можем наблюдать в Мерве. Здесь произведение искусства, выдержанное целиком в местных традициях, приспосабливается для буддийских культовых нужд, что представляет собой первый шаг на пути создания подобного синкретического искусства. Было ли какое-либо дальнейшее развитие на этом пути или быстрое падение буддизма в Мерве не позволило ему развиться — покажут дальнейшие раскопки.

Г. А. Кошеленко

[72] R. Grousset, L'Iran Exterieure: son art, P., 1932, стр. 9.

СТЕКЛЯННЫЙ КУБОК С НАДПИСЬЮ ИЗ-ПОД ОДЕССЫ

Стеклянные массивные литые кубки конической формы, украшенные шлифованными плоскостями, принадлежат к продукции мастерских позднеримского времени. Хотя сосуды подобного рода, представленные несколькими разновидностями в СССР, практически стали известны в послевоенные годы, мы вправе говорить об их широком распространении в областях, занятых черняховской культурой. В настоящее время они засвидетельствованы в следующих пунктах: в Кисёлове под Одессой [1], в Малаештах [2] и Попенках [3] в Молдавии, у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре [4], в Журавке Ольшанской в Среднем Поднепровье [5], в Деревянном под Киевом [6], и в Червоном Яру под Конотопом [7]. К приведенному списку мы добавляем два кубка из Ранжевого под Одессой, одному из которых посвящена настоящая заметка. Неучтенными на карте (рис. 1) остаются фрагменты сосудов, украшенных шлифованными плоскостями, форма которых неопределима и может быть иной — полусферической или полуовальной. Примеры тому дают находки хотя бы с поселения Куг на Нижнем Днепре, где был найден маленький обломок края стеклянного кубка [8], или материалы из

[1] К. А. Раевский, Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра — Днестра в I тысячелетии н. э., СА, XXIII, 1955, стр. 268—269. В публикации неверно указано, что кубок был украшен «спиральными нитями». Сосуд хранится в фондах ОГАМ.

[2] Г. Б. Федоров, Малаештский могильник, МИА, № 82, 1960, стр. 261, 287, рис. 11; он же, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., МИА, № 89, 1960, стр. 154, табл. 49, *1*.

[3] М. А. Тиханова, Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции, КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 94—97, рис. 35.

[4] Э. А. Симонович, Памятники черняховской культуры степного Поднепровья, СА, XXIV, 1955, стр. 296, 303, рис. 11,*5*; он же, Стеклянная посуда середины I тысячелетия н. э. с Нижнего Днепра, КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 23—25, рис. 4,*8*, 5,*1*.

[5] Э. А. Симонович, Стеклянные кубки из Журавки, КСИА, вып. 102, 1964, стр. 9—10, рис. 2.

[6] Э. А. Симонович, Работы на черняховских памятниках в Приднепровье, КСИА, вып. 94, 1963, стр. 84—85, рис. 25,*4*.

[7] Э. А. Симонович, Северная граница памятников черняховской культуры, МИА, № 116, 1964, стр. 13, 29, рис. 4, *3*.

[8] Симонович, Стеклянная посуда..., стр. 23, 25, рис. 4, *3*.

Керчи, которые вряд ли можно отнести к описываемому типу сосудов [9]. Обособленное рассмотрение конических кубков как литых, покрытых шлифовкой, так и выдутых [10], представляется нам вполне закономерным, во-первых, исходя из времени их изготовления, поскольку они принадлежат к формам наиболее позднего стекла на юге СССР, в эпоху переселения народов (их можно датировать второй половиной IV в., может быть, даже V в.); во-вторых, потому, что, как правило, остальные распространенные в областях черняховской культуры типы кубков—полусферические, полуовальные и переходных форм, типа приземистых чаш с цилиндрической верхней частью—вызвали подражания в глине, а конические кубки нет. Последнее обстоятельство, если учесть сравнительно широкий территориальный диапазон распространения конических кубков, трудно поддается объяснению. Ведь в общем почти для всех остальных форм стеклянных кубков имеются несомненные воспроизведения в глине. Прежде всего следует отметить совпадение полусферических и полуовальных стеклянных сосудов с основными формами глиняных кубков, распространенных во всех областях черняховской культуры от Днепра до Днестра. Не раз были встречены прямые совпадения и в орнаментации. Так, сосуд из Никольского в Надпорожье был, по-видимому, сплошь покрыт округлыми лощеными плоскостями, воспроизводящими шлифованные плоскости на стеклянных сосудах [11]. Нечто подобное представляют собой и вдавления на тулове глиняного кубка из Ново-Александровки также из Надпорожья [12]. Прослежены попытки воспроизвести в глине стеклянную посуду с вертикальными ребрами [13] и даже своеобразную посуду с вертикальными вдавлениями, как на глиняных сосудах из Романова Села и Рипнева II в западных областях Украины [14].

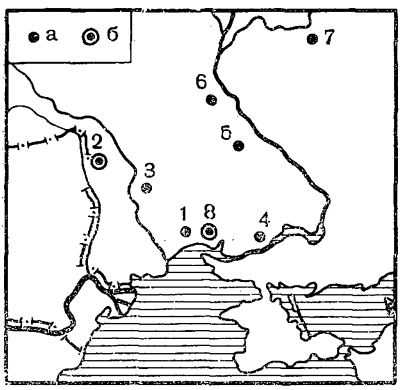


Рис. 1. Схема расположения находок стеклянных литых кубков конической формы на территории СССР. Условные обозначения: а — разные варианты кубков без надписей; б — кубки с греческими надписями: 1 — Кисёлово; 2 — Малаешты; 3 — Попенки; 4 — Гавриловка (овчарня совхоза Приднепровского); 5 — Журавка; 6 — Деревянное; 7 — Червоный Яр; 8 — Ранжевое

Новая находка литого конической формы кубка с надписью из с. Ранжевого Коминтерновского р-на Одесской обл. является первой находкой подобного рода для УССР [15] и второй — для всей зоны распространения черняховских памятников (после находки в Малаештском могильнике). Кубок этот происходит из сравнительно богатого погребения могильника черняховского типа, открытого одним из первых в Северном

---

[9] Н. П. Сорокина, Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1959 гг., МИА, № 103, 1962, стр. 227—232, рис. 13, *6*; 16,*5*.

[10] Впервые тип подобных сосудов стал известен в лесостепи на Украине, в Подолии, после раскопок С. С. Гамченко в Даниловой Балке (см. Э. А. Сымонович Погребения V — VI вв. н. э. у с. Данилова Балка, КСИИМК, вып. XLVIII, 1952 стр. 67—68, рис. 20, *1*.

[11] Э. А. Сымонович, Орнаментация черняховской керамики, МИА, № 116, стр. 302, рис. 19. *3*.

[12] А. Т. Брайчевская, Черняховские памятники Надпорожья, МИА, № 82, стр. 171, 188, табл. III, *1*.

[13] Сымонович, Орнаментация..., стр. 289, рис. 9, *7*, *8*; стр. 291, рис. 10, *6*, *8*.

[14] М. Смішко, Доба полів поховань в західних областях УРСР, «Археологія», II, 1948, стр. 121, табл. III, *3*; В. Д. Баран, Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга, МИА, № 116, стр. 224, рис. 8, 7.

[15] Мы не учитываем другого типа сосудов для жидкостей с обрывками надписей из античных городов (см., например, МИА, № 103, стр. 230—231, рис. 14, 15).

Причерноморье [16]. Единственный сосуд стоял возле черепа скелета, лежавшего в обширной яме головой на запад. Особенности обряда погребения и сопроводительный материал (две серебряные щитковые фибулы, поясная пряжка и остатки обкладки шкатулки, наполненной раковинами) (рис. 2) не позволяют датировать погребение ранее второй половины IV в. н. э. Другие находки на могильнике и относящемся к нему поселении подкрепляют заключение о не раннем характере этого памятника, много аналогий которому дали раскопки в Кисёлове под Одессой [17].

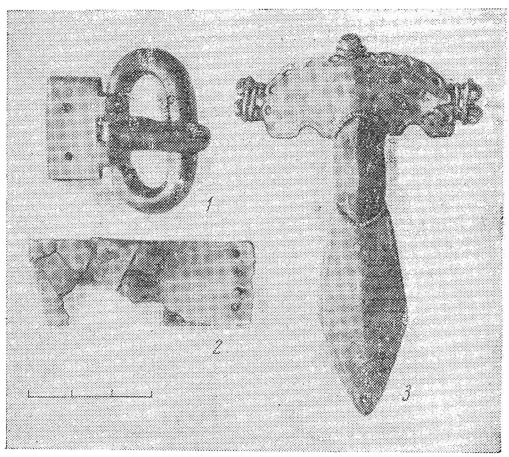


Рис. 2. Сопроводительный материал погребения из с. Ранжевого: *1* — поясная пряжка; *2* — остатки обкладки шкатулки; *3* — фибула

Кубок правильной конической формы, высота его — 15,7 см, диаметр края — 11,5 см. Край сосуда угловатый, со сглаженными гранями, толщиной в 0,4 см. Сразу под краем проходит нерезкий желобок, под ним полоса с надписью шириной 1,6—1,7 см. Буквы врезаны в поверхность кубка, но имеют нерезкий в сечении, профиль линий, ширина которых 1,5—2,0 мм. Под надписью на расстоянии 0,5 см прочерчена тонкая горизонтальная линия. Под ней проходит ряд не вплотную примыкающих друг к другу овалов, опоясывающих сосуд. Ниже поверхность сплошь покрывают три ряда ромбоидальных шлифованных плоскостей, размещенных впритык друг к другу в шахматном порядке. Ими занята большая часть тулова. Внизу, при переходе к выделенному уступом и углубленной линией дну, нанесен еще один ряд горизонтальных шлифованных овалов, смыкающихся вершинами. Массивная донная часть имеет вид кольцевого выступа, с двумя желобками по бокам, сверху и снизу. Дно, чуть вогнутое, диаметром в 3 см, позволяет поставить кубок вертикально, не переворачивая его. Емкость сосуда 0,6 л. Надпись, по-видимому, была сделана во время нанесения орнамента, после отливки сосуда, так как сигма украшена в середине шлифованными овалами, подобными тем, ряд которых нанесен под надписью (рис. 3).

Надпись начинается с разделительного знака с «елочными» врезами и состоит из 16 букв, имеющих геометрические очертания. Надпись греческая ΠΙЄ ZHCAIC ΠΑΝΟΙΚΙ, т. е. πίε ζήσαις πανοικί. Предлагаемый перевод: «Пей, да поживай со всем домом» (со всем семейством) (рис. 4)[18].

Точных прототипов этой надписи на стекле нам найти не удалось ни в наиболее исчерпывающей сводке А. Киза [19], ни в новых публикациях [20], хотя в принципе два первых слова пожелания — явление довольно обычное [21]. В этой связи представляет-

---

[16] Два могильника культуры полей погребений черняховского типа в Северном Причерноморье были обнаружены в 1962 г. возле с. Викторовка Очаковского р-на Николаевской обл. и с. Ранжевого во время разведок под нашим руководством Тилигульской экспедицией ИА АН СССР и ОГАМ.

[17] Раевский, ук. соч., стр. 250—276.

[18] В прочтении и переводе надписи приняли участие Т. В. Блаватская, Б. Н. Граков и К. К. Зельин, которым я приношу глубокую благодарность.

[19] A. Kisa, Das Glas im Altertume, III, Lpz, 1908, стр. 907 сл., 960, рис. 380.

[20] Сорокина, ук. соч., стр. 230—231; O. Doppelfeld, Das neuekölner Diatretglas, «Germania», т. 38 (1926), 3—4, стр. 406.

[21] В СССР найдено несколько стеклянных сосудов других форм с надписями-пожеланиями, начинающимися со слов ΠΙΕ ZHCAIC, но тоже без ΠΑΝΟΙΚΙ. Один сосуд типа патеры или фиалы был найден в Керчи (Д. В. Айналов, Три древнехри-

ся интересным рассмотреть первую надпись на кубке из Малаешт в Молдавии. Этот сосуд неоднократно публиковался автором раскопок Малаештского могильника Г. Б. Федоровым. Надпись на кубке в одном приведенном варианте — ZHCAC AЄI θHIЄ [22], в другом — ZHCAIC AЄI θHIЄ [23] и предлагаемый перевод: «Живи вечно, прекрасный» [24]. На прорисовке [25] отчетливо виден разделительный знак с «елочными» врезами, напоминающими знак в начале надписи из Ранжевого, затем идет сама надпись, первые два слова которой следует, по нашему мнению, понимать так же, как на сосуде из-под Одессы, т. е. ПIЄ ZHCAIC... От последней ее отличает только третье слово AЄI. Таким образом, не надо быть палеографом, чтобы убедиться в ошибочности чтения и перевода Г. Б. Федоровым греческой надписи на малаештском кубке и, с другой

Рис. 4. Прорисовки и транскрипции греческих надписей на кубках из с. Ранжевого (*1*) и из с. Малаешты (*2*)

стороны, в большом сходстве текстов обоих пожеланий. Совпадает даже размер букв — высота их 1,6 см на кубке из Малаешт и 1,6—1,7 см из Ранжевого. По-видимому, не исключена возможность изготовления этих сосудов в одной мастерской, несмотря на некоторые типологические различия сосудов.

Те же первые два слова пожелания ПIЄ ZHCAIC, что и на сосудах из Молдавии и из-под Одессы, мы видим на кубке из Ворнинга у Выборга [26]. По форме этот сосуд больше напоминает малаештский.

Аналогичные литые кубки конической формы с шлифованным узором известны также за пределами СССР [27]. Для галло-рейнских мастерских подобные литые конические сосуды не характерны, хотя оттуда происходят многочисленные и разнообразные кубки со шлифованными фасетками. Имеются там и сосуды с надписями, близкими текстам пожеланий на наших кубках, например, на сосуде из Мелатена возле Кельна ПIЄ ZHCAIC AЄI ᛉ ЄN AГAθOIC [28]. Несмотря на такие элементы сходства,

---

стианских сосуда из Керчи, ЗРАО, т. V, новая серия, 1891, стр. 213). Благодаря сообщению Б. Н. Гракова мне стало известно о подобной надписи на сосуде из старых раскопок в Херсонесе (по архивным данным). «Пей да живи» написано по-гречески на стеклянной чаше из Самтаврского могильника в Грузии (Н. Н. Угрелидзе, Стеклянный сосуд из Самтавро с изображением павлина, «Мамомхилвели», II, Тбилиси, 1951, стр. 301—314, на груз. яз. с русск. резюме).

[22] Федоров, Малаештский могильник, стр. 261.

[23] Федоров, Население..., стр. 154—155. Второе написание надо признать предпочтительным, поскольку на приведенной фотографии кубка (стр. 355, табл. 49, *1*) видна часть надписи с буквой I в слове ZHCAIC.

[24] Там же, стр. 154.

[25] Пропись с согласия Г. Б. Федорова была мне любезно прислана из Кишинева Э. А. Рикманом. См. Э. А. Рикман, Памятники древнего искусства Молдавии, Кишенев, 1961, рис. 19.

[26] Kisa, ук. соч., стр. 908.

[27] О зонах их распространения см. у А. Киза, Г. Экхольма и Г. Эггерса: Kisa, ук. соч., § XI — XIII; G. Ekholm, Orientalische Glasgefässe in Skandinavien, ESA, X, 1936, стр. 61—72; H. J. Eggers, Der römische Import im freien Germanien, Atlas d. Urgeschichte, I, Hamburg, 1951, карта 58.

[28] Там же, стр. 960.

Рис. 3. Вид с четырех сторон стеклянного кубка с надписью из с. Ранжевого под Одессой

г

д

по-видимому, нет оснований предполагать, что эти кубки из прирейнских мастерских. Нет также данных для локализации производства этих сосудов в областях Северного Причерноморья, поскольку все они относятся ко времени, последовавшему за разгромом многих античных центров в 30-х гг. III в. н. э.; нет такого стекла в материалах раскопок, в частности, стеклоделательной мастерской II — III вв. н. э., раскопанной в Крыму [29]; нет подобных сосудов, которые были бы найдены в античных центрах Северного Причерноморья, и в крупнейших музейных собраниях СССР (Эрмитаж, ГМИИ, ГИМ). Тем внимательнее следует отнестись к находкам стеклянных шлаков на черняховских поселениях и в особенности к следам стеклоделия на территории культуры полей погребений на западе Украины, в Комарове [30], хотя и там, судя по публикации предварительного характера, стеклянных сосудов достоверных конических форм найдено не было. Выразительный фрагмент сосуда, покрытый шлифованной орнаментацией, принадлежит кубку полуовальной формы [31]. На основании этих находок, может быть, возможно предположить переселение в области, занятые племенами черняховской культуры и в соседние с ними, отдельных мастеров-стеклоделов, бежавших в начале эпохи переселения народов, в III—IV вв. н. э., и организовавших здесь мастерские по производству стеклянной посуды.

Находки стеклянных сосудов с греческими надписями в могильниках культуры полей погребений черняховского типа заставляют поставить вопрос о том, понимало ли слова пожеланий население, использовавшее кубки? Безоговорочный ответ, конечно, невозможен, но, к примеру, античные амфоры со знаками, буквами и надписями красной краской проникали далеко на север, на правобережье и левобережье Днепра [32]. Далеко на Волыни при раскопках Лепесовского поселения были найдены граффити греческими буквами [33]. О знакомстве местного населения с греческой письменностью можно думать, основываясь не только на этих материалах, но на всем объеме импорта и масштабах торговых связей с греко-римским миром. Особенно показательным, в частности, является число римских денариев, найденных на юге СССР, достигающее многих тысяч и свидетельствующее о тесных сношениях лесостепного и степного населения с античными городами [34]. Интересны также сведения древних авторов о расселении варварских племен в пределах Римской империи и о службе представителей разных племен в войсках Рима. Кроме того, в Северном Причерноморье переселенцы с севера, безусловно, вступили в контакт с населением, знавшим греческий язык и продолжавшим там жить и после разгрома античных центров.

Редкий стеклянный сосуд с надписью из-под Одессы в совокупности с другими сходными с ним кубками представляет интерес во многих аспектах и помогает понять уровень развития местного населения и его взаимосвязи с античной цивилизацией.

Э. А. Сымонович

---

[29] Т. М. Висотська, Про виробництво скла в пізньоантичному Криму, «Археологія», XVI, 1964, стр. 7—20.

[30] М. Ю. Смішко, Поселення III — IV ст. н. э. із слідами скляного виробництва біля с. Комарів, Чернівецької області, МДАПВ, вип. 5, Київ, 1964, стр. 67—80.

[31] Там же, стр. 77, табл. III, *2*.

[32] Э. А. Сымонович, Раскопки поселения Ломоватое-2, КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 24, рис. 9, *5а—б*; он же, Северная граница..., стр. 25—27, рис. 3, *1*.

[33] М. А. Тиханова, Раскопки на поселении III — IV вв. н. э. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг., СА, 1963, № 2, стр. 189—190. Заключение автора о том, что греческие надписи на местных сосудах говорят о приходе гончаров из городов Северного Причерноморья, сделанное им только на основании исключительной находки следов греческих букв, являющихся большой редкостью на местной сероглиняной посуде черняховского типа, представляется нам неоправданным или по крайней мере преждевременным. Широкое развитие местного гончарного производства не могло быть обеспечено только пришлыми мастерами, тем более что гончарное дело освоить гораздо проще, чем стекловарение и стеклоделие.

[34] М. Ю. Брайчевський, Римська монета на території України, Київ, 1959; он же, Біля джерел словянської державности, Київ, 1964; В. В. Кропоткин, Клады римских монет, САИ, вып. Г 4—4, М., 1961.

К ВОПРОСУ О ТРЕХ ФАЗАХ В РАЗВИТИИ ЕГИПЕТСКИХ ПАТРОЦИНИЕВ

К числу наиболее ценных документальных источников академик В. В. Струве относил — наряду с клинописными таблицами — папирусы греко-римского Египта [1], изучению которых он посвятил свои первые работы [2] и к которым он вернулся незадолго до смерти [3], а одной из важнейших исторических эпох, подлежащих исследованию, он считал период перехода от рабовладельческого строя к феодальному [4]. Посвящение нижеследующей заметки светлой памяти Василия Васильевича Струве представляется тем более оправданным, что автор имел счастливую возможность обсудить с ним ее содержание. Патроцинии и тесно связанный с ними колонат [5] издавна привлекают интерес исследователей, особенно возросший с появлением столь ценных по своей многочисленности, разнообразию и непосредственности документальных источников, как папирусы. Среди работ, опубликованных в последнее время, выделяется интересная статья венгерского исследователя Д. Диошди [6], содержащая ряд тонких наблюдений и оригинальных выводов. В данной заметке мы остановимся только на одном вопросе, затронутом в его статье, а именно, на предлагаемой им периодизации египетских патроциниев, точнее, на третьей ее фазе.

Д. Диошди предлагает следующую периодизацию развития патроциниев: 1) период зарождения патроциниев, когда патроны оказывали патронируемым защиту от притеснений фиска и чиновников; 2) период окончательного оформления и укрепления патроциниев, когда происходит переход от отдельных случаев оказания помощи к постоянным отношениям зависимости; 3) период, характеризуемый обращением патронируемых за помощью к императору или к другим крупным землевладельцам против собственных патронов. Первый период устанавливается им на основе анализа BGU, I, 23 (II —III вв.), P. Cair. Isidor., 68 (начало IV в.) и архива Авиннея (середина IV в.), второй — анализа P. Ross. Georg., III, 8 (IV в.), а третий — разбора ряда папирусов VI в., о которых будет идти речь ниже.

Сама по себе подобная периодизация не может вызвать возражений, поскольку, логически рассуждая, вполне можно допустить, что патроцинии прошли через фазы зарождения, оформления и расцвета и, наконец, разложения. Необходимо, однако, проверить, насколько логическая схема подтверждается источниками. Надо прямо сказать, что в части, касающейся третьей фазы, папирологические данные, приводимые автором, не позволяют безоговорочно присоединиться к его выводам [7].

В обоснование своего вывода о том, что третья фаза характеризуется обращением за помощью к императору или к другим крупным землевладельцам, Д. Диошди приводит следующие основные [8] доводы. 1) P. Cairo Masp., I, 67002 содержит жалобу жи-

[1] В. В. Струве, Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма, ВИ, 1956, № 9, стр. 191

[2] В. В. Струве, К истории 'Απόμοιρα, ЖМНП, Новая серия, отдел класс. фил., XLVIII (1913), стр. 499—511; он же, Право владения землями пахотной и виноградной в Птолемеевском Египте, там же, LV (1915), стр. 1—64; он же, Развитие храмового иммунитета в Птолемеевском Египте, там же, LXX (1917), стр. 223—255.

[3] В. В. Струве, Общественный строй эллинистического Египта, ВИ, 1962, № 2, стр. 67—95.

[4] Струве, Проблема кризиса..., стр. 186; он же, Предисловие к кн.: И. Ф. Фихман, Египет на рубеже двух эпох, М., 1965.

[5] R. Rémondon, La crise de l'Empire romain de Marc Aurèle à Anastase, P., 1964, стр. 180; ср. Cl. Préaux, Les modalités de l'attache à la glèbe dans l'Égypte grecque et romaine, «Société Jean Bodin. Réunions des 16, 17 et 18 octobre 1936, Bruxelles. Le servage», Bruxelles, 1937, стр. 53 (2-е издание нам недоступно).

[6] G. Diósdi, Zur Frage der Entwicklung des Patrociniums in Ägypten, JJP, XIV, 1962, стр. 57—72. Там же (стр. 57_{2-4}) основная литература вопроса (к сожалению, работы советских ученых учтены не полностью, в частности пропущены работы В. С. Сергеева, М. В. Левченко, А. П. Каждана и др.).

[7] Вызывает возражение и толкование некоторых других источников, относящихся к первой фазе, например, BGU, I, 23, архива Авиннея. О последнем подробнее см. нашу статью «Египетский архив середины IV в. н. э.» (ВВ, XXVII — в печати).

[8] На стр. 67 Д. Диошди указывает еще на ряд фактов, свидетельствующих о феодальном характере развитого патроциния (наличие вуккеляриев, частных тюрем, стрем-

телей деревни Афродито на действия Мины, управляющего имением Апионов, а P. Cairo Masp., I, 67024 сохранил ответ императора, в котором Юстиниан обещает взять деревню под свою защиту[9] (стр. 66—67). 2) В числе поручительств за приписных колонов, содержащих обязательство, что колоны не покинут свои держания, имеются три документа, относящиеся к хозяйству Апионов, в которых прямо указывается, что колоны не будут прибегать к какому бы то ни было патроцинию (προστασία)[11]. Это P. Cairo Masp., III, 67296_{9}[12], 67297_{9-10}[10]; 67334_{11}[8] (все VI в.). То, что это условие встречается три раза, побуждает предполагать, что с такой возможностью приходилось считаться. В это время патроциний из средства защиты от государства превратился в средство защиты от крупных землевладельцев (стр. 68—69). Рассмотрим эти документы.

Мина из P. Cairo Masp., I, 67002 ничего общего не имеет с Миной, столь часто упоминаемым в документах Апионов. В то время как последний является, по всей вероятности, рабом (οἰκέτης), представляющим своего господина при заключении сделок, первый — свободный и выступает в качестве пагарха (I$_6$: τῶ λαμπροτάτῳ σκρινιαρίῳ [κ]αὶ παγάρχῳ). Если он и был управляющим имением, то, как полагает Х. И. Бэлл, основываясь на P. Lond., V, 1660_{7-8}, управляющим имением Патрикии [12]. Но и данное единственное упоминание Мины в этом качестве относится, по-видимому, к 553 году, в то время как P. Cairo Masp., I, 67002 по новой датировке, предложенной его издателем Ж. Масперо [13] и принятой таким блестящим знатоком папирусов из Афродито, как Х. И. Бэлл, следует отнести к 567 году [14]. К этому времени Мина вполне уже мог не быть управляющим Патрикии, на что указал Х. И. Бэлл [15]. Во всяком случае в P. Cairo Masp., I, 67002, документе длинном и многословном, нет прямых указаний на то, что Мина выступал в качестве представителя крупного землевладельца. Основное обвинение, которое ему предъявляется — это было отмечено еще издателем [16] — заключается в том, что Мина, будучи пагархом, позволил себе нарушить права автопрагии, предоставленные деревне Афродито. Все бесчинства, приписываемые ему, были следствием желания Мины сломить сопротивление деревни, в чем он был заинтересован, разумеется, и из чисто материальных соображений. Как показывают источники, еще до конфликта с Миной деревня Афродито отдалась под покровительство императрицы Феодоры, поскольку право автопрагии оказалось недостаточной защитой. Следовательно, даже если допустить, что Мина был еще и в это время представителем крупного имения, то его действия следует понимать не как акт насилия над собственными колонами, которые вынуждены искать защиты у императора (толкование Д. Диошди), а как притеснение жителей деревни, *не* находящейся в зависимости от данного крупного землевладельца. Нельзя утверждать, что императорский рескрипт, сохранившийся в P. Cairo Masp., I, 67024, был результатом обращения к императору с жалобой на действия Мины как представителя патрона, поскольку ответ Юстиниана хронологи-

ление к частному судопроизводству и т. д.). Все это верно, но свидетельствует лишь о силе крупных землевладельцев и их способности справиться с непокорными. Единственной возможностью избавиться от непосильной эксплуатации было бегство, но и оно не всегда приносило ожидаемое облегчение. Колона могли поймать и посадить в тюрьму (о беглых колонах в тюрьме см. E. R. H a r d y, The Large Estates of Byzantine Egypt, N. Y., 1931, стр. 69—70), он сам мог быть вынужден обстоятельствами вернуться обратно (см. P. Oxy., XXVII, 2479 — просьба колона, находившегося три года в бегах, принять его обратно). Мнение А. Джонсона (A. C. J o h n s o n, Egypt and the Roman Empire, Ann Arbor, 1951, стр. 170_{33}), считавшего, что P. Oxy., XVI, 2055 (VI в.) свидетельствует о возможности перехода держателей из одного имения в другое, опровергается самим заглавием документа: Γνῶσ(ις) γεωργ(ῶν) φυγ(νότων).

[9] ἄνευ οἱασδήποτε προστασίας.

[10] ἐκτὸς .... οἱουδήποτε (читать: οἱασδήποτε) προστασίας.

[11] ἐφ' οἱ[α]νδή̣π[οτε π]ροστασίαν.

[12] Введение к P. Lond., V, 1660 (стр. 22).

[13] J. M a s p e r o, Les Papyrus Beaugé, BIFAO, X, 1912, стр. 140—142.

[14] Х. И. Бэлл полагал даже, что папирус можно датировать началом 568 г. (P. Lond., V, 1663, прим. к стк. 1; P. Lond., V, 1674, введение; P. Lond., V, 1677, введение). В более поздней работе (H. I. B e l l, An Egyptian Village in the Age of Justinian, JHS, LXIV, 1944, стр. 24, 33) он датирует документ 567 г.

[15] Введение к P. Lond., V, 1660.

[16] J. M a s p e r o, Études sur les Papyrus d'Aphrodité. I. Un procès administratif sous le règne de Justinien, BIFAO, VI, 1908, стр. 89—90.

чески предшествует событиям, изложенным в P. Cairo Masp., I, 67002 [17], притеснителями являются некий Феодосий (стк. 8), интриги которого оказались сильнее императорских распоряжений (стк. 15—16), и пагарх Юлиан (а не Мина). Документы из Афродито свидетельствуют о наступлении местных властей и крупных землевладельцев на свободные деревни, которым не всегда помогает ни право автопрагии, ни даже покровительство могущественного, но все же находящегося далеко императорского дома, т. е. рисуют картину, показывающую всю силу крупных землевладельцев, не столько обеспокоенных необходимостью преодолевать сопротивление собственных колонов, сколько полных желания расширить круг зависимых от них лиц и увеличить свое состояние любым путем.

Переходим к поручительствам. Среди договоров о поручительстве, принадлежащих к типу ἐγγύη εἰς παράστασιν или παράστασις (Gestellungsbürgschaft), сущность которых заключалась в том, что поручитель принимал на себя обязательство обеспечить постоянное пребывание поручаемого в условленном месте и его представление по требованию (или к определенному сроку), выделяется большая группа документов, относящихся к крупным имениям, главным образом светским, в первую очередь почти однотипные [18] поручительства из архива Апионов [19].

К числу этих документов Д. Диошди относит, как указывалось, P. Cairo Masp., III, 67296, 67297 и 67334, в которых действительно упоминается отказ от обращения к патроцинию. Но, к сожалению, и эти папирусы также не имеют никакого отношения ни к крупному имению, ни тем более к Апионам [20]. Все поручительства происходят из Афродито и адресованы они ипарию деревни Афродито, а не представителю крупного имения [21], и ручаются в этих документах не за колонов, а за лиц других профессий [22].

Таким образом, имеются все основания полагать, что приводимые Д. Диошди документы и наличный папирологический материал не дают оснований утверждать, что VI век характеризуется обращением колонов за помощью к императору или к другим крупным землевладельцам. Случаи бегства колонов, как уже указывалось, несомненно были, были, возможно, и отдельные случаи обращения к другим лицам, в том числе и к императору, но они не представляли столь массовое явление, чтобы можно было считать их характерной чертой целой фазы в развитии патроциниев, да и вряд ли они были характерны только для этой последней фазы.

И. Ф. Фихман

[17] По всей вероятности, P. Cairo Masp., I, 67024 следует датировать 551 годом. О хронологии событий см. R. G. S a l o m o n, A Papyrus from Constantinople (Hamburg Inv. № 410), JEA, XXXIV (1948), стр. 103—106.

[18] Исключение SB, VI, 9152 (492 г.) и P. Vars., 30 (571 г.). Образцом принято считать P. Oxy., I, 135 (=W. Chrest., 384 = Jur. Pap., 51 = Sel. Pap., I, 26 = FIRA, III, 13) (579 г.), которому посвящена большая литература.

[19] SB, VI, 9152 (492 г.); P. Lond., III, 778 (568 г.); P. Vars., 30 (571 г.); P. Oxy., I, 135 (579 г.); PSI, I, 59 (582 г.); P. Oxy., VI, 996 (584 г.); XXVII, 2478 (595 г.); I, 200 (VI в.); XVIII, 2203 (?) (VI в.); PSI, III, 180 (?) (VI — VII вв.); 61 (609 г.); P. Oxy., XXIV, 2420 (610 г.); PSI, I, 62 (612 г.); P. Oxy., XVI, 1979 (613 г.); возможно и P. Heid., 248 (VI — VII вв.). Не во всех перечисленных документах идет речь о колонах, но колоны представляют подавляющее большинство лиц, за которых дается поручительство. Список, приводимый Д. Диошди (стр. 68_{53}), с одной стороны, не полон (P. Oxy., XXVII, 2478 и P. Heid., 248 не могли быть им учтены), с другой, в него включены документы, не относящиеся к крупному имению: P. Oxy., XII, 1426; P. Oslo, III, 113; PSI, VIII, 932; P. Cairo Masp., III, 67296; 67297; 67334. Некоторые из этих документов и хронологически не относятся к тому периоду, который Д. Диошди считает третьей фазой развития патроциниев (P. Oxy., XII, 1426—332 г.; P. Oslo, III, 113—346 г.).

[20] Издатель во введении к P. Cairo Masp., III, 67296 сравнивает его (и вполне справедливо) с P. Cairo Masp., I, 67094 и II, 67252, а не с P. Oxy., I, 135, который ему несомненно был известен.

[21] Это прямо указано в P. Cairo Masp., III, 67296 и 67297. Соответствующее место не сохранилось в P. Cairo Masp., III, 67334, но судя по титулу, упоминаемому в стк. 9 (παρὰ τῆς ὑμῶ[ν] ἐντρεχείας), преимущественно применяемому к ипарию, также имеется в виду ипарий. См., например, P. Cairo Masp., I, 67091_{14}; 67092_{12}; III, 67328, IV_{18}; P. Flor., III, 284_{10}; возможно, и PSI, VIII, 932_{11}. В документах из архива Апионов стоит обычно παρὰ τῆς ὑμῶν ὑπερφυείας.

[22] В P. Cairo Masp., III, 67296 идет речь о пчеловодах (см. стк. 7), причем без уточнения ἐναπόγραφοι, в P. Cairo Masp., III, 67297 о золотых дел мастере (см. стк. 7), в P. Cairo Masp., III, 67334 соответствующее место не сохранилось, но дошедшая часть документа очень близка по формулировкам к первым двум папирусам.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «ХРЕСТОМАТИИ ПО АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

Вышла седьмым изданием «Хрестоматия по античной литературе» Н. Ф. Дератани и Н. А. Тимофеевой *. Первое издание ее было выпущено тридцать лет назад, в 1935 году. За это время «Хрестоматия» прочно вошла в обиход советской высшей школы и стала одним из важнейших пособий при изучении античной литературы на филологических и исторических факультетах. Широкий охват материала, удачный подбор образцов, обстоятельный комментарий — все это делает «Хрестоматию» лучшим из существующих у нас сборников подобного рода. Научность и систематичность выгодно отличают ее от старых антологий Алексеева; и она лучше приспособлена для учебных целей, чем «Греческая литература» и «Римская литература» В. Нилендера, Л. Тарасова и С. Кондратьева.

Когда книга выходит седьмым изданием, это говорит само за себя. Достоинства «Хрестоматии» хорошо известны и преподавателям и студентам. Поэтому думается, что нет надобности их перечислять. Лучше остановиться на некоторых отдельных недостатках, которые еще предстоит исправить. Все это мелочи, но мелочи досадные. Если бы речь шла о первом издании книги, можно было бы и не уделять им большого внимания. Но когда одни и те же промахи повторяются в седьмой раз, то, по-видимому, стоит указать на некоторые из них.

Удобнее будет говорить отдельно о подборе материала, о составе переводов, о характере комментария и о внешнем оформлении книги.

Подбор материала — пожалуй, лучшая сторона «Хрестоматии». Еще предыдущее ее издание было значительно пополнено отрывками из драм Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, Теренция, Сенеки; новое издание прибавляет к этому еще крупные отрывки из новооткрытого «Брюзги» Менандра, по праву занявшего свое место в программах по античной литературе. Правда, за счет этого из предыдущего издания была исключена «Коса Береники» Каллимаха, так что Каллимах остался представлен лишь маловыразительными эпиграммами; а из нового издания вдобавок исключены «Аргонавтика» Аполлония Родосского (так что эллинистический раздел хрестоматии совсем оскудел) и — что всего хуже — «Киклоп» Еврипида (так что учащиеся не имеют больше перед собой образца самого непривычного для них жанра — сатировской драмы). Жаль, что нет в хрестоматии «Похвалы Елене» Горгия (хотя ее можно было взять из «Греческой литературы» Нилендера) и «Характеров» Феофраста (которые недавно вышли в новом переводе) — это помогло бы нагляднее представить и софистическую риторику, и персонажей новой комедии. Отрывки из Плутарха стоило бы или расширить, чтобы дать представление о Плутархе-художнике, или заменить (например каким-нибудь «Сравнением» из «Параллельных жизнеописаний»), чтобы дать представление о Плутархе-моралисте. Необъяснимо отсутствие знаменитой IV эклоги Вергилия. Наряду с переложениями Федра из Эзопа следовало дать и его оригинальные басни, например, «Тиберий и придворный» или «Помпей и его воин»; наряду с трагедиями Сенеки — образцы его философской прозы. Хуже всего пришлось Цицерону: ни одна его речь не приведена полностью, даже коротенькая речь за Архия почему-то лишилась конца; отрывки из трактата «Об ораторе» слишком бессвязны, а очень сложные рассуждения о ритме из трактата «Оратор» вообще неуместны в такой хрестоматии, как наша. Этот раздел книги нуждается в наиболее основательном пересмотре.

По необходимости большинство произведений античной литературы представлено в «Хрестоматии» не полностью. И все-таки странно, что в хрестоматии, где три-

* Н. Ф. Дератани, Н. А. Тимофеева, Хрестоматия по античной литературе для высших учебных заведений, М., «Просвещение», 1965; т. I. Греческая литература, 679 стр.; т. II. Римская литература, 651 стр.

ста с лишним страниц уделено греческой драме, ни одна трагедия не дана целиком. Думается, что необходимо дать без сокращений — для образца — хотя бы «Царя Эдипа»; между тем, в настоящем издании из «Эдипа» механически исключены все хоровые партии, а с ними исчезло и все своеобразие античной драмы. В удачном сокращении даны «Прометей» и «Медея»; впрочем, «Прометей» выиграл бы, если бы восстановить в нем пролог. Зато отрывки из всех остальных трагедий можно без ущерба сократить, чтобы не загромождать хрестоматию. Так, из «Антигоны» можно оставить песнь о человеке, сцену Креонта, стража и Антигоны и сцену Креонта и Гемона; всем остальным можно пожертвовать. Так, из римского тома напрашиваются на сокращение отрывки из Энния, Пакувия, Акция; помещенный в томе спор Агамемнона и Менелая из «Ифигении» Энния лишается всякого интереса оттого, что в хрестоматии не представлен образец Энния — «Ифигения» Еврипида. После такой переработки отчетливее выступит разница между произведениями «в сокращении» и произведениями «в отрывках» и не придется разбивать связные тексты сбивающими с толку редакторскими заглавиями («Убиение Клитеместры», «Убиение Эгисфа» — т. I, стр. 266, 268). И это будет лучше, чем жертвовать для уменьшения объема «Аргонавтикой» и «Киклопом».

Если произведение дается в отрывках, то отрывки должны следовать в том порядке, в каком они следуют в тексте. Напрасно составители попытались «выпрямить» сюжет «Эфиопики», расположив отрывки в последовательности событий, а не в последовательности рассказа (почему бы тогда не «выпрямить» сюжет и в «Одиссее»?). И совсем непонятно, почему в «Поэтике» Аристотеля в середину VI главы наперекор всякой логике вклинивается XXVI глава.

Принятая в хрестоматии периодизация литературы в общем не отличается от обычной. Зато очень неудачно выбраны заглавия разделов хрестоматии: они не раскрывают содержания разделов. Вот, например, оглавление римского тома: «Литература III в. и первой половины II в. до н. э.», «Литература (приблизительно) [sic!] второй половины II в. до н. э. и первой половины I в. до н. э.», «Литература (приблизительно) второй половины I в. до н. э. и начала I в. н. э.» и т. д. Насколько удобнее были бы традиционные заглавия: «Литература эпохи гражданских войн», «Литература эпохи Августа» и пр.

Что касается подбора переводов, то здесь составители понятным образом должны были опираться на уже имеющийся в русской литературе фонд переводов античных писателей. Гомер Гнедича и Жуковского, Еврипид Анненского, римские комики Артюшкова, Лукреций Ф. Петровского, Сенека С. Соловьева — иного выбора, пожалуй, и нельзя было сделать. Жаль, что «Всадники» и «Лягушки» Аристофана даны в старых неуклюжих переводах Станкевича и Цветкова: лучше было взять переводы А. Пиотровского, которые, при всех их недостатках, гораздо художественнее остальных. Хуже то, что иной раз произведения одного и того же автора даются в переводах разных и очень непохожих переводчиков, и при этом разрушается всякое единство стиля. Так, «Эдип» Софокла дан в переводе Ф. Зелинского, «Антигона» же — в переводе В. Нилендера и С. Шервинского, в который вставлены хоры в переводе Д. Мережковского (в оглавлении он назван С. Мережковским). Так, из трех трагедий «Орестеи» Эсхила «Агамемнон» дан в переводе С. И. Радцига, «Хоэфоры» — в переводе А. Пиотровского, а «Евмениды» — в переводе Вяч. Иванова, причем в последний вкраплены два монолога в переводе С. И. Радцига. Это, по крайней мере, оговорено в оглавлении; но вот в перевод «Лягушек» Аристофана, сделанный Цветковым, вставлены несколько реплик из перевода, сделанного Пиотровским (I, 431), и это уже нигде не оговорено; самое же забавное, что эта вставка сделана как раз в том месте, где единство перевода всего необходимей: ибо получается, что по ходу пьесы Эсхил читает стих «Ведь я пришел и возвратился в эту землю» (перевод Цветкова), а Еврипид критикует стих «В страну сию притек и возвратился я» (перевод Пиотровского); счастлив тот читатель, который здесь не запутается! Не приходится говорить, что при этом нарушается не только единство стиля, но и единство стихотворного размера, ибо Н. Цветков и С. И. Радциг переводили триметр пятистопным ямбом, а А. Пиотровский и Вяч. Иванов — шестистопным. То же самое произошло и с «Третейским судом» Менандра: Г. Ф. Церетели перевел его дважды, один раз одним размером, другой раз другим; составители же хрестоматии не нашли ничего лучше, чем взять начало одного перевода и конец другого.

Ни в коем случае не следовало давать стихов Катулла и Проперция в переводах Ф. Е. Корша: это не столько переводы, сколько переложения, приноровленные к вкусам русской публики конца XIX в. Этот рифмованный стих, эта смесь прозаизмов и поэтических штампов может лишь сбить с толку современного читателя. Особенно странно выглядит перевод Катуллова подражания Сапфо, помещенный среди стихотворений самой Сапфо (I, стр. 101): получается, что гречанка Сапфо обращается в нем к римлянке Лесбии, которая жила на пятьсот с лишним лет позже нее: «Тебя лишь увижу, о Лесбия,— звуки в моих замирают устах...». Нуждаются в замене также переводы И. Холодняка из Невия и В. Модестова

из Луцилия: здесь некоторые стихотворные отрывки переданы попросту прозой (II, 17 и 175), что немало смутит неопытного читателя.

При некоторых переводах в оглавлении указано: «с исправлениями». Но почему только при некоторых? Неужели переводы И. Анненского более надежны, чем переводы А. Пиотровского, а переводы В. Алексеева, не раз критиковавшиеся, меньше заслуживают исправлений, чем переводы такого специалиста, как В. Модестов? И почему в примечаниях к «Всадникам» столь заботливо отмечаются все отступления переводчика от аристофановской грубости (I, 342 и 353), но нигде не оговорено, например, важное сокращение, без всяких оснований сделанное Ф. Зелинским в «Эдипе» (ст. 447 сл.)? Как известно, в самом патетическом месте XXIV книги «Илиады» Гнедич отказался от греческой реалии и написал (ст. 506): «Мужа, убийцы детей моих, руки к устам прижимаю». Составители хрестоматии без каких бы то ни было оговорок заменили этот стих своим: «Руку к устам убийцы детей моих я простираю». Но когда Г. Янчевецкий переводит ксенофонтовское выражение: «Кир всплеснул руками...», то составители, хотя и оговаривают в оглавлении, что перевод печатается «с исправлениями», все же не решаются ввести свое «исправление» в текст и дают подстрочную сноску: «В подлиннике —„ударил себя по бедрам“». Странный пиетет!

Хрестоматия снабжена комментарием троякого рода: во-первых, это вступительные заметки об авторах, во-вторых,— примечания к отдельным местам текста, в-третьих,— библиография. В предисловии к обоим томам говорится, что некоторые вступительные статьи «заново отредактированы и перестроены»: это преувеличение, в них сделана лишь скромная (но полезная) стилистическая правка. Эти статьи отличаются чрезвычайной пространностью: так, заметка о Цицероне занимает полторы страницы петита, о Горации— две, об Овидии — почти две. Местами комментарий разрастается настолько, что в нем теряются комментируемые отрывки: см., например, II, 171—172. Думается, что это неправильно. Такая обстоятельность была уместна, когда выходили первые издания хрестоматии и никаких других пособий для изучения античной литературы высшая школа не имела. Но с тех пор появилось немало учебников, потребность в столь обширном комментарии отпала, и хрестоматия может ограничиться лишь самым необходимым. Ведь даже самые обстоятельные вводные заметки не заменяют связного повествования в учебнике.

Примечания к отдельным местам текста в римском томе даны под строкой, а в греческом томе — отчасти под строкой, отчасти в конце тома. Этот непонятный и неудобный разнобой следует устранить. Хорошо, что составители не ограничиваются объяснением непонятных слов, а отмечают те места, в которых особенно ярко сказываются идейные взгляды авторов (особенно в римском томе). Хотелось бы, чтобы таким же образом отмечались места, важные в художественном отношении: такой эстетический комментарий в хрестоматии будет гораздо более полезен, чем обычный абстрактный разбор художественных достоинств на страницах учебника. Некоторые произведения без такого комментария вообще теряют смысл: так, оды Пиндара покажутся бессвязным набором слов, если в примечаниях к ним не проследить ход мыслей поэта и не раскрыть сложное строение греческой оды,— а в хрестоматии это не сделано. При объяснении непонятных слов нередко комментируются более простые и не комментируются более трудные места: так, в примечаниях к Гомеру аккуратно сообщается, что Феб — это Аполлон, но не объясняется, например, как это Большая Медведица «вечно блюдет Ориона» (I, стр. 30).

Не свободен комментарий и от некоторых фактических ошибок. Вот, для примера, перечень мелких погрешностей, допущенных в разделе римского тома, посвященном Горацию. Стр. 310: обучение Горация у драчливого Орбилия вряд ли можно назвать «блестящим образованием». Там же: в Афинах Гораций занимался не стоической и эпикурейской, а (по собственному признанию — «Послания», II, 2, 45) академической философией. Там же: в творчестве Горация «преобладающим жанром» являются все же не сатиры и послания, а оды и эподы. Там же: сатиры Горация написаны не «в 40-х гг.», а, за единичными исключениями, в 30-х гг. до н. э. Там же: «они основаны на стоическо-эпикурейских идеях»: стоицизм и эпикурейство были учениями, принципиально несовместимыми, и термин «стоическо-эпикурейские идеи» должен быть пояснен. Стр. 314: борьба Октавиана с Секстом Помпеем относится не к 43—40, а к 38—36 гг. Стр. 316: нет никаких данных о том, что Мевий и Бавий были поэтами, «оппозиционными цезарианскому режиму». Стр. 317: «первыми переселенцами... римляне считали малоазиатских греков — лидийцев»: лидийцы никогда не были и не считались греками. Стр. 326: Евтерпа — не «муза музыки», а муза легкой лирики, в противоположность упоминаемой рядом Полигимнии — музе серьезной лирики. Стр. 327: ода I, 3, вошедшая в сборник 23 г. до н. э., не могла быть «написана около 19 г. до н. э.». Стр. 332: «Либурна» (liburna), которая умчит Клеопатру для вражеского триумфа,— это, конечно, не либурнские носильщики, а быстроходная либурнская галера. Стр. 334: Лициний Мурена не был «консулом 25—24 гг. до н. э.»: он должен был получить кон-

сульство лишь в 23 г., но был казнен, не дожив до этого. Стр. 338: нет никаких оснований демократизировать взгляды Горация и утверждать, что под ненавистной ему чернью он подразумевает не простой народ, а только своих критиков. Стр. 342: Ломоносов, в отличие от Державина и Пушкина, дал не «творческую переработку», а точный (и очень хороший) перевод «Памятника» Горация. Стр. 353: Касцеллий не был консулом ни в 31, ни в каком бы то ни было другом году. Стр. 354: ни о какой «цензурной коллегии», учрежденной Августом, членом которой якобы был Меций, мы не знаем. Останавливаться на такого же рода погрешностях в других разделах хрестоматии было бы слишком утомительно и долго: упомянем только, что нельзя называть всадника Луцилия нобилем (II, 173), эпикомий — «любовным гимном» (I, 106), а басни Эзопа, текст которых не древнее эллинистического времени,— «ярким образцом ранней художественной прозы» (I, 86).

Библиография к обоим томам значительно расширена. Однако это расширение коснулось лишь литературы о писателях; между тем, от такой хрестоматии можно требовать прежде всего более полной библиографии переводов из античных авторов, включающей не только отдельные издания, но и журнальные публикации (ведь по журналам, например, рассеяна добрая половина русского Еврипида). Некоторые сведения об этом даны во вступительных заметках об отдельных авторах, но в новом издании их даже не позаботились подновить: поэтому в них не упомянуто ни переиздание Менандра, ни Феокрит в переводе М. Е. Грабарь-Пассек, ни Софокл в переводе С. В. Шервинского, ни речи Цицерона в переводе В. О. Горенштейна, а «Илиада» Вересаева по-прежнему именуется «новым переводом».

Внешнее оформление книги в общем удачно. В первом томе обновлены все иллюстрации, и подбор их стал гораздо лучше; второго тома, к сожалению, это почти не коснулось. Нужно обратить внимание на то, чтобы в дистихах и в сложных строфах было выдержано правильное расположение отступов при начале стихов и пробелов между строфами; а то из-за невнимания к этому на стр. 90 первого тома два фрагмента Архилоха, не имеющие между собой ничего общего, срослись в один. Нужно также или отказаться от нумерации строк в стихах и параграфов в прозе, или провести эту нумерацию последовательно через все произведения; в последнем случае хорошо было бы объяснить систему этой нумерации в особом примечании, чтобы не озадачивать неподготовленного читателя неожиданными цифрами среди текста. Нужно, наконец, внимательнее отнестись к опечаткам, изобилие которых, пожалуй, чрезмерно: вот, для примера, перечень страниц только первого тома, только со стихотворными текстами и только с такими «поправками», которые грубо нарушают стихотворный размер: 39 (Гнедич написал: «Ты умертвил и его, за отчизну сражавшегось храбро...», редактор и корректор исправили: «...за отчизну сражавшегося храбро»,— и гекзаметр перестал существовать), 100, 238, 279, 301, 388, 524, 542.

Из сказанного видно, что почти все недостатки, которые можно отметить в новом издании хрестоматии, легко поправимы, но они портят хорошую и полезную книгу. Чтобы их исправить, нужно лишь немного внимания к тексту и немного уважения к его читателю. Будем надеяться, что следующее, восьмое издание (а оно несомненно понадобится) будет, наконец, от них избавлено. Книга, по которой читатель впервые знакомится с античной литературой, может и должна быть безупречной.

М. Л. Гаспаров

Res gestae divi Augusti. Das Monumentum Ancyranum hrsg. und erklärt von Hans Volkmann (=Kleine Texte für Vorlesungen und Übungen 29/30), 2. verbesserte Auflage, B., 1964, 64 стр.

«Деяния Августа», занимающие выдающееся место среди источников по древней истории, одинаково важны как для исследовательской, так и учебной работы. На основании сохранившихся свидетельств Тацита, Светония, Кассия Диона наука установила среди письменного наследия Августа пять официальных документов, из которых нам известен только «Index rerum a se gestarum» (Suet., Aug. 101). Современный уровень знаний в этой области является плодом напряженной научной деятельности многих ученых; в качестве их представителя здесь можно назвать Теодора Моммзена. В III томе «Corpus Inscriptionum Latinarum» на стр. 769—799, с дополнениями на стр. 1054, 1064 и 2328 [57] Моммзен опубликовал текст «Res gestae» в форме научно-критического издания. Определенную

ценность представляет также его лемма, содержащая краткую историю традиции [1].

С тех пор наука выдвигала все новые проблемы и предлагала попытки их решения. Решающее значение в восстановлении текста имели фрагменты из Антиохии, которые под названием «Monumentum Antiochenum» были опубликованы В. М. Рамсеем и А. Премерштейном в приложении № 19 к журналу «Klio» (Лейпциг, 1927). Исторический отчет Х. Фолькмана в «Jahresberichte Fortschritte Altertumswissenschaft», 279, 1942, стр. 1—94 красноречиво свидетельствует об успехах научных исследований в этой области.

Все же «Res gestae divi Augusti» являются не только объектом все новых плодотворных исследований. Они представляют собой в то же время весьма поучительную тему для семинарских занятий. В качестве объекта просеминарских или спецсеминарских занятий «изучение Monumentum Ancyranum»— как обычно, не слишком точно, называется это занятие— принадлежит к числу наиболее распространенных традиционных тем для студентов-античников и филологов-классиков. Для первых язык документа не представляет почти никаких трудностей. Вторым на этом примере можно прекрасно показать трудность адекватного перевода самого по себе легкого, но насыщенного специальными терминами текста. В этом плане достаточно указать на главу 34 с терминами dignitas — auctoritas — potestas и на связанную в науке с последними дискуссию. Редко можно показать столь наглядно, как в рецензируемом источнике, неразрывную связь между филологическими терминами и стоящими за ними реалиями; те и другие, вместе взятые, представляют собой диалектическое единство.

Здесь следует подчеркнуть еще один методический момент. Вряд ли какой-либо иной текст затрагивает столь много реалий античной политической и социальной жизни, как «Деяния Августа». Знание этих реалий входит в программу обучения студентов. Однако не подлежит сомнению, что значительно целесообразнее поручить студентам разработать эту тематику в форме рефератов, чем излагать ее лекционно с высоты профессорской кафедры.

В программах обучения отводится слишком мало времени на занятия по эпиграфике, хотя с точки зрения метода исторического материализма надписи являются особенно ценным материалом для исторического исследования. Поэтому именно на примере «Monumentum Ancyranum» стоит, по крайней мере, бегло указать, сколь велики сокровища эпиграфики как раскрытые, так и подлежащие раскрытию.

Основой для всякого семинарского занятия, на котором рассматриваются тексты, является наличие достаточного числа экземпляров, по возможности, одного и того же издания. Здесь, как показывает опыт, начинаются трудности. Во избежание их было предпринято издание серии «Небольшие тексты для докладов и упражнений». Задачу эту взяло на себя издательство Вальтер де Грюйтер и комп.

В 29/30 выпуске этой серии кельнский ординарный профессор Ганс Фолькманн в 1957 г. издал и в сжатой форме пояснил «Res gestae divi Augusti». Он поставил перед собой задачу заменить оправдавшее себя издание Эрнста Диля (первое издание — 1908 г., шестое — 1935 г.). Задача эта может считаться выполненной. Труд Фолькманна был принят с одобрением.

На базе этой работы в 1964 г. вышло в свет второе улучшенное издание. В нем указан список новой литературы, появившейся за последние годы. Видимо, по типографским соображениям библиография на стр. 7 осталась без изменений, и только на стр. 63 сл. кое-где можно найти ссылки и на более новую литературу. Все же на стр. 7 следовало сослаться на дальнейшие дополнения. Кроме того, в комментарии к отдельным местам текста необходимо было каким-нибудь типографским знаком указать на дополнительную литературу. О том, что автор не стремился к исчерпывающему охвату литературы, свидетельствует уже беглый взгляд на «L'année philologique», где, примера ради, в ежегоднике за 1960 г. указаны следующие названия: R. Wirtz, Ausgabe in 3. Auflage, Münster, 1958; H. Hahn, Neue Untersuchungen zur Autobiographie des Kaisers Augustus, «Nouvelle Clio», 10 (1958/60), стр. 137—148; M. Ricca-Barberis, Auctoritas e potestas, «Archivio Giuridico», 16 (1954), стр. 129—131. В обоих изданиях в списке литературы под пунктом вторым вместо G. P. Carratelli следовало писать полностью G. Pugliese Carratelli.

Небольшое издание Г. Фолькманна рекомендуется для использования во время лекций и упражнений.

Проф. *Роланд Грюндель*

[1] Ср. также отдельные издания «Res gestae divi Augusti», предпринятые Т. Моммзеном: Berolini, 1895; iterum cum tabulis undecim, Berolini, 1883.

EDIT B. THOMAS, Römische Villen in Pannonien, Budapest, 1964, 401 стр., 234 табл.

Книга Эдит Томас о римских виллах в Паннонии — первое в специальной литературе исследование вилл и состоявших из вилл сельских поселений. Подобной работы нет ни для какой другой области римского мира, ни для самой Италии. Как справедливо отмечает исследовательница, вплоть до сегодняшнего дня в центре интересов археологической науки остается исследование лимеса, военных лагерей, дорог и некрополей. Как проходила жизнь в глубине провинции, вдали от больших городов — в селах, в виллах, в поселениях из вилл, об этом мы знаем очень мало (стр. 9). Между тем вилла представляла характерный для римского времени тип поселения в сельской местности. Географическое размещение вилл, их постепенное распространение в провинциях, так же как и сами типы вилл могут служить свидетельством социальной и культурной романизации. Исследование вилл дает возможность представить характер земельных отношений в провинции, уровень развития ремесленного производства, степень распространения рабства. Инвентарь находок в виллах, исследование их архитектурного облика предоставляет в распоряжение историка огромной значимости материал о культурной и религиозной жизни в провинции, об ее этнической истории. Данное Э. Томас описание вилл дает возможность судить и о масштабах варварских вторжений в провинцию: редкие виллы не имеют следов пожаров и разрушений в слоях III—IV вв. И хотя сам автор весьма сдержанно определяет назначение своей книги: работа должна представить материал для дальнейшего исследования (стр. 12), монография Э. Томас по обилию собранного материала и методу его рассмотрения имеет огромную ценность. В сущности локальный материал о виллах одной провинции автор стремится рассматривать в связи с проблемами, общими для всей империи: характер использовавшегося на виллах труда, хозяйственная роль вилл в поздней античности и в распространении христианства, виллы и преемственность античных традиций. Рассмотрение вилл Паннонии, данное в топографическом порядке (1: виллы в р-не оз. Балатона; 2: виллы в окрестностях оз. Нейзидлер; 3: виллы вдоль Дуная и лимеса; 4: виллы во внутренних областях провинции; 5: виллы в междуречье Савы и Дравы; 6: виллы южнее Савы), показывает, как значителен был географический фактор, принимавшийся римлянами во внимание при расселении в провинциях. При таком подходе возможно увидеть не только специфику географических и отчасти демографических условий каждого из районов провинции, но в известной мере их хозяйственные и социальные отличия друг от друга. В размещении вилл в провинции отразилась также внутренняя и внешнеполитическая история Паннонии. Обилие и интерес содержащегося в книге Э. Томас материала заставляет высоко оценить значение ее работы для истории Паннонии. Знакомство с ней необходимо для каждого занимающегося историей римского мира.

Монография состоит из десяти глав; первая и последняя представляют краткое введение и заключение к книге. Вторая глава, занимающая подавляющее большинство страниц книги (340 из 401) содержит описание самих вилл. Остальные главы не велики: в третьей главе дано описание типов паннонских вилл и их внешнего облика; в четвертой — их технического исполнения и конструкций; в пятой — мозаик, фресок и цветной штукатурки. В шестой главе автор суммирует сведения о географических условиях, в которых возникали виллы; в седьмой — она останавливается на самом понятии римской виллы. Восьмая и девятая главы отведены вопросу о роли вилл в позднеримской Паннонии и вопросу о жизни на виллах после ухода римлян из провинции.

Поскольку характер монографии таков, что бóльшая ее часть отведена описанию самих вилл и найденных при их раскопках предметов, возможно остановиться на некоторых типах вилл. Это тем более представляется целесообразным, что в виллах при всем их различии в характере, величине и местонахождении постоянно проявляет себя, на наш взгляд, античная форма собственности в провинции. Сама исследовательница не делает подобного заключения из рассмотрения паннонских вилл, но из книги мы видим, как эта представленная виллой типичная для рабовладельческой формации форма собственности возникает и существует не только на землях городов и на землях, изъятых у племен для отдельных лиц, но и на землях легионов и на территориях, отведенных племенным civitates. В этом последнем случае ее владельцами оказываются римские граждане местного происхождения, получившие право гражданства в пределах civitates. Заслуживает внимания наблюдение Э. Томас о том, что в Паннонии мы не находим типа виллы, который можно было бы преимущественно или исключительно связывать с ветеранами, как это отмечалось для рейнских областей. К ветеранам автор относит простые villae rusticae совсем скромных размеров. Раскопки вилл не дали и собственно паннонского

типа виллы. Здесь существовали те же типы, что и в Африке, Галлии, Германиях и в самой Италии, хотя некоторые модификации в конструкции поздних вилл Паннонии могут считаться местного происхождения.

Монография начинается с описания вилл вокруг Балатона. Здесь виллы возникли раньше, чем в других областях провинции, в последнюю треть I в. н. э. В свой начальный период они принадлежали переселенцам-италикам, реже ветеранам. Рядом с виллами существовали деревни паннонских крестьян с домами из глины и хижинами с утрамбованным глиняным полом. Насколько плотно была заселена эта область в древности, свидетельствуют следы римских зданий, обнаруживаемые едва ли не в каждой современной деревне. Быстрому заселению берегов Балатона, как отмечает Э. Томас, способствовал благоприятный климат и общий ландшафт местности, напоминавший Италию. Здесь возник италийский тип виллы с атрием, который редко употреблялся в провинции, в условиях паннонского климата потерял комплювий и был быстро смепен виллой с перистильным двориком и входом в виде портика. Этот последний тип виллы появился в Паннонии в конце I — начале II в. и стал самым распространенным.

Какой характер могло принять в провинции имение переселившегося сюда италика, свидетельствует вилла в Балаца, самая роскошная и знаменитая из вилл Паннонии и не менее известная среди вилл Империи. Имение находилось не на городских землях, так как известно, что в областях вокруг Балатона до времени *Адриана не было ни одного города*; все появившиеся здесь в I в. виллы (преимущественно на северо-западных берегах озера) возникли на землях, изъятых для отдельных лиц у племени бойев. Вилла в Балаца возникла сразу как крупное имение и на всем протяжении своей истории (она просуществовала вплоть до падения римской власти в провинции) оставалась таким. За это время вилла сменила несколько владельцев, пережила варварские вторжения и была обитаема еще в раннем Венгерском Средневековье. Вилла состояла из нескольких зданий, окруженных стеной, и представляла собой смешанный тип villa urbana и villa rustica. Ее господский дом и ванное помещение I строительного периода воспроизводили италийский стиль, хозяйственные постройки уже были отмечены паннонским влиянием. Всего внутри стен находилось шесть зданий; господский дом с великолепными мозаиками и фресками представлял villa urbana; ванное помещение с отопительной системой, канализацией и водопроводом соединялось с господским домом коридором; хозяйственные помещения, от которых остались незначительные остатки, свидетельствуют о производственном назначении виллы; рядом с воротами виллы находилась сторожевая башня. Судя по инвентарю находок и сюжетам стенной росписи II строительного периода виллы на вилле занимались сельским хозяйством, виноградарством и овцеводством.

Внутреннее убранство виллы свидетельствует о богатстве ее владельцев. В свой первый период фрески воспроизводили IV помпейский стиль, и большая часть росписи относится к 60—120 гг. н.э. Другой стиль фресок с живописью на белом фоне датируют временем Северов, хотя Э. Томас находит аналогии с живописью катакомб из Рима времени Веспасиана и некоторых домов из Помпей. (Неоднократно предпринимавшиеся попытки реконструировать эту роспись второго стиля и определить ее композицию до сих пор не увенчались успехом.)

Пример виллы в Балаца свидетельствует, что никакие категории земель в провинции не являлись препятствием для возникновения представленного виллой римского типа хозяйства, если его владельцем был римский гражданин. Несомненно, он был италийского происхождения, но даже если потом и стал гражданином какой-то городской общины Паннонии, возникшее как fundus exceptus его имение вряд ли подчинялось юрисдикции ближайшего города. Оно сохранило свой характер крупной виллы в III и в IV вв. и пережило варварские вторжения IV—V вв.

Виллы возникают и на землях племенных civitates. Тип хозяйства остается тот же, судя по инвентарю находок и характеру виллы, но их владельцами *являются лица с двойным гражданством* — римским и перегринским. Примером такой виллы может считаться вилла в Парндорфе, происходящая из другого района провинции (р-н оз. Нейзидлер); вилла возникла на рубеже I—II вв. на землях civitas Boiorum. Раскопавший виллу Б. Сария ее первым владельцем считает Марка Кокцея Каупиана, принцепса общины бойев, поставленного римлянами во главе общины. Знатный бой Каупиан организовал свое имение как римское. Расцвет виллы в Парндорфе приходится на III в. — первую половину IV в. (К этому времени относятся великолепные мозаики общей площадью 500 кв. м). Но уже в первый период вилла имела несколько зданий и была обнесена стеной.

В качестве примера муниципального владения, хотя, очевидно, и не типичного может быть названа вилла в Эйзенштадте, из р-на Карнунта, связываемая с дуумвиром Карнунта Флавием Сейяном. На основании происходящего отсюда алтаря Диане Августе от III в., поставленного дуумвиром, Э.Томас считает, что по крайней мере в III в. он был владельцем виллы, хотя вилла возникла уже в I в., когда **здесь** еще не было города. Вилла имела

мозаику и роспись стен. Ее ванное и хозяйственное помещения были отделены от господского дома, но соединены для удобства сообщения крытым коридором. Все здания виллы находились внутри стен. На вилле занимались не только сельским хозяйством (о чем свидетельствуют находки лопаты, мотыги, двух железных серпов и алтарь Домашнему Сильвану pro se et suis), но и производили для продажи. Здесь был найден единственный из находок в виллах провинции алтарь Меркурию. Вилла имела собственные керамические мастерские: были найдены черепица III в. с клеймом Гай Кораний Флор, magister figlinarum и располагавшиеся вне стен виллы остатки керамической печи для обжига черепицы.

Некоторые небольшие виллы из р-на Карнунта Э. Томас относит к ветеранам, например, виллу в Пурбахе (стр. 192—195). Эта вилла, куда более скромная, чем те, которые мы видели до сих пор, представляла собой комбинацию виллы со сторожевой башней. Как отмечает Э. Томас, такие виллы встречены во многих местах вдоль лимеса в р-не Карнунта. Вилла состояла из четырех близко расположенных друг к другу зданий; ее жители обслуживали и проезжающих, и она являлась, таким образом, и mansio. Связывать виллу с ветераном позволяет происходящий отсюда алтарь, поставленный Фортуне трех Августов (Септимия Севера, Каракаллы и Геты) Гаем Валерием Валерианом. Вилла имела собственное святилище, находившееся вне ее стен, на источнике, откуда происходит упомянутый алтарь Фортуне, алтарь Нимфам за здоровье тех же Августов, поставленный ветераном и его женой, и алтарь Диане; на вилле почитали культ императора.

Многие из вилл вдоль лимеса, как свидетельствуют раскопки, возникли непосредственно вокруг военных лагерей; в их числе вилла вблизи лагеря легиона I Adiutrix в Бригеционе (стр. 265 слл.), известная, кстати, тем, что при раскопках виллы в 1940 г. была найдена монета Бар-Кохбы, относящаяся ко времени восстания 132—135 гг. и остававшаяся единственной до недавних находок в Вади-Мураббате. В Паннонию монета была занесена легионером I Adiutrix, поселившимся после отставки в своей вилле недалеко от легиона. Античная форма собственности, как мы видим, существовала и на легионных землях. Только этой ее способностью становиться универсальной хозяйственной единицей независимо от правовых различий в статусе ее владельца и категорий земель, на которых она возникла, мы можем объяснять распространение в провинции римских институтов.

Другой характер носят поздние виллы, IV в., главным образом из внутренних областей провинции; они предстают как самообеспечивающиеся хозяйства, как крупные производящие центры, например вилла в Тац-Февеньпусте. Это одна из самых значительных вилл в Паннонии; она возникла в конце I — начале II в. н. э. и с изменениями и перестройками просуществовала до IV в. Само здание виллы было столь крупных размеров, что сначала здесь предполагали военный лагерь учрежденных Диоклетианом Herculii, затем раннехристианскую базилику. Последующие раскопки и в том числе самой Э. Томас установили, что здесь была вилла. В первый период вилла принадлежала италику и возникла также не на городских землях. Ее господский дом определяется как здание с атрием; это здание было затем срыто и построено новое, которое погибло во время Маркоманнских войн. В начале III в. здание виллы было отстроено и перестроено. В это время в середине двора виллы был устроен рыбный садок — piscina; вилла получила перистильный двор и портик; увеличилось число отапливаемых помещений. Время хозяйственного расцвета виллы приходится на III в.; в первой половине IV в. вилла приобрела роскошный вид. Множество находок черепиц с клеймами паннонских легионов и вспомогательных войск свидетельствуют о тесных связях хозяйства виллы с легионом. Керамическая мастерская виллы III периода производила глазированную керамику, которая употреблялась в легионах и лагерях вдоль лимеса. На вилле занимались и сельским хозяйством: находки железных орудий для скотоводства, обработки леса, строительных работ; имелась также ткацкая мастерская.

На поздних виллах мы можем видеть, как беспокойная обстановка в провинции вследствие войн III—IV вв., так же как и автаркический характер их хозяйства, имели следствием то, что виллы превратились в укрепления. Крупные виллы из внутренних областей провинции и виллы из пограничных областей вдоль лимеса получили башни по углам (квадратные или шестиугольные), являвшиеся продолжением стен. Тип виллы с башнями по углам является, по наблюдению Э. Томас, паннонским и возник в III в. Башни использовались как хозяйственные помещения и служили целям обороны. Такие укрепленные виллы служили убежищем для всей округи. В качестве примера могут быть названы две виллы в районе лимеса. Вилла в Кёнигсхофе (стр. 152—174) была большая villa rustica, возникшая вблизи важнейшей военной и торговой дороги провинции, шедшей с запада на север, в Карнунт. Римские монеты на вилле начинаются с Домициана и кончаются Валентинианом II. Ее десять зданий находились внутри стен, окружавших квадрат 150 м × 150 м. В первые десятилетия III в. вилла была укреплена системой валов и рвов из дерева и земли; в IV в. она получила камен-

ную стену. Вилла имела собственные мастерские, леса, земли и стада. Все необходимое производилось на месте: внутри стен была найдена печь для выпечки хлеба, использовавшаяся первоначально для обжига горшков. Считают, что население виллы представляло в IV в. христианскую общину: одно из ее поздних зданий являлось базиликой. Вилла была обитаема в V—VII вв.; как крепость использовалась при Карле Великом против аваров и была разрушена при вторжении турок в 1528 г. Подобного типа была также поздняя вилла в Доннерскирхене (стр. 130—137), существовавшая от времени Веспасиана до Констанция II. Вилла была окружена четырехугольной стеной 100 м×107 м, имела пять зданий внутри стен, одно из которых являлось христианской базиликой для господ и челяди имения. При раскопках базилики (19,5 м × × 9,5 м) были найдены части мраморного алтарного стола, являющегося ориентиром для ее датировки серединой IV в.: в правление Константина папа Сильвестр предписал, чтобы деревянные алтарные столы были заменены каменными. Считают, что алтарный стол был спрятан в землю как уже не употреблявшийся или как поврежденный, чтобы не подвергнуться осквернению. (В предписании Сирийской церкви указывалось, чтобы осквернённые или поврежденные алтари разбивались и их остатки глубоко погребались в земле, стр. 135 сл.).

Все крупные виллы возникают в удобной для сообщения местности, недалеко от дорог, ведших в большие города-провинции (вилла в Балаца лежала недалеко от важнейшей дороги провинции, связывавшей северо-восток с западом, на дороге Аквинк—Савария. Эта дорога функционировала в средневековой Венгрии и называлась татарской). Напротив, другие виллы (как, например, villa rustica в Шюмег, в районе Балатона) возникла в местности, окруженной болотами; подход к зданию был по мосту и по плотине. В качестве дополнительного укрепления вилла имела башни по углам.

Долины рек Дравы и Савы представляются, по мнению Э. Томас, районом крупного сенаторского землевладения. Здесь в поздний период истории Паннонии находились императорские имения. Эта область провинции, однако, почти не исследована археологически. В местонахождении здесь вилл исследовательница основывалась на еще не опубликованной работе югославского историка Я. Шашела, а в предполагаемом существовании вилл южнее Савы—на данных и наблюдениях другого югославского историка, Э. Пашалича. Здесь виллы располагались на склонах гор вдоль рек (Дрины, Босны, Укрины и Врбаса); их хозяйство носило скотоводческий характер.

Кроме вилл, Э. Томас рассматривает и поселения из вилл (в терминологии автора Villensiedlungen), находившиеся преимущественно в глубоком тылу провинции, расцвет которых приходится на IV век. Именно в поселениях из вилл и в крупных виллах продолжали существовать и удерживаться античные традиции и после оставления провинции римлянами. В этом отношении наиболее известно поселение из вилл в Кеккут на юге Балатона и в Кестхей-Фенекпусте на юго-западе. В Кеккут были обнаружены многочисленные остатки зданий римского периода, в их числе остатки двух христианских базилик. Одна из них, меньшая размером 37,5 м×16,5 м состояла из двух помещений — бо́льшего, занимавшего $^3/_4$ всего здания, и меньшего, преддверия. Зал заканчивался абсидой и имел два ряда колонн. Эта базилика возникла во второй половине IV в. Вторая базилика находилась на расстоянии 85 м от первой. Она представляла собой сдвоенную раннехристианскую церковь — тип, распространенный в раннехристианской архитектуре IV—V вв. Некоторые боковые помещения этой базилики отапливались; очевидно, они были жилищами для клира; она имела также зал для собраний. Вторая базилика была построена во время расцвета христианства в Паннонии во второе-третье десятилетие IV в. Другое поселение IV в. в Кестхей-Фенекпусте представляло собой состоявшее из вилл укрепленное сельское поселение городского типа. Находившиеся под защитой стен виллы были различны — от роскошных villa urbana до маленьких вилл из одного помещения [1]. Внутри стен здания стояли разбросанно. Общественным зданием в таком поселении была базилика размером 32 м × 23,5 м, возникшая из виллы. Как показывают раскопки, виллы и дома типа вилл были окружены стенами в IV в. Подавляющая часть находок принадлежит позднеримскому периоду.

Те краткие характеристики различных типов вилл, которые я привела в качестве примеров, показывают, сколь обилен и интересен материал книги. Всего в исследовании Э. Томас описано или упомя-

[1] Самое большое здание в Кестхей имело в длину 102 м; толщина его наружных стен от 80 до 100 см; стены носят следы росписи под мрамор с мотивами растений; здание возникло из двух роскошных вилл. Оно имело портик на северной стороне и перистильный дворик, отличавший едва ли не все виллы в Паннонии; почти каждое помещение этой виллы отапливалось. Было открыто здание типа простой villa rustica, состоявшее из трех помещений, одно из которых было амбаром; вилла из двух симметрично расположенных прямоугольных помещений, заканчивавшихся в северной части апсидами. Помещения были соединены коридором.

нуто 153 виллы. Начавшиеся немногим более 100 лет назад раскопки вилл Паннонии обнаруживают все новые виллы и поселения из вилл. В работе Э. Томас представлены виллы, опубликованные ранее; виллы, обнаруженные, но оставшиеся неопубликованными; виллы, публикуемые впервые, в их числе раскопанные самим автором книги. Свидетельством существования виллы, помимо раскопок, автор считала также нахождение на глубине 20—30 см характерных остатков поселения (черепицы, фрагментов домашней керамики, фундаментов зданий римского времени и др.), что, на наш взгляд (и к чему мы вернемся), не всегда представляется достаточным основанием, чтобы предполагать там или здесь римскую виллу. Как отмечает Э. Томас, число вилл в провинции возросло во II—III вв., расцвет их хозяйства приходится на III в. Описать, однако, характер производства на паннонской вилле не представляется возможным вследствие отсутствия соответствующих данных из самой провинции. Этот раздел в монографии основывается на данных из «Дигест» и отдельных императорских рескриптах.

Представляют интерес выводы исторического характера, к которым Э. Томас приходит в результате рассмотрения всей совокупности данных о паннонских виллах. Э. Томас подчеркивает огромную роль вилл в хозяйственной жизни провинции с конца III в. и в течение всего IV в. Вследствие опустошений III в., когда многие земли лежали заброшенными, крестьяне оставляли собственные клочки земли и переселялись в поместье крупного собственника, где они находили бóльшую безопасность и защиту. Постепенное ослабление административной власти римлян в III—IV вв. стирало различия, которые существовали прежде между муниципальными центрами, лагерями вдоль лимеса и хозяйственными центрами внутри Паннонии. Основывавшиеся на автаркии поселения из вилл, так же как и отдельные крупные виллы, пострадали меньше в связи с прекращением денежного обращения; сама автаркия являлась следствием крайне опасного и неустойчивого положения в провинции и во всей империи. Укрепление стенами городов и вилл внутри провинции и в самой Италии началось уже при Аврелиане; для восточных провинций известно распоряжение Константина, предписывавшее землевладельцам обносить стенами свои имения. Автор отмечает, что в Паннонии виллы, снабженные башнями, играли немалую роль в защите провинции от нападений варваров. Несмотря на скудные данные, имеющиеся в нашем распоряжении, автор полагает, что существовала большая и продуманная система защиты провинции, при которой мощные сооружения со стенами в глубине провинции давали прибежище большим массам населения. Эти укрепленные виллы и городского типа сельские поселения сыграли роль посредников античной культуры в восприятии ее наследства поселившимися в провинции варварскими народами после оставления ее римлянами. Собравшееся под защиту их стен старое римское население передало этим народам, как считает автор, культурные традиции, производственные навыки, строительные приемы. Находки в позднеантичных крупных виллах дают позднеримский материал вместе с находками культур, отличающих германские племена. Э. Томас подчеркивает, что в укрепленных стенами позднеантичных виллах продолжали существовать античные формы жизни, которые развивались и дальше во взаимодействии с формами, принесенными варварами, и которые обеспечили возникновение на их совместной основе позднейших феодальных центров. Нельзя не согласиться с Э. Томас в оценке той роли, которую сыграли виллы в распространении христианства в провинции и в передаче античных традиций: христианство создало возможности для преемственности римской культуры и ее дальнейшей передачи (стр. 388, 396). Там, где раскопки показывают сильную христианскую общину, жившую одним и тем же кругом идей, можно проследить продолжительность римской культуры и жизненных форм. Материал позднеримских вилл, таким образом, свидетельствует, как распадающиеся связи античного города сменяются новыми связями и отношениями, возникающими на основе единства веры, и античный город как коллектив граждан сменяется христианской общиной.

Как свидетельствует инвентарь находок, вилла всегда являлась культовым и в известной степени общественным центром для сельской округи. Из вилл и не только из городов распространялась и официальная идеология империи, находившая свое внешнее выражение в отправлении императорского культа. Так, в окрестностях виллы в Тац-Февеньпусте имелся храм для отправления императорского культа (стр. 299—326). Относимая к ветерану уже упомянутая мною вилла в Пурбахе также имела находившееся вне ее стен, но принадлежавшее вилле святилище, где отправлялся и императорский культ. Раскопанное на западном берегу оз. Балатона святилище Геракла в Айке принадлежало вилле, но располагалось вне ее. Оно продолжало действовать и после того, как была оставлена в результате войн III в. сама вилла. Святилище было уничтожено, как отмечает Э. Томас, по-видимому, по эдикту Константина, запретившего жертвоприношения и заботу о языческих культах: принадлежавшие святилищу предметы были разбиты и брошены в специально вырытую для этого яму (стр. 14—17). На некоторых крупных виллах было налажено изготовление

культовых реликвий, где в мастерских вилл отливались вотивные свинцовые изображения-пластинки богинь плодородия: Сильван, Изиды-Фортуны и Matrones (вилла в Поганьтелек). На вилле в Эйзенштадте были найдены свинцовые формочки для получения глиняных вотивов Сильвану. На вилле в Тац-Февеньпусте отливались вотивные свинцовые таблички с изображением дунайского всадника, культ которого был весьма распространен в дунайских провинциях во II—III вв. На рубеже III—IV вв. на виллах встречаются сначала отдельные христианские культовые предметы; в IV в., как мы видели, внутри стен крупных вилл существуют христианские базилики.

Интересны отдельные наблюдения Э. Томас, например, о том, что тип виллы с ризалитами по углам, выступавшими на концах портика, не италийского происхождения; он возник и развился из провинциальных условий. В Паннонии этот тип виллы утвердился в связи с поселением в III в. германских племен; еще ранее он встречен в Галлии.

Возможно, однако, высказать некоторые замечания частного характера. Я уже отмечала, что не всегда представляются убедительными остатки римского времени (черепица, фрагменты домашней керамики, фундаменты зданий и т. п.) в качестве доказательств существования вилл (например, на стр. 32, 33, 109 сл., 242, 250 и др.). Так, небольшая бронзовая головка, «о которой,—как пишет сам автор (стр. 250),— мы, к сожалению, ничего больше не знаем», хотя и встречена вместе с черепками домашней керамики и terra sigillata, однако вряд ли все-таки достаточна для того, чтобы предполагать здесь римскую виллу. Определить ближе характер здания не всегда возможно не только по находкам такого рода, но даже и при обнаружении стен. Как отмечает автор, толстые стены могли принадлежать и дорожной станции (стр. 250).

Остается не совсем ясным, что же представляло собой и каким образом возникло поселение из вилл. Ведь предполагается, что к каждой вилле были отнесены пашни, луга, источники и леса. Как отмечает Э. Томас, понятие виллы у римлян было совершенно определенным; это была производящая хозяйственная единица и отнюдь не архитектурный комплекс (стр. 355 слл., 383 слл.). Именно с хозяйственной точки зрения существовало подразделение вилл на три различных типа (villa rustica, villa urbana и villa suburbana), отмечаемое и автором. Здесь хотелось бы видеть тем бо́льшую определенность, что из описания археологического материала можно предполагать, что поселения из вилл II—III вв. отличались от таких же поселений IV в. Так, Villensiedlung в Токод (стр. 268), как пишет Э. Томас, возникшее очень рано, имело размещавшиеся вокруг зданий керамические, бронзовые, железные и стекольные мастерские. Очевидно, здесь был ремесленный центр округи, но тогда определение его как состоявшего из вилл поселения вряд ли правомерно.

Некоторые поселения, как кажется, не могут быть названы ни виллами, ни поселениями из вилл, например в Помаз-Луги-дюлё (стр. 250—255). Не исключено, что это было сельское поселение деревенского типа, возможно vicus, на землях которого возникла вилла и которая выделилась из села, как это можно предполагать, основываясь на известной надписи из Интерцизы с упоминанием vicus Caramantesium et villa.

Ю. К. Колосовская

W. SEYFARTH, Soziale Fragen der Spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus, B., 1963, 158 стр.

Задача рецензируемой книги формулируется в кратком предисловии и — более обстоятельно — в историографическом введении; широко охарактеризовать взгляды советских историков на проблему перехода от античности к средневековью, нашедшие наиболее полное выражение в ходе дискуссии 1951—1956 гг. на страницах ВДИ, критически рассмотреть некоторые из них, прежде всего с точки зрения интерпретации источников, и тем самым внести свою долю в изучение бурной и сложной исторической эпохи (стр. 9).

Такая задача определила структуру книги, разделенной на две части: первая—реферативный обзор работ советских историков, вторая—анализ источников по отдельным проблемам переходного периода от рабовладения к феодализму. Начало этого периода автор относит к эпохе Константина. Этот, вероятно, правильный вывод В. Зейфарт подтверждает несколько формальным, как я думаю, соображением: историки идеалистического направления (Штрокер, Хюбингер и другие), чьи взгляды он в целом не разделяет [1], и

[1] Автор, признавая вслед за Штрокером, Хюбингером и другими невозможность установить единую причину падения античности, точную грань, отделяю-

марксисты (Н. А. Машкин, участники дискуссии 1951—1956 гг.), находясь на принципиально различных теоретических позициях, приходят к общему заключению о том, что эпоха Константина открывает новый этап в европейской истории: «Все дороги ведут ко временам Константина» (стр. 9). Если это так, считает автор, то здесь должна быть какая-то внутренняя зависимость.

В первом разделе работы В. Зейфарт, как уже говорилось, рассматривает труды советских историков, посвященные проблемам перехода от рабовладения к феодализму (Е. М. Штаерман, А. Б. Рановича, М. И. Сюзюмова, С. И. Ковалева, А. Р. Корсунского, А. П. Каждана, А. Г. Гемп, З. В. Удальцовой, Е. Э. Липшиц, А. Д. Дмитриева, Н. Н. Беловой). Автор выделяет девять основных проблем, выдвинутых в ходе дискуссии: три из них связаны с изучением сельского трудящегося населения (колонат и его формы, рабство, его значение и развитие в Поздней империи, термины, обозначающие различные категории сельских тружеников). Следующая группа вопросов касается классовой борьбы (проблема в целом, массовые движения багаудов и другие восстания). Две темы посвящены «феодализации» Империи и возникновению основных классов новой формации. И, наконец,— «экономические проблемы в узком смысле слова» (см. стр. 54—55).

Сравнивая точки зрения советских историков, В. Зейфарт отмечает, что множество основных и побочных проблем, связанных с изучением перехода от античности к средневековью, трудно разрешить исчерпывающим образом и в серии работ. Несмотря на использование участниками дискуссии тех же источников, их выводы даже по основным вопросам сильно разнятся. В чем же сходится большинство из них? Серьезные перемены в жизни Империи совпадают с эпохой Константина. (В этом, как и в признании длительного переходного периода, предшествовавшего феодализму, В. Зейфарт находит единство взглядов у советских и западных историков.) Необходимо дальнейшее и разностороннее изучение проблемы падения рабства (стр. 75). Раздел завершается изложением редакционной статьи ВДИ, подводящей итоги дискуссии.

Вторая (основная) часть работы открывается исследованием некоторых важных для общих выводов мест из кодекса Феодосия и Дигест. Необходимость этого убедительно мотивируется важнейшим значением тщательного филологического анализа, без которого невозможна верная интерпретация источника.

Большой интерес представляет обращение автора к недостаточно еще изученному вопросу о значении наемного труда в сельском хозяйстве Поздней империи, а в более широком смысле о соотношении между свободным и рабским трудом в ту эпоху.

В. Зейфарт указывает на широкое сосуществование труда рабов и свободных. В подтверждение приводится «Эпитафия жнеца», относимая к III в., и некоторые другие источники. «Эпитафии» автор уделяет особое внимание. Опираясь на нее, он подчеркивает возможность перехода из низшего сословия в разряд honestiores (стр. 100). В. Зейфарт полагает, что из числа бедняков, подобных «жнецу», выходили casarii — социальная группа, не отождествляемая с рабами и колонами (стр. 104). Casarii, по мнению автора, составляли часть плебса, значение и роль которого в эпоху Поздней империи еще недостаточно изучены.

К характеристике плебса и переходит автор. Это низшая категория humiliores, ниже нее только циркумцелионы. Однако несмотря на приниженное положение, плебеи, разбогатев, могли перейти в высшее сословие. Следовательно, безусловно существовавшая грань между ними и honestiores не была непереходимой. Плебс был важным фактором политической и экономической жизни. Он, хотя и был отделен от колонов и рабов статусом свободных граждан, ревностно охранявшимся императорами, вызывал у правительства и знати не меньшие опасения. Выводы автора основываются на материале юридических памятников и других источников (Аммиан Марцеллин, SHA, надписи).

Характеристикой плебса завершается анализ положения свободных категорий трудящихся Поздней империи.

Последняя глава второй части рецензируемой работы посвящена правовому и фактическому положению рабов. Автор подчеркивает расслоение в их среде, протекавшее параллельно с дифференциацией свободных. Теоретически каждый свободный был потенциальным рабовладельцем, тогда как раб считался лишенным права иметь собственность. Действительность существенно отличалась от теории: многие рабы сами эксплуатировали рабов, городские же плебеи рабов не имели, а сельские колоны были полусвободными.

Это позволяет автору выдвинуть важные теоретические вопросы. Отразились ли противоречия, наметившиеся в базисе рабовладельческого общества, в правовой теории, являющейся частью надстройки? Как взаимодействовали базис и надстройка в период, переходный от рабовладения к феодализму? (см. стр. 127 сл.).

щую ее от средневековья, критикует их за игнорирование экономических факторов, определивших переход от одной эпохи к другой, за замалчивание марксистских работ. Не принимает он и одностороннюю оценку Константина, восходящую, по сути дела, к Пиганьолю (см. стр. 3—7).

В. Зейфарт прослеживает перемены в правовом положении рабов, определяет их действительные взаимоотношения со свободными бедняками.

Упоминания рабов в законодательстве автор делит на две группы: *1*) отношения между рабами и свободными; *2*) власть господина над рабом и ее границы. Говоря о первой группе упоминаний, автор указывает на стремление власти подчеркнуть презрительное отношение к рабскому состоянию, закрепить непереходимость грани между рабами и даже бедными прослойками свободных, тем самым противодействовать порабощению последних крупными владельцами. Что касается власти господина над рабом, то хотя она постепенно ограничивалась, но только в тех пределах и случаях, когда это соответствовало интересам государства. Итак, с точки зрения правовой теории положение рабов не изменилось.

А как протекала повседневная жизнь рабов? Об этом повествуют надписи, относимые В. Зейфартом к числу наиболее объективных источников. Автор группирует их по четырем проблемам: *1*) семьи рабов; *2*) отношения рабов к собственности; *3*) стремление рабов к уравнению со свободными; *4*) отношения рабов с плебеями, т. е. низшей категорией свободных (см. стр. 145). Выводы В. Зейфарта по эпиграфическому материалу таковы: в большинстве случаев рабы, подобно свободным, имели прочные семьи. Они нередко располагали солидной собственностью и рассматривали ее точно так же, как свободные граждане — свою. Рабы принимали такие же имена, как и свободнорожденные, тем самым как бы стирая грани между собой и свободными. Семья, собственность, имя — важнейшие элементы, отличавшие рабов от свободных. В эпоху Поздней империи различия между ними стали стираться. «Низшие слои населения слились в однородную массу» (стр. 156). Следовательно, рабовладельческое общество стало распадаться.

В области права наметились противоречивые тенденции: прогрессивная и реакционная. Жизнь ставила перед юристами новые проблемы. Фактическое положение рабов не укладывалось в традиционную правовую теорию. Наметился раскол между базисом и надстройкой, и он сохранялся до тех пор, пока последняя не была ликвидирована под воздействием внутренних и внешних факторов (стр. 154).

Работа завершается кратким заключением. Тщательный разбор источников, их филологическая интерпретация, сопоставление юридических документов с эпиграфическими данными, общие выводы, сделанные в рецензируемой работе,— все это представляет большую научную ценность. Автор раздвинул рамки дискуссии о переходе от рабовладения к феодализму, развил ее и внес немало новых наблюдений.

Некоторые положения В. Зейфарта спорны. Я уже говорил о том серьезном внимании, которое уделяет автор филологической интерпретации документов. В отдельных случаях она вызывает возражения. Так, В. Зейфарт, оспаривая мысль о растущей зависимости колонов в V в., выясняет значение термина dominus. Ссылаясь на кодекс, он утверждает, что в это время понятие dominus употреблялось наряду с patronus. В подтверждение приводится рассказ Аммиана Марцеллина о том, как опознанный комитом Урсицином изменник Антонин humum vultu paene contingens, salutavit patronum appellans et dominum (см. стр. 88). Полагаю, что этот отрывок не свидетельствует в пользу мнения В. Зейфарта. Вполне вероятно, что у напуганного Антонина, знавшего разницу между понятиями dominus и patronus, просто не было времени подумать, какое из них больше придется по душе разгневанному комиту.

В. Зейфарт широко использует эпиграфический материал. Разумеется, надписи — источник важный и перспективный. И все-таки всякий раз задумываешься, насколько они синхронны с данными кодексов. И другое: автор использует надписи, оставленные главным образом императорскими рабами, отчасти — домашними. Неясным остается, в какой степени их положение было типично для всех категорий рабов и, в частности, занятых в земледелии, основной отрасли античного производства.

В. Зейфарт возражает против понятия «классическое рабство», считая его лишенным содержания (стр. 128 сл.). Так ли это? «Классические», т. е. наиболее типичные формы рабства развивались в сельском хозяйстве, основной отрасли производства во времена Республики и Империи. Примером «классических» рабов могут служить сельскохозяйственные невольники Катона, «говорящие орудия» Варрона, не имевшие пекулиев, являвшиеся только объектом права. Такие рабы на протяжении столетий составляли основную массу трудящихся в главной отрасли производства. Их широкий перевод на пекулии, сближение с постепенно порабощаемыми колонами являются отклонением от «классических» форм рабства, знаменуют переход к новым формам эксплуатации.

Трудно согласиться и с утверждением автора о неприложимости к античной эпохе понятия «трудящиеся массы» (стр. 108), и с недооценкой сословного момента, осложняющего классовую структуру рабовладельческого общества (см. стр. 100).

В заключение я хотел бы высказать некоторые соображения, возникшие в связи с чтением работы В. Зейфарта. Автор говорит о долгом периоде перехода от рабовладения к феодализму, хотя нигде подробно не останавливается на раскрытии его сущности. На стр. 134, где речь

идет о характерных для Поздней империи противоречиях в базисе и надстройке, автор делает следующее принципиальное замечание: «Мы можем здесь проследить на конкретном примере, как базис в долго продолжающемся процессе создает надстройку». В другом месте говорится о гибели старой надстройки под воздействием внутренних и внешних факторов (стр. 154). Значит, автор признает постепенность преобразований экономической и социальной жизни рабовладельческого общества, которые привели к гибели старых политических учреждений. Хотелось бы несколько развить эту мысль.

В нашей исторической литературе правильно отказались от понятия «революция рабов». Попытки его совмещения с историческими фактами, сделанные в 30-х годах, вели к модернизации и фантастическим построениям, получившим уже критическую оценку [2]. Однако период перехода от рабовладения к феодализму нередко считают социальной революцией, растянувшейся на несколько столетий [3]. Б. Ф. Поршнев в интересной работе «Феодализм и народные массы» использует, как мне кажется, неудачное понятие «антирабовладельческая революция», которая, с его точки зрения, «есть завершающий взрыв основного классового антагонизма античного общества» [4]. Между тем элементы феодализма в производстве и общественной жизни закреплялись постепенно, варварские завоевания разрушали рабовладельческие порядки не сразу, а политика варварской знати играла и тормозящую роль в разрушении старого строя.

Не лучше ли говорить о длительном переходном от рабовладения к феодализму периоде, начало которому было положено кризисом рабовладельческой системы и сущность которого заключалась в серии стихийных, объективно революционных преобразований в хозяйственной, социальной и политической областях, осуществлявшихся в результате стихийного взаимодействия разных факторов: развития магнатского основанного на полурабском труде колонов хозяйства, классовой борьбы и варварских завоеваний. Результатом этих стихийно протекавших преобразований (предстоит конкретно выявить и исследовать их социальную природу) явилось отмирание рабства как ведущей формы эксплуатации, постепенная трансформация основных антагонистических классов и политических учреждений рабовладельческого государства.

[2] См. Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964, стр. 14 сл.; 241 сл.

[3] См. «Всемирная история», т. 2, М., 1956, стр. 816 сл., т. 3, М., 1957, стр. 9.

[4] Б. Ф. Поршнев, Феодализм и народные массы, М., 1964, стр. 451.

Л. А. Кац

H. B. ROSÉN, Eine Laut- und Formenlehre der herodotischen Sprachform, [Indogermanische Bibliothek. I. Reihe. Lehr- und Handbücher], Heidelberg, 1962, 272 стр.

Книга Розена представляет собой опыт описания геродотовского языка (или, как предпочитает выражаться автор, геродотовской формы языка) со стороны его фонетики (фонологии) и морфологии.

Предшественниками Розена были Бредовиус и в известном смысле Бехтель. Книга Бредовиуса [1] давала очень подробные сведения по фонетике и морфологии языка Геродота. Однако вышедшая в свет почти 120 лет тому назад, когда филологическая наука не располагала ни критическими изданиями текста истории Геродота, ни достаточным количеством эпиграфического материала, в значительной степени написанная под влиянием некоторых предвзятых взглядов, книга Бредовиуса, уже давно устаревшая, в настоящее время не может удовлетворять потребностям исследователей языка отца истории.

Страницы труда Бехтеля о греческих диалектах [2], посвященные Геродоту, при всей своей полезности страдают односторонностью истолкования под влиянием тех же ставших традиционными предвзятых точек зрения.

Кроме названных книг имеется ряд статей, в которых либо разбираются отдельные вопросы геродотовской фонетики или морфологии, либо предлагается общая характеристика геродотовского языка.

Рецензируемая книга отличается от

[1] Ferd. Iul. Caes. Bredovius, Quaestionum criticarum de dialecto Herodotea libri quattuor, Lipsiae, 1846.

[2] Fr. Bechtel, Die griechischen Dialekte, Bd. III. Der ionische Dialekt, B., 1924.

всех предшествовавших ей работ не только широтой постановки вопроса, не только критическим отношением к установившимся и казавшимся незыблемыми положениям, но и самой методикой исследования. Розен изучает язык рукописной традиции в том виде, в каком он нам дан, не стремясь предварительно или попутно вносить поправки в рукописное предание или истолковать особенности последнего как результат позднейшей порчи.

В предисловии автор предупреждает читателя о том, что его книга идет навстречу настоятельным потребностям современного греческого языкознания (griechische Sprachwissenschaft) и представляет собой синхронно-описательную грамматику; прочная база для построения истории греческого языка будет создана лишь тогда, когда в распоряжении филологической науки будет много подобных работ, посвященных отдельным греческим авторам.

Задача исследователя истории Геродота со стороны ее языка состоит в первую очередь в учете фактов рукописной традиции, точной регистрации колебаний, являющихся характерной особенностью этой традиции. Глубоко ошибочным считает Розен укоренившееся представление о том, что эти колебания были чужды первоначальному тексту Геродота и должны быть устранены путем унификации. Только после обзора фактов геродотовской фонетики (фонологии) и морфологии закономерно будет поставить вопрос о геродотовской языковой форме (которую в некоторых местах своей книги Розен называет идиолектом).

Программа, набросанная в предисловии, выполнена в четырех отделах книги: I. Фонетика (фонология) (стр. 15—57); II. Именная морфология (стр. 58—118); III. Глагольная морфология (стр. 119—192); IV. Обобщающие пролегомены к тексту и языку Геродота (стр. 193—254). Далее следуют указатели слов, окончаний, мест истории Геродота, предметов.

Явления фонетики и морфологии, разбираемые в первых трех отделах книги, подаются автором с оглядкой на современные течения в языкознании и с соответствующей терминологией. Так, например, в первом параграфе первого отдела (стр. 16 сл.) рассматривается явление нейтрализации оппозиции ε/α в определенном положении. Здесь же Розен дает определение понятия нейтрализации (ввиду возможности разного его понимания). Смысл последней в том, что в определенных положениях из подвергшихся нейтрализации фонем выступает только одна (а иногда — ни одной), т. е. различие между фонемами снимается. Берется сочетание — ᾰο —. В середине автор вставляет условный знак, обозначающий не только границу между слогами, но, как правило, и исчезнувшую, «ставшую нулем» фонему. Это сочетание реализуется как εο/ω, т. е. вместо ожидаемого α в нем имеется ε (в силу нейтрализации ε/α). Конкретно: λεών, Μενέλεων, ἵλεως. Сложнее дело обстоит в глаголах. Если здесь неударное ο следует за ударным α, то это последнее реализуется как ε — ὁρέω, ὁρέων, φοιτέοντα. Если же оба компонента в сочетании безударные, то констатируются колебания: ἐφοίτων — ἐφοίτεον, ἐπειρώτων — ἐπειρώτεον и др.

Систематический обзор именной морфологии охватывает вопросы склонения имен, образования женского рода, образования и склонения местоимений, сравнения. В надлежащих местах даются параллели из эпиграфических памятников. Так, по поводу дательного падежа множественного числа существительных с основой на α/η типа ἡμέρῃσι; μαχαίρῃσι, которые Розен называет загадочными, он ссылается на такие же формы в надписях Теоса, Фасоса, Пароса (стр. 59).

Очень характерно для Розена недоверие к распространенному мнению о том, что некоторые формы в рукописях Геродота не являются подлинными, а представляют собой «выдумки» античных грамматиков. Например винительный падеж Ξέρξεα Бехтель назвал выдумкой античных грамматиков, хотя сам не указывал никакой причины, которая могла бы вызвать изобретение такой формы. Вопрос запутывается еще и тем, что рукописи Геродота знают наряду с формой Ξέρξεα также Ξέρξην, причем в одной главе (VII, 4) фигурируют обе формы; непонятно, почему изобретатели новой формы оставили в неприкосновенности в ряде мест и даже в непосредственной близости с исправленной формой старую. Отвергая a limine предположение Бехтеля, Розен в соответствии со своей общей установкой говорит о колебании в самом живом греческом языке. Сближение в произношении некоторых форм разных склонений было причиной полного или частичного перехода слов из склонения одного типа в склонение другого типа, а отсюда получалась возможность параллельных форм (стр. 69).

В разделе о глагольной морфологии в систематическом порядке рассматриваются основы настоящего времени, аориста, перфекта, затем аугмент, наклонения, причастия, личные окончания и особенно подробно, на 30 страницах (161—190), образования с приставками.

Общие итоги подводятся в IV отделе. Отдел начинается с вопроса о расчленении труда Геродота. Розен напоминает о том, что деление на девять книг восходит к александрийской поре. Любопытно, что средневековые словари к Геродоту, даже те, в которых слова перечисляются в порядке книг, не знают нашего нынешнего (т. е. александрийского) деления по книгам. О другом, более раннем делении, мы можем составить себе представление на основании распределения разночте-

ний (в смысле языковых вариантов) в рукописях.

Переходя к вопросу о рукописях Геродота, Розен оставляет в неприкосновенности установившееся деление бóльшей части рукописей на две семьи — римскую (stirps Romana) и флорентийскую (stirps Florentina), но решительно отказывается делить их на «лучшие» и «худшие».

Одно существенное наблюдение дает Розену возможность по-новому подойти к вопросу о редакции текста имеющихся у нас рукописей истории Геродота. Определенные чтения в рукописях внезапно уступают место другим,чтобы затем снова возвратиться. Бывает, что новое чтение неожиданно появляется во всех рукописях, причем только в одном месте. Более знаменательны те случаи, где такая замена констатируется, притом на более или менее значительном отрезке, только в одной семье. Результаты своих наблюдений автор очень наглядно представляет в виде двух таблиц (стр. 194—195). Первая иллюстрирует употребление в рукописях форм винительного падежа множественного числа — νῆας, νέας, ναῦς. Из таблицы видно, что в книгах I, II и IV, где этот винительный падеж встречается редко, единственной для всех рукописей является форма νέας. То же наблюдается и в книге V, но только до 83 главы, где все рукописи дают νῆας с тем, чтобы в главе 97 возвратиться к чтению νέας. Эта полоса, в свою очередь, прерывается в книге VI, главе 46, где все рукописи дают сначала νέας, а затем (только один раз) ναῦς — это первый случай употребления такой формы. В главе 48 той же книги VI и во всей книге VII читается опять νέας. Такую же форму встречаем везде в 1 главе книги VIII, а именно в четырех случаях. В пятом месте той же главы consensus codicum нарушается. Часть рукописей (флорентийская семья и примыкающий к ней Парижский кодекс P) остается до конца верной чтению νέας и лишь в 94 главе книги VIII дает вторично (и опять-таки только один раз) форму ναῦς. Другая часть (римская семья) в пятом месте 1 главы книги VIII переходит к чтению νῆας, которого и придерживается дальше, но только до главы 14 той же книги, где опять (в согласии с флорентийской семьей) дается νέας; в 94 главе — общее чтение всех рукописей — ναῦς. Чтение νῆας, два раза возвращающееся после указанных перерывов, удерживается в этой второй группе рукописей только до конца книги VIII. В книге IX опять согласие кодексов — все они дают νέας.

Вторая таблица знакомит нас с распределением в книге VIII форм, происходящих от основ настоящего времени πλέω и πλώω (о распределении этих форм в других книгах см. стр. 119—120). Получается картина более простая, чем в первой таблице, но не менее показательная. Одна часть рукописей (флорентийская семья) дает последовательно на протяжении всей книги πλέω, другая (римская семья) до главы 87 πλώω, затем на отрезке глав 87—108 в пяти местах πλέω, но в главе 109 и дальше — снова πλώω.

Привлекая еще некоторые свои наблюдения, Розен приходит к важному выводу: труд Геродота был в работе у редактора (редакторов) не как единое целое, причем границы между отдельными частями проходили не там, где сейчас проходят границы между книгами. Считаясь с распределением ряда разночтений (так, чтобы исключалась возможность случайности), не упуская из виду и содержание соответствующего отрезка, Розен находит, что книга I уже сразу представляла собой единство, книга II была представлена в виде двух частей, III — также двух, IV — трех, V и VI представляли собой целые единицы, VII распадалась на три части, VIII и IX — каждая на две (стр. 201).

До Розена некоторые филологи и историки делали попытки «с бóльшим или меньшим успехом» (стр. 202) распределить текст истории Геродота по свиткам, на которых этот труд был написан до того, как попал в кодексы. Противоречия между их выводами и выводами Розена о расчленении книг на части не получается: выделенные Розеном части хорошо умещаются на свитках (например, первая часть книги VII — на 10 свитках, вторая — на 3, третья — на 4 и др.).

Уже давно в филологической науке обращено внимание на проэмий Геродота, в котором автор труда называется то галикарнассцем, то фурийцем. Отсюда делается правильный вывод, что были разные издания труда Геродота, что он мог отдельные части своей истории публиковать в разных местах. При этом нельзя забывать и об Афинах. К этому обязывает нас уже чередование в рукописях форм Ἁλικαρνησσέως (ος) и Ἁλικαρνασ(σ)ῆος, из которых вторая является скорее афинской, нежели ионийской. Хотя Геродот нигде не пишет на аттическом диалекте, но в его труде есть места, по-аттически окрашенные (некоторые формы слов «корабль», «город» и др.), преимущественно в книге VIII, где речь идет об афинской истории, особенно в описании битв вокруг Афин.

Во всяком случае совершенно ясно, что об единой редакции всего труда думать нельзя. Грамматический разнобой в рукописях есть исторический факт, который обязывает нас к определенным заключениям. Вульгаты текст Геродота никогда не знал (стр. 205).

Особый раздел посвящен обзору наших источников для изучения языка Геродота (источники прямые — папирусные фрагменты и средневековые рукописи; не прямые — комментарий Аристарха, средневековые словари к Геродоту, упоминания о Геродоте или его языке у

древних грамматиков или случайные у других авторов) (стр. 205—231).

Остановимся на папирусных отрывках. Самые ранние из них (конца I — начала II в. н. э.) дают текст, родственный флорентийской семье рукописей. Во II в. появляются не менее двух новых форм редакций текста, отличных от текста обеих семей наших рукописей, но близких к тем источникам, из которых черпали свои цитаты некоторые античные авторы. Чтения этих папирусов совпадают частью с чтениями одной семьи рукописей, частью с чтениями другой, но в значительной степени отклоняются и от тех, и других; в ряде же случаев обнаруживаются совпадения с цитатами из Геродота у античных авторов. До конца III в. н. э. нет ни одного папируса, чтения которого полностью совпадали бы с чтениями наших рукописей.

Очень поучительна глава под заголовком «Исторический обзор филологической трактовки и диалектологического истолкования текста Геродота» (стр. 231—248). Автор констатирует, что с самого возникновения греческой науки о языке текст Геродота привлекал к себе внимание как крупный, целиком сохранившийся литературный памятник неаттической прозы. Вероятно, от Аристарха происходит одна из дошедших до нас редакций текста Геродота. Тот же александрийский филолог составил комментарий к Геродоту, скудные остатки которого сохранились на папирусе.

Нет надобности пересказывать здесь содержание исторического очерка Розена. Выделим лишь несколько существенных моментов. Самое раннее свидетельство об определении геродотовского языка в древности находим у Дионисия Галикарнасского, который говорит (ad Pomp., 3, 16), что Геродот является лучшим каноном ионийской речи, а Фукидид — аттической. Розен не решается видеть здесь безоговорочное признание языка Геродота ионийским и ставит два вопроса: 1) каноном какой ионийской речи считает Дионисий Геродота; 2) не следует ли усматривать в словах Дионисия скорее противопоставление форм выражения (Ausdrucksform) у обоих историков, нежели противопоставление диалектов, тем более что едва ли в древности кто-либо был настолько неосведомлен в истории аттического языка, чтобы признавать именно Фукидида образцом классического аттического языка. Остроумны и в высшей степени убедительны соображения, высказанные Розеном по поводу того места трактата «О возвышенном», на котором основывается мнение филологов нового времени об особой близости языка Геродота к языку Гомера (стр. 232—233). Вот это место (13, 3): μόνος Ἡρόδοτος ὁμηρικώτατος ἐγένετο, т. е. только Геродот был «гомеричнейшим». Обычно эти слова вырываются из контекста и толкуются вне связи с дальнейшим. Между тем дальше читается: Στησίχορος ἔτι πρότερον ἅ τε Ἀρχίλοχος, πάντων δὲ τούτων μάλιστα ὁ Πλάτων, ἀπὸ τοῦ ὁμηρικοῦ κείνου νάματος εἰς αὑτὸν μυρίας ὅσας παρατροπὰς ἀποχετευσάμενος — вслед за Стесихором и Архилохом родственным Гомеру, притом особенно, почитается Платон, который провел к себе по каналам из гомеровского потока бесчисленное множество отводов. Если интерпретировать слова о «гомеричности» Геродота с учетом контекста, то обычное их толкование должно отпасть. В самом деле, Платона ни по языку, ни по стилю нельзя назвать самым близким к Гомеру. Речь идет вовсе не о языке и не о стиле. Античный критик имеет в виду νᾶμα, т. е. «эпический поток» повествования. Сравнение Геродота и Платона с Гомером делается в плане эстетическом. Дионисий Галикарнасский не дает, следовательно, опоры для мнения о близости языка и стиля Геродота к языку и стилю Гомера.

От древности сохранилось и свидетельство о диалекте Геродота, однако оно такого характера, что менее всего может служить доказательством квалификации древними языка отца истории как чисто ионийского. Живший во II—III вв. н. э. Гермоген (περὶ ἰδεῶν, II, 399) говорит о несмешанной ионийской речи Гекатея и о пестрой (ποικίλη) — Геродота.

Розен, таким образом, показывает и сам это подчеркивает, что представления ученых нового времени о том, будто в древности Геродот считался образцом ионийского писателя, к тому же очень близким по языку к Гомеру, лишены основания. Если так, то следует отказаться от выводов, вытекающих из этих представлений, а именно,— будто текст Геродота подвергся в древности сознательной переработке в направлении дальнейшего сближения с неправильно понимавшимся, исчезнувшим из живого употребления ионийским диалектом и с языком Гомера. Сомнения вызывает уже то обстоятельство, что наряду с гомеровскими формами в одних и тех же рукописях текст Геродота допускает и формы негомеровские — факт непонятный, если допустить работу редакторов, поставивших себе целью внесение в текст гомеровских форм.

Не будем прослеживать вместе с Розеном дальнейший ход истории изучения Геродота начиная от Григория Коринфского (XII в.), который в течение ряда столетий был главным источником для знакомства с греческими диалектами, и продолжая филологами XIX в., когда появился упомянутый выше труд Бредовиуса, а затем вышел ряд критических изданий Геродота. Итоги, к которым пришла филология XIX в. в вопросе об языке Геродота, сводятся к следующему: 1) Геродот не писал на каком-либо чистом диалекте; 2) все же язык Геродота был единообразным; 3) имеющиеся у нас

рукописи дают текст Геродота в испорченном виде.

Перечислив ряд трудов, из которых одни стоят на почве традиционных взглядов, а другие могут считаться в той или иной степени подготовляющими переход на новые позиции, Розен, окончательно перешедший на эти позиции, так характеризует цель, методику и результаты своей работы:

1. Своей задачей он считает построение грамматики геродотовской традиции; его удовлетворяет констатирование того, что та или иная геродотовская форма соответствует теоретическим требованиям того или иного греческого диалекта.

2. К сравнению привлекаются надписи, притом с двух точек зрения: а) колебания в орфографии, морфологии и, возможно, фонетике, если они подтверждаются соответствующими колебаниями в современных Геродоту надписях, нельзя устранять из текста истории Геродота. Колеблющаяся традиция и является достоверной. Однако наблюдения обнаруживают иногда у редакторов текста Геродота тенденцию к устранению колебания в пользу одной из форм. Кроме того, оказывается, что разные варианты оставлялись редактором лишь в том случае, когда такие же колебания имеются в установившемся гомеровском тексте.

Розен объясняет, что признание им влияния гомеровского текста на редакцию истории Геродота в корне отличается от традиционного взгляда, согласно которому текст Геродота подвергся сознательной «гомеризации». Прежде всего, не может быть и речи о внесении в первоначальный текст Геродота чуждых ему гомеровских форм; затем, негомеровские формы Геродота, если они являются единственными, т. е. если к ним нет вариантов, не подвергаются изменениям и нигде не заменяются гомеровскими. Следует всегда помнить о том, что Геродот пользовался обиходным языком, который по самой своей сущности допускает варианты. К этому прибавляется еще и то обстоятельство, что во времена Геродота не было стабилизированной орфографии — отец истории мог по-разному писать одни и те же слова.

в) Надписи привлекаются и с той целью, чтобы получить опору для диалектологической классификации языковых явлений, отражающихся в рукописях Геродота.

Последняя глава книги названа «Географическое положение геродотовской языковой формы» (стр. 248—254). На немногих страницах важнейшие фонетические, морфологические и в меньшей степени лексические факты геродотовского языка прикрепляются к определенным географическим пунктам — к Ионии, азиатской Дориде, ионийским и дорийским островам Эгейского моря, а также к Аттике, Мегарам, Коринфу, Эгине. В двух наглядных схемах сведены результаты этого исследования изоглоттного положения языка Геродота. На последней странице дана карта географических пунктов с линиями изоглосс применительно к рукописной традиции геродотовского текста.

Вооруженный результатами конкретного анализа языкового материала геродотовской рукописной традиции и привлеченными к сравнению языковыми данными из разных полисов Малой Азии, островов и метрополии, Розен считает себя, наконец, вправе поставить вопрос о том, куда в географическом смысле ведет нас язык Геродота. Как показывают графические изображения, особенности языка отца истории указывают главным образом на район Милета, Галикарнасса, Коса или даже на более ограниченный район между двумя последними пунктами. Так мы попадаем на родину Геродота. В этом гарантия правильности того пути, какой избрал в своем исследовании Розен.

Остается сказать несколько заключительных слов. Тщательное, кропотливое исследование, осторожный, всегда опирающийся на языковые данные рукописей, надписей и античных свидетельств ход рассуждения, подлинно филологическая акрибия в интерпретации давно известных, но нередко произвольно толковавшихся высказываний античных ученых, постоянная оглядка на всю совокупность исследуемых явлений подкупают беспристрастного читателя и убеждают его в надежности достигнутых автором книги результатов. Книга Розена открывает собой новый этап в изучении языка Геродота.

А. И. Доватур

КРИЗИС И ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

A. H. M. JONES, The Later Roman Empire. 284—602, vol. I—III, Oxf., 1964; *R. RÉMONDON, La crise de l'Empire Romain de Marc-Aurèle à Anastase*, P., 1964

В 1964 г. вышли две книги: одна из них написана известным английским античником А. Джонсом, другая — французским папирологом, издателем папирусов из Аполлонии Ано Р. Ремондоном. Обе книги посвящены одной теме — Поздней Римской империи, и обе представляют собой попытку дать обобщенную характеристику исторических процессов того времени.

Сразу же бросается в глаза различие между книгами. Оно начинается с самых внешних признаков: с заглавия, с объема. Книга Джонса называется «Поздняя Римская империя», и этим названием словно подчеркнут ее описательный характер. Напротив, заглавие работы Ремондона — «Кризис Римской империи» — свидетельствует, что цель автора — не столько описывать, сколько объяснять. Книга Джонса — объемистый трехтомник: 1068 страниц текста (т. I—II) и 448 страниц аппарата (т. III); все сочинение Ремондона уместилось на 363 страницах, к тому же значительно меньшего формата.

Различны и манеры повествования: у Джонса — неторопливое изложение фактов, сопровождающееся (в аппарате) обширными выписками из источников; он стремится к воссозданию если не всесторонней, то во всяком случае полной *картины* жизни Римской империи, представленной в определенной последовательности. Ремондон, напротив, скорее упоминает о фактах, намекает на них, сосредоточивая внимание на проблемах, которые считает наиболее существенными. Его книга — о *проблематике* последних столетий римской истории.

Соответственно разнится и структура обеих книг. Труд Джонса (не считая аппарата) распадается на три части. Первая (стр. 1—317) названа автором повествовательной: это представленная в хронологической последовательности внутренняя и внешнеполитическая история Римской империи (с краткой характеристикой источников в начале каждой главы). Вторая—по терминологии Джонса «описательная» (стр. 321—1024)—состоит из ряда очерков административной, социальной, экономической и культурной жизни империи («Правительство», «Администрация», «Финансы», «Правосудие», «Сенаторы и honorati», «Гражданское чиновничество», «Армия», «Рим и Константинополь», «Города», «Деревня», «Промышленность, торговля и транспорт», «Церковь», «Религия и мораль», «Образование и культура»). Последняя часть самим автором не выделена, включена им как заключительная глава в описательную часть; однако эта глава — «Упадок империи» (стр. 1025—1068) — коренным образом отличается от предваряющих ее очерков: здесь Джонс, обобщая изложенное, старается наметить основные пути развития.

Совершенно по-иному, не традиционно построена книга Ремондона. Первый ее раздел — справочный. Он состоит из обширной библиографии (источники и литература вопроса), расположенной в систематическом порядке (стр. 13—48), и синхронистических таблиц (стр. 49—67). Далее следует раздел, озаглавленный «То, что мы знаем» (стр. 69—239),— суммарное изложение фактов (в хронологической последовательности) с отчетливо выделенным справочным материалом — таблицами, иллюстрирующими фамильные связи императоров, административное устройство, структуру армии и даже (стр. 155) соотношение религиозно-политических группировок. Третий раздел — «Проблемы и пути исследования» (стр. 243—324). Ремондон, таким образом, стремится отчетливо разграничить установленное и спорное, то, что выяснено, и то, что еще предстоит выяснить [1].

Короче говоря, если Джонсу его книга представляется итогом исследования, то Ремондон видит в своей скорее исходный пункт для дальнейшего рассмотрения. Остановимся в этой связи на отношении обоих авторов к литературе вопроса.

Ремондон постоянно анализирует труды своих предшественников. Мало того, он, как уже сказано, предпосылает книге список новейших исследований, включающий 538 названий. Этот список можно подвергнуть критике: в нем встречаются чисто библиографические погрешно-

[1] Замечу попутно, что это остроумное разграничение выдержано недостаточно последовательно: то в третьем разделе— наряду с центральными проблемами— разбираются частные вопросы, например, датировать ли поражение Валериана 259 или 260 годом (стр. 277), то в разделе «твердых фактов» мы встречаем проблемы, остающиеся неясными для самого Ремондона,— скажем, причина примирения Константина с арианством (стр. 148) проблема, бесспорно, более значительная, чем расхождение на год в датировке поражения Валериана.

сти [2]; не всегда оправдано расположение материала: в одних разделах труды расположены по определенной системе, в других (№ 214—237, 238—260, 279—303) — по алфавиту; посвященные одной проблеме работы оказываются в разных разделах (№ 359 и 417); общие работы попадают в частные разделы (№ 228, 367, 380); не всегда убедителен выбор той или иной работы: так, по Константинополю Ремондон указывает на работу Эберзольта (№ 355), тогда как существует значительно лучший справочник Жанэна [3]; по манихейству рекомендует работу Пюша (№ 273), а не Клима [4]; по византийской церкви — поверхностную, компилятивную книжку Эвери (№ 462), а не первоклассный труд Бека [5] и т. д. Наиболее существенный недостаток библиографии Ремондона — это последовательное игнорирование советской литературы: он не знает даже непосредственно относящейся к его теме монографии Е. М. Штаерман «Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи» (М., 1957), не осведомлен о дискуссии, проходившей на страницах ВДИ. Но как бы то ни было, Ремондон стремится ориентировать своего читателя в современном состоянии литературы,— иная позиция у Джонса. В его обширном аппарате ссылки на литературу крайне редки (это не значит, конечно, что Джонс не осведомлен в новой литературе: например, он на стр. 38 без колебаний датирует провозглашение Диоклетиана 24 ноября 284 г., хотя еще недавно точная дата этого события оставалась спорной [6]); более того, во введении (стр. VI) он с известным литературным кокетством пишет, что пользовался по преимуществу теми книгами и статьями, авторы которых любезно присылали ему экземпляры. Есть много принципов подбора литературы — с подобным, признаюсь, я столкнулся впервые. Но, повторяю еще раз, подобное отношение к литературе вопроса — не случайность, оно вытекает из представления Джонса о его книге как о завершающей исследование проблемы. Стоит ли читателю обращаться к специальным монографиям, если все освещено и разобрано в этой трехтомной книге?

Различны и хронологические рамки. Ремондон начинает от Марка Аврелия и кончает Анастасием I, охватывая время от 161 до 518 г. В подзаголовке труда Джонса — 284—602 гг., что, впрочем, не совсем соответствует действительности: первая — так называемая повествовательная — часть книги начинается с Антонинов и завершается правлением Константина IV (668—685 гг.).

Даже в изложении элементарных фактов авторы расходятся. Сравним для примера описание событий правления Диоклетиана по Ремондону (стр. 58) и Джонсу (стр. 38 и сл.). Согласно Ремондону, Диоклетиан назначил Максимиана августом в *сентябре* 286 г., согласно Джонсу — *1 апреля*; Ремондон датирует узурпацию Караусия 286, Джонс — 287—288 г.; Галерий был назначен кесарем, по Ремондону, в *мае* 293 г., по Джонсу,— *1 марта*; в 294 г., полагает Ремондон, *Галерий*, опираясь на Сирмий, действовал против готов на Дунае — Джонс же пишет, что на Дунае находился *Диоклетиан*, тогда как «о деятельности Галерия в те годы ничего не известно». Мятеж Домиция Домициана отнесен Джонсом к 296, Ремондоном — к 297 г., военные действия Максимиана в Африке приходится по Ремондону на 296—298 гг., по Джонсу — на 297—298.

И все же различие обеих книг оказывается внешним, структурным, касающимся частностей. При всем несходстве три центральных момента роднят эти работы: подчеркивание локальных особенностей, постепенности совершавшихся перемен и множественности причин, вызывавших упадок Римской империи.

Эти три принципа (они, разумеется, не составляют специфики *только* рецензируемых книг [7]) противостоят тенденции к схематизации, завещанной нам XIX столетием, и позволяют воссоздать более конкретную картину действительности. Так, говоря о распространенности рабства, Джонс (стр. 793 и сл.) приходит к выводу, что в Египте и Северной Африке рабы почти не применялись в сельском

[2] В № 218: A. H. M. Jones, Capitatio and Jugatio, JRS, 47, 1957 — неправильно указан том: 18 вместо 47; в № 237: R. Taubenschlag, Il diritto provinciale nel libro Siro-Romano, JJP, VI, 1952 — искажено название, пропущено слово provinciale; в № 315 опечатка в фамилии автора, в № 442 и 444 отсутствуют выходные данные и т. д.; одна и та же книга включена дважды («История византийского государства» Г. Острогорского — под № 28 и 312).

[3] R. Janin, Constantinople byzantine, P., 1950 (второе издание — 1964).

[4] O. Klima, Manis Zeit und Leben, Prag, 1962.

[5] H. G. Beck, Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich, Münch., 1959.

[6] Так еще в кн.: V. Grumel, La chronologie, P., 1958, стр. 355. О возможности точно датировать это событие на основе официального документа того времени см. Rémondon, ук. соч., стр. 276 (со ссылкой на T. C. Skeat, Two Papyri from Panopolis, L., 1964).

[7] Некоторые из этих моментов — например, постепенность социально-экономических преобразований — были подчеркнуты недавно К. К. Зельиным («Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III до начала VIII в. н. э.», ВДИ, 1964, № 4).

хозяйстве, что в западных областях Малой Азии и на островах Эгейского моря сельскохозяйственных рабов было сравнительно немного, что в Италии и Испании, напротив, они были довольно многочисленны. Разные цифры характеризуют и запустение земель в разных провинциях (стр. 815 и сл.): на территории Антиохии в IV в. agri deserti составили менее 5%, в провинции Азия и в Кампании — около 10%, на территории Кирр в V в. они охватывали примерно 1/6 всех земель [8], в провинции Африка — треть, в Бизацене — более половины. Конечно, при всей условности подобного материала мы получаем из этих цифр более конкретное представление о запустении земель, чем если бы судили об этом процессе в целом, применительно ко всей Империи.

Столь же плодотворно и приложение принципа постепенности развития. До сих пор еще часто превращение христианства из религии гонимой в господствующую связывается с реформой Константина, одним ударом — я имею в виду Миланский эдикт — совершившего переворот. Ремондон (стр. 145) говорит об этом гораздо осторожнее: Константин постепенно пришел к христианству; терпимость была объявлена Лакинием, политику которого Константин одобрил (Джонс (стр. 80) также считает эдикт о терпимости делом Лициния); Константин не навязывал христианство, он лишь предоставил свободу новой религии. Ремондон подчеркивает далее (стр. 194), что только Феодосий I покончил с терпимостью и превратил христианство в государственную религию, обязательную для всех [9].

И Ремондон (стр. 291 и сл.), и Джонс (стр. 62) настаивают на постепенности введения новой системы податного обложения, хотя и расходятся между собой в характеристике деталей этой реформы: по Джонсу, она протекала в разные сроки в разных провинциях и диоцезах (причем и характер обложения в разных районах оставался различным),— тогда как Ремондон говорит о трех этапах общеимперской реформы: он датирует эти этапы соответственно 287—297, 297—312 и временем после 312 г. Но и для того, и для другого исследователя реформа — не гениальное создание гениального реформатора, но результат длительных поисков и, в конечном счете, стихийного общественного развития.

Впрочем, в других случаях мы встречаемся с традиционными воззрениями (или традиционными формулировками?), отводящими исключительную творческую роль выдающимся реформаторам. «Константин создал новый мир»,— заявляет Ремондон (стр. 72) вопреки тому, что сам постоянно рассматривает деятельность Константина как некоторое звено в общей цепи преобразований (см., например, стр. 147).

Констатация многообразия действительности и сложности стихийных процессов, казалось бы, естественно связана с тезисом о множественности причин. По словам Ремондона (стр. 261 и сл.), кризис Римской империи не только был многообразным, обусловленным разными внешними и внутренними толчками, но в каждом районе приобретал своеобразные нюансы, достигал различной степени остроты. Вся последняя глава книги Джонса — разбор воздействия на судьбы Римской империи самых разнообразных факторов: внешних вторжений, экономических и социальных перемен, пороков административного механизма, упадка нравственности. Но вот что примечательно: прокламируя в общем виде принцип множественности причин, оба исследователя на практике сводят эту множественность к действию одной единственной причины — внешней угрозы.

Обратимся к книге Джонса и посмотрим подробнее, какими причинами объясняет он упадок Римской империи. Может быть, корень зла надо искать в загнивании ремесла и торговли (стр. 1038)? Нет, торговля оставалась развитой еще в VI в. (стр. 824), археологические раскопки свидетельствуют о возрождении городов в V—VI вв. в восточных областях Империи (стр. 763), денежное обращение в V в. улучшается (стр. 443 исл.), денежные доходы составляли важнейшую часть богатств сенаторов и церкви (стр. 804). Но дело не только в этом: даже если допустить известный упадок торговли и ремесла (особенно на Западе), это не может служить объяснением слабости Империи: ведь ремесленное производство и торговля играли сравнительно скромную роль в экономике античного мира, где земля была главным источником доходов даже для горожан (стр. 738).

Тогда, быть может, следует обратиться к аграрным отношениям и допустить наступление аграрного кризиса? Нет, и эта причина отвергается Джонсом: не следует преувеличивать, говорит он, бедственность состояния римского сельского хозяйства (стр. 821 и сл., 1040). Он отвергает и ставшие в последние годы модными

[8] Напротив, Г. Л. Курбатов («Ранневизантийский город», Л., 1962, стр. 42) полагает, что состояние заброшенных земель в Киррах и Антиохии было примерно одинаковым.

[9] Постепенность превращения христианства в господствующую церковь подчеркивается в последнее время рядом исследователей. См., например, P. Stockmeier, Konstantinische Wende und kirchengeschichtliche Kontinuität, «Historische Jahrbuch», 82, 1963; K. F. Morrison, Rome and the City of God, «Transactions of the Amer. Philos. Soc.», vol. 54, 1964, № 1. Ср. также А. П. Каждан, Судьбы христианства при Константине, ВИ, 1965, № 5.

демографические объяснения кризиса Римской империи: хотя население, по его мнению, действительно несколько сократилось, в этом процессе не было ничего катастрофического (стр. 1044 и сл.). Отрицает Джонс и значительность влияния непроизводительных слоев населения: признавая рост армии, чиновничества и духовенства (стр. 1046 и сл., ср. стр. 931 и сл.), он вместе с тем полагает, что абсолютные цифры были не столь пугающими: так, он исчисляет общее количество чиновничества в 30 тыс. человек, что, по его мнению, было не столь обременительным для государства, простиравшегося от Адрианова вала до Евфрата (стр. 1057). Не признает Джонс и исчезновения «среднего класса» или «буржуазии» (он справедливо берет эти термины в кавычки), т. е. куриалов: если куриалы в VI в. были беднее, чем в III, число их все же оставалось значительным (стр. 757, 1053), а городские советы сохранялись на Востоке до правления Анастасия, на Западе же — до VII в. (стр. 759 и сл.). Не следует преувеличивать влияние на общество прикрепленности населения (стр. 1051 и сл.), изменение характера армии (стр. 1037), исчезновения патриотизма (стр. 1058 и сл.), тенденций к децентрализации (стр. 1034) — все эти факторы либо не были столь заметными, как это обычно представляют, либо же не могли явиться причиной упадка.

Что же в таком случае остается от множества причин? «Наиболее серьезные слабости (Римской империи.— *А. К.*) были результатом, прямым или опосредствованным, давления варваров» (стр. 1067). Так, главнейшей причиной запустения земель явилось возрастание податей, а оно вызывалось ростом военных расходов государства, который в свою очередь был порожден наступлением варваров (стр. 1039). Рассматривая различие судеб востока и запада Империи, Джонс в соответствии с тем же принципом опять-таки выдвигает на передний план варварскую угрозу (стр. 1031): Запад подвергся непосредственному натиску варваров, тогда как восточные императоры располагали нетронутыми ресурсами Малой Азии, Сирии и Египта. Из множества причин только одна — внешнеполитическая — сохраняет, оказывается, свою действенность. (Впрочем, и тут не обходится без противоречий: если гунны отказались от мысли взять Константинополь, считая его «чересчур твердым орешком» (стр. 1031), не значит ли это, что натиск варваров перестает быть конечной причиной и сам должен получить объяснение в ослаблении западных областей, не ставших достаточно твердым орешком?)

Ремондон, разобрав различные теории падения Римской империи, также приходит к выводу, что история Позднего Рима не была историей декаданса (стр. 256), что в понятие кризиса не следует вкладывать уничижительный смысл и что варварские вторжения определили совершившиеся преобразования. Ремондон, правда, допускает и иные причины: «внутренние факторы» и «вмешательство государства» (стр. 261), но воздействие этих причин остается схематичным и бледным в сравнении с ролью варварских вторжений. Действительно, говоря о характере государства, Ремондон (стр. 174) сразу же подчеркивает, что его эволюция определялась «войной и ее потребностями»: таким образом, вмешательство государства оказывается в свою очередь (как и у Джонса) обусловленным внешнеполитическим воздействием. Экономический упадок Запада — в противовес процветанию Востока — вызван варварскими вторжениями (стр. 311). Первый кризис (при Марке Аврелии) — отнюдь не экономический: серьезные затруднения были порождены не чем иным, как военными действиями (стр. 269).

Но прежде, чем говорить о причинах преобразований, не следует ли поставить вопрос о масштабе и характере этих преобразований? Что, собственно говоря, произошло? К чему привел кризис Римской империи? Оказывается, в суждении об этом у обоих авторов нет достаточной ясности.

На стр. 1026 Джонс рассуждает следующим образом. Все историки, писавшие о падении Римской империи, были людьми Запада. Их взгляды были прикованы к падению римской власти в западных областях Империи и к развитию западного средневековья. Они постарались не заметить тот важный факт, что Римская империя — при всем ее упадке — не пала в V в., но сохранялась еще на протяжении тысячелетия... Трудно удержаться от иронии: конечно, человек, пополняющий свои представления о литературе вопроса только по любезно присланным ему оттискам, может не знать, что *не все* историки, писавшие о падении Римской империи, были англичанами и французами, немцами и итальянцами, что существовала русская историческая наука, тоже внесшая некоторый вклад в изучение Восточной Римской империи и Византии. Более странно, пожалуй, что Джонс не вспомнил в этой связи своего соотечественника, Дж. Бури, который видел в византийской истории непосредственное продолжение римской и называл Византию не иначе, как Восточной Римской империей (см. об этом Rémondon, стр. 251). Мысль о единстве Византии и Позднего Рима — не открытие Джонса, хотя он и противопоставляет ее концепции «всех историков». Но не в этом суть дела.

Итак, на стр. 1026 Джонс высказал мысль, что Восточная Римская империя сохранялась до XV в., но на стр. 317 он писал об этом совершенно по-иному:

«Римская империя в конечном счете выдержала бурю (VII столетия.— *А. К.*), но когда она вновь выходит на свет истории, это совершенно иная империя (a very different empire), отличная от той, которая исчезает с нашего поля зрения в начале VII в.». Так что же — сохранилась ли Римская империя до XV или только до VII века? А если Византия — это «совершенно иная империя», не следует ли четко сформулировать, в чем состояло ее принципиальное отличие от Поздней Римской — ибо только при такой постановке вопроса может стать ясным, к чему привели все сложные и многообразные перемены.

Ремондон также ставит вопрос о превращении Римской империи в Византийскую, только относит он это к более раннему времени, чем Джонс,— к правлению Анастасия. «С этого момента империя [лишь] внешне и в теории остается Римской. По сути дела это Восточная империя» (стр. 237). И чуть ниже, на стр. 239, он говорит, что правление Анастасия открывает последнюю фазу кризиса, которая приводит к превращению империи в Византийскую. Пренебрежем некоторой неточностью этих формулировок (действительно, когда же рождается Восточная, или Византийская империя? Она уже существует при Анастасии или же правление этого государя только открывает последнюю фазу кризиса, *завершающуюся* возникновением Византии и в таком случае лежащую за хронологическими рамками книги?),— если Византия есть результат *трансформации* Римской империи, есть иное государство, то каковы же его принципиальные отличия от государства IV—V вв.? Мы можем лишь гадать об этом—Ремондон, подобно Джонсу, молчит.

Мне кажется, что проблема перехода от Рима к средневековью должна быть дифференцирована, расчленена на две: особо следует рассматривать падение политического организма и падение общественного строя. Смешение этих двух аспектов неминуемо ведет к путанице.

Что эти два аспекта не совпадают, прекрасно понимает Джонс, который привлекает для характеристики внутреннего строя Римской империи материал, относящийся к западным областям, уже захваченным варварами: фаворит Меровингов епископ Бертрам выступает как типичный представитель сенаторского землевладения (стр. 782 и сл.), галльский епископ VI в. Ремигий — как собственник куриальского типа (стр. 785); судьбы западного города иллюстрируются свидетельствами Кассиодора, папы Григория I, законами вестготских королей (стр. 761). Подобный подход имеет под собой известные основания: падение Западной Римской империи как политического организма не означало уничтожения того общественного строя, который на ее территории сложился: римские города и римские латифундии продержались еще некоторое время на захваченной варварами территории. Социальная революция совершилась здесь *после* падения римской власти [10].

Если на Западе имело место несовпадение политического краха Римской империи и социальной революции, то не можем ли мы допустить подобное же несовпадение и для восточной половины империи? Действительно, как политический организм Восточная Римская империя никогда не переставала существовать, политическая традиция от Рима к Византии оставалась непрерывной. Империя Юстиниана и империя так называемой Исаврийской династии была политической наследницей Римской империи. В этом отношении Бури прав. Но можем ли мы то же самое сказать об общественных учреждениях Византии, о ее социально-экономической структуре? Не совершились ли здесь в VII в. перемены, близкие или напоминавшие социальную революцию, протекавшую в то время на Западе? Не в рецензии пытаться решать этот спорный вопрос — мне только хотелось бы вновь напомнить о нем, чтобы затем еще раз вернуться к объяснению падения Римской империи, которое предлагают Ремондон и Джонс.

Внешний фактор (давление варваров), бесспорно, был решающей причиной *политического* падения Западной Римской империи, но социально-экономическая структура общества, по-видимому, не пережила принципиальных изменений не только под давлением варваров, но и в первый момент после их утверждения на прежней римской территории. Давление варваров могло усугублять, ускорять или, напротив, замедлять социально-экономические процессы, протекавшие в римском обществе, но оно не уничтожило ни римских городов, ни римского землевладения. Если мы хотим понять, что вызвало социальную революцию и трансформацию общественных порядков, мы должны обратиться прежде всего к внутреннему развитию. Сложное и противоречивое, оно ускользало от внимания современников, оно гораздо менее поддается наблюдению, нежели вторжения варваров,— и все-таки именно оно явилось главнейшей в ряду множества причин.

Давайте взглянем на внутреннее развитие Римской империи ретроспективно, с позиций VIII столетия. Что представляла собой Западная Европа в то время, довольно хорошо известно: экономический упадок городской системы и преобладание независимого крестьянского хозяйства — таковы почти повсеместно от-

[10] А. Р. Корсунский, Проблема революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе, ВИ, 1964, № 5.

личительные черты внутреннего строя. В Византии, по всей видимости, мы можем констатировать то же самое: по формулировке Э. Кирстена, византийский город с VII в. превращается в средневековый бург [11] (археологические данные единодушно свидетельствуют об упадке городской жизни); деревня «Земледельческого закона» — поселение свободных крестьян, да и другие источники VIII — первой половины IX в. не знают крупного землевладения. (Оба эти тезиса, правда, вызывают возражения ряда исследователей — и все-таки они всего ближе к скудному материалу источников.) Экономическое состояние восточной и западной половин бывшей Римской империи оказывается в VIII в. примерно одинаковым, несмотря на различие их политических судеб или, если пользоваться терминологией рецензируемых работ, на различие варварского давления на обе части Римского государства. Не подчеркивает ли это обстоятельство еще раз спонтанность внутреннего развития общества — развития, не сводимого к равнодействующей внешних влияний?

Теперь, памятуя о результатах внутреннего развития, достигнутых к VIII столетию, возвратимся к социально-экономической характеристике Поздней Римской империи. Традиционным, как известно, является представление о росте крупной земельной собственности в эпоху Империи (хотя цифр для сопоставления с более ранним временем у нас нет), и Джонс развивает эту мысль, приводя немало примеров *существования* сенаторского и куриальского землевладения (стр. 770 и сл.), что, впрочем, не заменяет цифрового материала. К тому же и примеры эти не всегда безупречны: на стр. 772 Джонс анализирует данные Гермопольской описи (P. Flor. 71) в доказательство преобладания в Гермополе крупной земельной собственности (семи из 240 собственников принадлежала половина земли, другим семи — еще четверть). На стр. 780 он снова возвращается к Гермопольской описи — и что же? Теперь эта опись свидетельствует о многочисленности собственников крестьянского типа. «Только $^1/_6$ городской территории, — пишет здесь Джонс,— находилась в собственности городских „лендлордов", остальные $^5/_6$ принадлежали крестьянам». Не знаю, как согласовать столь различные выводы, полученные из одного и того же источника.

Впрочем, и Джонс подчеркивает, что усиление крупной собственности за счет мелкой интенсивнее протекало на Западе, чем на Востоке (стр. 781, 1066). На это же обстоятельство обращает внимание и Ремондон (стр. 162, 197, 205, 223). Более того, ссылаясь на раскопки в Северной Сирии и на папирусы из Палестины, Ремондон отмечает (стр. 304), что в этих областях начиная с IV в. происходит дробление крупной собственности. Он идет еще дальше и связывает (стр. 308) с преобладанием крупной собственности стагнацию сельскохозяйственного производства, а с господством мелкой и средней — его процветание [12]. Если Ремондон прав, не следует ли допустить, что внутреннее экономическое развитие Поздней империи спонтанно вело к укреплению мелкого производства и что этот процесс завершился в Византии в ходе так называемого кризиса VII в.?

И тот упадок городов, который мы наблюдаем в VIII в., был подготовлен уже в Римской империи (см. Rémondon, стр.321 и сл.). Пусть императоры Восточной Римской империи своими дотациями, пожалованием земель, оживлением строительства поддерживали муниципальные центры — захирение городов было неминуемым, ибо оно было оборотной стороной упрочения мелкого производства в деревне. Античный город — и Ремондон справедливо подчеркивает это (стр. 322)— был по преимуществу центром потребления; он обслуживал своим ремеслом главным образом самого себя, городскую знать; он жил за счет деревни, покуда у него были силы эксплуатировать деревню. Усиление деревни в раннее средневековье (собственно говоря, уже в поздней античности) подрывало положение городов. Процесс протекал неравномерно, но пострадали почти все города, кроме крупнейших.

Варвары, сыгравшие решающую роль в политическом крушении Западной Римской империи, способствовали и осуществлению экономических тенденций эпохи: их расселение в римских (и византийских) пределах вело к возрастанию доли независимых землевладельцев; они были особенно враждебны городам, и городское население платило им ненавистью. Историческая поступь, к сожалению, жестока — войны вели к разрушению городов, а экономический спад оставлял многие из них в развалинах.

В начале рецензии я приветствовал выяснение локального своеобразия,— подходя к концу, предлагаю генерализующую схему. Не противоречие ли это? Думаю все-таки, что нет. Сколь ни многообразен исторический процесс, в его основе лежит какое-то общее направление. Другой вопрос, в какой мере мы способны приблизиться к его постижению. Когда же Ремондон утверждает, что судьбы Галлии «не имели ничего общего» с судьбами Египта или Африки (стр. 278),— то это

[11] E. Kirsten, Die byzantinische Stadt, «Berichte zum XI. Byzantinisten-Kongress», Münch., 1958, стр. 21.

[12] Ср. А. П. Каждан, О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи, ВДИ, 1953, № 3, стр. 104.

гипербола, выращенная в полемической запальчивости.

Если при всем локальном своеобразии основная тенденция экономического развития обеих частей Империи оказывается сравнительно однородной, то различие политических организмов Востока и Запада в VIII в. не вызывает сомнений: на одной стороне — сильная централизованная власть, унаследованная от Рима, на другой — распыление государственного суверенитета. Что это — только результат различия политических судеб, результат вытеснения римской власти на Западе германскими институтами или же какие-то элементы новой системы были подготовлены еще в недрах Поздней Римской империи?

Когда обращаются к изучению политического организма Поздней Римской империи, прежде всего говорят о сильной императорской власти, о деспотизме и абсолютизме. Это легко объяснимо, ибо императорский произвол и пышность дворцового ритуала поражали современников, и для исследователей они остаются наиболее заметной чертой политической организации. Впрочем, действительно ли императорская власть была столь могущественной? Авторы обеих работ вносят известные коррективы в традиционную концепцию: Ремондон, например, признает власть Диоклетиана слабой (стр. 118), Джонс обращает внимание (стр. 326 и сл.) на то, что императорский престол редко предлагали опытным администраторам и полководцам и, наоборот, часто возводили на трон ничтожных людей, не занимавших до того сколько-нибудь крупных постов. Императорская власть, по Ремондону (стр. 137), не была личной, не вытекала из личности ее обладателя. Иными словами, абсолютным и божественным был принцип императорской власти, а не данный конкретный ее носитель.

Эта мысль влечет за собой далеко идущие следствия. Если божествен и всевластен не император, а принцип императорской власти, государство в своей совокупности, то осуществление реальной политики зависит не столько от монарха, сколько от определенных социальных групп, направляющих его деятельность. Джонс с двух сторон подходит к этой проблеме: во-первых (стр. 342—347), он выясняет те силы, которые стояли за троном и руководили государством: полководцы, евнухи и проч., во-вторых (стр. 358—364), из анализа сохранившихся законов он старается понять, инициатива каких социальных кругов вызывала к жизни позднеримское законодательство. По его мнению, крестьянство, армия и даже церковь в очень незначительной степени влияли на издание законов — напротив, большая их часть обязана своим появлением активности высшего чиновничества и сенаторского сословия. Так Джонс подходит к интереснейшему вопросу — о социальной природе позднеримской монархии.

Следовательно, для понимания сущности позднеримского государства важно не только (и, может быть, даже не столько) отличие домината от принципата, конституционное отличие поздне- от раннеримской императорской власти, сколько изменение характера господствующего класса и его организации. Вопрос этот изучен очень мало, и авторы рецензируемых книг затрагивают его только косвенно.

Высший класс Поздней Римской империи — сенаторская аристократия (Jones, стр. 525); впрочем, положение сенаторов на Западе и на Востоке было не одинаковым. Оба автора настоятельно подчеркивают, что на Западе аристократия располагала и большим имуществом, и большей политической властью, чем на Востоке, и в конечном счете смогла добиться политической самостоятельности (Rémondon, стр. 223; ср. Jones, стр. 545 и сл., 554 и сл.). Эта родовитая аристократия в гораздо меньшей степени могла быть опорой централизованной монархии [13], нежели нестабильная и зависящая от императорских щедрот восточноримская знать. (Джонс отмечает, что здесь в VI в. исчезает принцип наследственности сенаторского статуса, существовавший в IV в. (стр. 529)). Не значит ли это, что Запад еще до крушения римской политической власти был лучше подготовлен к феодальному раздроблению, чем Восток?

Для понимания изменений в организации господствующего класса весьма существенны и те явления, которые отмечает Ремондон: формирование иерархии каст (стр. 147), милитаризация гражданского управления (стр. 176) [14]. Все это проявление того, что мы называем консолидацией господствующего класса. Весьма вероятно, что она протекала успешнее на Востоке, нежели на Западе.

А. П. Каждан

[13] На стр. 183 Ремондон, ссылаясь на Amm. Marc., XXX, 8, 10, пишет, что римские императоры *преследовали* знать — на самом деле речь идет только о западноримском императоре Валентиниане I, который, по словам Аммиана, *ненавидел* (oderat) знатных.

[14] Милитаризации гражданского управления и всего римского общества посвящена новая книга Мак Маллена: R. Mac Mullen, Soldier and Civilian in the Later Roman Empire, Cambr. Mass., 1963. Джонс (стр. 566) ставит под сомнение этот процесс милитаризации чиновничества.

A. HERDNER, Corpus des tablettes cunéiformes alphabétiques découvértes à Ras Shamra-Ugarit de 1929 à 1939 (Mission de Ras-Shamra dirigée par Claude F.-A. Schaeffer. X. Texte), P., 1963, XXXVI+341+11 стр., 303 рис., LXXXVIII табл.

Алфавитные клинописные тексты, открытые в Рас-Шамре еще до второй мировой войны, были до сих пор известны лишь по разрозненным публикациям (автографии и транскрипции) и изданию в сводных работах Гордона по угаритскому языку [1]. В корпусе, составленном французской исследовательницей А. Эрднер, представлено 219 текстов, из которых 57 (главным образом фрагменты) изданы здесь впервые. А. Эрднер дала новую нумерацию текстов, но с указаниями на прежние их номера по системе С. Х. Гордона [1], Р. де Ланга [2] и О. Эйсфельдта [3]. А. Эрднер нередко дает новые чтения и восстановления текстов.

Книга начинается кратким введением К. Шеффера (стр. IX—X), за которым следует предисловие А. Эрднер, где она между прочим обосновывает свои нововведения в транскрипции угаритских знаков; наиболее важное из них — передача знака, транскрибировавшегося как ś или ž, при помощи ḏ, что представляется обоснованным.

В начале публикации (стр. 1—107, тексты № 1—28) приводятся мифологические и эпические тексты Угарита. Среди них текст № 28 публикуется впервые, однако от него сохранились лишь остатки десяти строк [4]. Далее (стр. 109—133, тексты № 29—49) следуют «Религиозные тексты» (ритуальные таблицы, жертвенные тарифы, заклинания). К этому разделу автор дал приложение с текстом RS, 17.100 + 18.56 из находок 1953 и 1954 годов сходного содержания. Вслед за этим (стр. 135—152, № 50—63) помещены письма и их фрагменты; язык писем сильно отличается от более архаичного языка эпических и мифологических текстов, здесь мы имеем, по-видимому, дело с живым разговорным языком XIV—XIII вв. до н. э.[5].

После переиздания письма Угаритского царя Никмадду II со списком дани к хеттскому царю Суппилулиуме (первая половина XIV в. до н. э., стр. 153—154, № 64), следуют «Хозяйственные тексты» (стр. 155—243, № 65—159). В эту рубрику издательница включила также и таблички административного характера. Некоторые из них заслуживают особого рассмотрения.

Так, текст № 98 (UH, 11), в котором от первых 35 строк сохранилось лишь последнее слово t̲lḥn «стол» [6], казался до сих пор школьным текстом. Приписка на боковом ребре таблички была до сего времени плохо прочитана. Теперь же ясно, что в ней написано: $_{36}$bn ʾAdty tlḥn bn Qrwl t̲lḥn «Bn ʾAdty — стол, B̄n Qrwl — стол». По-видимому, это был какой-то текст, связанный со сдачей столов изготовившими их ремесленниками на царские склады.

Особого внимания заслуживает впервые опубликованный фрагмент под № 120. В нем сохранились лишь остатки пяти последних строк, причем стк. 6 под итоговой чертой гласит: [napḫar] [7] umêmeš 12 «Итого — 12 дней». По аналогии с другими текстами из Угарита можно предположить, что речь и здесь идет об отбывании трудовой повинности, где данное в итоге количество дней было отработано различными селениями-общинами Угаритского царства [8]. Однако в данном тексте мы впервые встречаемся с упоминанием отдельных лиц, а не селений. Так, строка 3 ([ ]bʿlyn [ ]) [9] явно говорит об о д н о м человеке, индивидуально привлекавшемся к трудовой повинности. Следовательно, мы имеем здесь первую, известную нам ведомость о привлечении к трудовой повинности не селений, а отдельных лиц.

Уже ранее изданный текст № 121 (UH, 30) в новом издании тоже получает дополнительное освещение. В нем перечислено 10 человек, после имен которых

---

[1] C. H. G o r d o n, Ugaritic Handbook, II, Roma, 1947; о н ж е, Ugaritic Manual, II, Roma, 1955.

[2] R. de L a n g h e, Les Textes de Ras Shamra-Ugarit et leurs rapports avec le milieu biblique de l'Ancien Testament, I—II, P., 1945.

[3] O. E i s s f e l d t, Bestand und Benennung der Ras-Shamra-Texte, ZDMG, XCVI, 1942, стр. 507—539; система Эйсфельдта принята также в словаре И. Айстлейтнера (WUS).

[4] В дальнейшем мы касаемся только таких впервые изданных текстов, которые сохранились настолько, что поддаются интерпретации.

[5] См. исследование позднего угаритского: M. L i v e r a n i, Elementi innovativi nell'ugaritico non letterario, ANLR, Serie VIII, vol. XIX, 1964, fasc. 5—6, стр. 1—19.

[6] См. A i s t l e i t n e r, WUS, стр. 335, № 2871, где автор считает это слово в данном тексте гентилицием, что уже по самой его форме (t̲lḥn, а не t̲lḥny) невозможно.

[7] Восстановление наше.

[8] М. Г е л ь ц е р, Сельская община в древнем Угарите, ВДИ, 1963, № 1, стр. 42—43.

[9] См. также стк. 4: [ ]ty [ ].

стоит цифра 3. В конце ее отмечено: 1130 šiqil kaspê^{meš} napḫar «30 сиклей серебра — итого». По-видимому, это ведомость выдачи серебра царским служилым людям. Интересна строка 8, где после обычного bn.ʿbl 3 «Bn.ʿbly 3 (сикля)», после цифры добавлено слово rb «великий, старейшина» [10]. Это был, вероятнее всего, старейшина той группы, которая состояла на царской службе или же каждый член которой получал свои 3 сикля за выполненную работу. Важно и то, что rb мог быть только одним конкретным лицом. А то, что он назван не по имени, а по имени отца («сын ʿbl'a»), опровергает тезис Н. Б. Янковской, считающей, что выражение «сын такого-то» в угаритских документах говорит обязательно о патронимии [11], а не о каком-либо конкретном лице, которого в быту называли «сын такого-то».

Очень интересен также впервые изданный текст № 133, в котором отсутствуют начало и конец. В 19 сохранившихся строках упоминаются 19 человек по имени или имени отца. После их имени каждый раз следует слово msg. Это слово до сих пор встречалось лишь в двух текстах (№ 118 = UH, 306, и PRU, II, 122). В первом из них оно стоит в начале текста и упоминает: 1mdrġlm d'inn 2msgm. lhn «Mdrġlm, у которых нет msg'ов». Во втором, в стк. 15 говорится о mšḫṭ w msg. Здесь первое слово обозначает вид оружия, может быть боевой топор [12]. Поэтому вполне вероятно, что msg во всех трех текстах обозначает какой-то вид оружия [13] и текст № 133 говорит о вооружении этим оружием упоминаемых в нем людей. Возможно, что и здесь речь идет о людях mdrġm, но утверждать этого нельзя.

Следующий раздел (стр. 245—247, № 160—161) посвящен текстам о лечении лошадей, а за ними следуют (стр. 249—253, № 162—165) аккадские тексты, написанные угаритской алфавитной клинописью, разобранные в свое время Э. Дормом. Среди алфавитных текстов, написанных на хуррийском языке (стр. 255—274, № 166—185), имеется также девять впервые изданных фрагментов (№№ 171; 173; 174; 177; 178; 181; 182; 184; 185).

Далее помещены «Разные» тексты (стр. 273—291, № 186—219), в основном жалкие фрагменты, которые издательница не смогла идентифицировать с какой-либо конкретной их группой.

Помимо библиографии, которой сопровождается почти каждый отдельный текст, в конце книги имеется весьма полная библиография, доведенная до 1956 г. (стр. 293—331), когда была закончена подготовка этого издания и дополнительная библиография, охватывающая работы, вышедшие до 1960 г., причем А. Эрднер учла и работы советских авторов.

Второй том содержит автографии и фотографии текстов. Издание можно считать образцовым и в дальнейшем ни одна серьезная работа по Угариту не сможет обойтись без учета данных настоящего корпуса.

М. Л. Гельцер

[10] Ранее полагали, что здесь начальные две буквы какого-то неоконченного слова.

[11] Н. Б. Янковская, Общинное самоуправление в Угарите, ВДИ, 1963, № 3, стр. 35—55.

[12] Aistleitner, WUS, стр. 303, № 2594.

[13] И. Айстлейтнер (Aistleitner, WUS, стр. 189, № 1609) предполагает, что здесь также речь идет о какой-то разновидности боевого топора.

S. MOSCATI, Y. AHARONI, A. CIASCA, L. Y. RAHMANI, G. BARBINI, P. TESTINI, Excavations at Ramat-Raḥel (Seasons 1959 and 1960), Universita' degli Studi di Roma — The Hebrew University of Jerusalem, Roma, 1962, 100 стр., 32 табл. с рисунками, 34 табл. со списками (далее — т. I). *Y. AHARONI, A. CIASCA, P. MATTHIAE, M. KOCHAVI, L. Y. RAHNIANI, P. TESTINI, Excavations at Ramat-Raḥel (Seasons 1961 and 1962)*, Roma, 1946, 124 стр., 39 табл. с рисунками, 51 табл. с фотографиями (т. II)

Раскопки в Рамат-Рахэль, в четырех км от Иерусалима, проведенные в 1959 г. совместно итальянскими и израильскими археологами под руководством С. Москати и И. Ахарони, дали науке весьма важные новые материалы [1].

Важной в первую очередь является проблема идентификации памятника. И. Ахарони приводит ряд дополнительных аргументов к уже ранее высказанному предположению, что это место (правда, без названия его) упоминается

[1] См. «Il colle di Rachele», Roma, 1960 и рец. на это издание: М. Гельцер, ВДИ, 1962, № 4, стр. 171—172, где указана более ранняя литература.

в книге Иеремии (22, 14), а в апокрифе книги «Бытия» из рукописей Мертвого моря оно называется Бэт ха-Керем [2].

По результатам раскопок памятник подразделяется на следующие слои: I — раннеарабский, VII—VIII вв. н. э., II A — VI—VII вв., II B — V—VI вв. н. э., византийский; III—III—IV вв. н. э., позднеримский; IV A — I в. до н. э.— I в. н. э., время Ирода; IV B — V—III вв. до н. э., персидско-эллинистический; V A и B, иудейский, датируемый IX—VIII—VII — началом VI в. до н. э.

Интересны базилика и монастырь византийского времени (I, стр. 2—4, 23—24; II, стр. 14—16, 38—41) [3], более детально исследованные П. Тестини [4]. Римский слой не очень богат находками, однако от этого времени сохранились катакомбные погребения III в. н. э., исследованные М. Кохави [5]. Как надписи на оссуариях, так и ряд орнаментов и предметов, обнаруженных при раскопках, говорят за то, что захоронения были еврейскими. В связи с этим М. Кохави поднимает вопрос о наличии в Иерусалиме III в. н. э. еврейской общины, что до сих пор считалось невозможным, так как в античных источниках имеются указания, что до IV в. н. э. евреи после поражения восстания Бар-Кохбы в 136 г. до н. э. не допускались в этот город.

Весьма богат находками, в том числе и эпиграфическими, персидско-эллинистический период (I, 4—10; 27—35; I, 17—23; 42—48). Это главным образом клейма на амфорных ручках следующего содержания: Yh(wd), Yhd, Yhwd «Иудея», Yršlm «Иерусалим». Вполне возможно, что в них хранилось вино и масло, принадлежавшие иерусалимскому храму или его храмово-гражданской общине. Сюда же относятся клейма с надписью Jhwd pḥw' «Иудея — наместника», вероятнее всего ахеменидского, хотя, судя по надписям на клеймах: l'ḥyw pḥw' «Ахияу — наместника», Yhwd Yhw 'zr pḥw' «Иудея, Иехоэзера — наместника», Yhwd Ḥnnh «Иудея, Ханан(ии)» — ахеменидскими наместниками могли быть и сами иудеи Правда, Дж. Гарбини и П. Лэпп относят все эти клейма к III в. до н. э.[6].

Наибольший интерес представляет материал иудейского слоя [7]. Сюда относятся и стены цитадели с казематными стенами, и остатки дворца, балюстрада которого поддается реконструкции (см. рис. № 38). Многочисленные мелкие терракоты животных и нагой богини плодородия исследованы А. Чиаской [8]. Уже ранее упоминавшийся расписной полихромный черепок с изображением сидящего царя теперь датируется всеми VII веком до н. э.[9].

Сравнительно богато этот слой представлен и эпиграфически находками. Более всего «царских» (lmlk) клейм на амфорных ручках, где помимо этого имеется еще царская эмблема [10] и надпись с указанием одной из четырех местностей древней Иудеи: Ḥbrn «Хеврон»; Śwkh «Сохо»; Z(y)p «Зиф» и Mmšt. Отметим, что после находок из Рамат-Рахэль, где всего найдено 145 таких клейм, общее число известных науке дошло до 800 экземпляров [11]. И. Ахарони считает, что клейменые амфоры были предназначены для сбора налогов. На наш взгляд, в них поступало вино и масло в царские крепости, причем продукты шли на прокорм гарнизона и выдавались низшим слоям царских служилых лиц [12].

Помимо «царских» клейм от VII — начала VI в. найдено немало и «частных клейм». Важнейшим из них является надпись: l'lyqm n'r Ywkn «Эльякима,

---

[2] Y. A h a r o n i, General Conclusions, II, 119—124; см. также S. M o s c a t i, Riflessioni sulla Ramat-Rahel, ANLR, XVI, 1961 (1962), fasc. 7—12, стр. 255—260; иную точку зрения см. G. G a r b i n i, Sul nome antico di Ramat Rachel, RSO, XXXVI, 1961, стр. 199—205.

[3] Отчеты о раскопках всех сезонов написаны И. Ахарони.

[4] P. T e s t i n i, The Kathisma Church and Monastery — I, стр. 73—92; II — стр. 101—106.

[5] M. K o c h a v i, The Burial Caves o Ramat-Rahel. 1962 Season — II, стр. 65—83.

[6] G. G a r b i n i, The Dating of the Post-Exilic Stamps, I, стр. 61—68; P. W. L a p p, Ptolemaic Stamped Handles from Judah, BASOR, № 172, 1963, стр. 22—35; см. также J. M. G r i n t z, Jehoezer — Unknown High Priest, JQR, 50, 1960, № 4, стр. 338—345.

[7] T. I, стр. 10—21, 35—48; II, стр. 23—35 и 49—63.

[8] A. C i a s c a, Some Particular Aspects of the Israelitic Miniature Statuary at Ramat-Rahel, II, стр. 95—100.

[9] P. M a t t h i a e. The Painted Sherd of Ramat-Rahel, II, стр. 85—94; о н ж е, L'ostrakon dipinto di Ramat-Rahel, ANLR, XVII, fasc. 5—6, 1962, стр. 1 — 13; см. М. Г е л ь ц е р, ВДИ, 1962, № 4, стр. 171, где этот остракон датируется (независимо от Матие) VII веком до н. э.

[10] Y. Y a d i n, Ancient Judaean Weights and the Date of the Samaria Ostraca, SH, 1961, стр. 9—25.

[11] Полную сводку о клеймах, где частично учтены находки Рамат-Рахэль, см. М. Г е л ь ц е р, Древнепалестинская керамическая эпиграфика как важнейший исторический источник, ЭВ, XVII, 1965.

[12] Подробнее об этом Г е л ь ц е р, Древнепалестинская керамическая эпиграфика...

отрока (слуги) Иоахина», т. е. царя, смещенного Новуходоносором II в 597 г. до н. э., что очень существенно для датировки всего археологического памятника. Не менее важно также клеймо lNr' šbn' «Нер(ии), (сына) Шебны», выполненное на той же ручке, где стоит и царское клеймо, что встречается впервые (I, стр. 16—17). Это говорит о том, что сосуды с «царскими» и «частными» клеймами изготовлялись в одной и той же мастерской. Следует также учесть, что клейма одних и тех же лиц зачастую встречаются при раскопках разных памятников. Так, клейма lTnḥm Mgn «Танхума, (сына) Мг'на» встречаются также в Лахише и Гибеоне «Элякима отрока Иоахина» в Тель Бейн-Мирсиме и Бэт-Шемеше, lMnḥm Yw/hbnh «Менахема, (сына) Иехобана» — в Бэт-Шемеше и Телль аль-Джудейде. Возможно, что это говорит о крупном землевладении древнеиудейской служилой знати, сбывавшей свои продукты сельского хозяйства в разных городах[13].

В обоих томах имеется также подробный каталог монет, относящихся по времени начиная с Птолемея II (271—246 вв. до н. э.) до Омейядов (VIII в. н. э.) (см. Гельцер, там же).

Отметим также, что столь скоро и хорошо выполненная публикация делает честь всему коллективу занятых на этом объекте ученых.

М. Л. Гельцер

[13] L. J. Rachmani, Description of the Coins, I, стр. 93—100; II, 107—117.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О СУДЬБЕ ЗНАМЕНИТОЙ РУКОПИСИ ГОМЕРА

Необычайно интересна судьба хранящегося ныне в Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве греческого кодекса XV в. № 1287. Один из лучших представителей рукописной традиции гомеровских поэм и гимнов, он, начиная со второй половины XVIII в., привлекал к себе внимание не только издателей греческого эпоса [1], но и специалистов по истории средневековой русской культуры.

Когда-то эта рукопись состояла из 133 листов и содержала I—XIII, 134 песни «Илиады» и гомеровские гимны. Однако в конце XVIII в. Христиан Фридрих Маттеи, приглашенный из Германии в Россию для преподавания древних языков [2], в процессе своих занятий рукописями московских собраний утаил наиболее ценную часть этого манускрипта, заключавшую в себе текст VIII—XIII песней «Илиады» и гимнов, и продал ее в 1786 г. в библиотеку Лейденского университета [3].

Через сто лет после этого рукопись обратила на себя внимание приват-доцента Страсбургского университета Э. Тремера, читавшего курс лекций, посвященный гомеровским гимнам. Пытаясь выяснить историю Лейденской рукописи Гомера, содержавшей лучший текст гимнов, Э. Тремер установил, что рукопись попала в Голландию из России, куда, по некоторым сведениям, была привезена Софьей Палеолог и находилась в XV—XVI вв. среди многочисленных манускриптов библиотеки московских государей Эти данные вызвали у Э. Тремера предположение о существовании в Москве неисследованных и неизвестных еще ученому миру «книжных сокровищ царя Иоанна Грозного», разыскивать которые немецкий ученый и приехал в Россию в 1890 г. [4].

Хотя никакой библиотеки Ивана Грозного Э. Тремер в Москве не нашел, поездка его все же принесла большую пользу, так как вызвала у русских ученых желание еще раз пересмотреть все источники, имеющие отношение к интересовавшему Э. Тремера вопросу. На протяжении последнего десятилетия XIX в. возникла обширная литература, посвященная библиотеке русских царей XVI в. [5]. Были тщательно изучены греческие и латинские рукописи московских хранилищ и установлено их происхождение.

Дошла очередь и до нашей рукописи Гомера. С. А. Белокурову удалось выяснить, что этот манускрипт попал в Москву в 1690 г. в составе греческих рукописных и печатных книг, принадлежавших иеромонаху Дионисию из Янины. О личности владельца замечательного кодекса можно было лишь узнать, что он являлся архимандритом Николаевского монастыря в Янине и приезжал в 1650 г. в Россию с просьбой об оказании материальной поддержки своему монастырю. Пометы на рукописях Дионисия дали возможность предположить, что он в 70-х гг. XVII в. жил в Константинополе и был великим протосинкеллом константинопольской церкви. По-видимому, в конце 80-х гг. XVII в. Дионисий оказался в Нежине, где и оставил свою библиотеку; отсюда в 1690 г. она по требованию русского правительства была отправлена в Москву.

---

[1] Впервые текстом этой рукописи воспользовался выдающийся голландский филолог Давид Рункен при издании гимна к Деметре: Homeri Hymnus in Cererem, nunc primum editus a Davide Ruhnkenio, Lugduni Batavorum, 1780.

[2] O. v. Gebhardt, Christian Friedrich Matthaei und seine Sammlung griechischer Handschriften, «Centralblatt für Bibliothekswesen», XV. Jahrgang, 1898, стр. 350; С. Белокуров, О библиотеке московских государей в XVI столетии, М., 1898, стр. 3.

[3] Gebhardt, ук. соч., стр. 442—443; Белокуров, ук. соч., стр. 2, CLIV.

[4] Э. Тремер, Библиотека Иоанна Грозного, «Московские Ведомости», 1891, № 315 и 334; Белокуров, ук. соч., стр. 1—192.

[5] Библиографию см. А. А. Зимин, К поискам библиотеки московских государей, «Русская литература», 1963, № 4, стр. 125.

Рукописи и книги Дионисия до 1696 г. хранились в Малороссийском приказе, а затем были переданы в Посольский приказ, в составе фондов которого и попали в Главный архив Министерства иностранных дел [6].

Этих сведений, к сожалению, недостаточно для того, чтобы установить, какими путями попала в руки Дионисия рукопись, содержащая самый полный текст гомеровских гимнов.

Изучая принадлежавшие Дионисию греческие рукописи, мы выяснили некоторые детали, которые позволяют полнее охарактеризовать личность владельца знаменитого манускрипта и установить — пусть лишь с помощью предположения, но все же имеющего, как нам кажется, под собой основание,— место приобретения им рукописи Гомера.

Среди рукописей Дионисия оказался один автограф иерусалимского патриарха Досифея и три автографа его племянника иерусалимского архимандрита Хрисанфа [7]. Рукой Досифея писаны лл. 1—61 об. и 73 об.—82 рукописи № 1282, заключающей в себе сочинение Феофила Коридалевса «О душе». Досифей, как выясняется из пометы на л. 31, работал над переписыванием текста рукописи в Константинополе в 1665 г. [8], за четыре года до того как занял иерусалимскую патриаршую кафедру. Однако рукопись не была тогда закончена; последние строки той ее части, над которой трудился Досифей, были написаны в Святогробском монастыре в Константинополе в сентябре 1677 г., о чем свидетельствует запись на л. 84 об., сделанная рукой архимандрита Хрисанфа [9]. Им же были помечены еще две рукописи из коллекции Дионисия: № 1280, которая, следуя содержанию записи, была подарена Дионисию иерусалимским архимандритом [10], и № 1286, принадлежавшая прежде Хрисанфу[11]. Эти факты позволяют сделать заключение о том, что янинский иеромонах Дионисий принадлежал — в константинопольский период своей жизни — к окружению иерусалимского патриарха Досифея: в противном случае трудно объяснить, как могли попасть к нему еще при жизни Досифея и Хрисанфа рукописи, бывшие собственностью этих великих знатоков и ценителей книги, собравших в Святогробском монастыре в Константинополе прекрасную коллекцию греческих манускриптов [12]. Такова одна деталь из жизнеописания Дионисия.

Другая деталь связана с вопросом о времени смерти Дионисия. Исходя из того факта, что книги Дионисия оказались в 1690 г. в Нежине, исследователи полагали, что он умер в этом украинском городе на обратном пути из Москвы в Албанию [13]. Между тем в делах Посольского приказа за 1690 г., заключающих в себе роспись книг янинского иеромонаха и всю необходимую документацию, возникшую в процессе пересылки книг из Нежина в Москву [14], нет ни слова о смерти Дионисия. Все документы говорят о том, что «Македонские земли Николаевского монастыря архимандрит Дионисий» оставил «в Нежине греческие книги... у греченина у Зофиря» [15]. В Нежине этого времени была большая и богатая греческая община, некоторые члены которой были родом из Янины. В 80-х гг. XVII в. выходцем из Македонии священником Христофором здесь были построены два храма, имевшие целую библиотеку греческих рукописей и книг [16]. По-видимо-

[6] Белокуров, ук. соч., стр. 51—65.

[7] О Досифее и Хрисанфе см. Н. Каптерев, Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669—1707 гг.), М., 1891.

[8] 1665, σκιῤῥοφοριῶνος θ̃ μεσοῦντος, ἐν Κωνσταντινουπόλει.

[9] τέλος τοῦ β̄ (т. е. второй книги), 1677, σεπτεμβρίῳ, ἐν τῷ μετοχίῳ τῆς πόλεως.

[10] Л. 1: ἐδωρησάμην καὶ ταύτην τῷ λογίῳ καὶ μουσικῷ ἱερομονάχῳ Διονυσίῳ ἐξ Ἰωαννίνων. Χρύσανθος.

[11] Л. 1: εἰς χρῆσιν Χρυσάνθου τοῦ Πελοποννησίου.

[12] А. И. Пападопуло-Керамевс указывает около сотни номеров рукописей с пометами о принадлежности их Досифею и Хрисанфу или являющихся их автографами (Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη ἤτοι κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ ἁγιωτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων ἑλληνικῶν κωδίκων, Ἐν Πετρουπόλει, τ. I — V, 1891—1915).

[13] Тремер, ук. соч. «Московские ведомости», 1891, № 315, стр. 3. Н. П. Лихачев, Библиотека и архив московских государей в XVI столетии, СПб., 1894, стр. 4.

[14] ЦГАДА, ф. 141, оп. VII, д. 32, 1690 г. февраля 8 дня. Донесение государям царям и великим князьям Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу от окольничего и воеводы Ивана Леонтьева о присылке греческих книг, оставленных в Нежине Македонской земли Николаевского монастыря архимандритом Дионисием и доставленных от гетмана Мазепы. При донесении сем приложены следующие бумаги: лист гетмана к царям, при коем находится перепись означенных книг, ответ его на грамоту, доставленную к нему от воеводы Леонтьева, выписка из листа гетмана к сему воеводе и присланная к нему перепись тех же книг.

[15] ЦГАДА, ф. 141, оп. VII, д. 32, 1690 г. февраля 8 дня, лл. 1, 4, 6, 9, 10—11.

[16] А. А. Дмитриевский, Греческие нежинские храмы и их капитальный

му, и Дионисий, отправляясь из Нежина на Восток, принял решение оставить свои книги местной греческой общине.

Если это предположение верно, тогда становится возможным продолжить поиски сведений об иеромонахе Дионисии. Зная теперь о близких отношениях Дионисия и Досифея, естественно было попытаться обнаружить какие-нибудь данные об интересующем нас владельце рукописи Гомера в материалах, связанных с деятельностью иерусалимского патриарха. Поиски эти оказались небезуспешными.

В своей грамоте к московскому патриарху Адриану от 28 марта 1698 г. Досифей, продолжая начатый им в предыдущих посланиях разговор об учителях Славяно-греко-латинской академии, пишет: «...Вскоре послан бы был учитель, некто иеромонах Дионисий, совершен в еллиногреческих и латинских науках и в самой философии и богословии, и ожидает себе во свидетельство грамот из Царяграда, и зело житием и нравом искусен, во многих государствах странствовал: в Венецыи, в Падве, в Риме, во аглицкой, в голанской землях» [17].

Нам кажется, что здесь речь идет именно о том самом иеромонахе Дионисии, рукописи которого хранятся теперь в ЦГАДА:

1) Досифей рекомендует Дионисия в качестве учителя Славяно-греко-латинской академии. Дионисий — владелец рукописи Гомера также был учителем. Об этом можно заключить из слов, находящихся в росписи его книг: «...и сколько книги суть учителева» [18]. С. А. Белокуров на основании этого справедливо заметил: «...*можно думать или что Дионисий был учителем в Нежине или что он назывался им в виду раннейших занятий*» [19]. Чрезвычайно интересен в свете этих данных состав библиотеки Дионисия: среди 64 книг, отмеченных в русском тексте росписи, имелись одиннадцать грамматических сочинений, а также книги по логике, риторике, психологии, физике, философии, представлявшие именно тот круг наук, который преподавался в XVII в. в учебных заведениях Европы и православного Востока, а также изучался в Славяно-греко-латинской академии под руководством братьев Лихудов [20], на смену которым и рекомендовался иерусалимским патриархом иеромонах Дионисий.

2) Дионисий, о котором идет речь в грамоте иерусалимского патриарха, «совершен в еллиногреческих и латинских науках и в самой философии и богословии». Дионисий, оставивший свои книги в Нежине, может быть охарактеризован теми же словами; об этом свидетельствует состав его библиотеки, греческие рукописи которой были переписаны в большинстве своем самим владельцем [21].

3) Дионисий, протеже Досифея, «во многих государствах странствовал: в Венецыи, в Падве, в Риме, во аглицкой, в голанской землях». Если наша попытка отождествить иеромонаха Дионисия грамоты Досифея с иеромонахом Дионисием, владельцем рукописи Гомера, верна, то указание иерусалимского патриарха на путешествия Дионисия по Европе дает возможность ответить на вопрос о том, как попал великолепный кодекс Гомера в руки янинского архимандрита: скорее всего, он приобрел его в Италии. Рукопись написана во второй половине XV в. на бумаге итальянского производства [22] и представляет собой типичный образец работы греческих каллиграфов эпохи Возрождения.

Возвратимся теперь к тем сведениям, которые добыл для характеристики иеромонаха Дионисия, владельца рукописей ЦГАДА, С. А. Белокуров. Этот исследователь считал, что имевший в своей библиотеке гомеровскую рукопись XV в. иеромонах Дионисий, названный в делах Посольского приказа архимандритом Македонской земли Николаевского монастыря,— тот самый архимандрит Дионисий, который приезжал в 1650 г. в Россию за милостыней для своего монастыря. Никаких доказательств в пользу этого тождества, кроме совпадения имен и сана того и другого, С. А. Белокуров не привел. Поэтому едва ли можно быть уверенным, не имея каких-либо дополнительных сведений, в правильности этого отождествления. Иначе обстоит дело с отождествлением владельца кодекса Гомера и учителя из грамоты Досифея. Правда, здесь также нет прямых указаний на тождество этих лиц, однако значительное число косвенных данных достаточно убедительно, на наш взгляд, свидетельствует в пользу этого варианта.

Б. Л. Фонкич

вклад в Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии, «Православное Обозрение», 1885, стр. 370—400.

[17] К а п т е р е в, ук. соч., Приложения, стр. 85.

[18] Б е л о к у р о в, ук. соч., стр. 57.

[19] Там же, стр. 54—55.

[20] С. С м и р н о в, История Московской Славяно-греко-латинской академии, М., 1855, стр. 43—63; М. С м е н ц о в с к и й, Братья Лихуды, СПб., 1899, стр. 72—78. См. также М. М. К о п ы л е н к о, Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов, «Византийский Временник», XVII (1960), стр. 85—92.

[21] Б е л о к у р о в, ук. соч., стр. 57—63, CXXVI—CLXXXIX.

[22] C. M. B r i q u e t, Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier, I—IV, Lpz, 1923, №№ 3670, 11652.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ СЕКТОРА ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР ЗА 1965 г.

Научная жизнь сектора древней истории за 1965 г., как и за предшествующие годы, складывалась из многих элементов: работа сотрудников сектора над монографиями и коллективными трудами, обсуждение работ, подготовленных к печати, обсуждение докладов, обзоры новейшей литературы, консультации, рецензирование монографий, статей, учебных программ и многие другие виды текущей работы (ответы на разного рода запросы, письма и т. п.). Охарактеризовать всю эту работу едва ли возможно, да в этом и нет необходимости. Нам представляется, что гораздо важнее остановиться на тех основных научных направлениях и проблемах, которые определяли жизнь сектора за истекший год.

Прежде всего следует отметить, что в секторе продолжалась интенсивная работа над серией исследований по истории рабства в античном мире. Как известно, за последние годы вышли в свет следующие монографии этой серии: Я. А. Ленцман «Рабство в микенской и гомеровской Греции» (М., 1963); Л. А. Ельницкий «Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII — III вв. до н. э.» (М., 1964); Е. М. Штаерман «Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике» (М., 1964). В течение 1965 г. сектор обсуждал новые монографии, подготовленные их авторами к печати: Э. Л. Казакевич «Расцвет рабовладельческих отношений в Афинах IV в. до н. э.» и Е. М. Штаерман «Рабство в ранней Римской империи» (I — III вв. н. э.). Указанными работами серия исследований по истории античного рабства еще не исчерпывается, однако завершение последующих ее выпусков выходит за рамки текущего года.

В ходе работы над серией по-новому встали многие проблемы античного рабства: источники рабства и роль военных захватов, многообразие форм рабства, в том числе и так называемые «нетипичные» формы, вопрос о «классах-сословиях» в античном обществе, о «революции рабов» и т. д.

Что касается вопроса об источниках рабства, то теперь уже ясно, что чрезвычайно распространенная как в советской, так в значительной степени и в зарубежной историографии схема, согласно которой главным и чуть ли не единственным источником массового развития рабства были захватнические войны и обращение пленных в рабов, нуждается в основательном пересмотре. Не отрицая значения войн как одного из источников пополнения рабов, мы тем не менее не можем утверждать, как это часто бывало раньше, что основной причиной возникновения войн в древности было стремление к захвату рабов и что только за счет этих захватов рабовладельческая система могла существовать и развиваться. У нас также нет данных утверждать, что массовое обращение военнопленных в рабов было неукоснительно соблюдаемым правилом. Наконец, нельзя, как это нередко случалось прежде, недооценивать значение таких источников рабства как естественный прирост рабов, работорговля, закабаление свободных. Все это вместе взятое говорит о том, что неправомерно развитие рабовладельческих отношений в той или иной стране ставить в прямую связь с захватническими войнами и доставляемым ими притоком военнопленных, которых обращают в рабов[1].

Вопрос о классах-сословиях затрагивает Э. Л. Казакевич на материале Греции IV в., применительно к римскому рабовладельческому обществу этот вопрос подробно рассмотрен в трудах Е. М. Штаерман. Нам известно положение марксистско-ленинской теории о классах-сословиях как в феодальном, так и в рабовладельческом обществе. Наши понятия «класс рабов» и «сословие рабов» (как известно, римляне рабов сословием, т. е. ordo, не считали) совпадают лишь для ранних периодов античной истории. По мере развития товарно-денежных отношений разрыв между сословным и классовым делением углубляется. Постепенно выделяются — в первую очередь в сфере ремесла и торговли — такие группы рабов, которые по своему отношению к средствам производства уже не могут быть причислены к классу рабов, хотя и продолжают оставаться в этом сословии. Как показывают работы Е. М. Штаерман и Э. Л. Казакевич, это положение верно и для Греции IV в. до н. э. и для Рима II в. до н. э. — III в. н. э. С другой стороны, бывшие рабы, став вольноотпущенниками, часто (хоть и не всегда) меняют лишь свою сословную, но отнюдь не классовую принадлежность. Это несовпадение сословной и классовой принадлежности проявляется прежде всего среди «городских» рабов; рабы же, занятые в сельскохозяйственном производстве, подобной дифференциации до начала II в. н.э. почти не подвергаются[2]. В новой работе по истории

[1] См. С. Л. Утченко, Е. М. Штаерман, О некоторых вопросах истории рабства, ВДИ, 1960, № 4 стр. 9—21 или подробнее: Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964, стр. 36—66. Эти же вопросы рассматриваются в готовящихся к печати выпусках, посвященных эпохе эллинизма и Римской империи.

[2] Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, стр. 157.

рабства в римской империи Е. М. Штаерман показывает, что с середины II в. н. э начинается расслоение и этой основной категории рабского сословия, что знаменует кризис рабовладельческой системы в целом. Такой вывод, на наш взгляд, дает возможность по-новому и более глубоко оценить характер и своеобразие форм классовой борьбы в античном обществе.

Вопрос о «революции рабов», который довольно долгое время ставил советских историков в весьма затруднительное положение и толкал на создание искусственных, не подтверждаемых фактическим материалом конструкций[3], в настоящее время оставлен. Но в этой связи революционная роль рабов,— которую, конечно, ни один из марксистских историков не собирается отрицать,— должна получить более объективную и трезвую оценку. Нам представляется, что эта более объективная оценка может состоять в том, чтобы, во-первых, отказаться от распространенной в свое время в советской историографии точки зрения, согласно которой существовал «союз» между рабами и пауперизованным крестьянством, причем рабы играли «роль гегемона», и потому аграрная крестьянская революция была всего лишь как бы «подчиненным направлением» революции рабов. Во-вторых, очевидно, следует более определенно, чем это делалось раньше, говорить о наличии элементов стихийности, недостаточной организованности и политической незрелости рабов, что, конечно, ни в коей степени не принижает — для той эпохи и для того уровня развития классовой борьбы — революционного характера их восстаний[4]. Затухание открытых массовых рабских выступлений в эпоху Империи отнюдь не означает затухания классовой борьбы рабов вообще. Как показывает Е. М. Штаерман, эта борьба принимает другие формы: индивидуальный террор, бегство, разбой и т. п. Но что особенно показательно — на первый план выступает идеологическая борьба. И в этой борьбе рабы выступают вместе с эксплуатируемыми массами свободного населения, так как процесс расслоения сословий привел к сближению humiliores и рядовых рабов.

Чрезвычайно важен вопрос о многообразии форм рабства и о так называемых «нетипичных» формах, поставленный К. К. Зельиным на примере рабовладельческих отношений в Восточном Средиземноморье III—I вв. до н. э. Следует отметить, что данный вопрос, естественно, не мог еще найти достаточно полного отражения в тех монографиях серии по истории античного рабства, которые вышли в свет. Он встает главным образом (хотя и не исключительно!) перед авторами, занятыми ныне подготовкой трудов по истории рабства в эллинистических странах (или в дальнейшем — в римских провинциях). Эта проблема требует тщательного исследования, тем более, что на «нетипичные» формы рабства в советской историографии до последнего времени не обращалось серьезного внимания. В этой связи возник интерес сектора к другой проблеме — проблеме азиатского способа производства. Кстати сказать, вопрос об азиатском способе производства в последние годы служит предметом оживленной дискуссии, развернувшейся среди зарубежных историков-марксистов (главным образом в Чехословакии и Франции)[5]. Поэтому сектор древней истории поддержал инициативу сектора методологии истории об организации в стенах Института истории обсуждения проблемы азиатского способа производства.

Обсуждение состоялось в марте 1965 г. (оно длилось три дня: 5, 12 и 16 марта). На первом заседании были прочитаны три доклада: Н. Б. Тер-Акопяна (ИМЛ) «Проблема азиатского способа производства в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса», Л. В. Даниловой (сектор методологии истории Института истории) «Проблема азиатского способа производства в советской историографии» и А. П. Павловской «Проблема азиатского способа производства в современной зарубежной литературе». Мы не будем сейчас излагать самих докладов, поскольку содержащийся в них материал в основном уже получил освещение в печати[6], остановимся — и то лишь суммарно — на наиболее существенных положениях, высказанных в прениях, тем более, что именно в прениях и затрагивались вопросы, наиболее близкие интересам сектора древней истории.

Одним из таких положений был вопрос о том, насколько правильна трактовка, данная в докладе Н. Б. Тер-Акопяна (и в ряде статей зарубежных коллег), марксовой концепции азиатского спо-

[3] Подробнее об этом см. С. Л. Утченко, Кризис и падение Римской республики, М., 1965, стр. 142—146.

[4] Там же, стр. 147—155.

[5] Подробнее об этом см. ВДИ, 1965, № 3, стр. 75—96.

[6] См. Н. Б. Тер-Акопян, Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину, НАА, 1965, № 2—3; Л. В. Данилова, Дискуссия по важной проблеме, ВФ, 1965, № 12, стр. 149—156; она же, Введение к гл. III в кн. «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV (в печати); А. И. Павловская, По поводу дискуссии об азиатском способе производства на страницах журналов «La Pensée» и «Eirene», ВДИ, 1965, № 3; она же, О концепции «гидравлического общества» Витфогеля, ВДИ, 1965, № 4.

соба производства как концепции целостной и завершенной?

С безоговорочной поддержкой этих положений докладчика выступил Ю. М. Гарушянц. Он говорил, что в дискуссиях 20—30-х гг. не были полностью выяснены взгляды Маркса на азиатский способ производства. Трактовка азиатского способа производства участниками современной дискуссии, значительно отличается от той, которую мы находим в дискуссиях 20—30-х гг. Нельзя принять целиком все, что утверждают Сюре-Каналь, Годелье, Шено и др., но и нельзя уходить от вопросов, поднятых ими. В докладе Н. Б. Тер-Акопяна Ю. М. Гарушянц видит наиболее полное и правильное изложение концепции К. Маркса.

В противоположность ему А. Я. Шевеленко поставил под сомнение убедительность доводов Н. Б. Тер-Акопяна в отношении того, что концепция азиатского способа производства у классиков марксизма приобрела законченный и стройный вид. По его мнению, вопрос об азиатском способе производства имел для Маркса второстепенное значение и не входил органически в его учение о развитии общества.

Я. А. Ленцман упрекнул Н. Б. Тер-Акопяна в том, что он не дал своей оценки работам М. Годелье и Ф. Тёкеи, посвященным марксовой концепции азиатского способа производства. Ни в докладе Н. Б. Тер-Акопяна, ни в работе М. Годелье нет, по мнению Я. А. Ленцмана, достаточно убедительных доказательств того, что Маркс считал азиатский способ производства универсальным. Нельзя ставить знак равенства между понятиями способ производства и формация. Термин «способ производства» Маркс употреблял в разных значениях, это — понятие более конкретное и узкое, чем формация. Едва ли следует противопоставлять азиатский способ производства рабовладельческому, правильнее говорить о двух или нескольких способах производства в рамках рабовладельческой формации.

Н. М. Постовская указала на то, что нельзя преуменьшать значение дискуссий 30-х гг. Только с этого времени можно говорить о последовательном применении марксистской методологии в изучении истории древнего Востока, о самостоятельном исследовании и интерпретации первоисточников. Полемика по основным проблемам общественного строя стран древнего Востока продолжалась и после дискуссии 1934 г. и если в ходе этой полемики взгляды противников (А. И. Тюменева, И. М. Лурье, В. В. Струве) сблизились, то это является результатом того, что все они применяли одну и ту же марксистскую методологию исследования и добросовестно анализировали источники. Н. М. Постовская высказала сомнение, отвечает ли возобновление дискуссии потребностям современного этапа изучения древних обществ Передней Азии и Египта. Сомнения возникают вовсе не потому, что теоретические вопросы в этой области знания представляются окончательно решенными. Напротив, специалисты в этой области востоковедения еще не готовы к новому их генеральному рассмотрению ввиду недостаточной изученности громадного вновь входящего в научный оборот материала источников.

Подавляющее большинство выступавших в прениях (В. Н. Никифоров, Л. С. Васильев, С. Р. Ким, Ю. И. Семенов, А. А. Губер и др.), отмечая, что накопившийся фактический материал как в области истории античного мира и древнего Востока, так и в области истории народов Африки и доколумбовой Америки, не укладывается в рамки сложившихся в 30-х гг. теоретических представлений о первобытнообщинной, рабовладельческой и феодальной формациях, единодушно высказали мнение, что решение вопроса об азиатском способе производства возможно лишь в результате детального изучения закономерностей развития раннеклассовых обществ.

В ходе прений активно обсуждались важные методологические вопросы: о содержании и емкости понятий формация и способ производства, о критериях, определяющих принадлежность того или иного общества к определенной формации, о правомерности пятичленной схемы развития человеческого общества в целом. Мнения выступавших во многом разошлись.

По мнению Б. Ф. Поршнева, емкость установившихся понятий и пятичленной схемы не исчерпаны, следует лишь их уточнить. Марксистскую теорию общественно-экономических формаций, говорит Б. Ф. Поршнев, следует понимать не как систематизацию или типизацию, а как генеральное направление исторического развития человечества в целом, предполагающее своеобразие в развитии его отдельных частей. Эта теория необходима, так как она отражает закон прогресса человеческого общества. В рамках учения о формациях одним из краеугольных понятий является рабство. Сейчас перед специалистами стоит задача на основе накопленного материала сделать это понятие более емким, отражающим все многообразие форм и особенностей рабовладельческой формации.

По мнению Ю. И. Семенова, с точки зрения марксистской теории не может быть запрета на выявление еще одной формации, другой вопрос, есть ли для этого достаточные основания. Узловым вопросом для отнесения раннеклассовых обществ к той или иной формации является вопрос о формах эксплуатации. Помимо трех хорошо известных форм эксплуатации (рабовладельческой, феодальной и капиталистической), Ю. И. Се-

менов отмечает еще одну — эксплуатацию общинников, засвидетельствованную в государствах Египта, Двуречья и во всех раннеклассовых государствах. Он определяет ее как нерасчлененную форму эксплуатации, содержавшую в зародыше все те формы, которые в более поздние эпохи приобрели доминирующее значение[7].

Л. С. Васильев, исходя из того, что рабовладение не было основной формой эксплуатации ни в древности, ни в последующие эпохи, а в Китае и доколумбовой Америке оно в течение веков сосуществовало с феодальными отношениями, предполагает, что генеральным путем развития всех докапиталистических обществ является именно сосуществование двух способов производства: рабовладельческого и феодального, а античный мир можно считать скорее модификацией этого основного пути, чем нормой. Нет серьезных оснований противопоставлять рабовладение феодализму, и все общества в древности отождествлять с рабовладельческими, а в средние века с феодальными, руководствуясь хронологическим принципом.

С. Л. Утченко считает необходимым прежде всего разграничить такие кардинальные понятия, как «способ производства» и «формация» и выяснить их соотношение и, в частности, выяснить соотношение понятий «рабовладельческая формация» и «рабовладельческий способ производства». Едва ли правомерно, как обычно принято, отождествлять эти два понятия. Маркс при анализе того или иного способа производства всегда исходил из форм собственности, мы же, говорит С. С. Утченко, по сути дела часто за основу берем способ эксплуатации. Развернутое определение формации, как известно, дано В. И. Лениным, при этом он опирался на «Введение к критике политической экономии» Маркса. Но ни у Маркса, ни у Ленина не говорится о количестве формаций. Деление истории общества на пять общественно-экномических формаций возникло позднее и, как кажется, именно в ходе дискуссии об азиатском способе производства. Не меньшее значение имеет и вопрос о соотношении понятий «формация» и «эпоха», отражающих два аспекта осмысления исторического процесса. Только при четком определении всех этих категорий можно установить какие-то критерии подхода к проблеме азиатского способа производства.

По мнению К. К. Зельина, при изучении докапиталистических обществ исследователи недостаточно уделяют внимания противоположности их капиталистическому обществу. Если определяющим фактором капитализма является экономическое принуждение и стремление к прибавочной стоимости, то в основе докапиталистических обществ лежит внеэкономическое принуждение и извлечение потребительной стоимости. При анализе форм эксплуатации необходимо исследовать не только кого эксплуатируют, но и кто эксплуатирует и каковы формы эксплуатации. В условиях внеэкономического принуждения могут существовать два типа присвоения: полная аппроприация личности эксплуатируемого и средств производства и частичная аппроприация того или другого или обоих вместе. Маркс говорил о существовании многих форм крепостной зависимости, то же можно сказать и в отношении рабства. Правильное положение Ю. И. Семенова о недифференцированности ранних форм зависимости не объясняет все же существования смешанных форм в более поздние периоды (например, в эпоху эллинизма) и причин последующего развития из недифференцированной формы какой-то определенной формы эксплуатации. В конце своего выступления К. К. Зельин подчеркнул, что при изучении форм эксплуатации необходимо учитывать тенденции развития данной системы общественных отношений в целом, ее генетические и трансформационные связи.

Эту последнюю мысль развил в своем выступлении М. Я. Гефтер. Одним из основных методологических вопросов является, по его мнению, проблема раннеклассовых обществ, их типы, структура. Пути разложения первобытной общины определяли формирование того или иного типа раннеклассового общества. М. Я. Гефтер допускает, что существовали довольно устойчивые раннеклассовые общества, переросшие затем в феодальные, минуя рабовладельческую стадию. Отсюда возникает проблема взаимодействия обществ, находящихся на разных уровнях развития (например, античного общества не только с варварским миром, но и с раннеклассовыми обществами). Заслуживает глубокого изучения механизм воздействия пережитков старых социально-экономических отношений на развитие новых в рамках данного общества. В. И. Ленин допускал существование разных типов капитализма (в частности прусского). По-видимому, можно говорить и о разных типах феодализма или рабовладения. Возможно, что изучение вопроса о соотношении старого и нового и даст ключ к пониманию восточных обществ. Соглашаясь с теми, кто возражал против тезиса о законченности концепции азиатского способа производства у Маркса, Гефтер в то же время под-

[7] Подробнее см. Ю. И. Семенов, Проблема социально-экономического строя древнего Востока, НАА, 1965, № 4, стр. 69—89.

черкнул, что эта концепция не деталь, не эпизод в разработке учения Маркса, а важный этап в формировании марксистской теории докапиталистического развития общества.

А. А. Губер отметил, что одной из важнейших теоретических проблем является выяснение причин, обусловивших в Европе развитие рабства как господствующей формы эксплуатации, а в Азии — длительное существование общины. Специфика развития стран Востока сохраняется до новейшего времени. Чтобы понять эту специфику, следует тщательно проанализировать различия в структуре европейских и азиатских обществ, начиная с разложения первобытнообщинного строя. Здесь многое может дать изучение истории африканских народов. Выяснение причин длительного существования общины в странах Азии поможет разрешить и вторую, тесно связанную с первой проблему — причины замедленного темпа развития восточных обществ. По мнению А. А. Губера, едва ли нужно умозрительно конструировать еще одну формацию, надо сначала подумать о расширении и переосмыслении используемых понятий.

Подводя итоги дискуссии, М. Я. Гефтер отметил, что обсуждение проблемы азиатского способа производства выявило насущную потребность в углубленной разработке целого комплекса методологических вопросов, относящихся к периоду становления классового общества и первых этапов его развития. Добавим к этому, что обмен мнениями с коллегами смежных специальностей (китаеведами, медиевистами, специалистами по русскому феодализму) побуждает нас, античников, несколько по-иному, в более широком историческом плане, пересмотреть некоторые стороны античного способа производства.

Следующей крупной проблемой, составлявшей содержание научной жизни сектора в 1965 г., была проблема изучения античной культуры. Внимание и интерес сектора к этой широкой проблеме вызван целым рядом причин. Во-первых, в течение долгих лет советские историки античности уделяли основное внимание социально-экономическим отношениям, в то время как культура, идеология оставалась несколько в тени. Во-вторых, в буржуазной историографии и социологии изучение античной культуры наоборот занимало все большее место, причем многие важные явления и процессы не только трактовались с враждебных материалистическому пониманию истории позиций, но и подвергались определенной фальсификации. И, наконец, многие проблемы античной культуры, являющейся до сих пор драгоценным наследием человечества, дают возможность установить некоторые отнюдь не надуманные, не «модернизаторские», но живые и действенные связи античной культуры с современностью.

В истекшем году сектор только приступил к изучению этой новой для него проблемы. Сотрудниками сектора были разработаны несколько вариантов проспектов монографий, коллективных трудов и научно-популярных работ по истории культуры. В некоторых из них был выдвинут целый ряд важных теоретических проблем, которые, как нам кажется, представляют интерес для широких кругов античников (тем более, что далеко не все из них сектор в состоянии разработать своими силами). Так, Е. М. Штаерман предложила тематическую разработку трех крупных монографий, охватывающих все стороны идеологии античного мира в период его расцвета и упадка. В первой монографии, озаглавленной «Античный гуманизм», в качестве основной теоретической проблемы она выдвигает проблему соотношения коллективистского и индивидуалистического мировоззрения. В монографии должны рассматриваться социальные, политические, этические, религиозные и художественные воззрения античного общества в период становления и расцвета полиса. Во второй монографии, посвященной кризису античной культуры, в центре исследования ставится проблема культуры и ее социальной базы. Как и в первой монографии, предполагается исследование всех сторон идеологической жизни античного общества, но уже в рамках римской империи. На первый план выдвигается вопрос о противоположности официальной идеологии господствующих слоев идеологии эксплуатируемых масс. Одной из основных задач этого исследования должна быть критика реакционных теорий «кризиса системы ценностей», «творческой активности» элиты и пассивности масс. В третьей монографии, озаглавленной «Античная культура и ее периферия», Е. М. Штаерман предлагает поставить проблему культурных заимствований и культурного синкретизма. Исследованию подлежат влияния греческой культуры на римскую, греко-римской культуры на окружающие племена и обратные влияния, взаимодействия античной и восточной культур. Итогом изучения этих вопросов будет выявление специфики античного синкретизма и общих закономерностей культурных влияний.

К. К. Зельин представил свои соображения о методологии исследования истории культуры. Он выдвигает как необходимые три аспекта исследования: 1) исследование культурно-исторических явлений в их взаимосвязи, начиная с наиболее тесно связанных элементов и кончая связями между культурно-историческими явлениями и политическими, а также социально-экономическими условиями эпохи; 2) исследование генетических связей

каждого культурного явления и неизбежно вытекающей отсюда проблемы непрерывности и скачкообразности исторического развития; 3) исследование явлений повторяемости, параллельности, сходства и различия, а также тенденций развития и обусловленности того или иного культурного явления.

К. К. Зельин предложил следующую проблематику монографий или сборников статей: 1) «Античность и современность» (исследование генетических связей, явлений повторяемости, значения изучаемого явления в системе современных взглядов) и т. д. Примерная тематика: ранняя греческая философия и наука и современная наука; история идеи демократии в античности и в новое время; синкретизм (на материале античности и современности); характеристика античных философских систем в свете современной философии и др. темы. 2) «Культура и ее стиль» (исследование культуры как некоей целостной системы взаимосвязанных культурных явлений, имеющей во всех отраслях некоторые общие черты). Примерная тематика: религия, философия и наука в эпоху эллинизма; проблема связи науки и техники в древности (в определенный период); проблема взаимодействия различных наук в древности; рационалистическая обработка системы иррациональных воззрений и т. п. темы. 3) «Судьбы научно-философских и политических идей в античности» (исследование генетических связей, проблемы непрерывности и скачкообразности развития). Примерная тематика: восточная наука и ее воздействие на греческую философию; идея телеологии в греческой философии; теория циклизма в греческой историографии.

С. Л. Утченко представил проспект тематического сборника «Античность и современность», включающего в себя следующие разделы:

Вступление. Культурное наследие античности и современность.

I. Философия: а) Основные направления в античной философии. б) Человек и общество в античном мире и проблема отчуждения в современной философии.

II. Наука: а) Становление античной науки. б) Милетская школа и современная физика микромира.

III. Политические теории: а) Развитие учения о государстве. б) Циклические теории в античности и в современной социологии.

IV. Религия: а) Философское мышление и религия в античном мире. б) Проблема личности в раннем христианстве и в современной философии экзистенциализма.

В результате обсуждения представленных проспектов был утвержден план работы сектора на ближайшие годы. Этот план включает в себя три основных раздела, причем формы разработки каждого из них довольно разнообразны.

Раздел I. Становление античной культуры.

В этом разделе предусмотрены две работы: Я. А. Ленцмана «У истоков «греческого чуда» (восточные влияния в доклассической Греции)» и Т. В. Блаватской «Становление ахейской культуры».

Первая работа, по мысли автора, будет предпринята в научно-популярном плане и включает в себя (по предварительному проспекту) следующие главы: 1) Алфавитная письменность, 2) Эллинская колонизация и страны Востока, 3) Восточные влияния в раннегреческой мифологии, религии, искусстве и поэзии и 4) «Варварский» мир в представлениях ранних греков.

Работа Т. В. Блаватской мыслится как исследование, основанное в значительной мере на изучении материальных памятников ахейской культуры.

Раздел II. Расцвет античной культуры.

В этом разделе пока предусмотрена лишь одна крупная работа — коллективный труд четырех авторов: К. К. Зельина, М. К. Трофимовой, С. Л. Утченко, Е. М. Штаерман: «Античная культура и современность» по проспекту, представленному С. Л. Утченко.

Раздел III. Кризис античной культуры.

По данному разделу предусматривается подготовка исследования двух авторов: Е. М. Штаерман и М. К. Трофимомой «Кризис античной культуры» в соответствии с той проблематикой, которую Е. М. Штаерман предложила в своем проспекте.

Обсуждение проблем истории античной культуры в 1965 г. не ограничилось только рассмотрением предложенных проспектов и утверждением плана работы. На заседаниях сектора был прочитан ряд докладов, посвященных обзору и критике современной зарубежной литературы по общим проблемам античной культуры, по истории античной философии и науки, по истории раннего христианства (доклады К. К. Зельина, Е. М. Штаерман, М. К. Трофимовой).

Таковы основные направления научной работы сектора древней истории за истекший год. В заключение можно добавить, что в 1965 г. сектором были опубликованы следующие книги: монография С. Л. Утченко «Кризис и падение Римской республики», сборник избранных трудов П. Ф. Преображенского «В мире античных идей и образов» (под редакцией акад. С. Д. Сказкина и С. Л. Утченко); находится в печати и должен в ближайшем будущем выйти в свет большой труд скончавшегося в 1962 г. сотрудника сектора А. К. Бергера «Политическая мысль античной демократии».

А. И. Павловская, С. Л. Утченко

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ · 1966 · МОСКВА · 1966

ПРИЛОЖЕНИЕ

ISOCRATIS

ORATIONES

ИСОКРАТ

РЕЧИ

*

ПЕРЕВОД
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. М. КОЛОБОВОЙ

(Продолжение)

V. ФИЛИПП *

(около 346 г. до н. э.)

Речь, обращенная к Филиппу, царю Македонии, написана вскоре после заключения Филократова мира в 346 г. до н. э. До заключения мира оратор работал над речью об Амфиполе, краткое содержание которой он излагает здесь в самом начале. Речь об Амфиполе не была завершена в связи с тем, что мир, к установлению которого она призывала, был заключен до того, как она была окончена.

За время, истекшее после произнесения «Панегирика», Исократ потерял надежду на установление всеобщего мира между греческими государствами и на их объединение под руководством Афин для похода против Персии. Теперь, после Филократова мира, он обращает свои взоры на македонского царя Филиппа II, считая, что последний сумеет добиться установления всеобщего мира и объединения сил Эллады для похода против персов. Таким образом, в этой речи Исократа воодушевляет та же идея, только осуществления ее он добивается иными средствами и на другой основе.

Цель речи — направить агрессию Македонии против Персии, освободить Грецию от неимущего населения, поселив его на завоеванной территории Малой Азии. Прославление Афин уступает здесь место прославлению царя Филиппа.

Особенно интересна в этой речи полемика, направленная против ораторов антимакедонской группировки. Исократ называет их «клеветниками» (§ 73): эти ораторы доказывают, что недавно заключенный мир на деле является воиной, что силы Филиппа растут не в интересах Эллады, а против нее. Указанные идеи, носящие характер политических лозунгов, мы находим во II «Филиппике» Демосфена (§ 6, 33). В III «Филиппике» Демосфен настойчиво указывает, что заключенный мир на деле является войной (§ 8—10).

Исократ не называет имен своих противников, что является, по-видимому, знаком крайней ненависти и презрения.

На стороне Филиппа выступали олигархические круги греческих полисов: от лица этих кругов и выступает Исократ в речи «Филипп».

* * *

СОДЕРЖАНИЕ РЕЧИ, СОСТАВЛЕННОЕ НЕИЗВЕСТНЫМ АВТОРОМ

Надо знать, что эту речь Исократ написал для Филиппа после того, как стараниями послов во главе с Эсхином и Демосфеном был заключен мир [1]. Поэтому Исократу и представился случай, чтобы написать ему теперь как человеку, ставшему другом Афинского государства. Под видом воздания хвалы Филиппу он советует ему, — помирив друг с другом большие государства Эллады, враждующие между собой, — пойти походом на персов. «Ибо, — заявляет он, — тебе пристало совершить это как Гераклиду и как человеку, обладающему столь великим могуществом». Получив и прочитав эту речь, Филипп не послушался излагавшихся в ней советов, но отложил их исполнение до другого времени. Однако

* Перевод В. Г. Боруховича.

[1] Имеется в виду Филократов мир.

позже сын его Александр тоже прочитал эту речь и, воодушевленный ею, предпринял поход против Дария Второго [2], называвшегося Охом. Ибо главное имя его было Ох, персы же из лести величали его Дарием, сообразно с тем, как называли его далеких предков.

Содержание речи — прагматическое, ибо она содержит совет. Исократ написал эту речь, будучи стариком, незадолго до своей и Филиппа кончины, как утверждает Гермипп.

* * *

. . . . . .

(1) Не удивляйся, Филипп, что я начну свою речь не с того, с чем я считаю необходимым обратиться к тебе сейчас и о чем буду говорить позже, а с того, что я написал об Амфиполе. Я хочу сначала коротко сказать об этом, чтобы показать и тебе, и всем другим, что не по неведению и не заблуждаясь относительно слабого состояния здоровья, в котором я теперь нахожусь, принялся я писать речь, обращенную к тебе, но напротив, вполне естественно оказался мало-помалу подведен к этому.

(2) Дело в том, что, видя, как война, возникшая у тебя с нашим государством из-за Амфиполя, причиняет много бедствий, я решил высказаться об этом городе и о его земле, но совершенно не так, как обычно говорят твои друзья, и не так, как об этом говорят наши ораторы, а предельно отличаясь от них по образу мыслей. (3) Они подстрекали к войне, поддерживая наши стремления, а я ни единым словом не высказывался о спорных вопросах, но избрал такую тему, которая казалась мне наиболее способствующей установлению мира: я всегда говорил, что все вы ошибаетесь в оценке событий и что ты воюешь в наших интересах, а наше государство — в интересах твоего могущества. В самом деле, тебе выгодно, чтобы мы владели этой землей, а государству нашему обладание ею никакой пользы не принесет. (4) И, по-видимому, я излагал свое мнение перед слушателями таким образом, что ни один из них не стал хвалить стиль речи за точность и ясность, как это делают некоторые, но все восхищались правдивостью содержания и сочли, что, пожалуй, нет другого способа прекратить вражду между вами (5), если только ты не убедишься, что для тебя более ценной будет дружба с нашим государством, чем доходы, получаемые с Амфиполя, а государство наше не поймет, что нужно избегать основания подобных колоний, в которых население четыре или пять раз подвергалось уничтожению, и искать таких мест для колоний, которые расположены далеко от тех, кто способен властвовать, но вблизи тех, кто привыкли быть рабами (так, например, как лакедемоняне колонизовали Кирену) [3]. (6) Вражда прекратится, если ты поймешь, что передав нам эту землю на словах, в действительности ты сам будешь владеть ею, а к тому же приобретешь и нашу признательность (ты получишь от нас в залог дружбы всех тех, кого мы отправим колонистами в твое государство): вражда прекратится, если кто-нибудь внушит нашему народу, что в случае взятия Амфиполя мы будем вынуждены быть так же признательны твоей власти ради живущих там граждан, как были признательны Амадоку Старшему ради колонистов, занимавшихся земледелием в Херсо-

[2] Автор ошибается — противником Александра был не Дарий II, который правил с 424 по 404 г. до н. э., а Дарий III Кодоман (336—330 гг. до н. э.).

[3] Кирена в действительности была основана в 631 г. выходцами с острова Феры (ныне Санторин), а не из Спарты. Философ Спевзипп резко критиковал Исократа за эту ошибку — см. «Письмо философа Спевзиппа царю Филиппу», § 11 («Хрестоматия по истории Древней Греции», «Мысль», М., 1964, стр. 421). Однако связи со Спартой у Кирены несомненно были — см. Hiller v. Gaertringen, AM, 1896, XXI, стр. 431—432, прим. 3.

несе [4]. (7) У всех тех, кто слышал подобные доводы, появилась надежда, что, если эта речь будет распространена, вы прекратите войну, и, отказавшись от прежних настроений, начнете совещаться о каком-нибудь общем благе для себя самих. Конечно, полагали ли они это с основанием или без основания, пусть отвечают за это они сами. А в то время, как я был занят этим делом, вы опередили меня, заключив мир до того, как я закончил работу над речью,— и разумно сделали это: ведь заключение мира на каких бы то ни было условиях лучше, чем перенесение бедствий, возникающих вследствие войны. (8) Хотя я был рад вынесенным решениям о заключении мира и полагал, что он не только нам, но и тебе, и всем другим эллинам принесет пользу, я все же не был в таком состоянии, чтобы отделаться от мыслей по поводу сложившихся обстоятельств, но был расположен к тому, чтобы тотчас же обдумать, как нам сохранить достигнутое и как сделать, чтобы государство наше через некоторое время не пожелало вести новые войны. (9) Размышляя наедине с самим собой об этом, я пришел к выводу, что Афины смогут сохранять состояние мира только в том случае, если крупнейшие государства решат, прекратив междоусобицы, перенести войну в Азию и если они пожелают добиться у варваров тех преимуществ и выгод, которые они сейчас стремятся получить у эллинов: эту мысль мне приходилось уже высказывать в «Панегирике» [5].

(10) Однако обдумав это и придя к выводу, что едва ли когда-нибудь может найтись тема лучше этой, более касающаяся всех, более полезная для всех нас, я вновь стал писать о ней, хорошо сознавая при этом свое состояние и отдавая себе отчет в том, что сочинение подобной речи по силам человеку не моего возраста, но такому, кто находится в расцвете лет и по дарованию своему далеко превосходит других: (11) я видел также, что трудно составить сносно две речи на одну и ту же тему, тем более, если опубликованная раньше речь написана так, что даже завистники наши восхищаются и подражают ей еще больше, чем те, кто хвалил ее до чрезмерности. (12) И все же настолько я стал в старости честолюбив, что, пренебрегая этими трудностями, захотел, обращаясь к тебе, вместе с тем и ученикам моим показать и объяснить, что докучать на многолюдных собраниях и обращаться ко всем, собирающимся туда, с речью — это все равно, что ни к кому не обращаться: подобные речи оказываются такими же недейственными, как законы и проекты государственного устройства, сочиненные софистами [6]. (13) Нужно, чтобы те, кто хочет не болтать понапрасну, а делать что-нибудь полезное, и те, кто полагает, что они придумали путь к достижению какого-то всеобщего блага, предоставили другим выступать на этих собраниях, а сами выбрали бы в качестве исполнителя своих планов кого-нибудь из тех, кто умеет говорить и действовать, если только он пожелает внять их речам. (14) Придя к этому выводу, я предпочел обратиться к тебе, сделав свой выбор не из желания угодить, хотя для меня и было бы важно, чтобы речь моя была тебе приятна: однако мысль моя была направлена не на это. Я видел, что все остальные знаменитые люди живут, подчиняясь государству и законам [7], не имея возможности делать что-нибудь помимо того, что им приказывают, и к тому же они гораздо менее способны совершить те дела, о которых

[4] Царь племени одрисов. Фракийское царство одрисов во главе с Тересом образовалось незадолго до начала Пелопоннесской войны (Thuc., II, 97, 3). Над афинскими колонистами в Херсонесе постоянно висела угроза нападения фракийцев (см. Polyaen., Stratag., VII, 38). Афины заключили союз с Амадоком в 390 г. до н. э. (ср. Xen., Hell., IV, 8, 26).

[5] Isocr., Paneg., 17.

[6] Может быть, намек на «Государство» и «Законы» Платона (Blass, Die Attische Beredsamkeit, II, 4).

[7] Ср. ту же самую мысль в Epist., I, 6—7.

будет идти речь ниже. (15) Тебе же одному судьба дала неограниченную возможность и послов отправлять, к кому захочешь, и принимать, от кого тебе будет угодно, и говорить то, что кажется тебе полезным; к тому же ты приобрел такое богатство и могущество, как никто из эллинов,— то, что единственно может и убеждать, и принуждать. Это также, думаю, потребуется и для того дела, о котором будет идти речь. (16) Дело в том, что я намерен тебе советовать привести эллинов к согласию и возглавить поход против варваров: убеждение подходит для эллинов, а принуждение полезно для варваров. В этом, таким образом, заключается главное содержание всей этой речи.

(17) Я не побоюсь рассказать тебе, за что стали упрекать меня некоторые из моих учеников,— думаю, что от этого будет какая-то польза. Когда я сообщил им, что намерен послать тебе речь, составленную не как образец красноречия и не прославляющую войны, которые ты провел (это сделают другие), но в которой я попытаюсь склонить тебя к делам более близким тебе, более прекрасным и полезным, чем те, которые ты до сих пор предпочитал, (18) они были так поражены, подумав, не сошел ли я с ума от старости, что осмелились порицать меня — то, чего они раньше никогда не делали,— говоря, что я берусь за дела странные и слишком безрассудные, «поскольку ты,— говорили они,— намерен послать речь с советами Филиппу, который, если даже раньше и допускал, что он ниже кого-нибудь по разуму, теперь, благодаря огромным успехам, непременно должен считать себя способным к лучшим решениям, чем все остальные. (19) Кроме того, он окружил себя наиболее дельными людьми из македонян, которые, естественно, если даже в других делах и несведущи, то во всяком случае знают лучше тебя, что полезно для него. Да и из эллинов ты сможешь увидеть многих живущих там людей, не лишенных славы или ума, но таких, пользуясь советами которых, он не уменьшил своего царства, а добился положения, какого можно только пожелать. (20) Чего ему еще недостает? Разве фессалийцев, которые раньше властвовали над Македонией, он не расположил к себе так, что каждый из них больше доверяет ему, чем гражданам, входящим в их союз? А соседние города,— разве он не привлек одни из них на свою сторону благодеяниями и не уничтожил другие, которые причинили ему много неприятностей? (21) Разве он не покорил магнетов, перребов и пеонов и не сделал их своими подданными? Разве он не стал полновластным хозяином над иллирийскими племенами, за исключением тех, которые живут по берегу Адриатики? Разве он не поставил над всей Фракией правителей по своему усмотрению? Так разве ты не думаешь, что тот, кто добился таких многочисленных и крупных успехов, сочтет человека, пославшего ему эту речь, большим глупцом и подумает, что человек этот весьма заблуждается в оценке силы своего ума и своих речей?» (22) О том, как я, выслушав это, вначале был подавлен и как снова, собравшись с духом, ответил на все их возражения, я умолчу, чтобы некоторым не показалось, что я слишком горжусь тем, как искусно я отразил их доводы. Так вот, пристыдив умеренно (как мне показалось) осмелившихся порицать меня, я в конце концов пообещал показать эту речь из всех живущих в этом городе только им одним и поступить с ней так, как они решат. (23) Выслушав это, они ушли,— не знаю, с какими мыслями. Однако через несколько дней, когда речь была закончена и показана им, они настолько изменили свое мнение, что им стало стыдно за свою прежнюю дерзость, и они стали раскаиваться во всех своих словах, признавать, что они никогда еще так не ошибались, стали торопиться больше, чем я, с отправкой этой речи к тебе, выражали надежду, что не только государство наше будет благодарно мне за эту речь, но и все эллины.

(24) А рассказал я тебе об этом для того, чтобы ты, если тебе в начале речи этой что-нибудь покажется невероятным или невозможным, или недостойным тебя, не отбросил в негодовании все остальное, но — чтобы с тобой не случилось того же, что и с моими учениками — невозмутимо дожидался, пока не прослушаешь всю речь до конца: надеюсь, я скажу нечто дельное и полезное для тебя. (25) А между тем мне хорошо известно, насколько речи произносимые отличаются по убедительности от речей, предназначенных для чтения, равно как и то, что, по общему мнению, речи, касающиеся дел серьезных и неотложных, ораторами произносятся, а те, что служат для показа своего искусства и преследуют личную выгоду — пишутся [8]. (26) Мнение это не лишено основания потому, что когда с речью выступает человек, не пользующийся авторитетом, без модуляций голоса, применяемых в реторике, к тому же не в подходящее для ее произнесения время, без серьезного отношения к делу,— когда все это не будет делать доводы автора более убедительными и речь окажется как бы обнаженной и пустой, да еще чтец станет читать ее неумело, без выражения, как бы перебирая факты, (27) то, естественно, думаю я, она покажется слушателям никуда не годной. Все это может, пожалуй, сильно повредить и этой речи и быть причиной того, что она покажется более слабой, чем она есть в действительности. В самом деле, она не украшена ритмичностью и не блещет богатством стиля, к которым и сам я прибегал в молодости [9], и другим показывал, какими средствами делать речи более приятными и вместе с тем более убедительными. (28) Всего этого я уже делать не могу из-за преклонного возраста, но если я смогу просто изложить самую суть дела, мне достаточно будет и того. Полагаю, что и ты, отбросив все остальное, должен обратить внимание только на это. Ты только тогда сможешь самым основательным и лучшим образом определить, есть ли в моей речи что-нибудь важное и заслуживающее внимания, (29) если учтешь и отбросишь все препятствующие ее восприятию моменты [10], связанные с уловками софистов и особенностями речей, предназначенных для чтения, если взвесишь и оценишь каждую мысль, и притом не поверхностно и небрежно, но рассудительно и тщательно, как подобает человеку, причастному к философии (а тебя называют таким). Изучая мою речь таким образом и не основываясь на мнении толпы, ты сможешь наилучшим образом сделать для себя соответствующие выводы. Вот то, что я хотел предварительно тебе сказать.

(30) А теперь перейду к самому предмету речи. Я хочу сказать, что необходимо, не забывая также о собственных интересах, попытаться примирить между собой государства аргивян, лакедемонян, фиванцев и наше [11]. Если ты сумеешь их объединить в союз, то без труда приведешь к согласию и другие государства. (31) Ведь все они находятся в зависимости от упомянутых и при грозящей опасности обращаются к одному из них за помощью и получают ее там. Поэтому если ты склонишь к благоразумию четыре только государства, то и остальные избавишь от многих бед.

(32) Ты можешь убедиться в том, что тебе не следует пренебрегать ни одним из них, если проследишь их историю во времена твоих предков. Ты увидишь тогда, что у каждого из них была большая дружба с вами, и они оказывали вам огромные услуги. Ведь Аргос для тебя родина, и к нему ты должен относиться с такой же обходительностью, как и к своим

---

[8] Ср. Epist., I, 2—3; J e b b, Att. or., стр. 67.
[9] Ср. Panath., 1, 2.
[10] Здесь Исократ обращается к Филиппу, как знатоку философии и покровителю литературы.
[11] Ср. Paneg., 64.

родителям [12]. Фиванцы чтут прародителя вашего рода торжественными процессиями и жертвоприношениями больше, чем всех остальных богов [13]. (33) Лакедемоняне предоставили на вечные времена потомкам его царскую власть и предводительство на войне [14], а наше государство, как говорят те, сообщениям которых о древности мы доверяем, Гераклу помогло получить бессмертие [15] (каким образом — тебе легко будет узнать, мне же рассказывать сейчас неуместно), а детям его — спасение [16]. (34) Оно одно, подвергаясь крайним опасностям в борьбе с могуществом Эврисфея, положило конец его величайшим дерзостям и избавило детей Геракла от постоянно преследовавшей их опасности. Справедливо, чтобы за это были нам благодарны не только те, которые были спасены тогда, но и живущие сейчас: ведь благодаря нам они живут и пользуются благами жизни. Не будь спасены одни, не могли бы вообще появиться на свет и другие.

(35) Поскольку, таким образом, все эти государства предстают в таком свете, у тебя никогда ни с одним из них не должно быть разногласий. Но все мы от природы склонны более ошибаться, чем поступать правильно. Поэтому за все, что произошло до сих пор, вина справедливо падает на всех, но впредь следует остерегаться, чтобы с тобой не случилось ничего подобного, и подумать, какое сделать для них доброе дело, чтобы показать, что ты отплатил достойным и тебя, и твоих услуг образом. (36) Подходящий случай у тебя есть. Между тем, как ты будешь только оплачивать свой долг, они сочтут, поскольку прошло столько времени, что ты первым кладешь начало оказанию услуг. Затем, ведь очень хорошо считаться благодетелем выдающихся государств, с пользой для себя ничуть не меньшей, чем для них. (37) Кроме того, если с кем-нибудь из них у тебя возникла какая-либо неприятность, ты прекратишь все это, потому что своевременные услуги предают забвению прежние ошибки обеих сторон. Известно также и то, что все люди помнят больше всего о тех, кто помог им в их несчастье. (38) Ты видишь, как они страдают из-за войны, как похожи они на единоборцев. Ведь и тех, когда ярость начинает у них усиливаться, никто уже не может разнять: когда же они изувечат друг друга, они расходятся сами, без всякого постороннего вмешательства. Так, я полагаю, произойдет и с этими государствами, если ты заранее не позаботишься о них.

(39) Может быть, кто-нибудь решится выступить против моих слов, утверждая, что я пытаюсь склонить тебя взяться за невозможное. По их мнению, ни аргивяне не станут никогда друзьями лакедемонян, ни лакедемоняне — друзьями фиванцев: и вообще те, кто привык к постоянному превосходству, никогда не согласятся на равную долю с другими. (40) А я думаю, что когда первенство среди эллинов принадлежало нашему

---

[12] Потомок Геракла Каран из Аргоса был, по преданию (Ср. I u s t., VII, 1), первым царем Македонии. Миф о Каране получил распространение, по-видимому, в более позднее время, и был, вероятно, создан аргивянами, когда Македония стала играть выдающуюся роль в международных делах. Каран упоминается у Диодора (VII, 17) и Синкелла (стр. 262). Миф был создан для того, чтобы связать генеалогическими связями Аргос и Македонию. С другой стороны, Пердикка I — основатель аргивской династии в Македонии, был, согласно Геродоту (VII, 137), потомком аргивского царя Темена. Ср. также H e r o d., V, 22.

[13] В Фивах особенно почитали Геракла, так как оттуда, согласно мифу, происходила мать Геракла, Алкмена, супруга фиванского царя Амфитриона. Ср. X e n., Hell., VI, 4, 7; D i o d., XV, 53.

[14] Ср. Paneg., 62 и прим.

[15] Согласно D i o d., IV, 39 афиняне первыми совершили жертвоприношение Гераклу, как богу.

[16] Ср. Paneg., 56—62.

государству, а затем государству лакедемонян, едва ли можно было добиться чего-нибудь, так как каждое из них легко могло помешать действиям другого. В нынешних же обстоятельствах, я полагаю, что это не так. Я знаю, что несчастья поставили тех и других в одинаковое положение, поэтому, я полагаю, они предпочтут выгоды, получаемые от согласия,— преимуществам, получавшимся от прежних их действий [17]. (41) Затем, я считаю, что едва ли кто-нибудь другой сможет примирить эти государства, а для тебя подобные дела не составляют никакой трудности, потому что я вижу, как ты осуществил многое из того, что другим казалось безнадежным и невероятным: и будет нисколько не удивительно, если и это дело сможешь устроить только ты. Люди великие и выдающиеся должны браться не за такие дела, которые может совершить обычный человек, а за те, за которые не возьмется никто другой, кроме людей, имеющих такие же дарования и могущество, как у тебя.

(42) Я удивляюсь тому, что люди, которые считают такие дела неосуществимыми, ни сами не знают, ни от других не слышали, что много было войн, и к тому же страшных, и что люди, которые положили этим войнам конец, и сами получили, и воевавшим сторонам доставили тем самым большие блага. Какая ненависть могла быть больше той, которая была у эллинов против Ксеркса? Однако все знают, что дружбу с ним мы и лакедемоняне предпочли дружбе с теми [18], кто каждому из нас помогал добиться власти. (43) Но к чему вспоминать давно прошедшие события и обращаться к примерам, связанным с варварами? Если бы кто-нибудь внимательно рассмотрел несчастья эллинов, то стало бы ясно, что все они не составляют и ничтожной доли тех бед, которые причинили нам фиванцы и лакедемоняне [19]. Тем не менее, когда лакедемоняне отправились в поход против фиванцев и хотели разорить Беотию, а жителей ее городов расселить, мы, придя фиванцам на помощь [20], воспрепятствовали осуществлению замыслов лакедемонян. (44) И напротив, когда судьба переменилась [21] и фиванцы вместе со всеми пелопоннесцами попытались уничтожить Спарту, мы — единственные из всех эллинов — заключили с ней союз и тем самым помогли ее спасению [22]. (45) Полнейшее непонимание дела и глупость обнаружил бы тот, кто, зная, что действия государств определяются не ненавистью или клятвами или тому подобным, а только соображениями собственной выгоды (ибо только к этому они стремятся и направляют все свои усилия) и видя нынешние превратности и перемены, при всем этом отказался бы признать, что и сейчас дело обстоит точно таким же образом — тем более, если ты сам займешься примирением этих государств. При этом соображения пользы убедят их, а нынешнее бедственное положение заставит их последовать твоему плану. Эти два обстоятельства, думается мне, должны обеспечить успех дела.

(46) Однако я полагаю, что лучше всего ты сможешь узнать, миролюбиво или враждебно относятся друг к другу эти государства, если мы рас-

[17] Ср. 8 и Paneg., 17.

[18] Выражение «дружбу с ним» имеет, вероятно, в виду уже не Ксеркса, а Артаксеркса, при котором был заключен Анталкидов мир. «Дружба» Спарты с Персией упоминается в Panath., 102, 103.

[19] Особенно в конце Пелопоннесской войны. Ср. Plat., 31; Xen., Hell., V, III, 5, 8

[20] С отрядом под командованием Хабрия, против Агесилая в 378 г. до н. э. Ср. Xen., Hell., V, 4, 34; Diod., XV, 29, 6; 32, 2.

[21] После битвы при Левктрах в 371 г. до н. э.

[22] В 370/369 г. во время похода Эпаминонда и фиванцев в Пелопоннес, когда в союзе с фиванцами выступали аргивяне, аркадяне, мессеняне, элейцы и др., Спарта оказалась в критическом положении (Xen., Hell., VI, 5, 23). Афиняне оказали помощь Спарте, отправив в Пелопоннес войско во главе с Ификратом (Xen., Hell., VI, 5, 49 слл.).

смотрим не совсем кратко и не слишком подробно основные моменты их нынешнего положения и прежде всего положения лакедемонян.

(47) Они, еще совсем недавно первые среди эллинов на суше и на море [23], претерпели такие перемены после поражения при Левктрах, что утратили свое господство среди эллинов и потеряли таких людей, которые готовы были скорее погибнуть, чем жить, потерпев поражение от прежде подвластных им. (48) Кроме того, им довелось видеть, как все пелопоннесцы, раньше сопровождавшие их в походах против других, теперь вместе с фиванцами вторглись на их землю. Лакедемонянам пришлось выдержать такое испытание, воюя с ними не на территории страны за свои поля, но в центре своего города [24], у самых общественных зданий, за своих жен и детей. Так что, если бы они не справились с этим испытанием, то погибли бы немедленно, (49) а одержав победу, они нисколько не избавились от бедствий: с ними воюют их соседи [25], им не доверяют все пелопоннесцы [26], их ненавидит большинство эллинов [27], их грабят и разоряют днем и ночью свои же рабы; дня не проходит, чтобы они или не выступали в поход против кого-нибудь, или не сражались с кем-нибудь, или не спешили на помощь гибнущим согражданам. (50) Но вот самая большая беда: они все время пребывают в страхе, как бы фиванцы, уладив дела с фокидянами [28], не напали на них вновь [29], обрушив на их головы еще большие бедствия, чем раньше. Можно ли предполагать, что люди, находящиеся в таком положении, не встретят с радостью человека, устанавливающего мир, влиятельного и обладающего возможностью избавить их от войн, постоянно им угрожающих?

(51) У аргивян, затем — как ты можешь увидеть — одни дела точно в таком же почти состоянии, другие в еще худшем: они воюют со своими соседями с тех пор, как основали свой город, как и лакедемоняне, с той только разницей, что те сражаются с более слабыми, чем они сами, а эти — с более сильными (что, как согласились бы все, является величайшим из зол). Их так преследуют неудачи в военных действиях, что чуть ли не каждый год у них на глазах разоряют и опустошают их землю [30]. (52) Однако вот что ужаснее всего: когда враги на время прекращают причинять им бедствия, они сами начинают истреблять наиболее выдающихся и богатых из числа своих сограждан [31] и делают это с такой радостью, с какой другие не убивают своих врагов. А причиной такой жизни их, полной смятений и бедствий, является только война между греками. Если ты прекратишь ее, ты не только избавишь их от этих страданий, но дашь им возможность лучше разобраться и в других делах.

(53) Что касается положения фиванцев, то и об этом тебе, конечно, известно. Одержав блестящую победу в сражении и завоевав себе благодаря ей громкую славу, они из-за злоупотребления своими удачами оказались не в лучшем положении, чем побежденные и потерпевшие неудачу. Едва только успели они одержать победу над врагами, как, перестав

---

[23] Спартанская гегемония в Элладе длилась от битвы при Эгоспотамах (405 г.) до битвы при Левктрах (371 г.)

[24] Ср. Xen., Hell., VII, 5, 11.

[25] Аргивяне и мессеняне — ср. Dem., Phil., II, 9, 15.

[26] Кроме упомянутых, имеются в виду также аркадяне, мегалополитяне, элейцы, сикионцы — ср. Diod., XVI, 39.

[27] Особенно афиняне и фиванцы — ср. Dem., Megal., 22, 23.

[28] Фиванцы были главным врагом фокидян в Священной войне.

[29] Как во время кампании, упомянутой в гл. 44 настоящей речи.

[30] Ср. Diod., XVI, 39.

[31] Знаменитый аргосский «скитализм» в 371 г., когда были перебиты восставшим народом около 1200 знатных граждан Аргоса — см. Diod., XV, 57, 58.

считаться со всеми, стали беспокоить государства в Пелопоннесе [32], посмели поработить Фессалию [33], стали угрожать мегарцам, своим соседям, отняли часть земли у нашего государства [34], Евбею опустошили [35], выслали триэры в Византий с намерением захватить власть на суше и на море. (54) Наконец, они пошли войной на фокидян [36], чтобы овладеть в короткий срок их городами, захватить всю окрестную территорию и своими собственными богатствами превзойти дельфийские сокровища [37]. Ничего из этого у них не вышло, но вместо того, чтобы захватить города фокидян, они потеряли свои [38], а вторгшись на территорию противника, они причинили вреда меньше, чем потерпели сами, возвращаясь к себе. (55) В самом деле, в Фокиде они казнили несколько наемников, которым было лучше умереть, чем жить, а на обратном пути потеряли самых славных своих людей, с непоколебимой отвагой готовых умереть за родину. И до того дошли дела их, что, вознамерившись было подчинить себе всех эллинов, теперь они на тебя возлагают надежды на свое спасение. Поэтому и они, я думаю, немедленно исполнят все, что ты станешь указывать и советовать.

(56) Нам оставалось бы поговорить еще о нашем государстве, если бы оно не заключило мира, поступив благоразумно раньше других. Теперь, я думаю, оно будет содействовать твоим предприятиям, особенно если сможет убедиться, что ты проводишь их ради похода против варваров.

(57) Итак, то, что ты имеешь возможность объединить эти государства, тебе, по-моему, уже ясно из сказанного, а что ты сможешь добиться этого без труда, я постараюсь убедить тебя множеством примеров. И если окажется, что некоторые прославившиеся в прошлом люди, взявшись за дела не прекраснее и не священнее тех, к которым я тебя призываю, совершили более значительные и трудные, то что же останется сказать тем, кто выступает с возражениями? Разве ты дела более легкие совершишь не скорее, чем те — более трудные?!

(58) Рассмотрим, во-первых, историю с Алкивиадом. Сосланный нами в изгнание и видя, как люди, испытавшие до него это несчастье, находятся в страхе перед могуществом нашего государства, он не стал разделять их настроений, но, сочтя, что нужно попытаться вернуться из изгнания силой, предпочел воевать со своей родиной. (59) И если бы кто-нибудь захотел рассказать обо всем, что тогда произошло, он и изложить подробно не смог бы, да и в данном случае это оказалось бы, вероятно, утомительным. В такое он вверг потрясение не только наше государство, но и лакедемонян и остальных эллинов, что нам пришлось перенести те страдания, о которых все знают [39], а остальные подверглись таким бедствиям, (60) что и сейчас еще не забыты несчастья [40], постигшие в той войне эти государства. Лакедемоняне же, казавшиеся тогда счастливыми, претерпели

---

[32] Эпаминонд опустошал Пелопоннес в 369, 368, 366, 362 гг.— см. Diod., XV, 62—75.

[33] Походы Пелопида и Эпаминонда в Фессалию относятся к 368, 367 и 364 гг. Пелопид был приглашен фессалийскими городами для освобождения от тирании Александра Ферского — ср. Diod. XV, 67.

[34] Под отнятой у Афин территорией подразумевается Оропп — ср. Xen., Hell., VII, 41. Оропп находился на границе между Аттикой и Беотией и был предметом постоянных споров.

[35] Ср. Dem., De corona, 99.

[36] Война Фив с Фокидой продолжалась 10 лет (356—346 гг.).

[37] Намек на конфискацию фокидянами для военных целей сокровищ Дельфийского храма Аполлона.

[38] Орхомен, Коронею и Корсии — см. Diod., XVI, 33,4; 35,3; 58,1.

[39] Имеется в виду, по-видимому, поражение при Эгоспотамах, правление 30 тиранов и длительная гражданская война в Афинах.

[40] Ср. Paneg., 111.

постигшие их теперь беды из-за Алкивиада. Поддавшись его совету добиться могущества на море, они потеряли свою гегемонию и на суше. (61) Поэтому если кто-нибудь скажет, что начало их нынешним бедствиям было положено именно тогда, когда они попытались захватить власть над морем [41], то его нельзя будет уличить во лжи. Так Алкивиад, после того, как причинил столько бедствий, вернулся из изгнания [42] с огромной славой, хотя и не получил одобрения всех. А Конон несколько лет спустя сделал противоположное этому. (62) Потерпев неудачу в морском сражении в Геллеспонте [43] (не по своей вине, а из-за товарищей по должности), он постыдился вернуться домой и отправился на Кипр, проведя там некоторое время в занятиях своими личными делами [44]. Но когда он узнал, что Агесилай с большим войском переправился в Азию [45] и опустошает эту страну, он задумал великое дело: (63) не располагая ничем иным, кроме своих личных сил и способностей, он вознамерился победить лакедемонян — властителей над эллинами и на море, и на суше. И в послании к полководцам персидского царя он обещал привести этот план в исполнение. Что еще я могу сказать? Собрав флот у Родоса и одержав победу в морском сражении, он лишил власти лакедемонян [46], (64) а эллинам дал свободу [47]. Он не только восстановил стены родного города [48], но и вернул своему государству былую славу. А между тем, кто мог бы ожидать, что человек, оказавшийся в таком скромном положении, сумеет коренным образом изменить положение дел в Элладе: одни эллинские государства унизить, а другие — возвысить?

(65) Далее, Дионисий [49] (я хочу множеством примеров убедить тебя, что дело, к осуществлению которого я тебя призываю, легко выполнимо), простой сиракузянин по происхождению [50], по своей репутации и по всему другому [51], загоревшись страстным и безумным стремлением к монархической власти и решившись на все, что вело к этому, захватил Сиракузы, подчинил все эллинские города Сицилии и собрал такое большое войско и флот [52], какого не собирал до него ни один человек. (66) Затем и Киру (вспомним также о варварах), подкинутому матерью на дорогу и подобранному какой-то персидской женщиной [53], выпала на долю такая судьба, что он стал господином всей Азии.

(67) И если Алкивиад, будучи изгнанником, Конон — испытавшим неудачи, Дионисий — безвестным, Кир — достойным жалости в самом начале своего появления на свет, сумели так возвыситься и совершить такие великие дела, то разве не следует ожидать, что ты, происходя от таких предков, царь Македонии, господин столь многих людей, легко сможешь устроить все то, о чем говорилось выше?

(68) Посмотри, насколько выгодно стремиться к осуществлению таких дел, в которых, добившись успеха, ты не уступишь в своей славе выдающимся людям прошлого, а обманувшись в ожиданиях, приобретешь во

---

[41] В оригинале игра слов, основанная на двух значениях термина «архэ» («начало» и «власть»). Ср. Paneg., 119, Nicocl., 28, De pace, 101.
[42] В 408 г. до н. э.
[43] Битва при Эгоспотамах в 405 г. до н. э.
[44] Ср. Evag., 52.
[45] Ср. 86, 87; Epist., IX, 13, 14.
[46] Битва при Книде в 394 г. до н. э.
[47] От власти Спарты.
[48] Ср. Х е н., Hell., IV, 8, 9.
[49] Дионисий Старший, тиран Сиракуз (406—367 гг. до н. э.).
[50] Ср. D i o d., XIII, 96.
[51] Ср., однако, Epist., I.
[52] 310 кораблей (D i o d., XIV, 42) и около 100 тыс. войска (D i o d., II, 5).
[53] То же 132. Ср. Н е г., I, 108, 112.

всяком случае расположение эллинов,— ведь это гораздо лучше, чем силой захватывать множество эллинских государств [54]. Действия, подобные последнему, вызывают неприязнь, ненависть и страшные проклятия, тогда как с тем, что я тебе советую, ничего такого не связано. И если бы кто-нибудь из богов предоставил тебе на выбор различные виды деятельности, которым ты бы пожелал посвятить свою жизнь, ты не выбрал бы никакого другого пути,— если бы стал спрашивать моего совета,— кроме этого. (69) И тебе тогда станут завидовать не только все другие люди, но и сам ты будешь считать себя счастливым. Что может быть больше такого счастья, когда к тебе прибудут послами от великих государств люди, пользующиеся наибольшим почетом, и ты будешь совещаться с ними об общем спасении, о котором, как станет ясным, никто другой не проявил такой заботы, (70) когда ты увидишь, как вся Эллада поднялась на твой призыв и никто не остается равнодушным к твоим решениям, но одни стараются разузнать, в чем их суть, другие желают тебе удачи в твоих стремлениях, третьи опасаются, как бы с тобой не случилось чего-нибудь, прежде чем ты доведешь до конца свое дело. (71) И когда все это будет осуществляться, разве ты не станешь с полным основанием гордиться? Разве ты, доживая свой век, не будешь постоянно радоваться сознанию того, что ты возглавил такие великие дела? Какой человек, обладающий даже заурядным умом, не станет увещевать тебя избрать предпочтительно такую деятельность, которая может давать как бы в качестве плодов и величайшие наслаждения, и вместе с тем немеркнущую славу?

(72) Мне было бы достаточно всего сказанного выше по этому поводу, если бы я не пропустил одного вопроса, не по забывчивости, однако, но не решившись высказаться о нем: а теперь я уже считаю нужным на нем остановиться. Я полагаю, что и тебе полезно услышать об этом, и мне следует говорить откровенно, как я привык.

(73) Дело в том, что я слышу, как клевещут на тебя завидующие тебе люди[55], привыкшие вносить смуту в свои государства и считающие мир, общий для всех остальных, войной в отношении себя [56]. Не заботясь обо всем прочем, они говорят только о твоем могуществе, о том, что оно растет не в интересах Эллады, а против нее [57], и что ты давно уже затеваешь козни против всех нас; (74) что на словах ты намерен помочь мессенянам [58], когда урегулируешь отношения с фокидянами, а на деле — подчинить Пелопоннес. Они говорят, что у тебя в распоряжении фессалийцы, фиванцы и все члены амфиктионии [59], готовые следовать за тобой, аргивяне, мессеняне, мегалополитяне [60] и многие другие, готовые воевать вместе с тобой и разгромить лакедемонян; и что, когда ты все это сделаешь, ты

---

[54] Ср. Ep. II, 21

[55] Ораторы антимакедонской группировки (скорее всего Демосфен).

[56] Ср. D e m., Phil., III, 8—10.

[57] Ср. D e m., Phil., II, 6, 33.

[58] О войне мессенян в союзе с Филиппом против Спарты см. P a u s., IV, 28, 2.

[59] Имеется в виду Дельфийская амфиктиония, особо влиятельными членами которой были фиванцы и фессалийские государства. Филипп активно вмешивается в дела Дельфийской амфиктионии с 356 г., когда его пригласили принять участие в борьбе против фокидян, обвиненных в святотатстве по отношению к Дельфам. После ряда одержанных побед и Филократова мира Филипп получил голос в амфиктионии. Демосфен в речи «О мире», произнесенной после Филократова мира, выступает против совета амфиктионов, обратившихся к Афинам с требованием признать Филиппа членом Дельфийской амфиктионии. Совет амфиктионов был созван сразу же после разгрома Фокиды Филиппом. (Ср. A e s c h., II, 139). В дальнейшем Филипп становится фактическим вершителем судеб амфиктионии, используя ее в качестве орудия своей политики. Решения амфиктионии утверждались Филиппом (D i o d., XVI, 60, 4). Об организации амфиктионии пишет Страбон (IX. 3, 7).

[60] Ср. 49 слл. и прим.

без труда подчинишь себе и остальных эллинов. (75) Болтая такие глупости и уверяя, что они все это точно знают, ставя все вверх дном такими речами, они убеждают в этом многих, в особенности тех, кто стремится к таким же дурным делам, что и эти клеветники; затем они убеждают тех, которые не способны разобраться в государственных делах, но, будучи глупыми, питают признательность по отношению к тем, кто притворяется, что страшится и опасается за их судьбу. Наконец, они убеждают тех, кто склонен считать, что ты затеваешь козни против эллинов — цель, по их мнению, заслуживающая того, чтобы к ней стремиться. (76) Они настолько далеки от истинной мудрости, что не знают, как теми же самыми словами одним можно навредить, а другим — оказать услугу. Так и теперь, если бы кто-нибудь заявил, что царь Азии затевает козни против эллинов и приготовился выступить в поход против нас, он этим не сказал бы о нем ничего дурного, а только представил бы его еще более мужественным и заслуживающим большего уважения. А если бы обвинили в этом кого-нибудь из потомков Геракла, который стал благодетелем всей Эллады, то навлекли бы тем самым на него величайший позор. (77) Да и кто не возненавидел бы и не возненавидел его, если бы оказалось, что он злоумышляет против тех, ради кого предок его подверг себя опасности, да если бы еще оказалось, что ту благожелательность, которую этот предок завещал своим потомкам, потомок его не пытался сохранять, но, предав все забвению, стал стремиться к позорным и дурным делам?

(78) Тебе следует подумать об этом и не оставлять без внимания подобные слухи, которые враги пытаются распространять о тебе, а из друзей нет ни одного, который не возражал бы, стремясь защитить тебя. Ведь истинную пользу для себя ты лучше всего, по-моему, извлечешь, рассматривая мнения тех и других.

(79) И может быть, ты считаешь малодушием обращать внимание на хулителей, болтунов и верящих им, тем более, если не признаешь за собой никакой вины. Однако не следует презирать толпу и пренебрегать всеобщим уважением: только тогда ты сможешь считать свою славу прекрасной, великой и приличествующей тебе, твоим предкам и вашим деяниям, когда ты сумеешь расположить к себе эллинов так же, (80) как лакедемоняне относятся к своим царям, а твои друзья — к тебе. Этого нетрудно добиться, если ты захочешь быть одинаковым со всеми и перестанешь к одним государствам относиться дружелюбно, а к другим — враждебно, и если ты предпочтешь такие дела, благодаря которым эллинам внушишь доверие, а варварам — страх.

(81) И не удивляйся (как я писал и Дионисию, когда он захватил тиранию), если я, не будучи ни полководцем, ни оратором, ни вообще влиятельным лицом, обращаюсь к тебе более смело, чем остальные. К государственной деятельности я оказался самым неспособным из граждан: нет у меня ни достаточно сильного голоса, ни смелости, чтобы обращаться к толпе, подвергаться оскорблениям и браниться с торчащими на трибуне. (82) Что же касается здравого ума и хорошего воспитания,— хотя кто-нибудь скажет, что слишком нескромно говорить так,— я держусь иного мнения и причислил бы себя не к последним, а к выделяющимся среди других. Поэтому я и берусь давать советы так, как позволяют мои способности и возможности, и нашему государству, и всем эллинам, и самым знаменитым людям.

(83) Итак, обо мне и о том, как тебе нужно поступить с эллинами, ты выслушал почти все: что же касается похода в Азию, то те государства, которые, как я сказал, ты должен примирить между собой,— их я только тогда стану убеждать в необходимости войны с варварами, когда увижу их живущими в согласии; а теперь я обращаюсь к тебе, но не с тем располо-

жением духа, как в том возрасте, когда я писал на ту же самую тему [61]. (84) Тогда я предлагал собравшимся слушателям смеяться надо мной, презирать меня, если покажется, что изложение мое не достойно темы, моей репутации и потраченного на эту речь времени, а теперь я боюсь, что слова мои слишком не соответствуют таким требованиям. Ко всему прочему «Панегирик», который всех других, занимающихся философией, сделал более преуспевающими, мне доставил большие затруднения: я не хочу повторять в точности то, что написано там, но и не могу уже искать нового. (85) Однако я должен не отказываться от своей цели, а говорить о данном предмете все, что придет мне на ум и поможет убедить тебя предпринять это. И если я упущу что-нибудь и не смогу написать так, как я писал опубликованные до этого речи, я все же надеюсь, что набросок этот окажется полезен тем, кто сможет его изящно переработать и выполнить в целом.

(86) Таким образом, начало всей этой речи, по-моему, составлено так, как и должно делать людям, советующим предпринять поход в Азию [62]. Действительно, не следует ничего предпринимать, не добившись от эллинов одного из двух: или одобрения, или участия в задуманном предприятии. Всем этим Агесилай [63], считавшийся разумнейшим из лакедемонян, пренебрег не вследствие недостатка разума, но из честолюбия. (87) У него было два стремления, оба прекрасные, но противоречащие друг другу и не осуществимые одновременно. Он решил начать войну с царем и, возвратив из изгнания на родину своих друзей, поставить их во главе государств. И вот получилось так, что от его заботы о своих друзьях эллинов постигли бедствия и опасности, а из-за беспорядков, которые происходили здесь у нас, он лишился свободного времени и возможности воевать с варварами. (88) Таким образом, на основании ошибок, допущенных в то время, легко убедиться, что если принять правильное решение, то нельзя идти войной на царя, не примирив эллинов между собой и не покончив с безумием, охватившим их сейчас. Именно это я и советую тебе.

(89) По этому поводу не решится, пожалуй, возразить ни один разумный человек, и, я думаю, что если бы кто-нибудь другой решился выступить с советом начать поход против Азии, он должен был обратиться с таким призывом и говорить, что на долю всех тех, кто начинал воевать с царем, выпадало стать из бесславных знаменитыми, из бедняков — богатыми, из малоимущих — обладателями обширных земель и государств. (90) Я, однако, намерен побуждать тебя, ссылаясь не на таких людей, а на тех, кого считают потерпевшими неудачу: я имею в виду Кира и Клеарха [64]. Все признают, что они разгромили в сражении все войско царя [65] так, как если бы сражались с женами этих воинов, и, уже считая себя победителями, потерпели неудачу вследствие опрометчивости Кира, который в избытке радости преследуя неприятеля, ушел далеко от своих и, оказавшись в гуще врагов, был убит. (91) Несмотря на такое несчастье, постигшее участников похода, царь проникся сильнейшим презрением к своему войску: он вызвал Клеарха и остальных военачальников на переговоры, обещая дать им богатые дары, а всех воинов отпустить, полностью

---

[61] Ср. Paneg., 14.

[62] Ср. Paneg., 15.

[63] Спартанский царь Агесилай (443—359 гг. до н. э.) прославился своими походами в Малую Азию. Сохранились биографии Агесилая, написанные Ксенофонтом (в панегирическом тоне), Плутархом и Непотом. Как сообщает Плутарх, этот царь до битвы при Левктрах считался гегемоном всей Эллады. Тожественное объяснение неудачи Агесилая дано в Epist., IX, 13.

[64] Ср. Paneg., 145—149.

[65] Артаксеркса II.

выплатив им жалованье. Заманив их такими обещаниями и дав клятву верности, величайшую из принятых там, он схватил и перебил их, предпочтя согрешить перед богами, чем вступить в сражение с такими, даже оставшимися без вождя, воинами. (92) Какой же еще пример может быть лучше и убедительнее! Ведь очевидно, что и они овладели бы всей державой царя, если бы не опрометчивость Кира. Тебе не трудно избегнуть неудачи, которая произошла тогда, и легко собрать более сильное войско, чем то, которое разгромило его войска. И если оба эти обстоятельства будут налицо, разве не следует начинать этот поход?

(93) И пусть никто не подозревает меня в намерении скрыть, что кое о чем я здесь говорю так же, как прежде. Обратившись к тому же замыслу, я решил не выбиваться из сил, стремясь во что бы то ни стало сказать по-другому то, что хорошо было выражено прежде [66]. Если бы я стал сочинять торжественную речь [67], я пытался бы избегать этого; (94) но когда я обращаюсь с советом к тебе, было бы глупо с моей стороны уделять стилю больше времени, чем содержанию: было бы неумно самому избегать своих прежних выражений, в то время как все другие пользуются ими. Тем, что принадлежит мне, я при случае мог бы и воспользоваться, если это будет уместно и совершенно необходимо, а из того, что принадлежит другим, я ничего не стал бы заимствовать, как не делал этого и в прежнее время.

(95) Об этом достаточно. А теперь, мне кажется, я должен поговорить о подготовке — той, которая предстоит тебе, и той, которая была проведена ими [68]. Вот что самое главное: к тебе эллины будут настроены благожелательно, если ты только пожелаешь придерживаться всего того, что сказано по этому поводу; к тем же они были настроены крайне враждебно из-за декархий, установленных при господстве лакедемонян. Они полагали, что будут ввергнуты в еще более тяжелое рабство, если Кир и Клеарх добьются успеха, а если победит царь, они избавятся от своих бедствий. Так именно и получилось. (96) И воинов ты сможешь сразу же получить столько, сколько захочешь: ведь положение в Элладе такое, что легче набрать в Элладе более многочисленное и сильное войско из людей, скитающихся по свету, чем из живущих в своем государстве [69]. А в те времена еще не было никаких наемных войск, так что когда необходимость вынуждала набирать наемников в городах, приходилось больше тратиться на вознаграждение вербовщикам, чем на плату воинам [70]. (97) И если бы мы захотели испытать и сопоставить тебя, будущего предводителя похода, который будет обдумывать все, с Клеархом, стоявшим тогда у власти, то мы увидим, что последний никогда не располагал раньше каким-либо войском, пешим или конным, и стал известным только благодаря неудаче, постигшей его на материке [71], тогда как ты совершил столь многие и столь великие деяния, о которых было бы уместно рассказывать, обращаясь к другим: но когда я обращаюсь к тебе, я не без основания мог бы показаться лишенным рассудка и слишком назойливым, если бы о твоих делах стал бы рассказывать тебе самому.

(99) Стоит упомянуть и обоих царей: того, против которого я советую тебе начать поход, и того, с кем воевал Клеарх, чтобы ты мог себе представить характер и могущество того и другого. Так вот, отец нынешнего

---

[66] Ср. Antid., 74.
[67] Ср. Antid., 55. В оригинале «эпидиктическую».
[68] Т. е. Киром и Клеархом.
[69] Ср. Paneg., 168.
[70] Кир дал Клеарху большую сумму денег для вербовки наемников — ср. Ксен., Anab. I, 1, 9.
[71] Т. е. в Азии.

царя [72] одолел в войне наше государство [73], а затем и государство лакедемонян [74], а этот [75] ни разу не смог одержать победу ни над одним войском, опустошавшим его страну. (100) Далее, тот получил от эллинов всю Азию целиком по договору [76], этот же настолько лишен умения властвовать над другими, что даже не смог удержать за собой и те государства, которые достались ему. Так что каждый, пожалуй, затруднился бы ответить, как нужно считать: царь ли отказался от них из-за малодушия, или они сами отнеслись с пренебрежением и презрением к господству варваров.

(101) А узнав, в каком состоянии находится его страна, кто не загорелся бы желанием пойти войной против него? Египет отпал еще при его отце [77]; тем не менее египтяне боялись, как бы царь, сам выступив когда-нибудь в поход, не преодолел трудностей, связанных с переходом через реку и всей прочей оборонительной подготовкой. А теперь этот царь избавил их от такого страха. Собрав самое большое, какое он только мог, войско и отправившись против них в поход, он вернулся оттуда не только побежденный, но и осмеянный всеми, недостойный, по общему мнению, быть ни царем, ни полководцем. (102) Кипр, Финикия, Киликия и соседние с ними страны, откуда персы получали флот, принадлежали тогда царю; но теперь одни отпали, другие находятся в состоянии войны и переживают такие бедствия, что царю от этих народов нет никакой выгоды, а тебе они будут полезны, если ты захочешь начать войну против него. (103) И, конечно, Идрией, во всяком случае самый богатый из нынешних властителей на материке [78], должен быть настроен более враждебно к власти царя, чем ведущие с ним открытую войну; иначе он был бы по меньшей мере самым жалким человеком, если бы не хотел уничтожения той власти, которая замучила его брата [79], вела войну с ним самим, и которая все время затевает козни, стремясь захватить его лично и все его богатства. (104) Опасаясь этого, сейчас он вынужден угождать царю и каждый год отсылать ему большие суммы; но если ты переправишься на материк, он с радостью встретит тебя, считая своим заступником, и многих других сатрапов ты сумеешь привлечь на свою сторону, если пообещаешь им свободу и распространишь этот призыв по Азии —, который, некогда запав в душу эллинов, уничтожил и нашу власть, и власть лакедемонян [80].

(105) Я собирался побольше сказать о том, каким способом ты мог бы очень скоро одолеть войско царя. Но я боюсь, как бы не упрекнули меня за то, что я, никогда раньше не имея отношения к военным делам, осмеливаюсь давать указания тебе, совершившему на войне множество великих дел. Поэтому, я думаю, мне ничего не нужно говорить по этому вопросу. Что же касается остального, то я полагаю, что и отец твой [81], и основатель

[72] Речь идет об Артаксерксе II Мнемоне (404—359 гг. до н. э.).

[73] Не точно. Речь, по-видимому, идет о помощи персидского царя Спарте во время Пелопоннесской войны. Но Артаксеркс II вступил на трон в год битвы при Эгоспотамах.

[74] В битве при Книде в 394 г. до н. э.

[75] Исократ говорит об Артаксерксе III Охе (359—339 гг. до н. э.).

[76] Имеется в виду Анталкидов мир — Ср. Paneg., 115, 175.

[77] Ср. Paneg., 140, 161.

[78] Идрией, брат Мавсола, карийский династ (350—344 гг. до н. э.), наследовавший своей сестре Артемисии в управлении Карией. По отношению к Персии он вел — по крайней мере внешне — дружественную политику и оказывал поддержку царю в подавлении восстания на Кипре (D i o d., XVI, 42, 6).

[79] Мавсола.

[80] Свобода от власти Афин — лозунг Спарты в Пелопоннесской войне — ср. T h u c., IV, 86; Paneg., 122.

[81] Имеется в виду македонский царь Аминта II (394—370 гг. до н. э.). Филипп II был его сыном от Евридики: от этой жены Аминта имел еще двух сыновей — Александра и Пердикку. Другая жена Аминты, Гигиея, родила ему также трех сыновей — Архелая, Арридея и Менелая (I u s t., VII, 4; D i o d., XV, 60). Естественно поэтому, что Филипп II смог придти к власти только после междоусобных войн.

вашей династии [82], и родоначальник вашего рода [83] (если бы ему было дозволено, а им дана возможность) стали бы советовать то же самое, что и я. (106) Я сужу об этом по их делам: и отец твой был дружелюбно настроен по отношению ко всем тем государствам, на которые я тебе советую обратить внимание [84], и основатель вашего царства, будучи духом выше своих сограждан и стремясь к единовластию, действовал не так, как те, которые добиваются подобного положения. (107) Они ведь достигали его, устраивая у себя в государстве мятежи, смуты и убийства, а он совершенно оставил в стороне эллинские государства и захотел овладеть царской властью в Македонии, так как знал, что эллины не привыкли терпеть единовластие, а другие народы не могут устраивать свою жизнь без такой власти. (108) И именно вследствие того, что он придерживался особого мнения об этом, царство его оказалось отличным от всех остальных: единственный из эллинов, он пожелал властвовать над чужим народом. Тем самым он смог избежать опасностей, связанных с единовластием. Мы можем увидеть, что люди, совершившие что-нибудь подобное среди эллинов, не только сами погибли, но и род их исчез с лица земли [85]; а он и сам прожил счастливо свою жизнь, и роду своему доставил то же почетное положение, которым пользовался сам.

(109) Вспомним и Геракла. Все без конца воспевают его мужество и перечисляют подвиги: что же касается остальных прекрасных качеств, присущих его душе, то не найти ни одного поэта или писателя, который бы упомянул что-нибудь. Я же нахожу эту тему оригинальной и совершенно неразработанной, не мелкой и не пустой, а дающей богатые возможности для обильных восхвалений и описаний прекрасных деяний,— темой, ждущей только того, кто сможет достойным образом рассказать обо всем этом. (110) Если бы я приступил к этой теме, когда был помоложе, я бы с легкостью показал, что предок ваш выделялся среди всех людей прежних поколений более своим разумом, честолюбием и справедливостью, чем физической силой. Но приступив к ней сейчас и увидев, как много о ней нужно сказать, я и в силах своих усомнился, и понял, что такая речь оказалась бы вдвое больше той, которая получилась теперь. По этим причинам я и отказался от всего остального и выбрал только один подвиг, который тесно связан со всем, о чем было сказано выше, а рассказ о нем будет более всего способствовать данному месту речи.

(111) Геракл, видя, как Элладу обуревают войны, раздоры и многие другие бедствия [86], покончил со всем этим, примирив государства между собой, и показал потомкам, в союзе с кем и против кого следует вести войны. Отправившись походом на Трою, которая была тогда самой могущественной силой в Азии, он настолько превзошел своим полководческим искусством тех, которые воевали против Трои после него,[87] (112) что, в то время как они с войском эллинов за 10 лет осады с трудом завоевали город, он за меньшее или за такое же количество дней, выступив в поход с немногими соратниками, без труда взял его штурмом [88]. А после этого

---

[82] ὁ κτησάμενος τὴν βασίλειαν. Так как, согласно легенде аргивян (Iust. VII, I) это Каран, а у македонян — Пердикка I (H e r., V, 22; VIII, 139), Исократ поэтому, вероятно, не называет имя.

[83] Геракл.

[84] К Афинам — ср. A e s c h., II, 26; к Спарте — ср. X e n., Hell., V, 2, 38.

[85] Может быть, имеются в виду Писистратиды или Александр Ферский — ср. Ad Nicocl., 5.

[86] Ср. D i o d., IV, 17.

[87] Ср. Evag., 16.

[88] Согласно легенде, Геракл предпринял поход на Трою только с шестью кораблями и небольшим количеством войск — ср. H o m., Il., V, 641. О героях, сопровождавших его, см. D i o d., IV, 49; P i n d., Isthm., V, 40; Nem. III, 63. У Сенеки

он перебил всех царей тех народов, которые жили вдоль побережья обоих материков [89],— а царей он никогда бы не уничтожил, если бы не одолел их войск. Совершив это, он установил так называемые Геракловы столбы [90]— знак победы над варварами, памятник своей доблести и перенесенных испытаний, — как пограничные столбы эллинской земли.

(113) Я рассказал тебе об этом с той целью, чтобы ты понял, что этой речью я призываю тебя к таким делам, которым твои предки явно отдали предпочтение в своей деятельности, признавая самыми прекрасными. Всякому разумному человеку следует брать себе за образец самого лучшего из предков и стараться стать таким, а особенно это относится к тебе. В самом деле, если тебе нет надобности обращаться за примерами к чужим предкам, но такой есть в твоем роду, разве не естественно, чтобы он побуждал тебя к стремлению сравняться со своим предком? (114) Я не говорю, что ты сможешь повторить все подвиги Геракла (даже некоторые боги, пожалуй, не смогли бы этого), но во всяком случае по духовным качествам, по человечности, по его благожелательности к эллинам ты мог бы сравняться с ним в стремлениях. Последовав моим советам, ты можешь добиться такой славы, какой сам пожелаешь. (115) Ведь при твоем теперешнем положении тебе легче приобрести высшую славу, чем при том состоянии дел, которое ты застал, вступив на престол,— достигнуть нынешней славы. Заметь, что я убеждаю тебя, прибегая к помощи таких примеров, следуя которым ты станешь совершать походы не в союзе с варварами против таких людей, война с которыми не является справедливой, а в союзе с эллинами против тех, с кем и следует воевать потомку Геракла.

(116) Не удивляйся, что на протяжении всей этой речи я пытался склонить тебя к оказанию услуг эллинам, к кротости и человеколюбию. Я вижу, что жестокость тягостна и для тех, кто применяет ее, и для тех, кто подвергается ей, а кротость не только людей, но и всех остальных живых существ ценится высоко. (117) Ведь даже среди богов те, которые являются источником наших благ, называются олимпийскими, а ведающие несчастьями и наказаниями имеют очень неприятные имена: одним частные лица и государства воздвигают храмы и алтари, других же не почитают ни молитвами, ни жертвоприношениями — мы отвращаем их от себя заклинаниями. (118) Имея это в виду, ты должен постоянно заботиться о том, чтобы еще в большей степени, чем теперь, у всех людей утвердилось такое мнение о тебе. А тот, кто сильнее других добивается все большей и большей славы, должен устремляться всем своим существом к подвигам, хотя и выполнимым, но по замыслу приближающимся к мечте.

(119). Ты мог бы убедиться на многих примерах в необходимости поступать именно таким образом, а особенно на примере с Ясоном [91]. Он, не совершив ничего такого, что могло бы сравниться с твоими деяниями, достиг огромной славы не делами своими, а словами: он распространял

в «Агамемноне» мы находим сообщение, что Геракл потратил на осаду Трои столько же дней, сколько Агамемнон — лет (ср. S e n., Agam., 857).

[89] Имеются в виду вожди варварских племен, например, Мигдон, Сарпедон, Бусирис, Антей — мифические герои, выступавшие в цикле мифов, связанных с Гераклом.

[90] Так древние называли Гибралтарский пролив.

[91] Ясон — тиран фессалийского города Фер в 70-х гг. IV в. до н. э. Ко времени похода спартанского царя Клеомброта, посланного для защиты союзников Спарты от посягательств фиванцев и Ясона (около 374 г., как полагает Штелин,— см. RE, s. v. Iason), Ясон подчинил себе большую часть Фессалии и стал ее главой — тагом. Ясон, опираясь на большое войско наемников, приступил к строительству большого флота (X e n., Hell., VI, 4, 21) и носился с планами покорения Малой Азии (X e n., Hell., VI, 1, 12).

слухи, будто собирается переправиться на материк и воевать с царем. (120) Если Ясон только с помощью слова сумел так возвеличиться, какова же будет твоя слава, если ты осуществишь это на деле и главным образом попытаешься полностью сокрушить это царство или по крайней мере захватить, как можно больше земли и занять Азию, как говорят, от Киликии до Синопы [92]: кроме того, основать города на этой территории и поселить там тех, кто скитается теперь за неимением необходимых средств к жизни и вредит всем встречным [93]. (121) И если мы не остановим роста их численности (а это мы можем сделать, предоставив им достаточные средства к жизни), то их незаметно для нас станет так много, что они будут нисколько не менее опасны для эллинов, чем для варваров. А мы на это не обращаем никакого внимания и не видим, как растет общая угроза и опасность для всех нас. (123) Совершив это, ты не только их сделаешь счастливыми, но и обеспечишь безопасность для всех нас. А если ты и этого не достигнешь, то другого, во всяком случае, добьешься легко — ты освободишь те города, которые находятся в Азии. Какое бы ты из этих деяний не совершил, или хотя бы только попытался совершить, ты непременно прославишься больше других — и с полным правом: если ты только и сам устремишься к этому, и эллинов увлечешь. (124) Ведь кто теперь — и по праву — не станет удивляться [94] создавшемуся положению и презирать нас, когда у варваров, которых мы всегда считали изнеженными [95], неопытными в военном деле, испорченными роскошью, появились люди, претендующие на господство над Элладой [96], а из эллинов никто и не думает о том, (125) чтобы попытаться сделать нас господами Азии. Мы оказались настолько ниже их, что они не побоялись первыми проявить вражду к эллинам, а мы не осмеливаемся отомстить им даже за причиненное зло. В то время как они признают, что во всех войнах у них не находится ни воинов, ни полководцев, и вообще никаких средств, пригодных для отражения опасностей, (126), но получают они все это от нас [97], мы в своем стремлении причинять себе зло дошли до того, что, несмотря на возможность безбоязненно владеть их достоянием, воюем между собой из-за мелочей [98], помогаем покорять тех, кто отпадает от власти царя [99], и сами не замечаем, как иногда вместе с нашими наследственными врагами [100] мы готовы погубить и своих сородичей.

(127) Поэтому я считаю, что тебе полезно возглавить войну против него, в то время как остальные так малодушны. Все другие потомки Геракла, скованные государственными законами, обязаны подчиняться тому государству, в котором они живут, а ты, оказавшись как бы вольным человеком [101], должен считать своей отчизной всю Элладу, как и ваш прародитель, и подвергать себя за нее опасностям так же, как и за самое важное для тебя самого дело.

(128) Может быть, некоторые осмелятся порицать меня — те, которые только и умеют заниматься этим,— за то, что я предпочел обратиться с призывом к походу против варваров и заботе об эллинах к тебе, обойдя свое государство. (129) Я мог бы согласиться, что ошибаюсь, только в том случае, если бы раньше обращался с речами по этому поводу к кому-

[92] Ср. Paneg., 162.
[93] Ср. 96; Paneg., 168, De Pace, 24; Epist., IX, 9.
[94] Об этом см. Paneg., 133—136.
[95] Подробно об изнеженности персов см. Paneg., 150.
[96] Имеются в виду Дарий I и Ксеркс I.
[97] Ср. Paneg., 135.
[98] Ср. Paneg., 133—136.
[99] Ср. Paneg., 134.
[100] Ср. Paneg., 157.
[101] Ср. 14, 15.

нибудь другому, а не к своей родине, трижды освободившей эллинов: два раза от варваров и один раз от господства лакедемонян [102]. Но на самом деле ясно, что именно ее прежде всего призывал я к этому со всей возможной для меня энергией. Когда же я почувствовал, что она на мои слова обращает меньше внимания, чем на речи ораторов, беснующихся на трибуне перед народом, я отступился от нее, не отказавшись, однако, от своей цели. (130) Поэтому я заслуживаю одобрения всех за то, что со всей присущей мне силой я все время борюсь с варварами, обвиняю тех, кто придерживается другого мнения, чем я, пытаюсь склонить к деятельности тех, кто, по моему мнению, более всего способен сотворить какое-нибудь благо для эллинов, а варваров лишить того благоденствия, которым они наслаждаются сейчас. (131) По этой причине я и обращаюсь теперь к тебе с речью, хорошо зная, что хотя к планам, предлагаемым мною, многие будут относиться недружелюбно, но, когда ты их осуществишь, рады будут все. Ведь к предложениям моим никто здесь не причастен, а от выгод, которые отсюда будут проистекать, ни один человек не захочет отказаться.

(132) Обрати внимание на то, как позорно допускать, чтобы Азия пользовалась бо́льшим благополучием [103], чем Европа, чтобы варвары были богаче эллинов, чтобы те, кто унаследовал власть от Кира,— которого мать подбросила на дороге,— назывались великими царями, а потомки Геракла, которого отец его за доблесть причислил к богам [104], именовались менее почетно [105]. Этого больше допускать нельзя, но все это надо изменить и переделать.

(133) Будь уверен, что я не стал бы давать тебе ни одного совета, если от них можно было ожидать только могущества и богатства. Я думаю, таких по крайней мере благ у тебя и сейчас больше чем достаточно, и слишком ненасытен тот, кто решает подвергнуться опасности с тем, чтобы или добиться успеха, или лишиться жизни. (134) Нет, не приобретение благ имел я в виду, обращаясь с речью к тебе: но полагал, что благодаря им ты будешь обладать величайшей и прекраснейшей славой. Ты подумай о том, что все мы смертны, но благодаря доброй славе, похвалам, известности и памяти в веках мы получаем бессмертие [106], которое стоит того, чтобы к нему стремиться, претерпевая, насколько это в наших силах, любые испытания. (135) Ты можешь заметить, что даже из обычных людей самые лучшие ни на что другое не променяли бы своей жизни, но, чтобы добиться доброй славы, готовы погибнуть на войне [107]; и вообще тех людей, которые стремятся ко все большей и большей славе, все хвалят, а тех, которые ненасытны в чем-нибудь другом, считают весьма невоздержными и дурными. (136) А самое главное заключается в том, что богатство и могущество часто попадают во власть врагов, в то время как благожелательность со стороны сограждан и все другое, о чем говорилось выше, мы оставляем в наследство только нашим потомкам. Поэтому мне следовало бы стыдиться, если бы не ради этого я советовал тебе предпринимать этот поход, воевать, подвергаться опасностям.

(137) Ты примешь самое лучшее решение по этому поводу в том случае, если поймешь, что не только эта речь призывает тебя, но и твои предки,

---

[102] Имеются в виду сражения при Марафоне и Саламине, а также битва при Книде. Далее оратор ссылается на «Панегирик».

[103] Ср. Paneg., 132, 184, 187.

[104] Ср. Ad Demonic., 50.

[105] Македонские цари, так же, как и спартанские, именовались просто царями, тогда как персидский царь назывался «великим царем».

[106] Ср. Ad Nicocl., 37.

[107] Ср. Evag., 3; Archid., 109 слл.

и трусость варваров. и те, которые стали известными и прослыли полубогами, благодаря походу против варваров; а более всего призывает тебя настоящее время, так как ты сейчас достиг такого могущества, какого не достигал никто в Европе, а того, с кем ты будешь воевать, все настолько ненавидят и презирают, как никого и никогда из царей, правивших до него.

(138.) Я бы высоко оценил возможность собрать воедино все, что я говорил в своих речах по этим вопросам: тогда такую речь признали бы более соответствующей данной теме. Тем не менее, ты должен сам изучить из всех приводимых мною доводов те, которые усиленно побуждают тебя к этой войне: только таким образом ты сможешь принять лучшее решение.

(139) Мне хорошо известно, что многие эллины считают могущество царя неодолимым [108]. Но достойно удивления, если они думают, что эллин, обладающий большим опытом в военном деле, не сумеет разрушить во имя свободы это могущество, завоеванное и организованное для рабства каким-то варваром [109], к тому же плохо воспитанным: а ведь эти люди должны знать и то, что создавать все трудно, а разрушать легко.

(140) Прими во внимание и то, что все более всего почитают и восхищаются теми людьми, кто одновременно умеет и заниматься государственными делами, и предводительствовать на войне. И если ты видишь, как люди, обладающие такими качествами и живущие в одном определенном государстве, пользуются почетом, каких же нужно ожидать похвал тебе, которые будут высказаны, когда ты окажешься вследствие оказанных тобою услуг государственным деятелем среди всех эллинов, а благодаря своему военному искусству — победителем варваров? (141) Я со своей стороны считаю, что это будет пределом славы, потому что никто в будущем не сможет добиться большего: ведь у эллинов не будет уже такой задачи, которая заключается в том, чтобы от бесконечных войн привести всех нас к соглашению, и невероятно, чтобы варвары восстановили такое могущество, если ты уничтожишь то, которое у них сейчас имеется. (142) Поэтому из последующих поколений никто, даже если он будет выдающимся человеком по своим качествам, не сможет совершить ничего подобного. Что же касается подвигов предков, то подвиги, уже совершенные тобой я могу поставить выше— искренне и без всякой натяжки. Ведь если ты покорил столько народов, сколько никогда ни один из эллинов не захватывал городов, разве не смог бы я, сопоставляя тебя с каждым из них, легко показать, что ты совершил нечто большее, чем они? (143) Но я предпочел воздержаться от такого рассмотрения по двум причинам: во-первых, потому что некоторые пользуются им некстати, во-вторых, потому что не хочу ставить тех, кого считают полубогами, ниже людей, живущих сейчас.

(144) Обрати внимание и на то,— вспомним кое-что и о древних — что богатство Тантала, власть Пелопа, могущество Еврисфея не стал бы восхвалять никто: ни изобретательный оратор, ни поэт — но все готовы восхвалять участников похода на Трою и тех, кто сравнялся с ними, правда, только после великого Геракла и доблестного Тесея. (145) А между тем мы знаем, что самые известные и самые доблестные из них правили крохотными городками и островками, и все же они оставили по себе божественную и громкую славу, потому что все люди любят не тех, кто приобрел могущество для самого себя, а тех, кто стал причиной самых больших благ для всех эллинов.

---

[108] Ср. Paneg., 138 слл.

[109] Подразумевается Кир, основатель династии Ахеменидов. Ср. § 66.

(146) Но ты увидишь, что не только о них у людей такое мнение, но оно возникает и во всех подобных случаях, потому что и наш город никто не стал бы хвалить за то, что он захватил власть на море, и за то, что собрав такую огромную сумму денег с союзников, переправил их на Акрополь. Конечно, никто не стал бы его хвалить и за то, что он захватил в свои руки право из многочисленных существующих государств одни разрушить, другие возвеличить, третьи устраивать по своему усмотрению: делать все это было во власти нашего города. (147) По причине всего этого было выдвинуто много обвинений против него. Но за Марафонское сражение, за морскую битву при Саламине и особенно за то, что афиняне покинули свой город ради спасения всех эллинов [110], все прославляют его. (148) Того же мнения придерживаются и о лакедемонянах: ими восторгаются скорее из-за поражения, которое они потерпели при Фермопилах, чем за все одержанные ими победы, и на памятник, воздвигнутый варварами [111] в знак победы над ними, смотрят с любовью. Памятники же, воздвигнутые лакедемонянами в знак победы над другими эллинами, не одобряют и смотрят на них с неудовольствием, так как упомянутый выше считают выражением доблести, а эти — символом стремлений к господству над другими.

(149) Так вот, продумав и взвесив все это, обвини мой возраст, если что-нибудь из сказанного мною окажется слишком слабым или имеющим недостатки [112],— возраст, которому все люди простили бы, имея для этого все основания. Но если содержание окажется таким же, как в опубликованных мною прежде речах, то надо полагать, что это не старость моя нашла, но божество подсказало, не обо мне думая, но заботясь об Элладе, желая и ее избавить от нынешних бед, и тебя окружить еще большей славой, чем ныне. (150) Тебе, я думаю, небезызвестно, каким образом боги управляют делами людей. Они не сами непосредственно причиняют добро и зло, выпадающие на долю людей, но вселяют в душу каждого такой образ мыслей, что то и другое мы сами причиняем друг другу. (151) Может быть, и теперь дар красноречия они уделили нам, а для дел предназначают тебя [113], считая, что последними лучше всего, пожалуй, сможешь управлять ты, а моя речь, вероятно, менее всего способна доставить неприятность слушателям. И я полагаю, что и содеянное тобой до этого времени едва ли могло достигнуть таких размеров, если бы этому не способствовал кто-нибудь из богов — (152) не для того, чтобы ты всегда воевал только с живущими в Европе варварами, но с той целью, чтобы ты, закалившись в борьбе с ними, приобретя опыт и осознав свои силы, устремился против тех варваров, выступить против которых я и советую. Ведь стыдно отставать, когда судьба благоприятствует тебе, и не предоставлять себя в ее распоряжение для той цели, к которой она хочет тебя повести.

(153) Я считаю, что ты должен ценить всех, кто отзывается добрым словом о совершенных тобою делах, однако ты должен признать, что лучше всего прославляют тебя те, кто считает тебя способным свершить еще более великие дела, а также те, кто не только в настоящий момент говорит тебе приятное, но заставит и последующие поколения восхищаться твоими делами так, как ничьими другими из предшествующих поколений. Хотя

---

[110] Ср. Paneg., 91—96.

[111] По-видимому, Исократ здесь имеет в виду место в Фермопильской долине, где персы воздвигли свой трофей; позднее это место было отмечено колоннами, которые поставили греки — см. Herod., VII, 228.

[112] Ср. Antid., 9; Panath, 4; Ep., VI, 6.

[113] Ср. Epist., IX, 17.

я хочу сказать по этому поводу еще многое, но не могу этого сделать, а по какой причине — об этом я говорил более чем достаточно.

(154) Итак, остается подвести итог всему сказанному выше, чтобы ты познакомился в наиболее сжатом виде с моими советами. Я утверждаю, что ты должен быть благодетелем эллинов, царем македонян, повелителем возможно большего числа варваров. Если ты будешь это делать, все будут тебе благодарны: эллины — за услуги, македоняне — если ты будешь править ими как царь [114], а не как тиран, другие народы — если избавятся благодаря тебе от варварской деспотии и окажутся под покровительством Эллады. (155) Насколько все это написано своевременно и тщательно, справедливо узнать от вас, слушателей. Однако то, что никто не дал бы тебе советов лучше этих и более пригодных для сложившихся обстоятельств, это я знаю точно.

[114] Ср. неравноправие македонян по сравнению с эллинами. Исократ ясно дает понять здесь, как и в других местах этой речи (ср. § 107—108), что считает македонян (кроме, разумеется, самого Филиппа) варварами или, во всяком случае, неполноценными эллинами.

(Продолжение следует)

УКАЗАТЕЛИ
К
«ВЕСТНИКУ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ»
ЗА 1961—1965 ГГ.

СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ» за 1961—1965 гг.*

СОДЕРЖАНИЕ УКАЗАТЕЛЯ

I. Передовые статьи . . . . . с. 178
II. Источники . . . . . с. 178
III. Историография . . . . . с. 178—179
IV. Общие работы . . . . . с. 179
V. История древних обществ на территории СССР . . . . . с. 179—181
1. Причерноморье
а) Статьи
б) Рецензии
2. Кавказ и Закавказье
а) Статьи
б) Рецензии
3. Средняя Азия
а) Статьи
б) Рецензии
VI. Древний Восток . . . . . с. 181—185
1. Общие работы
а) Статьи
б) Рецензии
2. Аравия Южная
а) Статьи
б) Рецензии
3. Двуречье
а) Источники
б) Статьи
в) Рецензии
4. Египет
а) Источники
б) Статьи
в) Рецензии
5. Индия
а) Статьи
б) Рецензии
6. Иран
а) Статьи
б) Рецензии
7. Карфаген
а) Статьи
8. Китай
а) Статьи
б) Рецензии
9. Корея
а) Рецензии
10. Малая Азия
а) Статьи
б) Рецензии
11. Мидия
а) Статьи
б) Рецензии
12. Нубия
а) Статьи
13. Палестина
а) Статьи
б) Рецензии
14. Парфия
а) Статьи
б) Рецензии
15. Сирия
а) Статьи
б) Рецензии
16. Финикия
а) Статьи
17. Хетты
а) Статьи

* Статьи, имеющие по своему содержанию отношение к ряду разделов, помещены в каждом из соответствующих разделов.

В систематический указатель внесены также рецензии, которые помещены в конце каждого раздела.

Рецензии на журналы, а также библиографические обзоры и библиографические списки выделены в отдельные разделы (XIII и XIV).

Систематический указатель содержания ВДИ за 1937—1950 гг.— см. Приложение к ВДИ, 1951, № 4 (отдельная брошюра); систематический указатель содержания ВДИ за 1951—1955 гг. помещен в ВДИ, 1956, № 4, стр. 219—243; систематический указатель содержания ВДИ за 1956—1960 гг. помещен в ВДИ, 1961, № 1, стр. 207—228.

Указатель составлен *М. И. Фурсовой.*

18. Эфиопия
а) Статьи
VII. Древняя Греция . . . .с. 186—187
а) Источники
б) Статьи
в) Рецензии
VIII. Эллинизм . . . . . .с. 187—188
а) Статьи
б) Рецензии
IX. Древний Рим . . . . . с. 188—191
а) Источники
б) Статьи
в) Рецензии
X. Византия . . . . . с. 191
а) Рецензии
XI. Хроника . . . . . .с. 191—192
1. Учреждения АН СССР
2. Другие научные учреждения СССР
3. Зарубежная хроника и международные съезды
XII. Personalia . . . . . с. 192
XIII. Рецензии на журналы . . . с. 193
XIV. Библиографические обзоры и библиографические списки . . . с. 193
а) Русские
б) Иностранные
XV. Разное . . . . . .с. 193—194
а) Статьи
б) Письма
в) Рецензии
Указатель авторов . . . . . с. 195—197

I. ПЕРЕДОВЫЕ СТАТЬИ

1. Историческое исследование и идеология — 1963, № 3, с. 3—10.

2. Программа строительства коммунизма — 1961, № 4, с. 3—16.

II. ИСТОЧНИКИ

3. *Аврелий Виктор Секст.* История Рима. Пер. и вступительная статья В. С. Соколова — 1963, № 4, с. 214—257; 1964, № 1, с. 227—252; № 2, с. 197—240. (Окончание).

4. Греческие ораторы второй половины IV в. до н. э. *Гиперид, Ликург, Динарх, Эсхин.* Пер. под ред. К. М. Колобовой. (Продолжение) — 1962, № 1, с. 203—242; № 2, с. 163—213; № 3, с. 217—283; № 4, с. 189—249; 1963, № 1, с. 203—225. (Окончание). Указатель сост. Т. В. Прушакевич — 1963, № 1, с. 226—239.

5. *Исократ.* Речи. Пер. под ред. К. М. Колобовой — 1965, № 3, с. 211—236; № 4, с. 213—241 (Продолжение).

6. Источники по древнеегипетскому налоговому обложению времени Нового царства. Пер. И. М. Лурье и И. А. Лапис — 1961, № 2, с. 181—260; № 3, с. 171—220; № 4, с. 189—219. (Окончание).

7. Шумерский героический эпос. Транскрипции, пер., коммент. и вводные статьи И. Т. Каневой — 1964, № 3, с. 243—267; № 4, с. 190—225. (Окончание).

8. Эламские хозяйственные документы из Суз. Транскрипция, пер. и коммент. Ю. Б. Юсифова — 1963, № 2, с. 189—222; № 3, с. 202—261. (Окончание).

9. *Эней Тактик.* О перенесении осады. Пер. и вступительная статья В. Ф. Беляева — 1965, № 1, с. 237—268; № 2, с. 215—243. (Окончание).

III. ИСТОРИОГРАФИЯ

10. *Аверинцев С. С.* Биографические сочинения Плутарха в зарубежной науке XX. в. — 1964, № 3, с. 202—212.

11. *Виноградов В. В.* Некоторые вопросы римских аграрных отношений в современной итальянской историографии — 1965, № 4, с. 198—203

12. *Гаспаров М. Л.* Новая зарубежная литература о Таците и Светонии — 1964, № 1, с. 176—191.

13. *Глускина Л. М.* Из новой литературы о Дельфах — 1961, № 4, с. 153—162.

14. *Данов Хр. М.* Критический обзор буржуазной историографии о болгарских землях в античную эпоху (до 9.IX.1944 г.) — 1965, № 2, с. 147—167.

15. *Дилигенский Г. Г.* и *Маринович Л. П.* Изучение истории античного мира в 1956—1960 гг. — 1961, № 4, с. 17—31.

15а. *Ирмшер Иоганн.* Десятилетие института греко-римских древностей Германской Академии наук в Берлине — 1965, № 4, с. 66—87.

16. *Казаманова Л. Н.* Из новых работ по истории илотии и сходных с ней форм рабской зависимости — 1961, № 2, с. 138—142.

17. *Кальянов В. И.* Новые труды индийских ученых по истории индийской культуры — 1964, № 2, с. 171—176.

17а. *Колосовская Ю. К.* Рабство в дунайских провинциях Римской империи (обзор новейших исследований) — 1962, № 3, с. 186—198.

18. *Кошеленко Г. А.* Культура Парфии в современной зарубежной литературе — 1962, № 3, с. 167—178.
19. *Немировский А. И.* Проблемы ранней римской истории в современной зарубежной историографии — 1961, № 1, с. 178—183.
20. *Павлов В. В.* Из историографии о фаюмском портрете — 1964, № 4, с. 162—167.
21. *Поздеева И. В.* Изучение древней истории и древних языков в Московском университете в 50—70-х гг. XVIII в. — 1962, № 3, с. 3—23.
22. *Шейнман-Топштейн С. Я.* Современное состояние проблемы происхождения древнегреческой трагедии — 1962, № 4, с. 156—165.

IV. ОБЩИЕ РАБОТЫ

а) СТАТЬИ

23. *Дьяконов И. М.* Община на древнем Востоке в работах советских исследователей — 1963, № 1, с. 16—34.
24. *Коваль Б.* О некоторых спорных вопросах статьи С. Л. Утченко и Е. М. Штаерман — 1961, № 3, с. 94—100.
25. *Ленцман Я. А.* Несколько предварительных замечаний. (К обсуждению вопроса об азиатском способе производства) — 1965, № 3, с. 75—83.
26. *Новиков Ю. Ф.* Очерки по истории развития техники земледелия в древнем мире — 1964, № 1, с. 92—102.
27. *Павловская А. И.* По поводу дискуссии об азиатском способе производства на страницах журналов «La Pensée» и «Eirene» — 1965, № 3, с. 89—96.
28—29. *Пигулевская Н. В.* К вопросу об азиатском способе производства — 1965, № 3, с. 83—89.
30. *Слонимский М. М.* К проблеме античного рабства — 1961, № 4, с. 120—125.
31. *Шестаков В. П.* Античность в современной буржуазной философии истории — 1963, № 2, с. 3—22.

б) РЕЦЕНЗИИ

32. Древний мир. Сборник статей. (Посвящается) акад. В. В. Струве. (Ред. коллегия: чл.-корр. Акад. наук СССР Н. В. Пигулевская и др.). М., Изд. вост. лит. 1962. 658 с. с илл. (АН СССР. Ин-т Народов Азии).
Рец.: *Д. Г. Редер, Н. Б. Брегговская, В. М. Смирин*—1965, № 4, с. 163—173.
33. Godelier M. La notion de «mode de production asiatique» et les schémas marxistes d'evolution des societés. Paris. Les. cahiers du Centre et d'etudes et de recherches marxistes, s. a.
Рец.: *Н. В. Пигулевская* — 1965, № 3, с. 83—89.
34. Wittfogel Karl A. Oriental Despotism. A comparative study of total power. New Haven, Jale univ. press., 1957. XIX, 556 p.
Рец.: *А. И. Павловская.* О концепции «гидравлического общества» К. Витфогеля — 1965, № 4, с. 184—190.

V. ИСТОРИЯ ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

1. ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

а) СТАТЬИ

35. *Болтунова А. И.* Неизданные надгробия из Керчи и окрестностей — 1965, № 2, с. 95—101.
36. *Болтунова А. И.* Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора — 1964, № 3, с. 136—149.
37. *Борисова В. В.* Херсонесское надгробие, поставленное вскормленником — 1962, № 2, с. 109—112.
38. *Брашинский И. Б.* О некоторых династических особенностях правления боспорских Спартокидов — 1965, № 1, с. 118—127.
39. *Брашинский И. Б.* По поводу нимфейской надписи с так называемым посвящением Гармодию — 1961, № 4, с. 103—106.
40. *Гайдукевич В. Ф.* Еще о восстании Савмака — 1962, № 1, с. 3—23.
41. *Голенко К. В.* Еще о монетах, приписываемых Савмаку — 1963, № 3, с. 69—81.
42. *Голенко К. В.* Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э.— 1964, № 4, с. 50—73.
43. *Голенко К. В.* Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н. э.— 1965, № 4, с. 141—158.
44. *Гриневич К. Э.* О достоверности сведений Геродота об Ольвии — 1964, № 1, с. 105—110.
45. *Дашевская О. Д.* ΤΕΙΧΗ декрета в честь Диофанта — 1964, № 3, с. 149—155.
46. *Доватур А. И.* Опыт восстановления надписи ИАК, вып. 3 (1902), № 16, стр. 50 — 1961, № 1, с. 114—120.
47. *Ельницкий Л. А.* О малоизученных или утраченных греческих надписях Северного Причерноморья — 1964, № 1, с. 110—120

48. *Казакевич Э. Л.* К полемике о восстании Савмака — 1963, № 1, с. 57—70.
49. *Казаманова Л. Н., Кропоткин В. В.* Варварские подражания римским денариям с типом идущего Марса — 1961, № 1, с. 128—136.
50. *Казаманова Л. Н.* Клад монет IV—II вв. до н. э. из Судака — 1963, № 4, с. 144—151.
51. *Казаманова Л. Н., Кропоткин В. В.* Подражания римским золотым монетам II—III вв. н. э. — 1964, № 1, с. 140—148.
52. *Карышковский П. О.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья — 1961, № 4, с. 109—119.
53. *Карышковский П. О.* Заметки по нумизматике античного Причерноморья — 1964, № 1, с. 130—139.
54. *Карышковский П. О.* Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды — 1962, № 3, с. 141—154.
55. *Книпович Т. Н.* К надписи на свинцовой пластинке, изданной Г. Клаффенбахом — 1963, № 1, с. 71—74.
56. *Коровина А. К.* Древняя Тирамба — 1963, № 3, с. 126—131.
57. *Кропоткин В. В.* Клад римских денариев, найденных в с. Подлесновке (Сумская область) — 1965, № 1, с. 136—139.
58. *Кругликова И. Т.* Исследование сельских поселений Боспора — 1963, № 2, с. 65—79.
59. *Леви Е. И.* Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу — 1965, № 2, с. 86—95.
60. *Новикова Р. А.* Симмнамоны и номофилаки Херсонеса Таврического — 1961, № 2, с. 102—108.
61. *Ременников А. М.* Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275—279 гг. н. э. — 1964, № 4, с. 131—138.
62. *Салов А. И.* Клад боспорских монет, найденный в стан. Фанталовской — 1965, № 2, с. 101—102.
63. *Соломоник Э. И.* Метрическая эпитафия III в. н. э. (К IOSPE, I², 716) — 1964, № 4, с. 139—144.
64. *Соломоник Э. И.* Фрагмент агонистического каталога из Херсонеса — 1963, № 4, с. 172—175.
65. *Соломоник Э. И.* Эпиграфическое свидетельство о скифской крепости в Крыму — 1961, № 4, с. 106—109.
66. *Шелов Д. Б.* Тира и Митридат Евпатор — 1962, № 2, с. 95—102.
67. *Шургая И. Г.* Импорт Александрии в Северном Причерноморье — 1965, № 4, с. 126—140.
68. *Щеглов А. Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды — 1965, № 2, с. 107—112.

б) РЕЦЕНЗИИ

69. Блаватская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V—IV вв. до н. э. М., АН СССР, 1959, 162 с. (Причерноморье в античную эпоху. Под ред. В. Н. Дьякова. Вып. 10).
Рец.: *Н. Б. Бреговская* — 1961, № 4, с. 162—167.
70. Стрежелецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму. Ред. А. С. Башкиров. Симферополь, Крымиздат, 1961, 247 с. с илл. (Херсонесский сборник, вып. 6).
Рец.: *И. Т. Кругликова* — 1963, № 4, с. 176—179.
71. Antike Münzen aus Olbia und Pantikapäum. Photographien von M. Hrbas und I. Marco. Text von K. Dittrich. Prag, «Artia», 1959, 21, 175 S.
Рец.: *П. О. Карышковский* — 1961, № 1, с. 175—177.
72. Danoff Chr. M. Pontos Euxeinos — RE, Suppl. Bd. IX, 1962, стр. 866—1175.
Рец.: *И. Б. Брашинский* — 1964, № 3, с. 196—202.

2. КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ

а) СТАТЬИ

73. *Беляев В. Ф.* К вопросу о толковании и этнической принадлежности древнегреческого этнонима ΦΘΕΙΡΟΦΑΓΟΙ — 1964, № 3, с. 130—136.
74—76. *Голенко К. В.* Клад синопских и колхидских монет из Кобулети (1948) — 1961, № 1, с. 42—59.
77. *Ельницкий Л. А* К истории антицерковных и антихристианских тенденций в Армении в IV в. н. э. — 1965, № 2, с. 122—130.
78. *Ельницкий Л. А.* О малоизученных или утраченных греческих и латинских надписях Закавказья — 1964, № 2, с. 134—148.
79. *Меликишвили Г. А.* Ассирия и «страны Наири» на рубеже XII—XI вв. до н. э. — 1963, № 2, с. 115—129.
80. *Меликишвили Г. А.* Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии — 1965, № 1, с. 3—30.
81. *Турчанинов Г. Ф.* Древнейший письменный памятник Кавказа — 1965, № 3, с. 97—108.

б) РЕЦЕНЗИИ

81а. Гвахария В. А. Словарь-симфония урартского языка. М. Изд-во вост. лит., 1963, 499 с. (АН. Груз. ССР. Ин-т востоковедения).
Рец.: *И. М. Дьяконов* — 1965, № 3, с. 154—156.
82. Голенко К. В. Денежное обращение в Колхиде в римское время Л., Изд-во Гос. Эрмитажа, 1965, 109 с.
Рец.: *Л. Н. Казаманова* — 1965, № 4, с. 180—183

3. СРЕДНЯЯ АЗИЯ И СИБИРЬ

а) СТАТЬИ

83. *Бонгард-Левин Г. М., Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Э. Н.* Фрагменты санскритских рукописей из Занг-тепе (Предварительное сообщение) — 1965, № 1, с. 154—162.
84. *Вайнберг Б. И.* Ранняя хорезмийская монета из собрания Самаркандского музея и некоторые вопросы докушанской хорезмийской чеканки — 1962, № 1, с. 125—132.
85. *Винников И. Н.* Еще о пальмирских надписях в Советском Союзе — 1965, № 1, с. 139—141.
86. *Кабанов С. К.* Нахшебские монеты V—VI в.— 1961, № 1, с. 137—144.
87. *Казаманова Л. Н.* Подражания тетрадрахмам Евтидема в собрании Гос. Истор. Музея — 1961, № 3, с. 120—127.
88. *Пугаченкова Г. А.* К иконографии Герая. (О некоторых вопросах раннекушанской истории) — 1965, № 1, с. 127—136.
89. *Пугаченкова Г. А.* Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна — 1962, № 2, с. 88—95.
90. *Пугаченкова Г. А.* Халчаянская Афина — 1963, № 2, с. 155—168.
91. *Ставиский Б. Я.* О северных границах Кушанского государства — 1961, № 1, с. 108—114.
92. *Толстов С. П.* Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий — 1963, № 2, с. 23—45.

б) РЕЦЕНЗИИ

93. Гумилев Л. Н. Хунну, Срединная Азия в древние времена. М., Изд-во вост. лит-ры, 1960, 291 с.
Рец.: *К. Васильев* — 1961, № 2, с. 120—124.

VI. ДРЕВНИЙ ВОСТОК

1. ОБЩИЕ РАБОТЫ

а) СТАТЬИ

94. *Гельцер М. Л.* Значение раскопок в Библе для истории древнего Востока. (Обзор археологических материалов и письменных источников) — 1962, № 2, с. 149—159.
95. *Дьяконов И. М.* К проблеме общины на древнем Востоке. (Реплика М. О. Косвену) — 1964, № 4, с. 74—80.
96. *Косвен М. О.* К вопросу о древневосточной общине. Несколько замечаний на статью И. М. Дьяконова о древневосточной общине — 1963, № 4, с. 30—34.
97. *Шеворошкин В. В.* К происхождению малоазийских и некоторых других буквенных письменностей — 1965, № 3, с. 131—138.

б) РЕЦЕНЗИИ

98. Garelli P. Les Assyriens en Cappodoce. P., 1963, 420 стр.
Рец.: *Н. Б. Янковская.* Международные торговые объединения Каниша — 1965, № 3, с. 179—192.

2. АРАВИЯ ЮЖНАЯ

а) СТАТЬИ

99. *Бауэр Г. М.* «Мукарриб» и «царь». (К вопросу о государственном строе древней Сабы) — 1964, № 2, с. 17—36.
100. *Лундин А. Г.* Социально-экономические данные сабейских посвятительных надписей периода Мукаррибов — 1962, № 3, с. 96—120.
101. *Лундин А. Г.* Список сабейских эпонимов эпохи Мукаррибов Сабы — 1961, № 4, с. 50—57.

б) РЕЦЕНЗИИ

102. Ryckmans J. La chronologie des rois de Saba et du Raydan. Istanbul, 1964, 29, p.
Рец.: *А. Г. Лундин.* — 1965., № 3, с. 203—205.

3. ДВУРЕЧЬЕ

а) ИСТОЧНИКИ

103. Шумерский героический эпос. Транскрипции, пер., коммент. и вводные статьи *И. Т. Каневой* — 1964, № 3, с. 243—267; № 4, с. 190—225. (Окончание).
104. Эламские хозяйственные документы из СУЗ. Транскрипция, пер. и коммент. *Ю. Б. Юсифова* — 1963, № 2, с. 189—222; № 3, с. 200—261. (Окончание).

б) СТАТЬИ

105. *Афанасьева В. К.* Одна шумерская песня о Гильгамеше и ее иллюстрации в глиптике — 1962, № 1, с. 74—93.
106. *Афанасьева В. К.* Шумерская эпическая песнь «Гильгамеш и гора Бессмертного» — 1964, № 1, с. 84—92.
107. *Вайман А. А.* Истолкование геометрических постоянных из Сузского

клинописного списка I (Сузы) — 1963 № 1, с. 75—86.
108. *Дандамаев М. А.* Храмовая десятина в поздней Вавилонии — 1965, № 2, с. 14—34.
109. *Дьяконов И. М.* Этнический и социальный факторы в истории древнего мира. (На материале Шумера). К результатам IX Международной встречи ассириологов — 1963, № 2, с. 165—179.
110. *Кифишин А. Г.* К вопросу о датировке правления энси Гудеа (2162—2137 гг. до н. э.) — 1965, № 1, с. 82—100.
111. *Меликишвили Г. А.* Ассирия и «страны Наири» на рубеже XII—XI вв. до н. э.— 1963, № 2, с. 115—129.
112. *Струве В. В.* Вопрос о восстановлении некоторых лакун в шумерийской надписи так называемой «овальной пластинки» — 1962, № 2, с. 65—67.
113. *Струве В. В.* Исторические надписи Урукагины и история их интерпретации — 1964, № 4, с. 3—23.
114. *Струве В. В.* Община, храм и дворец — 1963, № 3, с. 11—34.
115. *Струве В. В.* Префиксы *му* и *е* шумерского глагола — 1962, № 4, с. 91—100.
116. *Струве В. В.* Проверка при Урукагине, царе-реформаторе Лагаша боеспособности воинов, получивших ранение — 1962, № 3, с. 24—27.
117. *Струве В. В.* Проверка теории о значении глагольных префиксов *ти* и *е* — 1964, № 2, с. 107—118.
118. *Якобсон В. А.* Правовое и имущественное положение воина redum времени I Вавилонской династии. (Обзор новоизданных документов) — 1963, № 2, с. 129—141.
119. *Якобсон В. А.* Социальная структура Новоассирийского царства — 1965, № 1, с. 100—117.
120. *Янковская Н. Б.* Новый среднеассирийский юридический документ — 1962, № 2, с. 67—74.

б) РЕЦЕНЗИИ

121. Эпос о Гильгамеше. («О все видавшем»). Пер. с аккадского И. М. Дьяконова. М.—Л., Изд-во АН СССР (Ленингр. отд.), 1961, 214 с.
Рец.: *Т. В. Гамкрелидзе* — 1963, № 1, с. 95—104.

4. ЕГИПЕТ

а) ИСТОЧНИКИ

122. Источники по древнеегипетскому налоговому обложению времени Нового Царства. Пер. И. М. Лурье и И. А. Лапис — 1961, № 2, с. 181—260; № 3, с. 171—220; № 4, с. 189—219. (Окончание).

б) СТАТЬИ

123. *Авдиев В. И.* Развитие египтологии в Объединенной Арабской республике — 1964, № 2, с. 156—170.
124. *Берлев О. Д.* Šḫm-rʿ šd-tꜣ. Wꜣḥ Šbk-m-sꜣ. f и его место среди царей позднего Среднего Царства — 1961, № 3, с. 100—107.
125. *Доконт Н. Г.* Древнеегипетские памятники в Одесском государственном археологическом музее — 1965, № 2, с. 208—212.
126. *Кинк Х. А.* Слоновая кость в древнейшем Египте — 1962, № 3, с. 134—140.
127. *Коростовцев М. А.* Древний Египет и народы Африки южнее Сахары — 1963, № 4, с. 12—29.
128. *Коростовцев М. А.* Опыт классификации сложных глагольных форм новоегипетского языка — 1964, № 4, с. 24—36.
129—130. *Матье М. Э.* Миф и сказка древнего Египта, как источник для изучения истории семьи — 1963, № 4, с. 3—11.
131. *Рубинштейн Р.* Стела одного из «10 великих Юга» Ии-Сенеба — 1961, № 3, с. 107—111.
132. *Черезов Е. В.* Надписи Мечена — 1964, № 4, с. 96—103.
133. *Шеворошкин В. В.* Статуэтка Исиды с египетско-карийской надписью — 1964, № 2, с. 128—134.

в) РЕЦЕНЗИИ

134. Матье М. Э. Искусство древнего Египта. Л.— М., «Искусство», 1961, 591 с., с илл.
Рец.: *В. В. Павлов* — 1964, № 1, с. 149—154.
135. Павлов В. В. Искусство древнего Египта. М., Изд. Акад. художеств СССР, 1962, 71 с., с илл.
Рец.: *С. И. Ходжаш* — 1964, № 1, с. 154—156.
136. Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский иератический папирус № 120 Гос. музея изобразит. искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Изд. текста и исследование М. А. Коростовцева. (Отв. ред. В. В. Струве). М., Изд-во вост. лит-ры, 1960, 154 с.
Рец. *И. С. Кацнельсон* — 1962, № 1, с. 141—144.
137. Стучевский И. А. Храмовая форма царского хозяйства древнего Египта. М., Изд-во вост. лит-ры, 1962, 127 с.
Рец.: *Е. В. Черезов* — 1964, № 1, с. 156—158.
138. Bothmer B. and Others. Egyptian Sculpture of the Late Period: 700 B. C. to A. D. 100. N. Y., Brooklyn Museum, 1960, 197 стр., 164 табл.
Рец.: *В. В. Павлов* — 1962, № 3, с. 163—166.

5. ИНДИЯ

а) СТАТЬИ

139. *Бонгард-Левин Г. М.* Аграмес-Уграсена-Нанда и воцарение Чандрагупты — 1962, № 4, с. 3—20.
140. *Бонгард-Левин Г. М., Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Э. Н.* Фрагменты санскритских рукописей из Занг-тепе. (Предварительное сообщение) — 1965, № 1, с. 154—162.
141. *Массон В. М.* Деметрий Бактрийский и завоевание Индии — 1961, № 2, с. 39—45.
142. *Сиркар Д. Ч.* Древние индийские надписи — 1962, № 3, с. 28—48.

б) РЕЦЕНЗИИ

143. Wheeler M. W. Early India and Pakistan to Ashoka. L., Thams and Hudson, 1959, 241 p.
Рец.: *В. М. Массон* — 1962, № 3, с. 178—182.

6. ИРАН

а) СТАТЬИ

144. *Абаев В. И.* Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I и антидэвовская надпись Ксеркса — 1963, № 3, с. 113—118.
145—146. *Лившиц В. А., Луконин В. Г.* Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах — 1964, № 3, с. 155—176.
147. *Луконин В. Г.* Варахран II и Нарсе (Иран, 70—90-е гг. III в.) — 1964, № 1, с. 48—63.
148. *Периханян А. Г.* Пехлевийские папирусы собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина — 1961, № 3, с. 78—93.
149. *Пьянков И. В.* «История Персии» Ктесия и средне-азиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э.— 1965, № 2, с. 35—50.
150. *Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте похода Кира II на Массагетов— 1964, № 3, с. 115—130.
151. *Пьянков И. В.* Сведения Ктесия о владениях Бардии на востоке Ирана. (Административная политика Кира II на северо-востоке его державы) — 1961, № 4, с. 98—103.
152. *Тюрин В. О.* Аншан. Новые чтения и восстановление текста III столбца Бехистунской надписи — 1962, № 4, с. 111—130.
153. *Юсифов Ю. Б.* Термины для рабов в Мидии, Эламе и Персии середины I тысячелетия до н. э.— 1961, № 4, с. 32—49.

б) РЕЦЕНЗИИ

153а. *Дандамаев М. А.* Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.), М., Изд-во вост. лит-ры, 1963, 290 с., с илл. (АН СССР, Ин-т народов Азии).
Рец.: *И. М. Дьяконов* — 1964, № 3, с. 177—187.
154. Altheim F. und Stiehl R. Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden. Bd. 1. Lief. 1—3. Frankfurt a. M., Klaussermann, 1958—1963, 334 стр.
Рец.: *М. А. Дандамаев* — 1963, № 4, с. 183—193.
155. Brandenstein W. Antiguo Persa. Cramatica, inscriptiones con un Lexico etimologico por M. Mayrhofer. Madrid, Consejo superior de investigaciones cientificas, 1958, 143 стр.
Рец.: *М. А. Дандамаев* — 1963, № 1, с. 107—111.
156. Brandenstein W. und Mayrhofer M. Handbuch der Altpersischen. Wiesbaden, 1964, XII, 160 стр.
Рец.: *И. М. Оранский* — 1965, № 1, с. 207—212.
157. Frye R. N. The heritage of Persia. L., Weidenfeld, 1963, 317 стр.
Рец.: *М. А. Дандамаев, Г. А. Кошеленко* — 1965, № 3, с. 192—202.

7. КАРФАГЕН

а) СТАТЬИ

158. *Авдиев В. И.* Пунический Карфаген в свете новейших раскопок — 1962, № 3, с. 121—134.

8. КИТАЙ

а) СТАТЬИ

159. *Васильев Л. С.* Эволюция древнекитайского термина *и* — 1961, № 2, с. 83—96.
160. *Конрад Н. И.* Полибий и Сыма Цянь — 1965, № 4, с. 3—25.
161. *Крюков М. В.* Род и государство в Иньском Китае — 1961, № 2, с. 3—22.
162. *Кучера Станислав.* К вопросу о датировке и достоверности «Чжоули»— 1961, № 3, с. 111—120.
163. *Серкина А. А.* Значение знака *ди* в надписях на гадательных костях — 1962, № 1, с. 66—73.
164. *Яцина Э. М.* О некоторых изображениях на рельефах ханьских погребений (II в. до н. э.— II в. н. э.) — 1961, № 3, с. 65—77.

б) РЕЦЕНЗИИ

165. Щуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен». М., Изд-во вост. лит-ры, 1960, 424 с.
Рец.: *В. А. Рубин* — 1961, № 3, с. 136—140.

166. The Book of Lieh Tzŭ. A new transl. by A. C. Graham. L., Murray, 1960, XII, 183 стр. (The Wisdom of the East, 58).
Рец.: *Л. Д. Позднеева.* Первый полный перевод «Книги Лецзы» — 1961, № 4, с. 126—135.

9. КОРЕЯ

а) РЕЦЕНЗИИ

167. К и м Бусик. Самкук Саги. (Исторические записи трех государств. В 3-х т.) Изд. текста, пер., вступительная статья и коммент. М. Н. Пака. М., Изд-во вост. лит-ры, 1959, 384. VI, 202 с.
Рец.: *Л. Д. Позднеева* — 1961, № 3, с. 131—136.

10. МАЛАЯ АЗИЯ

а) СТАТЬИ

168. *Боруховичъ В. Г.* Ахейцы в Малой Азии — 1964, № 3, с. 91—106.
169. *Маринович Л. П.* Обзор последних раскопок в Малой Азии и Италии — 1963, № 1, с. 119—137.
170. *Меликишвили Г. А.* Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии — 1965, № 1, с. 3—30.
171. *Меликишвили Г. А.* К изучению древней восточно-малоазийской этнонимики — 1962, № 1, с. 46—65.
172. *Шеворошкин В. В.* К происхождению малоазийских и некоторых других буквенных письменностей — 1965, № 3, с. 131—138.
173. *Шеворошкин В. В.* Опыт дешифровки карийских надписей — 1965, № 1, с. 31—50.

б) РЕЦЕНЗИИ

174. G o e t z e A. Kleinasian. Münch., 1957, 228 стр. (Kulturgeschichte des Alten Orients. Abt. 3, Teil 1).
Рец.: *Т. В. Гамкрелидзе, Г. Г. Гиоргадзе, Э. А. Менабде* — 1961, № 3, с. 143—154.

11. МИДИЯ

а) СТАТЬИ

175. *Юсифов Ю. Б.* Термины для рабов в Мидии, Эламе и Персии середины I тысячелетия до н. э.— 1961, № 4, с. 32—49.

б) РЕЦЕНЗИИ

176. А л и е в И. Г. История Мидии. Баку, Изд-во АН Азерб. ССР, 1960, 361 с. (АН Азерб. ССР, Ин-т истории).
Рец.: *Г. А. Меликишвили, В. М. Массон, В. А. Лившиц* — 1962, № 2, с. 126—137.

12. НУБИЯ

а) СТАТЬИ

177. *Кацнельсон И. С.* Рабовладение в Куше — 1964, № 2, с. 74—92.
178. *Пиотровский Б. Б.* Нубийская археологическая экспедиция Академии наук СССР (1961—1962 гг.) — 1963, № 2, с. 185—188.

13. ПАЛЕСТИНА

а) СТАТЬИ

179. *Амусин И. Д.* К определению идеологической принадлежности Кумранской общины — 1961, № 1, с. 3—22.
180. *Амусин И. Д.* Кумранский комментарий на Наума (4 Qp Nahum) — 1962, № 4, с. 101—110.
181. *Амусин И. Д., Гельцер М. Л.* Надпись из «Мецад Хашавэху» (жалоба жнеца VII века до н. э.) — 1963, № 3, с. 118—125.
182. *Амусин И. Д.* Новые отрывки кумранского комментария на Наума (4 Qp Nahum II—IV) — 1964, № 1, с. 35—47.
183. *Вильскер Л. Х.* О документах, найденных в Нахал-Хевер — 1964, № 1, с. 120—130.
184. *Гельцер М. Л.* Новые публикации эпиграфического материала из Финикии и из Палестины — 1961, № 1, с. 158—174.
185. *Ельницкий Л. А.* Кесарийская надпись Понтия Пилата и ее историческое значение — 1965, № 3, с. 142—146.
186. *Шифман И. Ш.* Земельные отношения в Палестине в первой половине I тыс. до н. э.— 1965, № 4, с. 26—41.
187. *Шифман И. Ш.* Правовое положение рабов в Иудее по данным библейской традиции — 1964, № 3, с. 54—80.

б) РЕЦЕНЗИИ

188. А м у с и н И. Д. Рукописи Мертвого моря. М., Изд-во АН СССР, 1960, 227 с.
Рец.: *К. Б. Старкова* — 1961, № 3, с. 128—131.
189. Л и в ш и ц Г. М. Кумранские рукописи и их историческое значение. Минск, Белор. гос. ун-т им. В. И. Ленина, 1959, 82 с.
Рец.: *К. Б. Старкова* — 1961, № 4, с. 147—148.
190. Les Grottes de Murabba'at. Par P. Benoit, I. T. Milik, R. de Vaux. Avec contributions de G. M. Growfoot et E. Growfoot, A. G. Grohman. Oxf.

The Clarendon press, 1961, XV, 304 стр.
Рец.: *И. Д. Амусин.* Документы из Вади Мурабба^{c}т II.— 1961, № 4, с. 136—147.

191. Hebrew and Semetic Studies presented to Godfrey Rolles Driver in Celebration of His seventieth Birtday 20 August 1962. Ed. by D. W. Thomas and W. S. McHardy. Oxf. 1963, VIII, 206 стр.
Рец.: *М. Г.* — 1965, № 1, с. 224—226.

14. ПАРФИЯ

а) СТАТЬИ

192. *Коське Ф. Я.* Племена Северной Парфии в борьбе с македонским завоеванием — 1962, № 1, с. 113—125.
193. *Кошеленко Г. А.* Внутриполитическая борьба в Парфии (вторая половина I в. до н. э.— начало I в. н. э.) — 1963, № 3, с. 56—68.
194. *Кошеленко Г., Оразов О.* О погребальном культе в Маргиане в парфянское время — 1965, № 4, с. 42—56.
195. *Массон М. Е.* Находка на городище Старая Ниса датированной парфянской тетрадрахмы Митридата I — 1963, № 2, с. 152—155.

а) РЕЦЕНЗИИ

196. Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М., Изд-во МГУ, 1960, 251 с., с илл.
Рец.: *Н. Н. Белова* и *И. В. Пьянков* — 1962, № 3, с. 159—163.

15. СИРИЯ

а) СТАТЬИ

197. *Гельцер М. Л.* Еще раз об общинном самоуправлении в Угарите — 1965, № 2, с. 3—13.
198. *Гельцер М. Л.* Сельская община и прочие виды землевладения в древнем Угарите — 1963, № 1, с. 35—56.
199. *Гельцер М. Л.* Тамкар и его роль в передней Азии XIV—XIII вв. до н. э. (По материалам Угарита) — 1964, № 2, с. 3—16.
200. *Янковская Н. Б.* Общинное самоуправление в Угарите. (Гарантии и структура) — 1963, № 3, с. 35—55.

б) РЕЦЕНЗИИ

201. Jirku, Anton. Kanaanäische Mythen und Epen aus Ugarit. Gütersloh, 1962, 141 S.
Рец.: *М. Г.*— 1965, № 1, с. 223—224.
202. Schaeffer, Claude F. A. Ugaritica, Ser. IV, Decouvertes des XVIII et — XIXe campagnes. 1954—1955. P., Impr. nationale, 1962, XXXVI, 675p.
Рец.: *М. Л. Гельцер.* Новые проблемы истории Угарита — 1965, № 1, с. 198—206.

16. ФИНИКИЯ

а) СТАТЬИ

203. *Гельцер М. Л.* Значение раскопок в Библе для истории древнего Востока: (Обзор археологических материалов и письменных источников) — 1962, № 2, с. 149—159.
204. *Гельцер М. Л.* Новые публикации эпиграфического материала из Финикии и из Палестины — 1961, № 1, с. 158—174.
205. *Шифман И. Ш.* Пунийский архив из Эльхофра — 1962, № 4, с. 130—134.

17. ХЕТТЫ

а) СТАТЬИ

206. *Гиоргадзе Г. Г.* Борьба хеттов за северную Сирию в период Древнего Царства — 1964, № 1, с. 3—22.
207. *Гиоргадзе Г. Г.* «Текст Аниты» и некоторые вопросы ранней истории хеттов — 1965, № 4, с. 87—111.
208. *Довгяло Г. И.* О характере наследования царской власти у хеттов в эпоху Древнего Царства — 1964, № 1, с. 23—34.
209. *Дунаевская И. М.* Протохеттский именной суффикс косвенного дополнения.— 1964. № 1, с. 102—105.
210. *Меликишвили Г. А.* Возникновение хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии — 1965, № 1, с. 3—30.

18. ЭФИОПИЯ

а) СТАТЬИ

211. *Кобищанов Ю. М.* «Армии» царя Эзаны (Пережитки военной демократии в древнем Аксуме — 1962, № 1, с. 94—103.
212. *Кобищанов Ю. М.* Избрание царя в древнем Аксуме — 1963, № 4, с. 140—144.

VII. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

а) ИСТОЧНИКИ

213. Греческие ораторы второй половины IV века до н. э. Гиперид, Ликург, Динарх, Эсхин. Пер. под ред. К. М. Колобовой — 1962, № 1, с. 203—242; № 2, с. 163—213; № 3, с. 217—283; № 4, с. 189—249; 1963, № 1, с. 203—225. (Окончание). Указатель сост. Т. В. Прушакевич — 1963, № 1, с. 226—239.

214. Исократ. Речи. Пер. под ред. К. М. Колобовой— 1965, № 3, с. 211—236; № 4, с. 213—241. (Продолжение).

215. Эней Тактик. О перенесении осады. Пер. и вступ. статья *В. Ф. Беляева* — 1965, № 1, с. 237—268; № 2, с. 215—243. (Окончание).

б) СТАТЬИ

216. *Аверинцев С. С.* Подбор героев в параллельных жизнеописаниях Плутарха и античная биографическая традиция — 1965, № 2, с. 51—67.

217. *Андреев Ю. В.* К вопросу о так называемых «вольноотпущенниках» на Крите — 1963, № 4, с. 116—127.

218. *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в поэмах Гомера — 1964, № 4, с. 37—49.

219. *Бергер А. К.* Общественно-политические воззрения Горгия — 1964, № 2, с. 37—47.

220. *Бергер А. К.* Проблема рабства в социально-политической системе Аристотеля — 1961, № 3, с. 22—33.

221. *Борухович В. Г.* Ахейцы в Малой Азии — 1964, № 3, с. 91—106.

222. *Борщ И. Е.* Сведения о рабах и рабстве в произведениях Ксенофонта «Экономик» и «Меморабилии» — 1963, № 3, с. 107—112.

223. *Боузек Я.* К истории Аттики XI—VIII вв. до н. э. Пер. К. Козыриной — 1962, № 1, с. 104—113.

224. *Глускина Л. М.* О правовом положении афинских вольноотпущенников в IV в. до н. э.— 1965, № 1, с. 51—61.

225. *Глускина Л. М.* Трезенская надпись с декретом Фемистокла — 1963, № 4, с. 35—52.

226. *Глускина Л. М.* Эйсфора в Афинах IV в. до н. э.— 1961, № 2, с. 23—38.

227. *Гордеев В. Н.* Мегарская политика Афин накануне и в первые годы Пелопоннесской войны — 1962, № 2, с. 74—87.

228—229. *Зельин К. К.* Олимпионики и тираны — 1962, № 4, с. 21—29.

230. *Казакевич Э. Л.* О рабах-агентах в Афинах — 1961, № 3, с. 3—21.

231. *Качурис К.* Раскопки Археологического общества Греции в 1962—1963 гг.—1965, № 1, с. 190—197.

232. *Качурис К.* Раскопки Археологического общества Греции в 1964 г.— 1965, № 4, с. 191—197.

233—235. *Лурье С. Я.* Демокрит и индуктивная логика — 1961, № 4, с. 58—67.

236. *Лурье С. Я., Амусин И. Д.* К вопросу о языке линейного *А* — 1963, № 4, с. 198—201.

237. *Малеваный А. М.* Из истории иллирийских племен в доримскую эпоху — 1963, № 4, с. 151—172.

238. *Маринович Л. П.* Археологические открытия в Греции в 1960—1961 гг.— 1962, № 4, с. 137—156.

239. *Маринович Л. П.* Место наемников в общественно-политических взглядах Исократа — 1965, № 3, с. 22—34.

240. *Маринович Л. П.* Социально-политическая борьба и наемничество в Греции IV в. до н. э. в трактате Энея Тактика — 1962, № 3, с. 49—77.

241. *Новикова Т. Ф.* Раннегреческая тирания на Коринфском перешейке — 1965, № 4, с. 112—126.

242. *Папазоглу Фанула.* К вопросу о преемственности общественного строя в Микенской и Гомеровской Греции — 1961, № 1, с. 23—41.

243. *Поздеева И. В.* Политические судебные процессы в Афинах в 403—400 гг. до н. э. (по речам Лисия) — 1961, № 4, с. 68—84.

244. *Пресс Л.* Места культа в элладское время — 1965, № 2, с. 68—78.

245. *Радциг С. И.* Килонова смута в Афинах. (Эпизод из истории родовых отношений в Аттике) — 1964, № 3, с. 3—14.

246. *Савельев Ю. А.* Дворец в Вуни на Кипре — 1965, № 2, с. 79—86.

247. *Савельев Ю. А.* О кипрской монументальной скульптуре VII в. до н. э.— 1964, № 3, с. 107—114.

248. *Ярхо В. Н.* Вина и ответственность в гомеровском эпосе — 1962, № 2, с. 4—26.

249. *Ярхо В. Н.* Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека — 1963, № 2, с. 46—64.

250. *Ярхо В. Н.* Религиозно-нравственная проблематика в поэмах Гесиода — 1965, № 3, с. 3—21.

в) РЕЦЕНЗИИ

251. Древняя Греция и древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895—1959 гг.). Составитель А. И. Воронков. М., Изд-во АН СССР, 1961, 523 с.
Рец.: *Б. В. Лунин* — 1962, № 2, с. 138—142.

252. Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.— Л., Изд-во «Наука» (Ленингр. отд-ние), 1964, 439 с. АН СССР. Ин-т

русской литературы (Пушкинский дом). Рец.: *С. В. Полякова* — 1965, № 3, с. 156—158.

252а. *Колобова К. М.* Древний город Афины и его памятники. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1961, 373 с. с илл. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
Рец.: *Н. А. Сидорова* — 1964, № 4, с. 145—151.

252б. *Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и Гомеровской Греции. М., Изд-во АН СССР, 1963, 306 с. (АН СССР, Ин-т истории).
Рец.: *Н. Н. Пикус* — 1965, № 1, с. 163—167.

253. Маркиш С. Гомер и его поэмы. М., Госполитиздат, 1962, 126 с. Рец.: *А. П. Каждан* — 1963, № 3, с. 183—184.

254. Мифологический словарь (2 изд.). Л., Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1961, 222 с. с илл. На обороте тит. л. сост.: М. Н. Ботвинник, М. А. Коган, М. Б. Рабинович, Б. П. Селецкий. Рец.: *В. К. Пухтинский* — 1962, № 4, с. 135—136.

255. Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. I. Доэллинистическая Македония. Казань, Изд-во Казанского ун-та, 1960, 300 с. с илл.
Рец.: 1. *Т. В. Прушакевич, Э. Д. Фролов, И. Ш. Шифман* — 1965, № 2, с. 131—135.
2. *А. Г. Бокщанин, Г. М. Лившиц* — 1965, № 2, с. 137—139.

256. Hackl Ursula. Die oligarchische Bewegung in Athen um Ausganng des 5. Jahrhunderts v. Chr. Diss. Münch. 1961, 169 стр. (Отпечатано на ротапринте).
Рец.: *Э. Д. Фролов* — 1964, № 1, с. с. 168—172.

257. Herodot. Istorii, v. 1. Bucureşti, Editura stintifica, 1961, 548 p.
Рец.: *А. Доватур*. Новый румынский перевод Геродота — 1962, № 2, с. 142—148.

258. Huxley G. L. Early Sparta. L., Faber and Faber, 1962, 164 стр.
Рец.: *С. Я. Лурье* — 1964, № 1, с. 162—168.

259. Lotze D. Lysander und der Peloponnesische Krieg. B., Akad. Verl., 1964, 28 стр. (Abhandlungen der Sachsischen Akad. der Wissenschaften zu Leipzig. Philol.-hist. klasse, Bd. 57, Hft. 1).
Рец.: *Э. Д. Фролов* — 1964, № 4, с. 156—159.

260. Masson Olivier. Les inscriptions chypriotes syllabiques. Recueil critique et commenté Thèse principale. P., De Boccard, 1961, 452 стр.
Рец.: *С. Я. Лурье* — 1963, № 1, с. 111—119.

261. Mette H. I. Der verlorene Aischylos. B., Akad. Verl., 1963, VI, 256 стр. (Deutsche Akad. der Wissenschaften zu Berlin. Schriften der Sektion für Altertumswissenschaft 35).
Рец.: *В. Н. Ярхо* — 1965, № 1, с. 174—178.

262. Page Denys L. History and the Homerie Iliad. Berkeley — Los-Angeles, Univ. of California press, 1959, X, 350 стр.
Рец.: *С. И. Радциг* — 1961, № 3, с. 156—159.

263. Palmer Leonard R. Mycenaeans and Minoans Aegean Prehistory in the Light of the linear *B*. Tablets. N. Y., Knapf, 1962, 264 стр.
Рец.: *С. Я. Лурье* — 1964, № 1, с. 176—182.

264. Roebuck C. Ionian Trade and Colonization. N. Y., Archaeological Inst. of America, 1959, IX, 148 стр.
Рец.: *В. Г. Борухович* — 1963, № 1, с. 144—147.

265. Thompson M. New Style Silver Coinage of Athens. N. Y., 1961, 747, 222 стр.
Рец.: *И. О. Карышковский* — 1961, № 1, с. 141—144.

266. Weil R. Aristote et l'histoire-Essai sur la «Politique». Thèse principale. Paris, Klincksieck, 1960, 466 стр.
Рец.: *С. И. Радциг* — 1965, № 1, с. 179—182. *А. И. Доватур* — 1965, № 1, с. 182—189.

267. Woodhead A. G. The Study of greek Inscriptions. Cambr., the Univ. press, 1959, XI, 138 стр.
Рец.: *И. Б. Брашинский* — 1962, № 3, с. 183—185.

VIII. ЭЛЛИНИЗМ

а) СТАТЬИ

268. *Зельин К. К.* Дельфийские манумиссии как источник по истории рабства в Греции в эллинистическую эпоху — 1965, № 3, с. 35—53.

269. *Конрад Н. И.* Полибий и Сыма Цянь — 1965, № 4, с. 3—25.

270. *Крюгер О. О., Быстрикова М. Г.* Неизданные папирусы и другие тексты Государственного Эрмитажа — 1964, № 2, с. 118—128.

271. *Марченко И. Д.* Из истории художественного ремесла Александрии. (По материалам коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина) — 1962, № 2, с. 102—108.

271а. *Павловская А. И.* Полибий о рабстве в III—II вв. до н. э. Война как источник рабства—1963, № 3, с. 95—106.

272. *Смотрич А. П.* Геронд и Птолемей II Филадельф — 1962, № 1, с. 132—136.

273. *Трофимова М. К.* Из истории элли-

нистического пиратства — 1963, № 4, с. 53—74.

274. *Трофимова М. К.* Из истории эллинистической экономики. (К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н. э.) — 1961, № 2, с. 46—68.

275. *Шургая И. Г.* Импорт Александрии в Северном Причерноморье — 1965, № 4, с. 126—140.

б) РЕЦЕНЗИИ

276. Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э. М., АН СССР, 1960, 467 с. (АН СССР. Ин-т истории).
Рец.: *О. О. Крюгер* — 1962, № 3, с. 155—159.

277. История греческой литературы. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. Т. III. Литература эллинистического и римского периодов. М., Изд. АН СССР, 1960, 440 с. (Ин-т мировой лит-ры им. Горького).
Рец.: *А. Ч. Козаржевский* — 1964, № 4, с. 148—153.

278. Swiderek A. W«panstwie» Apolloniosa. Spoleczenstwo wezesnoptolemejskie w swietle Archiwum Zenona. Warszawa, 1959, 448 стр.
Рец.: *А. П. Смотрич* — 1965, № 3, с. 167—173.

IX. ДРЕВНИЙ РИМ

а) ИСТОЧНИКИ

279. Аврелий Виктор Секст. История Рима. Пер. и вступ. статья В. С. Соколова — 1963, № 4, с. 214—257; 1964, № 1, с. 227—252; № 2, с. 197—240 (Окончание).

б) СТАТЬИ

280. *Аверинцев С. С.* Подбор героев в «Параллельных жизнеописаниях» Плутарха и античная биографическая традиция — 1965, № 2, с. 51—67.

281. *Велков В.* Из истории нижнедунайского лимеса в конце I в. н. э.— 1961, № 2, с. 69—82.

282. *Гаспаров М. Л.* Две редакции «Поэтики Горация» — 1965, № 4, с. 57—65.

283. *Гаспаров М. Л.* Послание Горация к Августу. (Литературная полемика и политическая борьба) — 1964, № 2, с. 63—73.

284. *Гаспаров М. Л.* Социальные мотивы античной литературной басни. (Федр и Бабрий) — 1962, № 4, с. 48—66.

285. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Влияние латинской литературы IV—V вв. на литературу Средневековья и Ренессанса — 1964, № 1, с. 64—83.

286. *Головачев И. Ф.* Мелкое и среднее землевладение в Римской Африке первых трех веков империи — 1963 № 3, с. 137—153.

287. *Головачев И. Ф.* О некоторых особенностях колонатных отношений в Римской Африке II в. н. э.— 1961, № 1, с. 120—127.

288—289. *Дьяков В. Н.* Социальная и политическая борьба в Римской империи в середине III в.— 1961, № 1, с. 84—107.

290. *Ельницкий Л. А.* События 343—340 гг. до н. э. в Средней Италии и народное движение 342 г. до н. э. в Риме — 1962, № 2, с. 56—64.

291. *Заборовский Я. Ю.* К вопросу о достоверности цензовых списков II в. до н. э.— 1962, № 2, с. 112—118.

292. *Зельин К. К.* Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III в. до начала VIII в. до н. э.— 1964, № 4, с. 103—130.

293. *Кац А. Л.* Проблема рабства у Плавта и Катона — 1964, № 3, с. 81—90.

294. *Ковалев С. И.* Причины возникновения христианства — 1962, № 3, с. 78—95.

295. *Колосовская Ю. К.* Ветеранское землевладение в Паннонии — 1963, № 4, с. 96—115.

296. *Колосовская Ю. К.* Завоевание Паннонии Римом — 1961, № 1, с. 60—83.

297. *Корсунский А. Р.* О социальном строе вестготов в IV в.— 1965, № 3, с. 54—74.

298. *Кошеленко Г. А.* Из истории становления эстетических воззрений раннего христианства — 1964, № 3, с. 38—53.

299. *Крюгер О. О., Быстрикова М. Г.* Неизданные папирусы Государственного Эрмитажа. К вопросу об учете населения в римском Египте — 1961, № 2, с. 97—102.

299а. *Крюгер О. О., Быстрикова М. Г.* Неизданные папирусы и другие тексты Государственного Эрмитажа — 1965, № 2, с. 103—106.

300. *Кузищин В. И.* Из истории сельского хозяйства Италии II в. до н. э.— I в. н. э. (Римское почвоведение и почвы древней Италии)—1964, № 3, с. 15—37.

301. *Кузищин В. И.* Хозяйство Плиния Младшего. (Развитие латифундий и характер хозяйства крупного землевладельца в Италии в конце I. в. н. э.)— 1962, № 2, с. 27—55.

302. *Курбатов Г. Л.* К вопросу о корпорации хлебопеков в Антиохии IV в. — 1965, № 1, с. 141—153.

303. *Курбатов Г. Л.* Рабы и проблема рабства в произведениях Либания — 1964, № 2, с. 92—106.
304. *Ляст Р. Е.* К вопросу о соотношении рабского и свободного наемного труда в ремесле римской республики последнего века до н. э. — 1963, № 2, с. 99—114.
305. *Маринович Л. П.* Обзор последних раскопок в Малой Азии и Италии — 1963, № 1, с. 119—137.
306. *Маяк И. Л.* Социально-политическая борьба италийских общин в период Ганнибаловой войны — 1963, № 4, с. 75—95.
307. *Новицкая К. И.* Defensor civitatis — 1965, № 2, с. 113—122.
308. *Новицкая К. И.* Некоторые вопросы аграрной политики начала домината — 1961, № 4, с. 85—97.
309. *Свенцицкая И. С.* Рабы и вольноотпущенники в сельских местностях провинции Азии — 1963, № 4, с. 127—139.
310. *Свенцицкая И. С.* Сельская община Малой Азии в I—III вв. н. э. — 1961, № 3, с. 50—64.
311. *Селецкий Б. П.* Социально-политическая борьба в Нумидии накануне Югуртинской войны — 1964, № 2, с. 149—155.
312. *Сергеенко М. Е.* Колумбарий Статилиев Тавров — 1964, № 4, с. 81—95.
313. *Сергеенко М. Е.* Римские фуллоны — 1965, № 4, с. 159—164.
314. *Трофимова М. К.* Из истории идеологии II века до н. э. — 1962, № 4, с. 67—95.
315. *Утченко С. Л.* К вопросу о римских политических партиях — 1963, № 3, с. 82—94.
316. *Утченко С. Л.* Консулат Цезаря—трибунат Клодия — 1961, № 3, с. 34—49.
317. *Утченко С. Л.* Римская армия в I в. до н. э. — 1962, № 4, с. 30—47.
318. *Фихман И. Ф.* Некоторые вопросы хозяйственной деятельности ремесленных корпораций позднеримского Египта — 1965, № 3, с. 146—153.
319. *Харсекин А. И.* К интерпретации этрусских числительных — 1964, № 2, с. 48—61.
320. *Харсекин А. И., Гельцер М. Л.* Новые надписи из Пирги на финикийском и этрусском языках — 1965, № 3, с. 108—131.
321. *Цветаева Г. А.* Новая находка мраморной головы эфеба школы Поликлета — 1963, № 3, с. 131—137.
322. *Штаерман Е. М.* Положение рабов в период поздней республики — 1963, № 2, с. 80—99.
323. *Штаерман Е. М.* Рабский вопрос в Римской Империи — 1965, № 1, с. 62—81.
324. *Штаерман Е. М.* Рабы и отпущенники в социальной борьбе конца республики — 1962, № 1, с. 24—45.
325. *Шталь И. В.* Инвектива как источник по истории общественно-политической мысли — 1963, № 2, с. 141—152.
326. *Шуринова Р. Д.* Коптская ткань из собрания Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (инв. № 1, 1, 5195) — 1965, № 3, с. 139—141.

в) РЕЦЕНЗИИ

327. Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Возникновение системы политического дуализма в Передней Азии. М., Изд-во МГУ, 1960, 251 с. с илл.
Рец.: *Н. Н. Белова, И. В. Пьянков* — 1962, № 3, с. 159—163.
328. Варрон. Сельское хозяйство. Пер. с лат., коммент. и вступ. статья (с. 3—22) М. Е. Сергеенко. М.— Л., Изд-во АН СССР (Ленингр. отд.), 1963, 218 с. с илл. (АН СССР. Ин-т истории. Ленингр. отд.).
Рец.: *В. И. Кузищин* — 1965, № 2, с. 141—145.
329. Велков В. Рабовладението в Сердика от началото на IV в. в светлината на Константиновото законодателство.— В кн.: Изследования в чест на Марин С. Дринов. София, 1960, с. 345—355.
Рец.: *А. П. Каждан* — 1961, № 3, с. 154—155.
330. Герман М. Ю., Селецкий Б. П., Суздальский Ю. П. На семи холмах. Очерки культуры древнего Рима. Пособие для учителя истории. Л., Учпедгиз, Ленингр. отд., 1960, 215 с.
Рец.: *И. Я. Каганов, М. М. Слонимский* — 1963, № 1, с. 105—107.
331. Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. (Независимая сельская община). М., Изд-во АН СССР, 1962, 196 с. (АН СССР. Ин-т истории).
Рец.: *Е. М. Штаерман* — 1963, № 3, с. 154—158.
332. Гольденберг В. А. Очерки по истории Римской империи в I в. н.э. Гражданская война 69 года н.э. Харьков, Изд-во Харьковского ун-та, 1958, 110 с.
Рец.: *М. М. Слонимский* — 1962, № 1, с. 137—140.
333. Древняя Греция и древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895—1959 гг.). Сост. А. И. Воронков. М., Изд-во АН СССР, 1961, 523 с.
Рец.: *Б. В. Лунин* — 1962, № 2, с. 138—142.
334. Залесский Н. Н. Этруски в Северной Италии. Л., Изд-во ЛГУ 1959, 115 с.
Рец.: 1. *С. И. Ковалев* — 1961, № 2, с. 109—111.

2. *И. Л. Маяк* — 1961, № 2, с. 111—115.

335. История римской литературы. Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. Т. I. Ранняя римская литература, литература конца республики, литература начала империи. М., АН СССР, 1959, 534 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. Горького).
Рец.: *А. Ч. Козаржевский* — 1961, № 1, с. 145—150.

336. Кац А. Л. Древний Рим. (Лекции в помощь заочникам). Фрунзе, 1959, 293 с.
Рец.: *Н. Мурыгина* — 1961, № 3, с. 140—142.

337. Ковалев С. И. Основные вопросы происхождения христианства. Под общ. ред. акад. В. В. Струве. М.—Л., «Наука», (Ленинград. отд.), 1964, 258 с. (Акад. наук СССР. М-во культуры РСФСР. Музей истории религии и атеизма).
Рец.: *Я. А. Ленцман* — 1965, № 1, с. 167—170.

338. Ленцман Я. А. Происхождение христианства. М., Изд-во АН СССР, 1958; 2-е изд. М., 1960.
Рец.: *И. А. Крывелев* — 1961, № 2, с. 115—120.

339. Мифологический словарь. 2 изд., Л., Учпедгиз, Ленингр. отд., 1961, 222 с. с илл. На обороте тит. л. сост.: М. Н. Ботвинник, М. А. Коган, М. Б. Рабинович, Б. П. Селецкий.
Рец.: *В. К. Пухтинский* — 1962, № 4, с. 135—136.

340. Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, Изд-во Воронежского ун-та, 1962, 299 с. с илл. и карт.
Рец.: *Л. А. Ельницкий* — 1964, № 2, с. 182—187.

340а. Нечай Ф. М. Рим и италики. Минск, Изд-во Мин-ва высш. и сред. спец. и проф. образования БССР, 1963, 194 с. с илл.
Рец.: *И. Л. Маяк* — 1965, № 4, с. 174—179.

341. Овідій Публій Назон. До 2000 річчя з дня нарождения. Львів, В-во Львівск. держ. ун-та, 1960, 102 с.
Рец.: *А. П. Смотрич* — 1964, № 3, с. 188—190.

342. Очерки истории римской литературной критики. (Сборник). Отв. ред. Ф. А. Петровский. М., Изд-во АН СССР, 1963, 311 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А.М.Горького).
Рец.: *З. А. Покровская* — 1964, № 4, с. 152—155.

343. Петровский Ф. А. Латинские эпиграфические стихотворения. (Исследование и тексты). М., Изд-во АН СССР, 1962, 152 с. (АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького).
Рец.: *Л. А. Фрейберг* — 1965, № 2, с. 145—147.

344. Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. М., Изд-во АН СССР, 1959, 542 с.
Рец.: *М. Заборов* — 1961, № 1 ,с. 151—155.

345. Хрестоматия по истории древнего Рима. Под ред. (с введ. и коммент.) д-ра ист. наук С. Л. Утченко. М., Соцэкгиз, 1962, 675 с.
Рец.: *А. Л. Кац* — 1964, № 1, с. 158—160.
Н. Н. Пикус — 1964, № 1, с. 160—162.

346. Цицерон Марк Туллий. Речи. В 2-х т. (Пер. с лат.). Изд. подгот. В. О. Горенштейн и М. Е. Грабарь-Пассек. Т. 1—2. М., Изд-во АН СССР, 1962.
Рец.: *Я. М. Боровский.* Новый перевод речей Цицерона — 1963, № 4, с. 180—182.

347. Шофман А. С. История античной Македонии. Ч. 2. Македония и Рим. Казань, Изд-во Казанского ун-та, 1963, 434 с. с илл.
Рец.: 1. *Т. В. Прушакевич, Э. Д. Фролов, И. Ш. Шифман* — 1965, № 2, с. 135—137.
2. *А. Г. Бокщанин, Г. М. Левшиц* — 1965, № 2, с. 135—141.

348. Штаерман Е. М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и западные провинции). М., Изд-во АН СССР, 1961, 320 с. (АН СССР. Ин-т истории).
Рец.: *Б. Ф. Поршнев* — 1963, № 1, с. 87—95.

349. Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., «Наука», 1964, 263 с. (АН СССР. Ин-т истории).
Рец.: *В. И. Кузищин* — 1965, № 3, с. 159—166.

350. Addenda bibliographica praecipue ad CIL e periodico L'Année épigraphique, nominato excerpta. Berolini (Берлин), Walter de Gruyter, 1965, 70 стр. (Corpus inscriptionum Latinarum).
Рец.: *R. Gruendel*—1965, № 4, с. 183—184.

351. The Conflict between Paganism and Christianity in the fourth century. Essays ed. by A. Momigliano. Oxf. Clarendon press, 1963, 7, 222 стр.
Рец.: *А. П. Каждан* — 1964, № 4, с. 160—162.

352. Hannestad K. L'évolution de ressources agricoles de l'Italie du 4-ème au 6-ème siècle de notre ère. København, 1962, 117 стр.
Рец.: *А. П. Каждан.* Две новые книги по экономической истории Италии IV—VI вв. н. э. — 1965, № 2, с. 175—176.

353. Latte Kurt. Römische Religionsgeschichte. Münch., Beck, 1960, XVI, 446 стр. (Handbuch der Altertumswissenschaft. Abt. 5, Bd. 4).

Рец.: *Е. М. Штаерман* — 1963, № 4, с. 194—198.

354. M a r t i n o Francesco de. Storia della constituzione romana. Ristampa riveduta. V. I—IV. Napoli, 1958—1962.
Рец.: *Л. А. Ельницкий.* Новый фундаментальный труд по истории древнеримских государственных учреждений — 1963, № 3, с. 163—177.

355. M e r l a t P. Jupiter Dolichenus. Essai d'interpretation et de synthèse. P., Presses univ. de France, 1960, XVI, 231 стр. (Publications de l'inst. d'art et d'archeologie de l'Université de Paris, т. 5).
Рец.: *Г. А. Кошеленко* — 1964, № 1, с. 172—176.

356. M ó c s y A. Pannonia — RE. Supplbd. IX, Stuttg., 1962, стб. 516—776.
Рец.: *Ю. К. Колосовская* — 1965, № 3, с. 173—179.

357. P a o l i U. E. Das Leben im alten Rom. Bern—Münch., 1961, 391 стр.
Рец.: *М. Е. Сергеенко* — 1965, № 3, с. 206—209.

358. P i g a n i o l A. Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange. P., 1962, 434 стр. (Centre nationale de la recherche scientifique).
Рец.: *Н. Н. Белова* — 1965, № 2, с. 168—174.

359. R u g g i n i L. Economia e società nell «Italia Annonaria». Rapporti fra agricultura e commercio dal IV al VI secolo d. C. Milano, 1961, VIII, 716 стр. (Collana della Fondazione G. Gastelli 30).
Рец.: *А. П. Каждан.* Две новые книги по экономической истории Италии IV—VI вв. н. э. — 1965, № 2, с. 175—176.

360. S i r a g o Vito Antonio. L'Italina agraria sotto Traiano. Louvain, Publ. Univ., 1958, XIX, 339 стр.
Рец.: *В. И. Кузищин* — 1963, № 3, с. 177—183.

361. S p r a n g e r Peter P. Historische Untersuchengen in den Sklavenfiguren des Plautus und Terenz. Wiesbaden, 1961, 125 стр. (Akademie der Wissenschaften und der Lit. Abh. der Geistes und Sozialwissenschaft lichen klasse, Jg. 1960, № 8, стр. 553—677).
Рец.: *М. Г.* — 1963, № 1, с. 137—141.

362. T h o m a s Edit. B. Rómaikori villók u Balatonvidéken. Budapest, 1961, 44 стр. 37 рис.
Рец.: *И. Т. Кругликова* — 1963, № 3, с. 158—159.

X. ВИЗАНТИЯ

а) РЕЦЕНЗИИ

363. У д а л ь ц о в а З. В. Италия и Византия в VI в. М., Изд-во АН СССР, 1959, 542 с.
Рец.: *М. Заборов* — 1961, № 1, с. 151—155.

364. Photius. Bibliothèque... Texte établi et trad. par R. Henry, t. I—III. P., Les belles lettres, 1959—1962.
Рец.: *А. П. Каждан* — 1965, № 4, с. 203—205.

XI. ХРОНИКА

1. УЧРЕЖДЕНИЯ АН СССР

365. *Борщ И. Е.* Конференция по истории античного рабства — 1961, № 2, с. 164—169.

366. Конференция по изучению проблем античности — 1964, № 3, с. 223—240.

367. *М. Л.* Сессия отделения исторических наук и институтов археологии и этнографии Академии наук СССР — 1961, № 4, с. 178—186.

368. *М. Л.* Сессия отделения исторических наук и институтов археологии и этнографии Академии наук СССР — 1962, № 4, с. 137—156.

369. Новые фрагменты кумранского комментария на Наума — 1963, № 3, с. 193.

370. *Сокольский Н. И.* Античный город. (2 Конференция антиковедов) — 1961, № 2, с. 170—177.

2. ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ СССР

371. В Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении Института народов Азии Академии наук СССР — 1962, № 3, с. 202—210.

372. *Виноградов В. Б., Куза А. В.* Вопросы древней истории на VII Всесоюзной археологической конференции, посвященной 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова — 1961, № 3, с. 164—168.

373. Вопросы древней истории на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве — 1961, № 2, с. 143—164.

374. *Галеркина Б. Л., Зайцев А. И., Чекалова Е. И.* Вторая Всесоюзная конференция по классической филологии — 1962, № 1, с. 194—200.

375. *Гельцер М. Л., Семпер Н. Е.* Конференция по семитским языкам — 1965, № 2, с. 213—214.
376. *Д. И.* II Всесоюзная сессия по изучению древнего Востока — 1963, № 1, с. 166—195.
377. *Кобов И.* Кафедра классической филологии Львовского государственного университета — 1961, № 4, с. 186—188.
378. *Коржева К. П.* Работа историков древнего мира в Казахском университете — 1963, № 4, с. 209—211.

3. ЗАРУБЕЖНАЯ ХРОНИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СЪЕЗДЫ

379. Вопросы древней истории на XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве — 1961, № 2, с. 143—164.
380. *Грюндель Роланд.* Два знаменательных юбилея эпиграфики — (100-летие изд. «Corpus Inscriptionum Latinarum; 150-летие изд. Corpus Insriptiones Graecarum и Inscriptiones Graecae) — 1965, № 4, с. 206—209.
381. *Дилигенский Г. Г.* Проблемы истории античного рабства на XI международном конгрессе в Стокгольме — 1961, № 2, с. 124—137.
382. *Павловская А. И.* VI международная конференция по классическим исследованиям — 1962, № 4, с. 173—178.
383. *Петерс Б. Г., Пугаченкова Г. А.* VIII Международный конгресс по классической археологии — 1964, № 4, с. 184—187.

XII. PERSONALIA

384. А. В. Арциховский
К 60-летию А. В. Арциховского —1963, № 1, с. 196
385. А. К. Бергер.
А. К. Бергер (1888—1962). Некролог— 1963, № 1, с. 199—200.
386. А. Г. Бокщанин
К 60-летию А. Г. Бокщанина — 1963, № 3, с. 184.
387. А. И. Воронков
А. И. Воронков (1885—1965). Некролог — 1965, № 2, с. 244.
388. В. Ф. Гайдукевич
К 60-летию В. Ф. Гайдукевича — 1964, № 4, с. 188.
389. А. Х. Гардинер
Коростовцев М. А. А. Х. Гардинер (1879—1963). Некролог —1964, № 3, с. 241—242.
390. М. Е. Грабарь-Пассек
К 70-летию проф. М. Е. Грабарь-Пассек — 1964, № 1, с. 223—224.
391. К. К. Зельбин
К 70-летию К. К. Зельбина — 1962, № 2, с. 122—125.
392. Б. В. Казанский
Памяти Б. В. Казанского (1889—1962) — 1962, № 4, с. 185.
393. С. В. Киселев
Сергей Владимирович Киселев (1905—1962)—1963, № 1, с. 3—15.
394. С. Я. Лурье
К 50-летию научной деятельности проф. С. Я. Лурье — 1964, № 1, с. 225.
С. Я. Лурье (1891—1964)
Некролог —1965, № 1, с. 227.
Амусин И. Д., Ботвинник М. Н., Глускина Л. М.: Памяти учителя — 1965, № 1, с. 228—230.
Список трудов С. Я. Лурье. (Сост. И. Д. Амусин) — 1965, № 1, с. 231—236.
395. Р. А. Новикова
Р. А. Новикова (1932—1961). Некролог — 1962, № 2, с. 160.
396. Новотный Франтишек
Тронский И. М.: Новотный Франтишек (1881—1964). Некролог — 1965, № 4, с. 210—211.
397. Петровский Ф. А.
К 75-летию Ф. А. Петровского — 1965, № 3, с. 210.
398. Н. В. Пигулевская
К 70-летию чл. корр. АН СССР Н. В. Пигулевской — 1964, № 1, с. 221—222.
399. А. Н. Попов
К 85-летию А. Н. Попова — 1962, № 3, с. 214.
400. С. И. Радциг
К 85-летию С. И. Радцига — 1962, № 3, с. 214.
401. Д. Г. Редер
К 60-летию проф. Д. Г. Редера — 1965, № 4, с. 212
402. А. С. Сванидзе
Коростовцев М. А.: А. С. Сванидзе. (К 25-летию со дня смерти) — 1962, № 2, с. 119—121.
403. С. И. Соболевский
С. И. Соболевский. (1864—1963) Некролог — 1963, № 3, с. 194—195.
Список трудов чл.-корр. АН СССР С. И. Соболевского. (Сост. В. Ф. Беляев) 1963, № 3, с. 196—198.
404. В. С. Соколов
В. С. Соколов. (К 75-летию со дня рождения и 50-летию педагогической деятельности) — 1964, № 2, с. 195—196.
405. В. В. Струве
К 75-летию акад. В. В. Струве — 1964, № 1, с. 218—220.
406. Л. П. Харко
Л. П. Харко (1899—1961). Некролог — 1962, № 1, с. 202.
407. Штаерман Е. М.
К 50-летию Е. М. Штаерман—1964, № 4, с. 188.

XIII. РЕЦЕНЗИИ НА ЖУРНАЛЫ

408. «Питання классичної філології», Вип. 1—3. Львів, Вид-во Львівск. ун-та, 1959—1963 гг.
Рец.: *А. П. Смотрич* — 1964, № 3, с. 187—196.
409. Известия на Варненското археологическо дружество. Кн. VIII—XII. Варна, 1951—1961.
Рец.: *П. О. Карышковский* — 1962, № 2, с. 146—148.
410. «Kadmos», Zeitschrift für vor- und frühgriechische Epigraphik. 1962, v. 1, NN 1—2.
Рец.: *С. Я. Лурье* — 1963, № 3, с. 159—163.

XIV. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ

РУССКИЕ

411. Книги и статьи по древней истории, опубликованные в СССР в 1956—1960 гг. Сост. М. И. Фурсова — 1962, № 1, с. 174—193.
412. *Семпер Н. Е.* Новая советская литература по египтологии (1961—1963 гг.). (Краткие аннотации) — 1964, № 4, с. 168—183.

ИНОСТРАННЫЕ

413. Аннотации иностранных журналов по античной истории, археологии и классической филологии — 1961, № 1, с. 192—203.
414. Аннотации (на иностранные книги) — 1963, № 4, с. 201—207.
415. Аннотации (на иностранные книги) — 1964, № 1, с. 192—194.
416. Аннотации (на иностранные книги) — 1964, № 2, с. 189—194.
417. Аннотации (на иностранные книги) — 1964, № 3, с. 213—222.
418. Аннотации на новые книги по древнему Востоку — 1962, № 4, с. 165—172.
419. *М. Л. Г.* Новое серийное издание — 1963, № 4, с. 207—208.
420. *Е. Л.* Аннотации иностранных журналов по истории античности и классической филологии — 1961, № 4, с. 167—177.
421. *Семпер Н. Е.* Новая иностранная литература по египтологии. Краткие аннотации — 1964, № 1, с. 194—271.
422. *Семпер Н. Е.* Новая иностранная литература по египтологии. (Краткие аннотации) — 1965, № 2, с. 177—207.
423. *Семпер Н. Е.* Новые книги и статьи по египтологии. (Краткие аннотации) — 1961, № 1, с. 183—192.
424. *Семпер Н. Е.* Новые книги и статьи по египтологии. (Краткие аннотации) — 1963, № 1, с. 148—165.
425. *Семпер Н. Е.* Новые книги по египтологии. (Краткие аннотации) — 1962, № 1, с. 152—174.
426. Содержание иностранных журналов по древней истории, филологии и археологии — 1962, № 3, с. 198—201.

XV. РАЗНОЕ

а) СТАТЬИ

427. Систематический указатель журнала «Вестник Древней истории» за 1956—1960 гг. Сост. М. И. Фурсова — 1961, № 1, с. 205—228.
428. *Берзина С. Я.* Древние культуры Мали и Гвинеи. (Обзор археологических исследований последних лет) — 1965, № 1, с. 213—223.
429. *Ельницкий Л. А.* По поводу двух работ из области истории древней географии — 1961, № 1, с. 155—158.
430. *Каракулаков В. В.* Проблема образования румынского языка и народа в новых исследованиях румынских историков — 1962, № 1, с. 144—152.
431. *Каракулаков В. В.* Ценнейшая археологическая находка в Румынской Народной Республике — 1963, № 1, с. 197—198.
432—433. *Петерс Б. Г., Савельев Ю. А.* Исследования кораблей на дне моря — 1962, № 3, с. 210—213.
434. *Петерс Б. Г., Смирнов И. В.* О новейших подводных археологических работах — 1961, № 3, с. 160—164.
435. *Сидорова Н. А.* О поездке на Кипр — 1963, № 3, с. 185—193.
436. *Формозов А. А.* Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности. (В связи с выходом книги В. А. Истрина «Развитие письма») — 1963, № 2, с. 180—183.

б) ПИСЬМА

437. *Дьяконов И.* Письмо в редакцию — 1964, № 1, с. 226.
438. *Зельин К.* Письмо в редакцию — 1963, № 4, с. 212.
439. *Ямпольский З. И.* Письмо в редакцию — 1962, № 1, с. 200—201.

в) РЕЦЕНЗИИ

440. Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А. Открытие затонувшего мира. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1963, 108 с. с илл. (Акад. наук СССР. Науч. попул. серия).
Рец.: *Б. Г. Петерс* — 1965, № 1, с. 171—172.

441. Каталог писем и других материалов западноевропейских ученых и писателей XVI—XVIII вв. из собрания П. П. Дубровского. Сост. и авт. вступит. статьи, с. 9—38, Е. В. Бернадская и Т. П. Воронова. Под ред. (и с предисл.) акад. М. П. Алексеева. Л., 1963, 109 с.
Рец.: *Б. Л. Фонкич* — 1964, № 2, с. 187—189.

442. Федоров-Давыдов Г. А. Монеты рассказывают. (Нумизматика). М., Изд-во Акад. наук СССР, 1963, 136 с. с илл. и карт. (Акад. наук СССР, науч.-попул. серия).
Рец.: *Н. Д. Мец, Н. А. Фролова* — 1965, № 1, с. 172—174.

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ[1]

Абаев В. И. 144
Авдиев В. И. 123, 158
Аверинцев С. С. 10, 216
Аврелий Виктор Секст, 3
Алексеев М. П. пред. 441
Алиев И. Г. 176
Амусин И. Д. 179—182, 188, 236, 394; рец. 190; сост. 394
Андреев Ю. В. 217—218
Аннотации на иностр. журналы и книги 413—418
Арциховский А. В. 384
Афанасьева В. К. 105—106

Бауэр Г. М. 99
Башкиров А. С. 70
Белова Н. Н. рец. 196, 358
Беляев В. Ф. пер. 9, 73; сост. 403
Бергер А. К. 219—220; (о нем) 385
Бреговская Н. Б. рец. 69
Берзина С. Я. 428
Берлев О. Д. 124
Бернадская Е. В. 441
Блаватская Т. В. 69
Блаватский В. Д. 440
Бокщанин А. Г. 196; рец. 255; (о нем) 386
Болтунова А. И. 35—36
Бонгард-Левин Г. М. 83, 139—140
Борисова В. В. 37
Боровский Я. М. рец. 346
Борухович В. Г. 168, 221; рец. 264
Борщ И. Е. 222, 365
Ботвинник М. Н. сост. 254, 394
Боузек Я. 223
Брашинский И. Б. 38—39; рец. 72, 267
Бреговская Н. Б. рец. 32, 69
Быстрикова М. Г., 270, 299, 299а

В Госуд. Эрмитаже 371
Вайман А. А. 107
Вайнберг Б. И. 84
Варрон 328
Васильев Л. С. 159
Васильев К. рец. 93
Велков В. 281, 329
Вильскер Л. Х. 183
Винников И. Н. 85
Виноградов В. Б. 372
Виноградов В. В. 11
Вопросы др. истории 373
Вопросы др. истории на XXV Межд. конгрессе 379
Воробьева - Десятовская М. И. 83
Воронков А. И. сост. 251; (о нем) 387
Воронова Т. П. сост. 441
Вторая Всесоюз. сессия по изуч. др. Востока 376

Г. М. рец. 191, 201, 361
Г. М. Л. 419
Гайдукевич В. Ф. 40; (о нем) 388
Галеркина Б. Л. 374
Гамкрелидзе Т. В. рец. 121, 174
Гардинер А. К. (о нем) 389
Гаспаров М. Л. 12, 282—284
Гвахария В. А. 81а
Гельцер М. Л. 94, 181, 184, 197—199, 203—204, 375; рец. 202
Герман М. Ю. 330
Гиоргадзе Г. Г. 175, 206—207
Глускина Л. М. 13, 224—226, 394
Голенищев-Кутузов И. Н. 285
Голенко К. В. 41—43, 74—76, 82
Головачев И. Ф. 286—287
Голубцова Е. С. 331
Гольдберг В. А. 332
Гордеев В. Н. 227
Гореншгейн В. О. пер. 346
Грабарь-Пассек М. Е. ред. 277, 346; (о ней) 390
Греческие ораторы 4
Гриневич К. Э. 44
Грюндель Р. 380, рец. 350
Гумилев Л. Н. 93

Д. И. 376
Дандамаев М. А. 108, 153а, рец. 154, 155, 157
Данов Хр. М. 14
Дашевская О. Д. 45
Делигенский Г. Г. 15, 381
Доватур А. И. 46; рец. 257, 266
Довгяло Г. И. 208
Доконт Н. Г. 125
Древний мир 32
Древняя Греция и Древний Рим 251
Дубровский П. П. 441
Дунаевская И. М. 209
Дьяков В. Н. 288—289; рец. 69
Дьяконов И. М. 23, 95, 109, 437; рец. 81а, 153; пер. 121

[1] В указатель включены авторы статей, редакторы, рецензенты, переводчики, составители научных комментариев, авторы рецензируемых книг, а также названия коллективных трудов и статей без авторов. Принятые сокращения: редакторы — ред.; рецензенты — рец.; переводчики—пер.; составители научных комментариев—коммент.

Цифры отсылают к порядковому номеру записи в систематическом каталоге; в тех случаях, когда книга или статья дублируется в двух или нескольких разделах, в авторском указателе дается только тот номер, под которым они впервые упоминаются в основном указателе.

Е. Л. 420, 423
Егунов А. Н. 252
Ельницкий Л. А. 47, 77—78, 185, 290, 429; рец. 340, 354

Заборов М. рец. 344
Заборовский Я. Ю. 291
Зайцев А. И. 374
Залесский Н. Н. 334
Зельин К. К. 228—229, 268, 276, 292, 438; (о нем) 391

Ирмшер И. 15а
Исократ 5
История греч. лит-ры 277
История римской лит-ры 335
Источники по древнеегипетскому... 6
Истрин В. А. 436

Кабанов С. К. 86
Каганов М. Я. рец. 330
Каждан А. П. рец. 253, 329, 351, 352, 359, 364
Казакевич Э. Л. 48, 230
Казаманова Л. Н. 16, 49—51, 87; рец. 82
Казанский Б. В. (о нем) 392
Кальянов В. И. 17
Канева И. Т. коммент. 7
Каракулаков В. В. 430—431
Карышковский П. О. 52—54; рец. 71, 265, 409
Кац А. Л. 293, 336; рец. 345
Кацнельсон И. С. 177; рец. 136
Качурис К. 231—232
Ким Бусик 167
Кинк К. А. 126
Киселев С. В. (о нем) 393
Кифишин А. Г. 110
Кипович Т. Н. 55
Кобищанов Ю. М. 211—212
Кобов И. 377
Коваль Б. 24
Ковалев С. И. 294, 337; рец. 334
Коган М. А. сост. 254
Козаржевский А. Ч. рец. 277, 335
Козырина К. пер. 233
Колобова К. М. 252а; рец. 4—5
Колосовская Ю.К.17а,295—296; рец. 356
Конрад Н. И. 160
Конференция по изучению пробл. антич. 366
Коржева К. П. 378
Коровина А. К. 56
Коростовцев М. А. 127—128, 136, 389, 402
Корсунский А. Р. 297
Косвен М. О. 96
Коске Ф. Я. 192
Кошеленко Г. А. 18, 193—194, 298, 440; рец. 355
Кропоткин В. В. 49, 51, 57
Кругликова И. Т. 58; рец. 70, 362
Крывелев И. А. рец. 338
Крюгер О. О. 270, 299, 229а, рец. 276
Крюков М. В. 161
Куза А. В. 372
Кузищин В. И. 300—301; рец. 328, 349, 360
Курбатов Г. Л. 302—303
Кучера Станислав 162

Лапис И. А. пер. 6
Леви Е. И. 59
Ленцман Я. А. 25, 252б, 338, рец. 337
Лившиц В. А., 146, 189, рец. 176
Лившиц Г. М. рец. 255
Луконин В. Г., 146, 147
Лундин А. Г. 100—101, рец. 102
Лунин Б. В. рец. 251
Лурье И. М. пер. 6
Лурье С. Я. 233—235, 236; рец. 258, 260, 263; 410; (о нем) 394
Ляст Р. Е. 304

М. Л. 367—368
Малеваный А. М. 237
Маринович Л. П. 15, 169, 238—240, 305
Маркиш С. 253
Марченко И. Д. 271
Массон В. М. 141, рец. 143, 176
Массон М. Е. 195
Матье М. Э. 130, 134
Маяк И. Л. 306; рец. 334, 340а
Меликишвили Г. А. 79—80, 171; рец. 176
Менабде Э. А. рец. 174
Мец Н. Д. рец. 442
Мифологический словарь 254
Мурыгина Н. рец. 336

Немировский А. А. 19, 340
Нечай Ф. М. 340а
Новиков Ю. Ф. 26
Новикова Р. А. 60; (о ней) 395
Новикова Т. Ф. 241
Новицкая К. И. 307—308
Новотный Франтишек (о нем) 396
Новые фрагменты кумран. коммент. 369

Овидий Публий Назон 341
Оразов О. 194
Оранский И. М. 156
Очерки истории рим. литер. критики 342

Павлов В. В. 20, 135; рец. 134, 138
Павловская А. И. 27, 271а, 382; рец. 34
Пак М. Н. коммент. 167
Папазоглу Фанула 242
Периханян А. Г. 148
Петерс Б. Г. 383, 432—433, 434; рец. 440
Петровский Ф. А. ред. 277, 343; ред. 342; (о нем) 397
Пигулевская Н. В. 28—29; 33; (о ней) 398
Пикус Н. Н. рец. 252б, 345
Пиотровский Б. Б. 178
Плутарх 10
Поздеева И. В. 21, 243
Позднеева Л. Д. рец. 166—167
Покровская З. А. рец. 342
Полякова С. В. рец. 252
Попов А. Н. (о нем) 399
Поршнев Б. Ф. рец. 348
Пресс Л. 244
Прушакевич Т. В. сост. 4, рец. 255
Пугаченкова Г. А. 88—90, 383
Пухтинский В. К. рец. 254
Пьянков И. В. 149—151; рец. 196

Рабинович М. Б. сост. 254
Радциг С. И. 245; рец. 262, 266; (о нем) 400
Редер Д. Г. (о нем) 401
Ременников А. М. 61
Рубин В. А. рец. 165
Рубинштейн Р. 131

Савельев Ю. А. 246—247, 432—433
Салов А. И. 62
Сванидзе А. С. (о нем) 402
Свенцицкая И. С. 309—310
Светоний 12
Селецкий Б. П. 311, 330; сост. 254
Семпер Н. Е. 375; сост. 412, 421—425
Сергеенко М. Е. 312—313; рец. 357
Серкина А. А. 163
Сидорова Н. А. 435; рец. 252а
Сиркар Д. Ч. 142
Систем. указ. ВДИ 427
Слонимский М. М. 30; рец. 330, 332
Смирин В. М. рец. 32
Смирнов И. В. 434

Смотрич А. П. 272; рец. 278, 341, 408
Соболевский С. И. ред. 277, 335; (о нем) 403
Соколов В. С. пер. 3; (о нем) 404
Сокольский Н. И. 370
Соломонник Э. И. 63—65
Ставиский Б. Я. 91
Старкова К. Б. рец. 188—189
Стржелецкий С. Ф. 70
Струве В. В. 112—117; ред. 136; (о нем) 405
Стучевский И. А. 137
Суздальский Ю. П. 330

Тацит 12
Темкин Э. Н. 83
Толстов С. П. 92
Тронский И. М. 396
Трофимова М. К. 273—274, 314
Турчанинов Г. Ф. 81
Тюрин В. О. 152

Удальцова З. В. 344
Утченко С. Л. 24, 315—317; ред. 345

Федоров-Давыдов Г. А. 442
Фихман И. Ф. 318
Фонкич Б. Л. рец. 441
Формозов А. А. 436
Фрейберг Л. А. рец. 343
Фролов Э. Д. рец. 255, 256, 259
Фролова Н. А. рец. 442
Фурсова М. И. сост. 411, 427

Харко Л. П. (о нем) 406
Ходжаш С. И. рец. 135
Харсекин А. И. 319—320
Хрестоматия по истории древ. Рима 345

Цветаева Г. А. 321
Цицерон 346

Чекалова Е. И. 374
Черезов Е. В. 132, рец. 137

Шеворыкин В. В. 97, 133, 172—173
Шейнман — Топштейн С. Я 22
Шелов Д. Б. 66
Шестаков В. П. 31
Шифман И. Ш. 186—187, 205; рец. 255
Шофман А. С. 255, 347
Штаерман Е. М. 24, 322—324; 348—349; рец. 331, 353; (о ней) 407
Шталь И. В. 325
Шумерский героический эпос 7
Шургая И. Г. 67
Шуринова Р. Д. 326

Щеглов А. Н. 68
Щукий Ю. К. 165

Эламские хоз. документы 8
Эней Тактик 9
Эпос о Гильгамеше 121

Юсифов Ю. Б. 153, 175; пер. и коммент. 8

Якобсон В. А. 118—119
Ямпольский З. И. 439
Янковская Н. Б. 120, 200; рец. 98
Янщина Э. М. 164
Ярхо В. Н. 248—250; рец. 261

Addenda bibliographica 350
Altheim F. 154
Antike Münzen aus Olbia 71

Benoit P. 190
The Book of Lieh Tzu 166
Brandenstein W. 155, 156
Bothmer B. 138

Conflict between 351

Danoff Chr. 72

Frye R. N. 157

Garelli P. 98
Godelier M. 33
Goetze A. 174
Grundel R. 350

Jirku An. 201

Latte K. 353
Lotze D. 259

Hannestad K. 352
Hackl Ur. 256
Hebrew and Semetic Studies 191
Herodot 257

Martino F. 354
Masson O. 260
Merlat P. 355
Mette H. 261
Momigliano A. ed. 351
Mócsy A. 356

Page D. 262
Palmer L. 263
Paoli U. 357
Piganiol A. 358
Photius 364

Roebuck C. 264
Ruggini L. 359
Ryckmans J. 102

Schaeffer Claude 202
Sirago Vito 360
Spranger P. 361
Stiehl R. 154
Swiderek A. 278

Thomas E. 362
Thompson M. 265
Weil R. 266
Wheeler M. W. 143
Wittfogel Karl 34
Woodhead A. G. 267

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВВ — Византийский временник
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗКВ — Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН, Оон; ОЛЯ — Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук; Отделение литературы и языка
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НАА — Народы Азии и Африки
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
САИ — Свод археологических источников СССР
ТТГУ — Труды Тбилисского государственного университета
УКН — Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960
ABSA — Annual of the British School at Athens
AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung
ANLR — Accademia Nazionale dei Lincei. Rendiconti
ArOr — Archiv Orientální
ASAE — Annales du Service des antiquités de l'Égypte
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research
BCH — Bulletin de correspondance hellénique
BGU — Aegyptische Urkunden aus den Staatlichen Museen zu Berlin, Griechische Urkunden, B., 1915
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
FHG — Fragmenta Historicorum Graecorum, ed. C. Müller
FIRA — Fontes iuris Romani antiqui
IOSPE — B. Latyschev, Inscriptiones Antiquae, Graecae et Latinae, Orae Septentrionalis Ponti Euxini
JEA — Journal of Egyptian Archaeology
JHS — Journal of Hellenic Studies
JJP — Journal of Juristic Papyrology
JNES — Journal of Near Eastern Studies
JRS — Journal of Roman Studies
JQR — Jewish Quarterly Review
JSS — Journal of Semitic Studies
Maiuri, NS — A. Maiuri, Nuova Silloge Epigrafica di Rodi e Cos, Firenze, 1925
NC — La Nouvelle Clio, Brüssel
Or — Orientalia
PRU, II — Ch. Virolleaud, Le palais royal d'Ugarit, II, P., 1957
PSI — Papyri greci e latini, Pubblicazioni della Società Italiana per la ricerca dei papyri, Firenze
RAss — Revue d'assyriologie et d'archeologie orientale
RB — Revue Biblique
RdÉ — Revue d'Egyptologie
RE — Pauly's Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll
RhM — Rheinisches Museum für Philologie
RSO — Rivista degli studi orientali
RQ — Revue de Qumran
SB — F. Preisigke und F. Bilabel, Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten, I — V, Göttingen, 1915
SHA — Scriptores Historiae Augustae
SIG³ — Sylloge Inscriptionum Graecarum, ed. W. Dittenberger, 3 ed., I—IV Lpz, 1915—1924
UET, I — C. J. Gadd and L. Legrain, Ur Excavations. Texts I. Royal Inscriptions, L., 1928
UH — C. H. Gordon, Ugaritic Handbook, Roma, 1947
WUS — J. Aistleitner, Wörterbuch der ugaritischen Sprache, B., 1963
YCS — Yale Classical Studies
ZÄS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

СОДЕРЖАНИЕ

Василий Васильевич Струве 3

И. М. Дьяконов (Ленинград) — Общественные отношения в шумерском и вавилонском фольклоре 9

О. Д. Берлев (Ленинград) — Стоимость раба в Египте эпохи Среднего царства 28

М. А. Коростовцев (Москва) — Египтяне древние и современные 40

В. Ф. Гайдукевич (Ленинград) — Некоторые вопросы экономической истории Боспора 47

К. М. Колобова (Ленинград) — К вопросу о метеках эллинистического Родоса 65

И. Д. Амусин (Ленинград) — «Избранник бога» в кумранских текстах 73

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Б. Б. Пиотровский (Ленинград) — Две египетские надписи VI династии в Вади-Аллаки (Нубия) 80

Г. А. Меликишвили (Тбилиси) — Наименование города Фасиса и вопрос об этническом составе населения древней Колхиды 82

Л. М. Глускина (Ленинград) — Metalla ergasima и anasaxima в надписях афинских полетов 87

Г. А. Кошеленко (Москва) — Уникальная ваза из Мерва 92

Э. А. Сымонович (Москва) — Стеклянный кубок из Одессы 105

И. Ф. Фихман (Ленинград) — К вопросу о трех фазах в развитии египетских патроциниев 110

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М. Л. Гаспаров (Москва) — Новое издание «Хрестоматии по античной литературе» 113

Проф. *Р. Грюндель* (Берлин) — Res gestae divi Augusti herausgegeben und erklärt von Hans Volkmann, B., 1964 116

Ю. К. Колосовская (Москва) — Edit B. T h o m a s, Römische Villen in Pannonien, Budapest, 1964 118

А. Л. Кац (Ош) — W. S e y f a r t h, Soziale Fragen der Spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus, B., 1963 123

А. И. Доватур (Ленинград) — H. B. R o s e n, Eine Laut- und Formenlehre der herodotischen Sprachform, Heidelberg, 1962. 126

А. П. Каждан (Москва) — Кризис и падение Римской империи. A. H. M. J o n e s, The Later Roman Empire. 284—602, т. I—III, Oxf., 1964; R. R é m o n d o n, La crise de l'Empire Romain de Marc-Aurèle à Anastase, P., 1964 131

М. Л. Гельцер (Вильнюс) — А н н о т а ц и и 138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Б. Л. Фонкич (Москва) — О судьбе знаменитой рукописи Гомера 142

А. И. Павловская, С. Л. Утченко (Москва) — Научная жизнь сектора древней истории Института истории АН СССР за 1965 г. 145

ПРИЛОЖЕНИЕ

Исократ, Речи. Перевод под редакцией *К. М. Колобовой* (Ленинград) (*продолжение*) 153

Указатели к «Вестнику древней истории» за 1961—1965 гг. 175

CONTENTS

[Vasilii Vasilievich Struve] 3
I. M. Diakonoff (Leningrad) — Social Relations in Sumerian and Babylonian Folklore 9
O. D. Berlev (Leningrad) — The Prise of a Slave in Egypt during the Middle Kingdom 28
M. A. Korostovtsev (Moscow) — Egyptians Ancient and Modern 40
V. F. Gaidukevich (Leningrad) — Questions Relating to Bosporan Economic History 47
K. M. Kolobova (Leningrad) — Metics in Hellenistic Rhodes 65
I. D. Amusin (Leningrad) — The «Chosen of God» in the Qumran Texts 73

REPORTS AND COMMUNICATIONS

B. B. Piotrovsky (Leningrad) — Two Egyptian Inscriptions of the Sixth Dynasty in Wadi Allaki 80
G. A. Melikichvili (Tbilisi) — The Naming of Phasis and the Question of the Ethnic Composition of the Population of Ancient Colchis 82
L. M. Gluskina (Leningrad) — Metalla ergasima and anasaxima in Inscriptions of the Athenian Poletai 87
G. A. Koshelenko (Moscow) — A Unique Vase from Merv 92
E. A. Symonovich (Moscow) — A Glass Cup from Odessa 105
I. F. Fikhman (Leningrad) — On the Three Phases in the Development of the Egyptian Patrocinia 110

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

M. L. Gasparov (Moscow) — A New Edition of «Khrestomatiya po antichnoĭ literature» 113
R. Grŭndel (Berlin) — Res gestae divi Augusti, hrsg. u. erklärt v. Hans Volkmann, B., 1964 116
Yu. K. Kolosovskaya (Moscow) — Edit B. Thomas, Römische Villen in Pannonien, Budapest, 1964 118
A. L. Katz (Osh) — W. Seyfarth, Soziale Fragen der Spätrömischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus, B., 1963 123
A. I. Dovatur (Leningrad) — H. B. Rosén, Eine Laut- und Formenlehre der herodotischen Sprachform, Heidelberg, 1962 126
A. P. Každan (Moscow) — The Crisis and Fall of the Roman Empire 131
M. L. Heltzer (Vilnius) — Brief Notices 138

SCIENTIFIC JNFORMATION AND EVENTS

B. L. Fonkich (Moscow) — On the Fate of a Famous Manuscript of Homer . . . 142
A. I. Pavlovskaya, S. L. Utchenko (Moscow) — The Work of the Sector of Ancient History Institute of History USSR Academy of Sciences in 1965 145

SUPPLEMENT

The Speeches of Isocrates. Translation edited by *K. M. Kolobova* (Leningrad) (*continued*) 153

Indexes to «Vestnik drevneĭ istorii», 1961—1965 175